УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
А46

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-111-00039, не подлежит продаже

Александр Александрович Богданов / под ред. М. В. Локтионова. — М. : Политическая энциклопедия, 2021. — 448 с. : ил. — (Философия России первой половины XX века).

А46

ISBN 978-5-8243-2477-8

Настоящий том посвящен философу, революционеру и писателю Александру Александровичу Богданову (Малиновскому) (1873—1928). Его научно-теоретическое и литературное (в том числе архивное) наследие и сегодня вызывает интерес, а также острые дискуссии как в России, так и за рубежом. В книге собраны статьи современных философов, ученых и писателей, в которых идеи А. А. Богданова актуализируются, а его интеллектуальная биография представляется в контексте политического и научно-философского круга общения.

Книга адресована широкому кругу читателей — философам, историкам, литературоведам, а также всем тем, кто интересуется проблемами российской истории, науки и культуры.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2477-8

© Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2021
© Локтионов М. В., составление и общая редакция тома, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Институт философии РАН, 2021
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2021
© Политическая энциклопедия, 2021

От редакторов. Богданов – титан российского Возрождения

Говоря сегодня о таком человеке, как Александр Александрович Богданов, прежде всего зададим вопрос: почему он нам интересен? Почему он не является только лишь памятником эпохи, абстрактным человеком, который участвовал в подготовке революции, писал философские сочинения и фантастические романы? В связи с чем он актуален сейчас? И почему, самое главное, он не был столь актуален тогда?

А. А. Богданов жил и работал в исторический период, без преувеличения, переломный в политическом, социальном, культурном смыслах. Эпоха конца XIX — первых десятилетий XX века была определяющей и для последующей эволюции научного знания. Лишь один пример: на данный момент для нас привычной и даже словно бы самоочевидной является концепция смены парадигм Куна, согласно которой в одной и той же парадигме развиваться ни наука, ни общественная мысль не может. Рано или поздно парадигма исчерпывает себя, и необходимо менять нашу парадигму и переходить к новой — возможно, более широкой, а может быть, просто другой, нежели предыдущая. Эпоха рубежа веков оказалась как раз таким периодом, когда старая парадигма начала себя изживать, и Богданов был в числе тех исследователей, что внесли важнейший вклад в этот процесс.

Биография Богданова, как, пожалуй, и всякого революционера, была очень насыщенной и неоднознач-

ной. Он родился в 1873 году в Гродненской губернии, учился на физико-математическом факультете Московского университета, откуда был отчислен за революционную деятельность. После этого география жизни Богданова становится весьма разнообразной. Молодой ученый был отправлен в ссылку, закончил в Харькове медицинский институт, а затем активно участвовал в революционной деятельности, не чураясь порой и террористической активности. Такой специфический старт не помешал Богданову превратиться в серьезного, влиятельного теоретика. Более того, мало кого из марксистов того времени можно было поставить рядом с ним.

Тут следует сделать важное замечание. В целом русскую революционную мысль не следует представлять, как однонаправленное движение, некую ленинскую идею, которая привела к революции. В свое время революционное движение вполне мог бы возглавить и Богданов, обладавший многими качествами и задатками потенциального лидера: знаниями, аналитическим умом, энергией. Не было единственного, что было у Ленина, — у него отсутствовала жажда к власти, к революции любой ценой. Поэтому, говоря о взаимоотношениях Ленина и Богданова, мы должны в первую очередь понимать, что Ленин критиковал Богданова, не потому что Богданов увлекался эмпириокритицизмом, а потому что чувствовал в нем серьезного оппонента.

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где Ленин противопоставлял эмпириокритицизм диалектическому материализму, хорошо знакома всякому человеку, некогда учившемуся в советском вузе. Богданов же, наоборот, пытался не противопоставить, а срастить материализм и учение Маха, причем вывести его за границы физики, в том числе в поле общественной деятельности. Эти попытки имели не только теоретический характер, но и практические последствия: популярность Богданова и его окружения была весьма и весьма высока, как и его объяснений многих процессов с помощью именно эмпириокритицизма.

При этом следует уточнить, что в трактовке Богданова эмпириокритицизм назывался эмпириомонизмом: делался четкий акцент на холистическом восприятии реальности, на том, что и физическая природа, и социальная действительность не могут быть редуцированы к каким-то отдельным частям и должны быть представлены во всем своем многообразии. Эта гипотеза

была уже достаточно сложна для ленинского подхода, что и послужило первому конфликту Ленина и Богданова.

Последней каплей в назревавшем конфликте стало следующее обстоятельство: Богданов вместе с рядом своих коллег организовал внутри русского марксизма то, что получило название богостроительства. Он пытался интегрировать идеи марксизма и религии, основываясь на некоем предполагаемом сходстве социалистического и христианского мировоззрений. Его приверженцы не «искали» Бога как некую существующую надмирную сущность, а стремились «построить» Бога из мощи коллектива.

Таким образом, можно сделать вывод, что поиски Бога, строительство Бога Богдановым и его соратниками заключались не в преобразовании религии, а в том, чтобы, по сути, религиозными методами, самой идеей веры можно было бы пользоваться для изучения тех или иных феноменов как физической, так и интеллектуальной жизни. Богостроительство в качестве идеи привлекло немало выдающихся деятелей того времени: к этому же течению принадлежали Анатолий Луначарский, Максим Горький и Владимир Александрович Базаров, которого очень активно критиковал Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм». Это было последней каплей, такого «кощунства» Ленин терпеть не мог.

Сегодня уже можно утверждать: «Материализм и эмпириокритицизм» не пережил свое время. А вот судьба эмпириокритицизма оказалась более счастливой: он по-прежнему интересен историкам науки, философам науки; тем, кто занимается интерпретацией тех или иных сложных теорий. Достаточно сказать, что квантовая механика — это одна теория, но существует несколько ее интерпретаций, самая известная из которых — так называемая копенгагенская интерпретация, предложенная Нильсом Бором, тоже испытавшим сильное влияние эмпириокритицизма...

Мало кто знает, что у Богданова в 1910 году вышла статья «Вера и наука». Это был ответ на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. В ней он достаточно просто и достаточно логично разбирал ошибки этой работы и объяснял, почему он считает, что эмпириокритицизм никак не противоречит материализму и не перетягивает на сторону идеализма ни естествознание, ни общественные науки. Тем не менее клеймо эмпириокритициста, клеймо эмпириомониста на Богданове осталось навсегда.

Богостроительство, впрочем, не осталось лишь кабинетным теоретизированием. Богостроители в свое время попытались организовать свою школу, даже свой тип революционного движения. При поддержке Горького они на острове Капри создали фракционную школу для рабочих. Ленин называл ее «Литераторский центр богостроительства» в основном из-за того, что делалось это большей частью на деньги Горького. Поначалу Ленин достаточно благосклонно относился к новому центру, во всяком случае, бывал в этой школе, что подтверждают известные фотографии, снятые на острове Капри, где Владимир Ильич Ленин играет с Александром Александровичем Богдановым в шахматы. Правда, число людей на этих фотографиях изменялось в зависимости от эпохи...

Ленин пробыл достаточно долгое время на Капри, даже пытался работать в этой школе, но затем, прервав всякие отношения с Богдановым, уехал оттуда и создал свою школу на основе того, что увидел на острове Капри. Интересно, что именно у Богданова Ленин заимствовал идею, как следует организовывать школы для рабочих, хотя никогда в этом не признавался.

Каприйская школа еще некоторое время существовала и работала, но закончилось это предприятие достаточно грустно, хотя с учетом всех обстоятельств и предсказуемо — Ленин настоял на необходимости исключения Богданова и всех богостроителей и отзовистов из Центрального комитета и Центрального органа РСДРП. Более того, фактически участия в работе партии Богданов с 1909 года не принимал. Так закончилось соревнование за людские умы между Лениным и Богдановым.

Мог ли победить в этом противостоянии Богданов? Вопрос сложный. С одной стороны, конечно, идеи Богданова были более широкими, интересными и более практически применимыми в различных областях, чем идеи Ленина. Но в Богданове не было настойчивого желания во что бы то ни стало реализовать их. Поэтому в каком-то смысле, во всяком случае, с точки зрения политической логики победа идеологии Ленина здесь была совершенно заслуженной.

Несмотря на неуспех с каприйской школой, богостроители и махисты продолжили совместную деятельность, у них были и другие интересные проекты: так, еще в 1909 году они создали группу «Вперед». Формально она имела статус литературной организации, но на самом деле являлась философско-идеологическим образованием, которое активно и во многом оказало влияние на то, что мы называем пролетарской культурой.

И более того, создание Пролеткульта практически целиком принадлежит тоже Богданову. В настоящий момент на этой деятельности в каком-то смысле базируются идеи христианского социализма, и на этом же основывается так называемый трансгуманизм — понятие, которое активно эксплуатируется современной наукой.

Некоторое время спустя, особенно во время Первой мировой войны, Богданов начал постепенно отходить от эмпириомонизма и эмпириокритицизма как такового. Это происходило, не потому что он разочаровался именно в этом направлении. Скорее, это было разочарование в философии вообще. Богданов начал понимать, что философия, во всяком случае, в том виде, в каком она существовала тогда, сильно оторвана от жизни, применение философии в науке или общественной деятельности практически невозможно, а значит, нужно идти в таком направлении и искать то, что можно было бы применять на практике и создать теорию, на основе которой были бы возможны описания различных физических и социальных процессов.

Эта идея Богданова являлась новаторской. В ту эпоху науки были практически полностью разведены по своим предметным областям: физики не занимались химией, химики не занимались физикой, социологи не знали лингвистики. Мультидисциплинарные исследования как таковые в то время фактически отсутствовали, хотя сегодня это практически мейнстрим научного знания или, по крайней мере, не является чем-то из ряда вон выходящим. Но потребность в подобных междисциплинарных методах уже была. Необходим был некий аппарат, по крайней мере, методологический, который позволял бы исследовать весь комплекс существующего научного знания целиком, без его разложения на части. И первый шаг к этому сделал именно Богданов.

В 1910-е годы Богданов пишет первый, затем второй и третий том своей так называемой «Всеобщей организационной науки». Он пытался выяснить, что есть общего в различных науках и почему для исследователя изучение объекта в целом может быть гораздо более ценным, чем попытка его расчленить и редуцировать. Именно Богданов первым сформулировал понятие системы как некой общности, которая в целом является чем-то большим, чем простая сумма своих частей.

Это был интересный и новаторский подход. С помощью богдановской тектологии можно было попытаться, используя организационный подход, описать практически любую науку, на-

чиная с физики, даже с математики, и заканчивая общественными науками. С общественными науками, конечно, сложнее: если физику мы можем свести к формулам и проверить выполнение тех или иных равенств или неравенств эмпирически и сделать на основе этого выводы, то в общественных науках эти формулы, модели, алгоритмы имеют все же относительный, а не абсолютный характер. Богданов не мог не отдавать себе в этом отчет. И все же его главная идея на тот момент заключалась в том, чтобы создать некоторую «Теорию всего», которая, однако же, была бы не отвлеченной, а применимой на практике, работоспособной.

Характерно, что подобные поиски велись в науке первой трети XX века не только Богдановым, в некотором смысле это была общая тенденция. Эйнштейн, а потом и его многочисленные последователи занимались общей теорией поля, некоторые ученые — теорией дальнодействия, т. е. взаимодействия без привлечения понятия поля. Были попытки распространить теорию поля на общественные науки, примером чего является «Теория поля в общественных науках» Курта Левина. Таким образом, то, что сделал Богданов в своей работе, оказалось вполне актуальным.

Работа «Тектология. Всеобщая организационная наука» была опубликована в Германии в 1913 году, второе издание вышло тоже в Берлине. Третий том был опубликован уже после смерти Богданова.

Насколько влиятельными оказались идеи, изложенные Богдановым в «Тектологии»? На этот вопрос сложно ответить однозначно. В этом отношении недооцененность Богданова, пожалуй, особенно бросается в глаза.

Один из самых авторитетных математиков XX века, создатель кибернетики Норберт Винер говорил о том, что он знаком с тектологией, что многие ее идеи натолкнули его на то понимание кибернетики, к которому он пришел. Рассуждения Уильяма Росса Эшби, кибернетика и психолога, в особенности его идея гомеостазиса, тоже в некотором смысле повторяли мысли Богданова. Идеи тектологии предвосхищают также и теорию аутопоэзиса, созданную Умберто Матураной и Франсиско Варелой, так как идея саморазвития была одной из важнейших в богдановской концепции. И нечто драматическое есть в том, что признанный создатель общей теории систем Людвиг фон Берталанфи в своих работах на Богданова не ссылался никогда, но, как удалось выяснить историку науки А. Л. Тахтаджяну,

с идеями Богданова был знаком. В переписке в Тахтаджяном Берталанфи признался, что он знал, кто такой Богданов, и читал его работы. Сейчас уже сложно игнорировать тот факт, что у Берталанфи наблюдаются косвенные заимствования из работ Богданова. И в общем сама теория систем с точки зрения ее основных постулатов в большей мере основана именно на идеях Богданова.

Можно предположить, что А. А. Богданов просто опередил свое время, пополнив плеяду блестящих ученых-новаторов, не признанных при жизни. Пожалуй, произведения Богданова действительно появились чересчур рано и именно поэтому не оказали вообще практически никакого влияния на развитие общего холистического подхода, т. е. на развитие кибернетики, общей теории систем, синергетики, которую он тоже в некотором смысле предвосхитил своей тектологией.

Богданов — человек невероятно одаренный и разносторонний. Он был неплохим литератором: его перу принадлежит два фантастических романа — «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Также он переводил западную фантастику на русский язык. Последние годы жизни Богданова отмечены его достижениями в очередной ипостаси — в качестве естествоиспытателя. В 1926—1928 годах Богданов заведовал Институтом переливания крови.

Возвращаясь к биографическим подробностям жизни ученого, стоит уточнить, что ситуация на тот момент действительно была очень сложная: буквально стоял вопрос, что делать с Богдановым, который не собирался ни эмигрировать, ни идти «в ногу» с другими товарищами, хотя и не было сомнений в том, что советскую власть он принял полностью и безоговорочно. Его старые заслуги забыть было невозможно: с Базаровым и Скворцовым-Степановым они переводили «Капитал» Маркса и создавали первые книги по политэкономии. Ни посадить, ни расстрелять Богданова тоже было невозможно, запретить ему высказываться и чем-либо заниматься и вовсе опасно, так как такой человек, отовсюду изгнанный, готов был высказывать идеи, идущие вразрез с генеральной линией партии. А испугать Богданова этой партии было решительно нечем.

Решение было принято компромиссное, а как выяснилось позже — роковое: ему была доверена разработка идеи переливания крови, не самое важное дело в стране в то время, но и не последнее по значению. Но тут надо оговориться, что эта манипуляция, рутинная в контексте современного состояния меди-

цины, тогда, почти сто лет назад, воспринималась совершенно иначе. Переливание крови в науке того времени считалось взаимным обменом: например, человек пожилой, но заслуженный, и студент, пока ничего собою для науки не представляющий, занимались таким обменом, имея в виду соображения не столько здоровья, сколько состояния ума и духа.

Сегодня, конечно, все эти рассуждения выглядят чистым шарлатанством. Чем закончились бы эти эксперименты, неизвестно. Скорее всего, ничем. Понял бы это вовремя Богданов или нет, мы не знаем. Но именно он и пал жертвой очередного подобного эксперимента, обменявшись кровью со студентом, больным туберкулезом. Это переливание крови стало для Богданова последним: после переливания крови студента он почувствовал себя плохо и через несколько дней умер. Студент же не только выжил, но более того — излечился от туберкулеза. В чем тут причина можно лишь гадать.

О причинах смерти Богданова спорят до сих пор. Версии высказываются разные: от банального резус-конфликта до замаскированного под научный эксперимент преднамеренного убийства неугодного деятеля. Предполагалось даже хитро спланированное самоубийство. Версии остаются версиями: никаких расследований не проводилось, Богданов был кремирован. Одним из лучших некрологов для него стала статья его многолетнего коллеги и единомышленника Базарова «Богданов как мыслитель». Так окончилась жизнь этого выдающегося человека.

Было ли у него какое-то еще будущее в Советском Союзе или нет, сказать наверняка невозможно. Например, упомянутый Базаров, который на тот момент являлся одним из руководителей Госплана, в 1930 году был арестован и отправлен в лагеря на пять лет, отбыл срок до конца, в 1939 году умер своей смертью и не в ссылке, а в Москве. Так что однозначно записывать Богданова в потенциальные жертвы репрессий не стоит, но все же максимально вероятно, что в сталинской системе будущего у него не было бы. Тем более что, по сути, самое главное в своей жизни Богданов к тому времени уже сделал — он создал тектологию.

Тектология была «переоткрыта» в 1960-е годы, и сегодня она хотя и не столь популярна, как кибернетика или теория систем, развивавшиеся в несравнимо более благоприятных научных и общественных условиях, но все же имя и достижения Богданова не забыты. На Западе, а в последние годы в России

проходят конгрессы, посвященные тектологии, издаются книги, посвященные Богданову и его идеям, в Екатеринбурге существует Международный институт Александра Богданова. Он не забыт. Богданов принадлежал к той же плеяде, что и деятели культуры Серебряного века, как и они, он деятель науки, культуры, образования, методологии, носитель революционных идей в науке и обществе. Он был титаном, подобно титанам Возрождения, поэтому его вклад неоценим и до сих пор важен для нас сегодняшних.

М. В. Локтионов,
В. Л. Шарова

Е. В. Матонин

«Марсианская драма». Звезда и смерть Александра Богданова

Среди тех, кто стоял у истоков создания партии, которая пришла к власти в России в октябре 1917 года, он был одним из самых необычных и даже эксцентричных людей. И при этом крупнейшей по своим масштабам и способностям личностью, в чем мог соперничать с самим Лениным, не говоря уже о других лидерах большевиков. И соперничал, причем не только в «ментальном», но и в буквальном смысле — вел с Ильичом жесткую борьбу за власть, одно время считался в партии фактически вторым человеком. При этом до конца жизни разрабатывал собственный вариант «светлого коммунистического завтра».

Сначала Александр Богданов изобразил в фантастических романах «прекрасный новый мир» на Марсе. А затем, уже при советской власти, попробовал на практике создать ячейку подлинного и буквально «кровного братства». Богданов проводил рискованные медицинские эксперименты на самом себе и во время одного из них погиб, не успев осознать, что стал основоположником целого направления в советской медицине.

В общем, это странная и парадоксальная биография: увлечение социализмом и политикой, экономикой и футурологией, борьба с Лениным и организация «Пролеткульта», раскрытие секретов крови и бес-

смертия вампиров, поиски рецепта омоложения. И все для того, чтобы доказать: общество настоящей и всеобщей справедливости возможно. Богданов старался распространять идеи, которые казались фантастическими и непонятными. Как будто он действительно привез их откуда-то очень далеко. Может быть, даже с Марса, своей любимой «Красной звезды».

«Великий визирь» большевиков

Александр Богданов (Малиновский) родился 10(22) августа в 1873 году в небольшом городке Соколка Гродненской губернии (сейчас это город в Польше). Его настоящая фамилия Малиновский, а Богданов — один из конспиративных псевдонимов. Их у него было много — Вернер, Воробей, Сысойка, Максимов, Рахметов, Рядовой и т. д., но в истории он остался именно Богдановым. Это, впрочем, обычное дело в революционных кругах того времени. Ленин, Троцкий, Сталин, Мартов, Каменев — можно продолжать и продолжать — это все псевдонимы.

Отец Богданова Александр Малиновский-старший служил народным учителем, потом — уже в Туле, куда переехала их семья, стал инспектором в городском училище. Мать, как писал сам Богданов, «происходила из русской мелкошляхтенской, а в сущности просто мещанской семьи Западного края». В их семье родилось десять детей. Четверо умерли в детстве, выжили три брата и три сестры. Сестра Анна станет первой женой Анатолия Луначарского, будущего наркома просвещения СССР.

Богданов учился в Тульской гимназии. Закончил ее с золотой медалью и в 1892 году поступил на естественное отделение Московского университета.

Но жизнь московского студента продолжалась не так уж и долго. Как и многие студенты тех лет, он увлекся народническими идеями, за что, собственно, вскоре и «вылетел» из университета. Одна из версий причин этого исключения состоит в том, что тогда студенты высмеяли профессора университета и знаменитого российского историка Василия Ключевского за то, что он в ноябре 1894 года выступил с хвалебной речью о «в Бозе почившем» императоре Александре III. Как бы там ни было, но Богданова выслали на два года в Тулу.

В Туле его заметил рабочий оружейного завода Иван Савельев — он как раз подыскивал пропагандиста. Как указывал сам Богданов, в 1896 году он перешел от народничества к марксизму. Он написал свою первую большую работу «Краткий курс

экономической науки». В 1897 году книга (по словам автора, «изувеченная цензурой») вышла в свет, подписанная псевдонимом «А. Богданов». Под этим именем он стал известен в социал-демократических кругах.

В 1895 году Богданов поступил на медицинский факультет Императорского Харьковского университета (в столицах дорога к продолжению высшего образования была для него закрыта, после исключения он оказался в «черном списке»). Осенью 1899 года он получил диплом врача-психиатра. В этом же году в его жизни произошло еще одно важное событие — он женился. Его избранница Наталья Корсак, дочь помещика, стала фельдшером и акушеркой. Наталья была на восемь лет старше, но эта разница в возрасте им не мешала.

1899 год — это вообще важная веха в биографии Богданова: диплом, женитьба и новый арест. На этот раз его «взяли за пропаганду». Полгода Богданов просидел в тюрьме, затем его выслали в Калугу, а потом на три года в Вологду.

Богданов приехал в Вологду в конце 1901 года. Там он около полугода работал врачом в психиатрической больнице, много занимался самообразованием. Он не курил (в среде революционеров это было редкостью), не пил и вел очень упорядоченный образ жизни. Восемь часов в сутки обязательно работал, не меньше времени — читал, мог прочитать до 100 страниц в час. Еще о Богданове вспоминали, что он мог в уме быстро умножать многозначные числа и извлекать из них квадратные корни.

Постепенно в Вологде собрался такой состав ссыльных, что ее, шутя, начали называть северными Афинами: философ Николай Бердяев, Анатолий Луначарский, писатель Михаил Ремизов, знаменитый эсер-боевик, в будущем писатель, поэт и один из главных врагов советской власти Борис Савинков, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в который входил и молодой Ленин, впоследствии известный пушкинист Павел Щеголев и многие другие. Ничего удивительного, что при таком «ссыльном контингенте» в Вологде кипела бурная духовная жизнь.

Пока Богданов находился в ссылках, в русской социал-демократии происходили поистине исторические события. В 1898 году девять делегатов от различных кружков провели в Минске первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии. В 1903 году на II съезде РСДРП в Брюсселе и Лондоне партия разделилась на «большевиков» и «меньше-

виков». Богданов в своей автобиографии написал, что он «осенью 1903 года примкнул к большевикам».

В начале 1904 года закончилась его ссылка в Вологде. Вскоре Богданов вместе с женой уехал из России в Швейцарию. В Женеве он познакомился с Лениным. Тот уже слышал о нем, читал его работы и, как вспоминал сам Богданов, «горячо приветствовал» его «Краткий курс экономической науки».

В 4-м номере журнала «Мир Божий» за 1898 год появился его отклик на богдановский «Краткий курс»: Ленин назвал его «замечательным явлением в нашей экономической литературе» и хвалил книгу за «полную выдержанность направления от первой до последней страницы книги». Подразумевалось, естественно, марксистское направление.

Понравилась Ленину и вторая книга Богданова «Основные элементы исторического воззрения на природу», вышедшая в 1899 году. Он даже думал, что под псевдонимом «Богданов» скрывается сам Георгий Плеханов — один из основоположников русской социал-демократии.

При непосредственном знакомстве они подарили друг другу свои очередные работы. Богданов Ленину — первую часть своего главного философского труда «Эмпириомонизм», которая была напечатана в том же, 1904 году (вторая часть появится в 1906 году). В этой работе Богданов пытался обосновать новую теорию познания мира в эпоху научных открытий и «разрушения всяческих фетишей». По Богданову, философские представления о материи и сознании уже устарели, а представление об окружающем мире человечество получает в результате коллективного опыта.

Ленин, подаривший Богданова свою брошюру «Шаг вперед — два шага назад», тогда еще «Эмпириомонизма» не читал. А вот Плеханов, другие марксисты уже успели довольно жестко покритиковать его за отступление от марксистской философии и за «философский идеализм». Позже именно 1904 год Богданов назовет началом его «отлучения от марксизма». Ленин, прочитав «Эмпириомонизм», сказал Богданову, что считает правильными взгляды Плеханова, а не его. Но пока их разногласия оставались чисто теоретическими. Да и появление Богданова в эмиграции стало серьезным подкреплением для большевиков.

После раскола партии на большевиков и меньшевиков в 1903 году Ленин фактически вышел из ее руководства (формально он еще оставался членом ЦК) и из редакции «Ис-

кры» — центрального партийного органа. Его положение было сложным. Самые известные русские марксисты и теоретики социал-демократии остались на другой стороне. Ленин пытался начать создание новой революционной партии и новой партийной газеты, но у него не было ни средств, ни достаточного числа соответствующих «кадров».

И вот тут-то появился Богданов. Он активно включился в работу. Вместе с ним в дискуссиях, докладах и собраниях принимала участие и его жена. Эти мероприятия часто заканчивались скандалами, а иногда и драками. Однажды большевики и меньшевики самым натуральным образом подрались из-за мест в президиуме собрания, при этом на жене Богданова порвали одежду.

Вскоре на совещании 22 большевиков в Женеве был создан первый большевистский руководящий орган — Бюро комитетов большинства (БКБ). Он стал своего рода противовесом избранному на II съезде партии ЦК РСДРП, который занимал примиренческую позицию в отношениях между большевиками и меньшевиками. Помимо Ленина и Богданова, в БКБ вошли и другие люди, которые оставили тот или иной след в истории: Алексей Рыков (будущий преемник Ленина на посту Совнаркома и будущий «правый уклонист»), Максим Литвинов (будущий глава Наркомата иностранных дел и советский посол в Лондоне), Розалия Землячка (ставшая потом известной своей жестокостью во время Гражданской войны и первой женщиной, награжденной орденом Красного Знамени в 1921 году). Для Богданова это был первый важный шаг в партийной карьере.

«Линия Богданова господствовала...»

Осенью 1904 года Богданов вернулся в Россию. В стране уже «попахивало» предстоящей революцией. Русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 года, шла для России неудачно и, несмотря на правительственную пропаганду, вызывала все большее недовольство среди населения. В июле 1904 года боевик-эсер Егор Созонов убил министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Отмечалось брожение на заводах.

В это время Богданов, как он сам отмечал, «с декабря работал в Петербурге, в Б.К.Б. и Петербургском комитете». Тогда же, в декабре 1904 года, большевики приняли решение об издании органа «комитетов большинства» — газеты «Вперед». В числе редакторов газеты были Ленин, Луначарский, Вацлав

Воровский, Михаил Ольминский. Любопытно, что в советское время долго не упоминался тот факт, что и Богданов тоже был активным участником издания этого органа. Более того, благодаря связям Богданова с Максимом Горьким большевики получили от писателя деньги, которые были использованы для выпуска «Вперед».

На III съезде РСДРП, проведенном большевиками в Лондоне, Богданов являлся одним главных докладчиков. На первом заседании было избрано бюро Президиума съезда: председатель — Ленин, Богданов — один из вице-председателей. На фотографии делегатов съезда, сделанной тогда же, в 1905 году (она похожа на современные фотографии, которые вручают школьникам при окончании школы), Богданова поместили в самом центре, рядом с Лениным и Красиным. Его избрали и в первый ЦК большевиков.

Съезд утвердил и новый центральный орган партии — газету «Пролетарий».

В это время Богданов, безусловно, мог считаться «человеком номер 2» в партии большевиков. Известный советский и партийный историк Михаил Покровский писал о нем: «А. А. Богданов — это был великий визирь этой большевистской державы».

В октябре 1905 года, после царского Манифеста о даровании подданным прав и свобод, в Петербурге начала издаваться и первая в истории большевистская легальная газета «Новая жизнь». Ее издателем считалась гражданская жена Горького Мария Андреева, главным редактором — поэт Николай Минский. Газета была довольно странной. В отделе литературы преобладали поэты-символисты, а в других отделах — большевики. Участвовали в ее работе Константин Бальмонт, Тэффи.

«Новая жизнь» издавалась в основном на средства Горького и частично на деньги, полученные еще от «миллионщика» Саввы Морозова. Очевидно, что решение дать средства на газету он тоже принял не без участия Богданова.

Восьмого ноября Ленин нелегально возвратился в Петербург. Он активно сотрудничал в «Новой жизни», выступал перед фракцией большевиков в Петербургском Совете рабочих депутатов. Богданов в это время тесно контактировал с Лениным и не только как редактор «Новой жизни». Вместе с Красиным он руководил Боевой технической группой большевиков, которая осуществляла подготовку к вооруженному восстанию. Он был представителем ЦК партии в Совете рабочих депутатов. Однако их совместная с Лениным работа в России тогда прод-

лилась недолго — Богданов оказался в тюрьме. Это произошло 3 декабря 1905 года. «Взяли» не только его одного, а сразу 267 депутатов Совета — прямо на заседании. Причиной ареста стал «Финансовый манифест», опубликованный от имени Совета, партий социал-демократов, эсеров, польских социалистов и крестьянского союза. В нем граждан призывали отказаться от уплаты государству «взносов выкупных и всех других казенных платежей», а при всех сделках требовать «уплаты золотом, при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой» и «брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом».

Эти призывы к фактическому «финансовому бойкоту» правительство игнорировать уже не могло. Было принято решение взять всех депутатов «скопом».

Богданов vs Ленин

Богданов больше четырех месяцев просидел в известной питерской тюрьме «Кресты».

В тюрьме Богданов написал новую версию «Краткого курса экономической науки» и третью часть «Эмпириомонизма». «Обе рукописи были нелегально переданы мною жене благодаря попустительству жандармского офицера на свиданиях. Обе книги вышли в свет к концу 1906 года», — вспоминал он.

Когда Богданов еще был в тюрьме, 10—23 апреля 1906 года в Стокгольме состоялся IV съезд РСДРП, на котором большевики формально снова объединились с меньшевиками. В одной партии они будут состоять до 1912 года, но Ленин писал, что большевики никогда не прекращали идейной борьбы с меньшевиками «как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами». На этом съезде Богданова избрали членом ЦК.

Его выпустили из тюрьмы 5—6 мая 1906 года под залог в 1000 рублей. Большие деньги по тем временам. Прямых улик против него не нашлось, и он отделался сравнительно легко. Ему предложили выбор — или уехать «под гласный надзор» к себе на родину, или за границу. Он уехал за границу. Правда, вскоре нелегально вернулся.

Вместе с женой они обосновались в Финляндии. Хотя Финляндия и входила в состав Российской империи, но порядки здесь были свободнее, чем в «метрополии», да и русская сыскная полиция действовала не так активно.

В России усиливались преследования революционеров. Многие из них тоже перебирались в Финляндию. В конце лета 1906 года туда переехали и Ленин с Крупской. Они поселились вблизи станции Куоккала, на даче «Ваза» (или «Вааса»). Крупская вспоминала: «Дверь дачи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром очень часто в столовой мы заставали приехавших ночью товарищей».

Здесь побывали Леонид Красин, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Лев Троцкий, Мария Ульянова и Роза Люксембург. В июне 1907 года знаменитый террорист-революционер Камо привозил в Куоккалу из Тифлиса деньги, полученные в результате «эксов».

13(26) июня 1907 года во время вооруженного налета на карету казначейства группой под руководством Камо было похищено более 240 тысяч рублей. Часть этих денег (218 тысяч) Камо привез в Финляндию, чтобы передать их «Частной финансовой группе» большевиков — Ленину, Богданову и Красину.

Ленину выделили комнату, а затем они с Крупской и ее матерью заняли весь первый этаж. А наверху жили Богданов с женой и большевик Иосиф Дубровинский (он же «Иннокентий»)*.

Иногда Ленин и Богданов с женами и другими своими товарищами садились играть в карты — «в дурачки». «Расчетливо играл Богданов, расчетливо и с азартом играл Ильич... Иногда приезжал в это время кто-нибудь с поручением, какой-нибудь районщик, смущался и недоумевал: цекисты с азартом играют в дураки», — вспоминала Крупская.

Осенью — зимой 1907 года и Ленин, и Богданов перебрались в Женеву. Там и началось их сражение.

13 февраля 1908 года «тройка» большевиков — Ленин, Богданов и «Иннокентий» — приступили к изданию в Женеве «Пролетария». Но вскоре в редакции органа большевистской фракции начались трения, прежде всего по вопросу об участии в выборах в Государственную думу. Ленин выступал за то, чтобы принять в них участие, за сочетание как легального, так и нелегального способов работы. По некоторым данным, он

---

* *Дубровинский Иосиф Федорович* (1877—1913), социал-демократ с 1896 года. В 1907 году избран членом ЦК РСДРП. Будучи в ссылке в Туруханском крае, утонул в Енисее. — *Примеч. ред.*

сам был готов выдвигаться кандидатом в депутаты под псевдонимом «Карпов», но до этого дело так и не дошло.

Однако многие большевики выступали против участия в выборах и вообще легальной работы. «Бойкотисты» требовали бойкотировать Думу, «отзовисты» — отозвать из нее и других легальных организаций своих представителей (в 3-й Думе в разное время заседали от 13 до 19 социал-демократов, среди них от 4 до 6 большевиков). «Ультиматисты» настаивали на том, чтобы сначала объявить ультиматум фракции эсдеков в Думе чтобы, как писала Крупская, «она с думской трибуны выступала так, чтобы ее вышибли из Думы», а при его невыполнении — отозвать ее из парламента. «Бойкотистов», а потом и «ультиматистов» возглавлял Богданов. Он оказался «левее» Ильича.

Богданов считал, что в «Пролетарии» «бойкотистская точка зрения не находила... никакого выражения». Дело дошло до того, что в знак протеста он вышел из редколлегии, но в «расширенном» составе редакции остался.

И именно в разгар этих споров между ними началась «война» и на философском фронте.

«Формальное объявление войны»

Философские поиски Богданова вызвали неудовольствие Ленина, что неудивительно, ведь он покусился на основу философии материализма и диалектического материализма как части марксизма — на понятие материи. Для «чистого» марксиста-материалиста является аксиомой существование материи независимо от человеческого или какого-либо еще сознания.

Богданов же считал, что философия, разделяющая «материю» и «дух», устарела. По его мнению, окружающий нас мир существует лишь в коллективном (общественном) сознании человечества, «коллективном опыте», который выступает в качестве «творца природы». Он доказывал, что если человечество, изменяя мир, способно к теоретическому исследованию и практическому воспроизводству любого вида материи, то нет никакой необходимости в концепции материи, которая стоит над научным познанием.

К этим выводам Богданова подтолкнула научная революция начала XX века, когда вдруг выяснилось, что атомы не являются «конечными» элементами, а состоят из элементарных частиц, когда были открыты радиоактивность, движение материков, новые звезды и галактики и т. д.

В определенной степени он опирался на работы австрийского физика Эрнста Маха (тот считал, что все явления, в том числе и сам мир, являются «комплексами ощущений», и задача науки — лишь описывать эти «ощущения») или немецкого философа Рихарда Авенариуса (он основал учение под названием «эмпириокритицизм», согласно которому не существует реальности вне и независимо от сознания). Поэтому Ленин не случайно называл Богданова «махистом».

Богданов не просто разрабатывал свою философскую концепцию, он еще предлагал соединить эмпириомонизм с марксизмом, заменив в нем философию материализма, а для Ленина это было святотатство вдвойне.

В начале 1908 года вышел в свет сборник «Очерки по философии марксизма» со статьями Богданова и близких к нему философов — Владимира Базарова, Анатолия Луначарского, Павла Юшкевича и др. Ленин назвал «Очерки» «формальным объявлением войны». Максим Горький, который жил тогда на итальянском острове Капри, звал Богданова и Ленина в гости, чтобы помирить их. Ленин сначала отказывался. Однако в апреле 1908 года он все-таки приехал на Капри.

От той поездки остались широко известные фотографии, на которых Ленин и Богданов в окружении Горького, Базарова и других играют в шахматы. По словам Горького, Ленин проигрывал и, «проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски». Зато в спорах с Богдановым он был настроен «спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно»: «Шопенгауэр говорит: “Кто ясно мыслит — ясно излагает”, я думаю, что лучше этого он ничего не сказал, — говорил он. — Вы, товарищ Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша “подстановка” и почему махизм — революционнее марксизма?

Богданов пробовал объяснять, но он говорил действительно неясно и многословно.

— Бросьте, — советовал Владимир Ильич. — Кто-то, кажется — Жорес, сказал: “Лучше говорить правду, чем быть министром”, я бы прибавил: и махистом».

Весной 1909 года вышла книга Ленина (под псевдонимом В. Ильин) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Ленин жестко раскритиковал эмпириокритицизм. По его словам, это не более чем «учено-философская тарабарщина» и «профессорская

галиматья». Он назвал попытки согласовать их теории с марксизмом «шарлатанством», «тупостью», «фальсификацией марксизма». Ильич не стеснялся в формулировках.

Богданов ответил Ленину через несколько месяцев статьей «Вера и наука». Тоже жесткой и тоже с «переходом на личности». Ленин, по словам Богданова, стремится дать своему читателю «истину абсолютную, вечную». Для него марксизм — это религия и религия «авторитарная». Выводы Богданова о Ленине-философе были весьма нелицеприятными: «Внешний вид глубочайшей учености — и не менее глубокое невежество на самом деле.

Постоянные обвинения противников в “неприличии”, в “литературном наездничестве”, — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов.

Обозначение всех оппонентов как “философских реакционеров”, и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия “новшествам”.

Резкий, антирелигиозный тон, приписыванье враждебной стороне стремлений к “поповщине”, — и глубоко религиозное мышление, с культом “абсолютного”».

Такого Ленин, конечно, забыть не мог.

«Скатертью дорога, любезные!»

Ленин сообщал Горькому, что когда читал философские статьи Богданова и его сторонников, то «с каждой статьей прямо бесновался от негодования». Нет сомнений: марксизм для него действительно был чем-то вроде «священной коровы», и из-за несогласия по принципиальным вопросам он вполне мог порвать и личные отношения.

В феврале между «ленинцами» и «богдановцами» вспыхнул новый скандал — они обвиняли друг друга в присвоении партийных средств, использовании их в агитации и клевете.

Речь шла о тех деньгах, которые были захвачены в результате «экса» в Тифлисе. И Ленин, и Богданов стремились к тому, чтобы держать под контролем расходы. Богданов и его сторонники считали, что Ленин захватил в распоряжение своей группы «огромные денежные средства» всей большевистской фракции и на эти средства вел работу по укреплению положения своих сторонников во фракции большевиков.

Они оба были довольно вспыльчивыми, самолюбивыми и амбициозными людьми и уступать друг другу не собирались. Однажды между ними дело чуть не дошло до рукоприкладства.

В июне 1909 года представители двух фракций встретились в парижском кафе. Для конспирации участники встречи делали вид, что играют в бильярд. В разгар спора, когда Ленин сказал что-то оскорбительное в его адрес, Богданов не сдержался, схватил кий и бросился на Ильича. Впрочем, другим партийцам удалось предотвратить драку и буквально скрутить руки руководителям конкурирующих фракций. У Богданова отобрали кий, а Ленина заставили принести извинения.

Именно июнь 1909 года был апогеем борьбы между двумя фракциями в большевизме. 22 июня на совещании расширенной редакции «Пролетария» в Париже Богданов обвинил ленинцев в «предательстве большевизма» и «переходе на позиции меньшевизма». Однако при голосовании он остался в меньшинстве.

Что в это время о своих соперниках думал Ленин, хорошо видно по его частным письмам. В одном из них (сентябрь 1909 года) он отмечает, что пишет статью, где третирует «прямо как *каналий* эту банду сволочей Максимова <псевдоним Богданова. — *Е. М.*> и К°». Он также называл Богданова и его сторонников «шайкой авантюристов» и призывал: «*Полный разрыв* и война *сильнее чем с меньшевиками*». А статью «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», опубликованную в «Пролетарии» 11 сентября 1909 года, Ленин закончил словами: «Скатертью дорога, любезные!»

Эти события Богданов и его сторонники посчитали «государственным переворотом в партии». В декабре 1909 года они собрались на Капри, где образовали партийную группу «Вперед». Она призвала к «реконструкции большевизма», так как Ленин и его последовали, по мнению «впередовцев», все сильнее дрейфовали в сторону меньшевизма.

Состав группы был весьма авторитетным. Достаточно просто назвать некоторых ее активистов: Анатолий Луначарский, Максим Горький, Вячеслав Менжинский (будущий глава ОГПУ), Григорий Алексинский (будущий враг как Богданова, так и Ленина, опубликовавший в июле 1917 года сведения, «разоблачавшие» последнего как «германского агента»), Дмитрий Мануильский (будущий член руководства Советской Украины и видный работник Коминтерна), Михаил Покровский (будущий известный партийный историк) и др. Группа приняла платформу «Современное положение и задачи партии». На Капри, а затем в Болонье члены группы открывают школы для партийных активистов.

В январе 1910 года в Париже состоялся пленум ЦК РСДРП, в котором совместно участвовали большевики и меньшевики (как оказалось, в последний раз). Формальное решение о единстве было принято, в соответствии с ним закрывались фракционные газеты и прекращали работу органы управления большевиков и меньшевиков.

Группа «Вперед» выпустила обращение «К товарищам большевикам!», в котором оценила эти события как сдачу большевиками всех позиций. Она выступила за «перестройку большевистской фракции на новых основаниях». Сам Богданов, кстати, на январском пленуме был устранен из ЦК. Ленин же настаивал, чтобы участников группы «Вперед» вообще исключили из партии.

Но вскоре и саму группу начали раздирать разногласия. Горький почти перестал в ней участвовать. Богданов и Луначарский все больше склонялись к необходимости «культурной работы», Алексинский и Менжинский выступали за боевые операции.

Из 16 человек, подписавших платформу, в 1911 году остались, как писал Богданов, «3 плюс 2 кооптированных». «Весной 1911, когда группа “Вперед” стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел из политики», — отметит он в 1925 году в «Автобиографии».

Как писал Богданов, для него на первый план вышла огромная «важность революционно-культурной работы», и он решил посвятить ей себя. «Когда настанет момент, когда будут люди средства, я употреблю все усилия к организации “Союза социалистической культуры”, который, как я полагаю, не будет партийной фракцией и не будет конкурировать с собственно политическими организациями... — заявлял он. — А пока — я буду вести литературную и пропагандистскую подготовку этого дела... Она возьмет все мои свободные силы, и без того подорванные несколькими годами вынужденного участия в бессмысленных склоках...» Это, по существу, было признанием своего поражения в борьбе с Лениным и его сторонниками. Однако Богданов не бежал с поля, а отступил, ведя упорные «арьергардные бои». И даже в таком сложном положении он не собирался складывать оружия.

Что же касается «литературной и пропагандистской подготовки», то в этой области он был уже далеко не новичком.

«Красная звезда» и упыри

Еще в 1908 году в Петербурге вышел роман Богданова под многозначительным названием «Красная звезда». Его действие происходило на Марсе.

Марс тогда был «модной планетой». Одна за другой появлялись книги, авторы которых описывали предполагаемую марсианскую жизнь. Так что утопия Богданова оказалась очень даже кстати. Богдановские марсиане умели летать и тайно посещали Землю.

По сюжету книги главный герой, «старый работник партии» по имени Леонид, знакомится с одним из партийных связных, приехавших «с юга», но оказавшимся на самом деле марсианином. Этот-то марсианин и предложил потрясенному Леониду совершить путешествие на Марс. Они отправились в полет на межпланетном корабле — этеронефе.

На «красной звезде» давно уже построен коммунизм, основанный на коллективизме и товариществе. Марсиане победили почти все болезни, живут долго, причем настолько долго, что некоторые предпочитают «уходить» самостоятельно, «когда чувство жизни слабеет и притупляется»*.

Ну а почему же марсиане долго живут? Оказывается, потому что они регулярно обновляют кровь. И не просто обновляют. «Мы, — говорят они, — идем дальше и устраиваем обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни...» Узнает Леонид и еще об одной важной особенности этих марсианских обменов кровью — в них участвуют молодые и пожилые люди.

«Молодой человек не стареет от крови пожилого: то, что в ней есть слабого, старческого, быстро преодолевается молодым организмом — объясняют марсиане, — но в то же время из нее усваивается многое такое, чего не хватает этому организму; энергия и гибкость его жизненных отправлений тоже возрастают». И, наконец, обмен кровью носит не только медицинский, но и философский смысл. Благодаря ему, коммунистический Марс — это общество подлинного кровного братства, «не только в идейном. Но и в физиологическом существовании».

---

* Фактически А. А. Богданов упоминал о процедуре эвтаназии, о которой сегодня идет так много споров.

Откуда у Богданова появилась такая странная идея о «кровном братстве»? Сам он нигде не упоминает о том, как именно он заинтересовался проблемами крови. Но мы можем предположить. В конце XIX – начале XX века это вообще была «модная тема». Характерно, что тогда пользовался огромной популярностью роман английского писателя Брэма Стокера «Дракула», вышедший в 1897 году, о «короле вампиров», который кусал своих жертв и делал их своими слугами. Образы вампиров и упырей всю оставшуюся жизнь будут «преследовать» Богданова, то и дело появляясь в его работах.

«Кровь совсем особый сок», – говорил Мефистофель Фаусту и был совершенно прав. Она не просто течет в наших венах, кровеносная система – это настоящая «дорога жизни», которая переносит огромное количество химических элементов, гормонов, необходимых для поддержания жизненной силы. Народные мифы и сказания о вампирах, которые «через кровь» смогли подчинять себе укушенных ими людей, в начале прошлого века весьма интересовали ученых и оккультистов. Выдвигались предположения, что, может быть, именно она является носителем информации о личности человека? Высасывая у жертвы кровь, вампир как бы «похищает» его личность, продлевает свою жизнь, а «укушенный» делается безвольным и подчиненным существом.

Кстати, первым темы крови, вампиров и Марса объединил вовсе не Богданов, а Герберт Уэллс. В его романе «Война миров» злобные спруты-марсиане, пытавшиеся завоевать Землю, организуют планомерный процесс высасывания крови из захваченных людей для укрепления своих организмов. «Красная звезда» Богданова была как бы позитивной альтернативой произведения Уэллса: богдановские марсиане выглядели почти как люди, значительно превосходили их в морали и нравственности (об отношениях марсиан между собой у Уэллса мы ничего не знаем), у «чужих» кровь не похищали, а использовали ее совсем другим способом.

По сути, в утопии Богданова странным образом трансформировались и старинные сказания о вампирах, и модные в начале прошлого века теории о крови как особом носителе информации о личности человека. Только в его романе марсиане не подчиняют с ее помощью себе подобных, а развивают личности соотечественников до более высокого уровня и укрепляют их здоровье. Так что действительно в «Красной звезде» «кровь есть особый сок», одна из основ «марсианского коммунизма».

«Ленин — вампир»

Либеральная критика встретила роман иронически. «Не марксистское дело сочинять проекты социалистического строя», — отмечал журнал «Русское богатство», так как фантазии о будущем «принципиально отрицаются правоверным марксизмом».

Ленин на появление «Красной звезды», наоборот, никак публично не отреагировал. Но, думается, книга оставила его равнодушным. Он был человеком практического ума, всякие «марсианские фантазии» считал бесполезным для «дела революции», хотя сам предлагал Богданову другую тему для утопии. Горький в очерке «В. И. Ленин» вспоминал, что на Капри, «беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!»

Впрочем, летом 1908 года он все же ехидно отозвался о «Красной звезде». «Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowells — “Марс и его каналы”, — писал он своей матери из Женевы. — Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в $^2/_3$ раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя *или шестью* ногами. Н... да, наш автор нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно*, должно быть по рецепту: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...»* Надо, впрочем, отметить, что «науч-

---

* Интересно, что в своих книгах о Марсе Лоуэлл ничего не писал о внешнем виде марсиан. Вероятно, Ленин смешал в письме саму книгу Лоуэлла и «фельетон» Герберта Уэллса «Существа, живущие на Марсе», напечатанный в апреле 1908 года. Уэллс писал: «Насколько, однако же, эти разумные существа похожи на нас?.. Я думаю, однако же, что они должны быть в 2 $^2/_3$ раза крупнее нас, хотя это не значит, что они во столько же раз должны быть выше или толще, так как надо принять во внимание меньшую плотность органических тканей на Марсе. Весьма вероятно, что они покрыты шерстью или перьями... Нашему воображению трудно представить себе, чтобы вместо рук у марсиан были какие-нибудь хоботы, вроде слоновых,

ный» труд выдающегося астронома Персиваля Лоуэлла тоже, как мы сегодня знаем, весьма далек от истины.

В отличие от Ленина, многие из революционеров встретили роман с большим интересом. Некоторые даже с «трепетом и восторгом», как отмечал потом Бухарин. Горький писал: «И нравится, и нет, но — вещь умная». Оценил роман и Луначарский, который, однако, отметил, что от «разумности» марсианского устройство «веет холодком».

Как считают многие исследователи его творчества, в 1912 году Богданов закончил, первые две части главного труда своей жизни «Тектологии» или «Всеобщей организационной науки». В этой работе он пытался сформулировать универсальные принципы организации, присущие и живой, и неживой природе. Долгое время в СССР эта работа находилась в спецхранах, последний раз полностью (в трех частях) ее издали в 1927—1929 годах, а потом только в 1989-м, уже в разгар перестройки. Теперь тектологии посвящено множество исследований и трудов, на связанные с ней темы проводятся научные конференции, и она получила признание как первая научная концепция, представившая в целом основные идеи кибернетики и теории систем.

Богдановская «тектология», как и его философия, — это отдельная большая тема. Для нас же интересно, что первые «тектологические раскаты» прозвучали еще раньше, в новом романе Богданова о событиях на Марсе «Инженер Мэнни», который вышел в Москве в 1912 году. В этой марсианской утопии рассказывается о том, что предшествовало коммунизму на «Красной звезде». Это история зарождения коммунистического движения «в эпоху строительства Великих каналов» на красной планете — в XVII веке по земному календарю. Сам Богданов, впрочем, называл эту книгу «картиной столкновения пролетарской и буржуазной культуры».

Главный герой, «великий инженер» Мэнни, руководит работами по прокладке марсианских каналов. В приступе возмущения он убивает своего помощника-интригана и добровольно приговаривает себя к заключению в тюрьме, откуда попрежнему дает указания по строительству.

или щупальца, но у природы воображение богаче нашего, она никогда не повторяется, и легко может быть, что она снабдила марсиан такими органами, о которых мы и понятия иметь не можем».

Между тем на Марсе возникает рабочее движение, которое возглавляет сын Мэнни Нэтти. Он открывает принципы «универсальных организационных методов», в результате чего возникает всеобщая наука, которая охватывает весь организационный опыт человечества. Руководствуясь принципами этой науки, марсианский пролетариат совершает революцию. Мэнни, представитель старой «буржуазной индивидуалистической культуры», не желая становиться на пути своего сына-коллективиста и идущих за ним пролетариев, кончает жизнь самоубийством. Таким образом, роман становится как бы прологом к «Тектологии», выведшей в свет в 1913 году.

Роман «Инженер Мэнни» встретили гораздо более сдержанно, чем «Красную звезду». Критики отмечали его сухость и схематичность. Но есть в романе большой кусок на «любимую» тему Богданова — о тайнах крови и вампирах. Еще раньше Богданов начал разрабатывать весьма любопытную концепцию «социального вампиризма».

В июле 1910 года Богданов написал для либеральной газеты «Киевская мысль» серию очерков, названия которых говорят сами за себя: «Упыри», «Великий упырь нашего времени». Богданов указывал, что упыри бывают не только в преданиях. Нет, некоторые исторические личности тоже вполне походят под это определение. Но гораздо опаснее этих «персональных упырей» «упыри безличные» — исторические и социальные явления и идеи, которые на определенном этапе носили прогрессивный характер, а потом вдруг начинали «загораживать дорогу более глубоким истинам».

Вот, например, учение Маркса, «насквозь проникнутое духом критики», которое теперь «в глазах его некоторых сторонников становится абсолютной истиной, вечно-обязательной традицией», превращается в «священное писание», а сам образ Маркса «у этих бессознательных рабов прошлого шаг за шагом обожествляется». «Так исполняется старое предание: из кого упырь высосет кровь, тот сам станет упырем, — писал Богданов. — В ком авторитет вытравил дух инициативы и творчества, тот сам становится слугою отжившего принципа, в какие бы прогрессивные идеи не верил на словах».

Похожая мысль звучит у Богданова и в статье «Вера и наука». Любая идеология, по его словам, может превратиться из прогрессивной в «мертвеца, который хватает живого», и тогда «ее разрушение необходимо для социального развития». Поэтому и марксизм должен был отвергнуть «абсолютное значение

за какой бы то ни было системой идей, в том числе и за своей собственной». «Но старый мир не мог примириться с тем, что в его среде зародилось и живет учение... — писал Богданов. — После долгой, безуспешной борьбы, старый мир прибегнул к последнему средству: он сотворил вампира по внешнему образу и подобию своего врага, и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку — “абсолютный марксизм”.

Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под его оболочкой и иногда достигает своей цели: превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли».

В романе «Инженер Мэнни» эту концепцию объясняет рабочий вожак Нэтти:

«— Представьте себе человека — работника в какой бы то ни было области труда и мысли. Он живет для себя, как физиологический организм; он живет для общества, как деятель. Его энергия входит в общий поток жизни и усиливает его, помогает побеждать то, что ей враждебно в мире... Он увеличивает сумму жизни, он в ней плюс, положительная величина. Бывает, что до самого конца, до физической смерти он и остается таким плюсом... Однако так случается редко. Гораздо чаще человек, который слишком долго живет, рано или поздно переживает сам себя. Наступает момент, когда он начинает брать у жизни больше, чем дает ей, когда он своим существованием уже уменьшает ее величину... Он не только паразит жизни, он ее активный ненавистник... Это — не человек, потому что существо человеческое, социально-творческое, уже умерло в нем; это — труп такого существа. Вреден и обыкновенный, физиологический труп: его надо удалять или уничтожать, иначе он заражает воздух и приносит болезни. Но вампир, живой мертвец, много вреднее и опаснее, если при жизни он был сильным человеком <...>

Большей частью превращение обнаруживается гораздо позже, когда принесенный вред уже очевиден, когда вампир успел много выпить крови... Иногда я думал: вот, я встречаю разных людей, живу с ними, верю им, даже люблю их; а всегда ли я знаю, *кто они* в действительности? Может быть, именно в эту минуту человек, который дружески беседует со мною, невидимо для меня и для себя переходит роковую границу...»

Вскоре, почти как в старинных сказаниях, к Мэнни явился призрак Вампира, который сообщил ему, что и он вскоре станет

«паразитом жизни». Мэнни решает не отдавать ему «последних капель живой крови» и кончает жизнь самоубийством, не успев превратиться в «упыря» окончательно.

Ленину этот роман категорически не понравился. Да и как он мог ему понравиться? Какая-то непонятная «всеобщая организационная наука», которой должен овладеть пролетариат, а не марксизм, законы классовой борьбы и др. И к тому же Ленин наверняка знал, что и его Богданов считает «слугой Вампира».

А Богданов так действительно считал. По его теории, к Ленину уже «присосался» слуга «Великого Вампира» «абсолютный марксизм» и превратил его в «упыря», который стал врагом всего нового и прогрессивного.

«Сей махист безнадежен...»

Конфликты и расколы не прошли для Богданова даром. Он был еще молод — 40 лет ему исполнится только в 1913 году, а у него уже появились первые проблемы со здоровьем. Несколько раз с Богдановым случались довольно-таки тяжелые сердечные приступы. Возможно, причина этого была еще и в том, что он не любил выносить свои неприятности наружу, обсуждать их с кем-нибудь еще, а все переживал внутри себя, «один на один».

К этим «неприятностям» добавился и «семейный кризис». В Париже Богданов сблизился с революционеркой-эмигранткой Анфусой Смирновой. 12 июля 1909 году у них родился мальчик, которого назвали Сашей. Долгое время сын Богданова жил отдельно от отца. В 1915 году Анфуса Смирнова умерла от туберкулеза. Это произошло уже в России. Они с сыном вернулись из эмиграции буквально перед самым началом Первой мировой войны. После ее смерти Сашу воспитывала подруга его матери Лидия Павлова. Судя по сохранившимся письмам, Саша Малиновский не бывал у отца и его жены до того, как ему исполнилось 13 лет. Но сам Богданов постоянно помогал ему и интересовался тем, как у него идут дела.

Связь Богданова с Анфусой Смирновой не привела к разрыву его отношений с Натальей Корсак. Но, разумеется, выяснений отношений вряд ли удалось избежать. По слухам, однажды Богданов с женой обсуждали даже возможность совместного самоубийства. Но посчитали, что не имеют права бросить только что родившегося ребенка и его тяжелобольную мать.

После поражения «левых» во главе с Богдановым Ленин фактически остался единственным лидером большевиков.

В январе 1912 года ленинцы созвали партийную конференцию в Праге. Все остальные группы отказались в ней принимать участие. Несмотря на это, конференция объявила себя VI Всероссийской конференцией РСДРП, решения которой обязательны для всех членов партии. На конференции был избран большевистский ЦК, в который вошли Владимир Ленин, Григорий Зиновьев, Серго Орджоникидзе, Иосиф Сталин, Роман Малиновский (будущий депутат Государственной думы, являвшийся, как потом выяснилось, с 1910 года секретным агентом полиции). Именно с этого времени можно говорить, что у большевиков появилась своя партия. 22 апреля 1912 года в Петербурге вышел первый номер газеты «Правда». Формально она не считалась органом большевиков, а была легальной «ежедневной рабочей газетой». Так что сотрудничали в ней сначала не только «твердые ленинцы». Литературный отдел газеты в 1912—1914 годах, например, возглавлял Горький. С ноября 1912 года в ней начал публиковаться и Богданов.

Ленин внимательно читал его статьи и часто резко критиковал их. Была бы его воля, он бы вообще запретил Богданову доступ к «Правде». И, надо сказать, всячески старался сделать это. В феврале 1913 года Ленин писал Горькому: «Нет, с ним каши не сваришь! Прочел его “Инженера Мэнни”. Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редактора в “Правде” не поняли. Нет, сей махист безнадежен...»

В феврале 1914 года в газете «Путь Правды» появилась статья Ленина «Об А. Богданове», в которой он объяснял, почему Богданова перестали печатать «в рабочих газетах и журналах». «Потому, что А. Богданов не марксист», — отвечал он, а объяснения, связанные с «личными отношениями, злокозненностью отдельных лиц» — это все «сплошные пустяки, недостойные ни разбора, ни объяснения».

«А. Богданов создал в своих книгах известную социально-философскую систему и... против этой системы, как немарксистской и противомарксистской, высказались все марксисты без различия фракций... — писал Ленин. — Вот в чем суть дела, своекорыстно затемняемая намеками на личные отношения». А все попытки свести дело на «личности», по словам Ленина, нужно отбросить «как грязный сор».

Но этот стиль «чистого идейного противоборства» Ленину удалось выдерживать не всегда. «Богданов — ничтожество, ко-

торому смешно уделять много внимания», —написал он в редакцию журнала «Просвещение» в те же самые дни, когда публиковалась его статья «Об А. Богданове». Все-таки ему, конечно, не могло понравиться, что автор «Красной звезды» отводил ему место в строю «упырей» и «бессознательных рабов» Маркса.

«Нечто вроде... ребяческого коммунизма»

История с «Правдой» была, по-видимому, решающим событием, которое заставило Богданова отойти от «чистой политики» и партийной работы, хотя формально из РСДРП он не выходил.

В книге «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914 гг.)» Богданов особо подчеркивал авторитарность мышления Ленина. «Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду самый способ мышления», — отмечал он. Богданов писал о «слепой, наивной вере» Ленина «в авторитеты», которой, по его мнению, был пронизан «Материализм и эмпириокритицизм», и о его «недопустимых» приемах в полемике.

Вскоре началась Первая мировая война. Она еще больше развела их с Лениным. Ленин оставался в эмиграции, где выдвинул свой знаменитый лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». А Богданов эту позицию не принял: в гражданской войне он видел угрозу «расточения лучших сил народа», а шансы на совершение мировой социалистической революции считал весьма сомнительными.

Еще в октябре 1913 года Богданов вернулся в Россию, потому что по случаю 300-летия царствования династии Романовых император Николай II объявил амнистию. Она имела довольно ограниченный характер, но разрешала возвращаться политическим эмигрантам, которые покинули страну до 1 января 1909 года. Богданов как раз попадал в эту категорию.

«Вернувшись в Россию, в 1914 году был послан на фронт в качестве врача», — писал он в своей автобиографии. Служил Богданов полковым врачом, участвовал в боевых действиях. До 1915 года, когда он вернулся с фронта, о нем не было никаких известий. То, что он увидел на войне, стало серьезным испытанием для его психики. Наверняка сказались и напряжение, и переживания предыдущих лет. В общем, домой Богданов вер-

нулся с тяжелым расстройством нервной системы и три месяца был вынужден лечиться в клинике.

После выхода из клиники Богданов служил младшим ординатором 153-го эвакуационного госпиталя, который располагался в Москве на Покровке, и получал не очень большое жалованье — чуть больше 167 рублей, при этом давал деньги на воспитание сына и помогал родителям.

За то, что он вывел из-под огня колонну раненых, его представляли к награде за храбрость, но сверху последовал отказ. Там, видимо, помнили его «революционные заслуги».

На войне Богданов своими глазами видел, как от потери крови умирают раненые солдаты. И был потрясен тем, что русская медицина не могла им помочь. Именно во время Первой мировой войны начало широко применяться переливание крови, и Богданов об этом знал. Вероятно, именно тогда к его философско-мистическим исканиям в сфере «тайн крови» прибавился и чисто практический аспект, он понял, что переливания необходимы не только для «омоложения» организма или создания «физиологического братства». Необходимо иметь хорошо организованную службу переливания крови для помощи больным и раненым во время военных действий или чрезвычайных ситуаций. Богданов считал, что эта задача имеет важнейшее государственное значение.

Богданов приветствовал Февральскую революцию 1917 года. Между февралем и октябрем он был близок по взглядам к группе меньшевиков-интернационалистов, которые выступали против войны, коалиции с буржуазными партиями, а также против власти Советов и курса на социалистическую революцию, который провозгласил Ленин. Богданов в эту группу не входил (ее наиболее известным представителем был Юлий Мартов), но активно печатался в популярной тогда газете «Новая жизнь».

В апреле Ленин триумфально вернулся из Швейцарии в Петроград в знаменитом «пломбированном вагоне». Он выступил с «Апрельскими тезисами», в которых провозгласил курс на социалистическую революцию. Они вызвали бурную полемику среди социалистов вообще (Плеханов назвал речь Ленина «бредовой») и среди большевиков в частности. Против позиции Ленина выступали такие видные лидеры партии, как Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Александр Шляпников, считавшие, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Острая дискуссия большевиков продолжалась до конца апреля, когда на VII Всероссийской (Апрельской) кон-

ференции РСДРП(б) позиция Ленина все-таки была одобрена большинством голосов.

Не признавать в Ленине выдающихся качеств политика Богданов, конечно, не мог. Но с объявленным Лениным курсом он категорически не согласился. Возражал Богданов и против формы нового государства, которое по Ленину должно сложиться в переходный период от буржуазного строя к социализму. Он внимательно наблюдал за дискуссией большевиков. Его беспокоило, что в партии возникает авторитаризм. А ведь раньше большевизм отличала именно «враждебность к авторитетам», отмечал он.

«В дни своего первого расцвета в 1904—7 годах большевизм был ярко демократичен не только по своей программе, но и по настроению, господствовавшему внутри организации, — писал Богданов в мае 1917 года в газете “Новая жизнь”. — Нельзя сказать, чтобы лидерства совсем не было: но оно было поставлено в такие рамки, что если бы тогда кто-нибудь сказал: “линию большевизма определяет Имярек”, — то это бы не потребовало даже особого опровержения. Ленин был опытный и влиятельный политик организации, но никому не приходило в голову, что надо ждать его мнения, чтобы составить свое».

Ленин тем временем выпустил брошюру «Письма о тактике». В ней он указал, что такой формой новой государственности могут стать Советы, «Республика Советов... по всей стране, снизу доверху». «Я, — писал Ленин, — с исключающей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества».

Двадцать седьмого июня 1917 года Богданов ответил Ленину статьей «Государство-коммуна», опубликованной в «Известиях Московского Совета». В ней он раскритиковал ленинский план «Республики Советов», назвав его «несовместимым с научным пониманием государства и классовых отношений, а «советскую систему» — «гораздо менее совершенной, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодной». Советы, писал Богданов, хороши для революции, но как постоянные государственные учреждения они вскоре покажут свою слабость. Богданов предрекал, что в них начнутся споры и столкновения между рабочими и крестьяна-

ми. Крестьяне, считал он, не захотят слишком долго жить в условиях «революционной ситуации». Получив землю и средства для «поправления» хозяйства, они потребуют «успокоения», а в крайнем случае — совершат его сами. А в условиях «государства-коммуны» такое «успокоение» могло быть только кровавым.

По Богданову, преобразования в России должны были проводиться демократическим парламентом — Учредительным собранием. До социалистической революции пройдут еще «годы и годы», считал он.

Возражал Богданов и против ленинского утверждения о том, что «плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего». «Если комиссар-министр, выполняя работу, которая изнуряет мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200—300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? — недоумевал он. — Получается нечто вроде донаучного, ребяческого коммунизма: “Всем поровну”... Хороша, между прочим, и “сменяемость в любое время” выборных чиновников. Сидит в районе большинство, скажем, большевиков — и все должности заняты большевиками. Перетянули меньшевики несколько сот голосов, получили перевес — и всех большевиков долой; хорошо ли, плохо ли делали дело — не важно, “сменяемы в любое время”. Что, кроме господства голой демагогии, может получиться из такой сменяемости?»

Формально тактически Богданов ошибся: «Республика Советов» возникла в России уже через полгода и просуществовала более 70 лет. Но по существу он был прав. «Власти нового типа» в СССР так и не возникло. Де-факто Советы очень быстро оказались нежизнеспособны и большую часть своего существования играли декоративную роль при диктатуре верхушки партии коммунистов.

«Логика казармы»

События 25 октября 1917 года в Петрограде поставили перед Богдановым вопрос — с кем идти дальше? Он был не из легких.

В самом деле, к власти пришла партия, у истоков которой находился он сам, в которой до сих пор состояли многие из его друзей и которая — и это самое главное — декларировала своей целью достижение социализма и коммунизма. Но какого социализма? Каким путем к нему теперь идти и какими способами

создавать? В этом Богданов снова не сошелся взглядами с Лениным и его единомышленниками.

Сильные колебания были, например, у его друзей — Красина и Луначарского. Но они все же остались «во власти» до конца жизни.

С Богдановым было иначе. «Революция застала меня в Москве; там я сначала писал политически-пропагандистские статьи; в одной из них в январе 1918 года поставил диагноз военного коммунизма», — отмечал Богданов в своей автобиографии. Но сначала вернувший «во власть» Луначарский предложил ему работать в Наркомпросе. Богданов отказался. В письме к Луначарскому от 19 ноября (2 декабря) 1917 года он изложил свои взгляды на то, что произошло в России. В этом письме он, наверное, одним из самых первых употребил выражение «военный коммунизм». «Корень всему — война, — писал Богданов. — Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие *военного коммунизма*. Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления *применительно к нему*, нормировка сбыта, производства... Атмосфера военного коммунизма породила *максимализм*...»

По Богданову, если раньше партия большевиков была пролетарской, то «революция под знаком военщины» исказила ее природу: она стала «рабоче-солдатской», а объективно — просто солдатской. «Логика казармы, — продолжал он, — в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть, тогда все можем... с соответственной точки зрения решаются все программные и тактические вопросы».

«Ваши отношения ко всем другим социалистам: вы все время только рвали мосты между ними и собой, делали невозможными всякие разговоры и соглашения, — писал он, — ваш политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью, ваши редакции помещают стихи о выдавливании кишок у буржуазии...

Ваша безудержная демагогия — необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение — необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата...

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, то с рабочим социализмом объективно порвал... он идет по пути военно-потребительского коммунизма... Он отдал свою веру солдатским штыкам, — и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело...

Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняет грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты... Я же останусь при этом другом деле, как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых.

Демагогически-военная диктатура принципиально неустойчива: "сидеть на штыках" нельзя. Рабоче-солдатская партия должна распасться, едва ли мирно. Тогда новой рабочей партии — или тому, что от нее оставят солдатские пули и штыки, — потребуется *своя* идеология, *свои* идеологи (прежние, если и уцелеют, не будут годиться, пройдя школу демагогии-диктатуры). Для этого будущего я и работаю».

Социализм по-богдановски

Как же сам Богданов представлял будущий социализм? Стоит признать, что ярче всего (и понятнее для «широких народных масс») он изобразил его как раз в своих марсианских утопиях. В научных работах Богданова контуры будущего справедливого общества описываются туманно, с помощью сложного языка и громоздких определений.

Богданов развивал свои взгляды на социализм во многих работах, в том числе в «Тектологии», брошюре «Вопросы социализма» (1918), статьях «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», «Новые прообразы коллективистического строя». «Социализм, — писал он, — есть мировое товарищеское сотрудничество людей, не разъединенных частной собственностью, конкуренцией, эксплуатацией, классовой борьбой, властвующих над природой, сознательно и планомерно творящих свои взаимные отношения и свое царство идей, свою организацию жизни и опыта».

Богданов считал, что будущее общество должно быть «коллективистским», но не «коммунистическим». Разницу он объяснял на примере «рабочего коллектива» и «коммуны рабочих», первый «вызывает идею объединенного труда, второй — объединенного домашнего хозяйства, общего помещения,

общего стола». То есть «коллективизм» — это объединение в труде независимых, самостоятельных личностей, не утративших собственного «Я», а напротив, развивающих свою индивидуальность в общении с другими.

Социализм же, по Богданову, есть «научно-организованное общество». Одной из ключевых концепций его «Тектологии» является «закон наименьшего» — идея о том, что стабильность системы определяется стабильностью ее самого слабого звена. Богданов любил приводить такой простой пример: эскадра кораблей всегда вынуждена идти со скоростью самого тихоходного из них. Следовательно, и все «звенья» социалистического общества должны быть развиты одинаково.

При социализме, считал Богданов, невиданное до сих пор развитие должна получить наука и техника. Автоматы, например, заменят человека в примитивных видах работы и позволят ему заниматься только творческим трудом. Он предвидел (и очень точно!) необыкновенное развитие в будущем связи, транспорта и использования ядерной энергии. Правда, предупреждал Богданов, эта энергия «откроет доступ к такой разрушительной силе, способной уничтожить все живое на Земле, что человечеству придется держать ее под коллективным контролем» (опять угадал!).

Богданов четко оговаривал, что не изображает «абсолютный» идеал социализма. «Было бы... наивно и ненаучно — писал он, — считать это решение окончательным, последним. Коллективистское общество — тоже высокодифференцированная система и между его частями или разными сторонами жизни должны возникать новые расхождения. Какие именно — мы этого сейчас научно предусматривать еще не можем, можем только сказать, что не сословно-правовые и не экономически-классовые, так как эти исключены нынешними решениями. Для новых задач найдутся и новые методы...»

Вряд ли подобные картины «светлого будущего» могли вызывать неприятие у большевиков. С чем тут не соглашаться? Главное противоречие между ними было в другом. Если, по Ленину, первым шагом к социализму должен был стать захват политической власти, то, по Богданову, переход к нему возможен только после того, как произойдет «огромная культурная революция в пролетариате». «Это, — отмечал Богданов, — его внутренняя социалистическая революция, которая необходимо должна предшествовать внешней социалистической революции общества».

Было между ними еще одно серьезное расхождение по вопросу о том, когда будет построен социализм? Большевикам во главе с Лениным, исходившим из конкретных условий 1917—1918 годов, казалось, что это может произойти в самое ближайшее время — вот сейчас начнется социалистическая революция в Европе, будет создана Всемирная Республика Советов, и передовые западные рабочие помогут России строить вместе со всем миром социализм.

Богданов в «мировой революции» сильно сомневался. Но, он считал, если даже она и произойдет, то не стоит говорить о «социализме завтрашнего дня». А когда же? Неизвестно. «Из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь. Но каждый шаг этого пути есть уже завоеванная частица самого царства свободы», — писал он.

Для Ленина это была явно «меньшевистская» постановка вопроса.

«Мы во власти мятежного, страстного хмеля»

Вооруженный захват власти, первые акты Гражданской войны и террора, разгон Учредительного собрания в январе 1918 года — все это Богданов принять не мог. Трудность его положения была очевидной. Он «чужой среди своих». Как писал потом Богданов, он «поневоле ушел в келью Социалистической академии».

Социалистическая академия была создана 25 июня 1918 года, и Богданов был избран ее членом, вошел в ее Президиум. Он преподавал еще политэкономию в Московском университете. Новые власти ему в этом не препятствовали.

Основным же полем деятельности Богданова в эти годы стала добровольная организация «Пролетарская культура» или «Пролеткульт». По существу, Богданов и был ее главным идеологом. Самое распространенное воспоминание о ней, — это, конечно, стихи «пролетарского поэта» Владимира Кириллова* «Мы»:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,

---

* *Кириллов Владимир Тимофеевич* (1890—1937), поэт, представитель «пролетарской поэзии». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

«Пролеткультовцы» остались в истории символом этаких «радикальных леваков», «хунвейбинов» в культуре, призывавших, как писали в советское время, «строить пролетарскую культуру в отрыве от культурного прошлого». Но все было гораздо сложнее.

Богданов разрабатывал свою теорию «пролетарской культуры» начиная еще со времени революции 1905 года. Читая сегодня его работы, можно только удивляться, так как очень глубокие мысли (например, о том, что без коренного изменения сознания пролетариата и его «окультурования», социализм практически невозможен) в них соседствуют с довольно странными и, пожалуй, даже примитивными. Скажем, о том, «искусство ради искусства» — это идеал эксплуататоров-буржуа.

По Богданову, пролетариат не должен смотреть на культуру как на «источник тонких духовных наслаждений». Это, по его мнению, «барский взгляд». До сих пор, писал Богданов, никто не смог толком «раскрыть организующую силу искусства». Он говорит о культуре, как о системе, которая «управляет социальной практикой», не просто отражает действительность, но воспитывает, дает «строй мыслей» и направляет волю. В качестве примера он приводил «оживляющее» воздействие военной музыки на солдат.

Другими словами, «новая пролетарская культура» должна, во-первых, «перестроить сознание» пролетариата, а во-вторых, организовать его на борьбу за социализм. Однако очевидно, что для их выполнения потребуется ни один год. «Но “пока солнышко взойдет”, перед нами все же только зародыши искусства пролетарского и огромная художественная культура старых классов, — писал Богданов в 1914 году в статье “Возможно ли пролетарское искусство?” — Как же быть-то? Воспитываться на том, что есть? Конечно, да... Но учиться надо *сознательно,* не забывая, с кем, и с чем мы имеем дело: *не подчиняться, а овладевать*... Взять у них можно и следует много, очень много, но не продать им за это незаметно для себя свою классовую душу».

В 1918 году в статье «О художественном наследстве» он еще раз выразил эту же мысль: «Две грандиозные задачи стоят перед рабочим классом в сфере искусства. Первая — самостоятельное творчество: сознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной

сфере. Вторая — получение наследства: овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в них духу буржуазного и феодального общества». То есть, ни о каком отрицании старой культуры Богданов не говорил.

Первые конференции пролетарских культурно-просветительских организаций прошли осенью 1917 года, еще до прихода большевиков к власти. Был избран ЦК во главе с Луначарским. 28 ноября 1917 года Исполнительное бюро ЦК приняло решением «именовать Центральный комитет сокращенно: ПРОЛЕТКУЛЬТ».

Хотя это была автономная организация, она напрямую зависела от государства. Ее курировал Наркомат просвещения, который выделял ей финансирование, здания, типографии, имущество. 15—20 сентября 1918 года была созвана I Всероссийская конференция Пролеткульта. На ней выбрали Всероссийский совет, в президиум которого вошли Богданов, Лебедев-Полянский* и др. Почетным председателем Совета стал Луначарский (потом его сменил Лебедев-Полянский).

Организация стремительно росла. К 1919 году в ней участвовало почти 400 тысяч человек. По стране была развернута сеть различных кружков — от занимавшихся ликвидацией неграмотности до шахматных и хоровых. Пролеткульт издавал более 20 газет и журналов, выпускал книги, ставил спектакли и организовывал народные праздники. 7 ноября 1920 года в Петрограде прошла, например, грандиозная инсценировка «Взятие Зимнего дворца». В ней участвовали более 8 тысяч человек.

В годы «военного коммунизма» Пролеткульт давал возможность элементарно выжить и многим деятелям «старой» культуры, с ним сотрудничали Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Владислав Ходасевич, Николай Гумилев, Корней Чуковский и др.

В смысле просвещения, привлечения огромных масс народа к культуре и начала «окультуривания» пролетариата, о котором писал Богданов, заслуги Пролеткульта, конечно же, были велики.

---

* *Лебедев-Полянский Павел Иванович* (настоящая фамилия Лебедев) (1882—1948), член РСДРП с 1902 года, академик Академии наук СССР (с 1946 года). В 1918—1921 годах главный редактор издательства «Пролетарская культура». В 1921—1930 годах начальник Главлита. — *Примеч. ред.*

В Пролеткульте было, конечно, немало «радикалов», выступавших за полный отказ от прошлого культурного наследия. «Умеренные», к которым относились Богданов и Луначарский, тоже считали, что существует чуждая для пролетариата культура. В статье «Критика пролетарского искусства», напечатанной осенью 1918 года, Богданов критиковал «крестьянских поэтов Клюева, Есенина и других». «Все это как нельзя более чуждо сознанию социалистического пролетариата», — делал он вывод. «Печально видеть, — писал Богданов — поэта-пролетария, который ищет лучших художественных форм и думает найти их у какого-нибудь кривляющегося интеллигента-рекламиста Маяковского или еще хуже — у Игоря Северянина, идеолога альфонсов и кокоток... Простота, ясность, чистота формы великих мастеров — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого — всего больше соответствуют задачам нарождающегося искусства». Правда, стихи Фета для него — «барская поэзия», а «Фауст» Гёте — произведение, написанное прежде всего «буржуазным интеллигентом».

Но вскоре Пролеткульт начал вызывать явное раздражение Ленина и других руководителей РСФСР. Луначарский считал, что Ленин не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации. Вполне вероятно, что и так. Пролеткульт пользовался большой популярностью, в него шло много революционной молодежи, а его руководители декларировали свою «автономность» и «особую роль» в государстве.

По Богданову выходило, что, если партия — политическая организация пролетариата, профсоюзы — экономическая, то Пролеткульт — культурно-творческая. Это противоречило официальной точке зрения о том, что всей борьбой пролетариата и его союзников руководит партия. Несомненно, Ленина раздражали громкие и слишком уж «революционные» заявления работников «пролетарской культуры».

Первого декабря 1920 года в «Правде» появилось письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» с критикой руководителей Пролеткульта. В ноябре 1921 года было опубликовано постановление Политбюро ЦК о Пролеткульте. В нем говорилось, что «Пролеткульты должны стать одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата». Следствием этого постановления стала полная смена руководства Пролеткульта. Богданов и Лебедев-Полянский вышли из организации. Сам Пролеткульт вскоре начал раскалываться на

отдельные группы, а в 1932 году был распущен окончательно. Наступили совсем другие времена.

«Физиологический коллективизм»

«Осенью 1921 года прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной», — отмечал Богданов в автобиографии, написанной в 1925 году. В других своих записках он подчеркивал, что с этого момента «окончательно оставил политику», «стал полностью аполитичен» и т. д., что, конечно, не совсем так. Богданов всегда оставался политической фигурой, даже если он и не думал так.

«Научная работа» означала прежде всего его возвращение к проблемам крови. Это были уже не философские размышления, а практические эксперименты. Хотя, наверное, не стоит отделять одно от другого, и сам Богданов вряд ли делал это.

Итак, он решил рискнуть и попробовать реализовать в «стране победившего пролетариата» идею, которую он описал в романах «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», — обмен кровью между гражданами с целью лечения, оздоровления и создания общества подлинного «кровного братства».

В России первое переливание крови было сделано только в 1919 году хирургом Владимиром Шамовым (в будущем академиком АМН СССР и лауреатом Ленинской премии). В 1920-х годах трансфузиология в Советском Союзе практически не развивалась, в этом смысле он сильно отставал от США, Англии и Франции. Там переливания крови уже прочно вошли в медицинскую практику, а в Англии в 1922 году была создана первая донорская организация. Кстати, ее основатель доктор Перси Лейн Оливер из Британского Общества Красного Креста пропагандировал очень близкие к Богданову идеи. Он считал, что донорство должно быть добровольным и бесплатным актом солидарности людей.

В конце 1921 года Богданову представился случай познакомиться с самыми передовыми на тот момент достижениями трансфузиологии. Он оказался в Англии. 16 марта 1921 года РСФСР и Великобритания подписали в Лондоне торговое соглашение — первое соглашение, подписанное Советской Россией с одной из ведущих держав мира. Оно прорвало дипломатическую блокаду РСФСР. Вскоре Красин стал полпредом и торгпредом в Лондоне, сохранив за собой и пост наркома. Не

без его содействия в декабре 1921 года Богданов был командирован в Англию в качестве эксперта-экономиста Наркомата внешней торговли.

В Россию из Лондона он привез книги по переливанию крови, специально изготовленный в Германии по его заказу и чертежам аппарат для переливания, аппарат Кейнса (британский хирург Джеффри Кейнс во время Первой мировой войны придумал переносной аппарат, консервировавший кровь и помогавший выполнять переливания в полевых условиях), сыворотки для определения групп крови, иглы, резиновые трубки и т. д.

Вскоре после возвращения Богданов и несколько его единомышленников сформировали своего рода кружок, который Богданов назвал «кружком “физиологического коллективизма”». «Базой» кружка стала квартира Богданова в Москве. В работе участвовала и его жена Наталья Богдановна, фельдшер по профессии.

Важно было привлечь в кружок молодежь, так как почти всем его участникам было от 40 до 60 лет, а ведь по идее Богданова, сформулированной им еще в «Красной звезде», именно обмен кровью между пожилыми и молодыми членами общества приводит к полезным изменениям в организме и не только к идейной, но и физиологической преемственности поколений.

К весне 1923 года «коллективисты» были готовы приступить к обменным переливаниям на практике, но у Богданова снова начались трудные времена.

«Под могильной плитой Маркса»

В начале 1920-х годов в СССР начались «чистки» среди оппозиционно настроенной интеллигенции и первые показательные процессы (процесс по делу эсеров, 1922 год), высылали за границу (или «позволяли» уехать) и видных социалистов. Богданова, однако, не трогали и даже разрешали откровенно высказываться.

Сейчас уже сложно сказать, в какой степени «зонтиком» для Богданова служила позиция Ленина. Можно предположить, что, несмотря на их острые политические разногласия, какая-то человеческая связь между ними все же оставалась, хотя бы «заочно». (Следует отметить, что Ленин продолжал пристально следить за тем, что пишет Богданов. В его библиотеке

в Кремле имелись все основные работы «синьора махиста», многие — с ленинскими пометками.)

Во всяком случае, после того, как в конце 1922 года Ленина настиг тяжелый приступ болезни и он фактически уже не вернулся к работе, началась кампания борьбы с «богдановщиной». 4 января 1923 года «Правда» напечатала фельетон Якова Яковлева* «Меньшевизм в пролеткультовской одежде». В том же году, был издан сборник «Против А. Богданова», в который вошли статьи Ленина и Плеханова.

Писали тогда об «отрыжках богдановщины», «оппортунистической реакции на революцию», «ревизии марксизма», да и много еще о чем. «Флагманом» кампании против Богданова стал философский и общественно-экономический журнал «Под знаменем марксизма», начавший выходить в Москве в начале 1922 года. «Я подвергался не десяткам, а, полагаю, сотням нападений со стороны влиятельных лиц, а то и влиятельных кругов, — писал Богданов, — в официальных документах, публичных выступлениях, в газетных, журнальных статьях, целых книгах. Я как-то сказал, что журнал “Под знаменем марксизма” издается наполовину против меня, бывший при этом Ш. М. Дволайцкий**, сам один из ближайших сотрудников этого журнала, поправил меня: “Не наполовину, а вполне”. Мои попытки отвечать не печатались; да и немыслимо было бы на все ответить».

Однажды он даже написал пародию на статью с критикой, направленной против него, в журнале «Под знаменем марксизма», которую он назвал «Под могильной плитой Маркса», но, впрочем, никуда так и не отослал.

В общем, вокруг Богданова сгущались тучи. Пока, правда, на «теоретических» фронтах. Но к осени 1923 года обстановка в РКП(б) накалилась. Ленин тяжело болел. В партии развора-

---

* *Яковлев Яков Аркадьевич* (настоящая фамилия Эпштейн; 1896—1938), член РСДРП с 1913 года. В 1922—1924 годах в агитпропотделе ЦК РКП(б), в 1924—1930 годах член ЦК. В 1929—1930 годах нарком земледелия СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

** *Дволайцкий Шолом Моисеевич* (1893—1937), член РСДРП («интернационалист» в 1917—1919 годах, член РКП(б) с 1919 года). С 1921 года член Президиума Социалистической академии, с 1922 года член редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

чивалась борьба за власть между его «наследниками» — Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Троцким — с другой. А в такой обстановке люди, «вооруженные» революционными, но не совпадающими с «генеральной линией» идеями, могли стать опасны вдвойне. Особенно если эти идеи вдруг станут платформой какой-нибудь организации. Кто знает, как все это скажется на дальнейшем раскладе сил в партии и стране?

«Причин ареста я не знал»

Чекисты пришли за Богдановым в ночь на 8 сентября 1923 года. Ему предъявили выписанные в ГПУ ордера на арест и обыск. Обыск в его квартире проводился очень тщательно и занял несколько часов. Затем его увезли на Лубянку и поместили в камеру 49 Внутренней тюрьмы ГПУ. Первые пять дней его держали без прогулок, книг, письменных принадлежностей и даже без допросов. Только 12 сентября Богданов заполнил анкету арестованного, и тогда ему несколько улучшили условия содержания.

«Причин ареста я не знал», — указывал Богданов в своих дневниковых записях в тюрьме. Сначала он думал, что его «взяли» в связи с созданием «кружка “физиологического коллективизма”». Но оказалось, что дело гораздо серьезнее.

Богданова обвинили в связях с группой «Рабочая правда» — одним из оппозиционных течений в РКП(б). Она возникала весной (по другим данным — осенью) 1921 года и выступала за создание новой «революционной рабочей партии», считая, что руководство РКП(б) перерождается, нэп только обострил в СССР классовые противоречия и ведет к реставрации буржуазных порядков и что никакого социализма в СССР нет. Входили в группу в основном молодые (самой старшей было 28 лет) люди — студенты, научные работники, рабфаковцы, рабочие.

Группа нелегально подготовила несколько брошюр и листовок. Некоторые из этих документов были опубликованы в эмигрантской меньшевистской печати.

Казалось бы, какое отношение к этому делу имеет Богданов? По мнению чекистов, самое прямое. В своих листовках они цитировали его работы. Богданов возражал: в таком случае Маркс несет ответственность за меньшевизм или за Троцкого.

Допрашивали Богданова известные чекисты Яков Агранов* и Александр Славатинский**. Он все отрицал. Назвав тексты «Рабочей правды» «произведениями людей молодых и незрелых», Богданов спрашивал чекистов, неужели он бы мог так плохо написать?

Но почему же члены «Рабочей правды» обратились именно к его работам? Он дает весьма любопытное объяснение. Во-первых, причина в той травле, которую вели против него последние три года. Поэтому его работы и начали читать «элементы брожения, недовольные ходом вещей» среди молодежи. А во-вторых... Во-вторых, эта самая недовольная молодежь решила им «пожертвовать» — его же все равно травят и добьют, так сделаем «для нашего дела такого мученика, хочет он или не хочет».

«Одинокий работник науки... — писал Богданов, — оказался между молотом и наковальней: одни давно стремятся добить его как ненавистного мыслителя, другие — не прочь подставить его под удары, потому что им это далеко не вредно... Но будет великой несправедливостью, которую заклеймит суд истории, если оба эти плана удадутся».

«Я вышел из тюрьмы больным»

Допросы вскоре прекратились, но Богданова продолжали держать в тюрьме. 27 сентября он написал заявление на имя председателя ГПУ Дзержинского, потребовав встречи с ним («с просьбой **допросить меня лично** [здесь и далее выделено автором. — *Е. М.*]» — писал Богданов). В нем он привел еще один аргумент, который, как ему казалось, мог свидетельствовать в его пользу. Идеи пролетарской культуры, «всеобщей ор-

---

* *Агранов Яков Саулович* (настоящие фамилия, имя, отчество Соренсон Янкель Шмаевич; 1893—1938), комиссар государственной безопасности 1-го ранга (1935). В 1923—1929 годах заместитель начальника Секретного отдела ГПУ/ОГПУ. С 1933 года заместитель председателя ОГПУ СССР, в 1934—1937 годах 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

** *Славатинский Александр Сергеевич* (1892—1939), майор государственной безопасности (1935). В 1923 году начальник 12-го отделения (борьба с антисоветскими элементами в сфере литературы и искусства) Секретного отдела. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

ганизационной науки» и «физиологического коллективизма», писал Богданов, «для меня они — все». «И **этим** рисковать, **этим** жертвовать ради какого-то маленького подполья?» — спрашивал он.

Дзержинский вызвал его в тот же день. Он был хорошим психологом. После часового разговора он понял, что Богданов действительно не имеет отношения к тому, в чем его обвиняют. Он пообещал освободить Богданова «в пределах одной недели», разрешил ему свидания и позволил сказать жене о его скором освобождении. «Его искренность во мне не возбуждала и не возбуждает никаких сомнений», — отмечал Богданов в дневнике.

11 октября 1923 года начальник 12-го отделения Секретного отдела ГПУ Славатинский подписал постановление о том, что дальнейшее содержание Богданова под стражей «не вызывается условиями следствия» и что он постановил: «Гр[ажданина] Богданова-Малиновского из-под стражи освободить, а дело следствием продолжать».

В ночь на 13 октября ему приказали собирать вещи, заявив, что он будет освобожден утром. И... забыли о нем. Волнуясь, Богданов прождал до пяти часов вечера, но никто за ним не приходил. С чем это было связано, так и осталось неизвестным. Богданов считал, что над ним на прощанье решили «устроить маленькое издевательство». Около пяти часов вечера его все же выпустили на свободу. Правда, через два дня Агранов вызвал его и принес извинения. «Я вышел из тюрьмы больным, тогда как утром, несмотря на бессонную ночь, был совершенно здоров», — признавался Богданов. «Мой арест, — писал он, — явился всецело результатом более чем трехлетней литературно-политической травли, при которой я оставался с зажатым ртом...

Огромного труда мне стоило разрушить трехлетнюю клевету — чем я только и добился освобождения. Сам Дзержинский, человек безупречно искренний, имел обо мне понятие, основанное всецело на этой травле. Его следователей мне удалось, по-видимому, убедить. Но работа клеветы от этого не прекратилась. Мне известно, что в провинции недавно делались доклады, в которых говорилось о моей “подпольной борьбе” против советской власти. Уже после освобождения до меня доходят слухи о моих связях с анархо-синдикалистами, о моих нелегальных сношениях с эмиграцией, вплоть до каких-то отношений к польской контрразведке...»

Хотя арест и кампания против него нанесли по Богданову тяжелый удар, он вскоре вернулся к экспериментам по внедрению в повседневную жизнь принципов «физиологического коллективизма».

Кровь и смерть

Двадцать первого января 1924 года в подмосковных Горках умер Ленин. Это событие многое изменило в жизни Богданова.

...Заседание Социалистической (с апреля 1924 года — Коммунистической) академии, состоявшееся 10 февраля, Богданов пропустил. Потому что в тот день состоялся первый эксперимент по переливанию крови (их называли «операциями»), в котором он участвовал. Богданов объяснял, что «операция» прошла не совсем успешно и он ослабел от потери крови, поэтому несколько дней вообще не выходил из дома.

Эти «операции» не отличались большой сложностью. Сначала из локтевой вены донора брали кровь и переливали ее в стерильную банку. Затем в нее добавляли консервирующий раствор. Такую же процедуру проделывали со вторым участником переливания. После этого тут же им вливали кровь друг друга. Все эти манипуляции старались производить как можно быстрее, так как при хранении кровь начинала свертываться и в ней могли размножаться болезнетворные микробы.

Как отмечал позже Богданов, они проводили эксперименты «в сущности, ничтожными средствами... не имея ни своей лаборатории, ни инструментов для наиболее точных способов объективного детального исследования, например, процессов жизнеобмена. Мы и экспериментировали прямо на людях, не делая предварительных опытов на животных, в значительной мере именно потому, что наши средства нам этого не позволяли».

В феврале 1924 года, видимо, после второй «операции», Богданов писал: «Операция полуудалась. У меня около 700 куб. см чужой крови. Будем наблюдать. Но вообще были неудачи: на мне и моем компаньоне учились; с другими будет легче и лучше; а я месяца на 2—3 для опытов негоден».

«Негодность» Богданова заключалась в том, что при первых двух переливаниях он потерял много крови (около 700 «кубиков»). 29 марта 1925 года Богданов отдал максимальное для первых опытов количество крови — 830 «кубиков». Вскоре после этого он писал: «У меня в обеих ранках не блестяще, но понемногу инфильтрат всасывается».

Каковы же были результаты этих экспериментов? Богданов считал, что после переливаний «улучшается состояние сосудов при атеросклерозе, достигается значительное улучшение в общем состоянии больных с резко выраженными явлениями раковой кахексии, ускоряется и активизируется процесс заживления ран, создается возможность благополучной ликвидации септического процесса».

Интересное свидетельство оставил друг Богданова Леонид Красин, приехавший осенью 1925 года в Москву из Парижа, где служил полпредом СССР. Красин страдал анемией (или, возможно, лейкемией) и долго лечился от этого недуга, который врачи считали следствием перенесенной им малярии. 4 декабря 1925 года в письме жене из Москвы, поделившись с нею информацией о своем состоянии здоровья, Красин писал: «Затем пошел к А. А. Богданову. Прежде всего сам он и Нат<алья> Богд<ановна> имеют вид великолепный, я считаю, что он помолодел если не на 10, то на 7 или на 5 лет наверняка. Недавно (с мес<яц> наз<ад>) сделал себе второе переливание и сейчас фотография <очевидно, рентген. — *Е. М.*> констатирует у него даже уменьшение диаметра аорты! Вещь до сих пор невероятная, но факт, и, кроме того, ему совершенно соответствует его самочувствие: по забывчивости иногда взбегает на 4—5 этаж! Нат<алья> Богд<ановна> чувствует себя тоже хорошо — у ней <так в тексте. — *Е. М.*> исчезли подагрические явл<ения> на ногах: раньше она заказывала ботинки по особой мерке, сейчас носит нормальные. Операции до сих пор произведены 6 парам, и ни в одном случае не получилось никакого отрицательного результата. Технику тоже усовершенствовали, сперва переливали 350—400 гр<амм>, а на посл<едней> операции, изменив вид иголок, вкатили сразу 1250 гр<амм>, т<о> е<сть> попросту обменяли у двух людей $^1/_4$ всего содержания их крови».

По словам Красина, Богданов сначала «не проявил никакого энтузиазма в смысле пользования переливанием» и посоветовал ему ехать лечиться в Париж и Лондон, «где наука о крови, особенно с войны, сильно двинулась вперед». Однако потом «уже определенно предложил сделать мне переливание: уже одно то, что в 700—800 куб. см я получу запас свежих шариков и гемоглобину = 85, что дает мне возможность лучше перенести переезд и начать климатическое и иное лечение с сильно укрепившимся организмом».

Далее Красин писал: «Я совершенно согласен с этим, и сейчас мы ищем, как я говорю, “поросенка” <то есть, донора. —

Е. М.>... Сама операция проще, чем вспрыскивание дифтеритной сыворотки, и уже на другой день люди идут на работу. Если успею скорее кончить с Цюрупой и Наркомторгом, то уеду в Париж, не ожидая переливания, если же скоро найдем “поросенка”, перелью и буду вам телеграфировать». Однако операция Красина по каким-то причинам не состоялась. Вскоре он действительно уехал лечиться за границу, потом к месту своей новой службы в Лондон и умер там в ноябре 1926 года.

Сторонники «физиологического коллективизма» испытывали и трудности, прежде всего материальные. Эксперименты проводились за счет их личных средств и в основном за счет средств самого Богданова. Сохранились проведенные им расчеты на 1924—1925 годы. Расходы составили в общей сложности 2380 рублей. Деньги ушли, в частности, на покупку и выписку книг и журналов, зарплату врачам, аренду помещений для операций, приобретение оборудования: «французские аппараты, резиновые трубки, разбитые колбы, пробки резиновые... точка и заточка игл, цитрат натрия, парафин, химикаты, физиологический раствор и др.».

Получается, что в месяц Богданов тратил на опыты в среднем около 200 рублей. Сумма по тем временам очень солидная. (Для сравнения: оклад экономиста-консультанта Главного секретариата наркома внешней и внутренней торговли СССР составлял тогда 192 рубля.) Сам же Богданов как член Социалистической (потом — Коммунистической) академии получал 120 рублей в месяц. Основным источником финансирования экспериментов по переливанию крови были гонорары Богданова за переиздание его книг, прежде всего романа «Красная звезда».

...Для более глубокого обоснования выводов о пользе обменных переливаний требовались более масштабные исследования и более масштабное финансирование. Средств самого Богданова и его единомышленников для этого уже было явно недостаточно. Желательно было поставить эксперименты на «государственную основу».

«Мы уже не говорим о том, какой преступной небрежностью было бы, в случае, если бы разразилась угрожающая нам теперь война, допустить, чтобы наши противники имели перед нами преимущество в этом драгоценном способе спасать истекающих кровью или отравленных газами бойцов и ускорить выздоровление истощенных ранами или болезнями», — писал он.

На эту тему Богданов отправил несколько записок в ЦК и наркому здравоохранения Николаю Семашко. В декабре

1925 года у него в квартире раздался телефонный звонок. Звонили из Кремля.

«Тов. Сталин предложил мне...»

На другом конце «у аппарата» находился Сталин. Он предложил Богданову приехать для важного разговора. Вскоре на специально посланном за ним автомобиле он отправился в Кремль. Об этом разговоре со Сталиным не сохранилось, по-видимому, никаких документальных источников. О том, как он проходил, известно только со слов самого Богданова, рассказавшего об этом своей жене.

Во время разговора Сталина с Богдановым присутствовали также Бухарин и Семашко. Поинтересовавшись ходом экспериментов по переливанию, Сталин предложил Богданову взять на себя организацию нового Института переливания крови и пообещал создать необходимые условия для проведения научной работы.

Затем Сталин посоветовал Богданову вновь вступить в партию. Но тот ответил твердым отказом. Сталин с недоумением развел руками и сказал: «Не понимаю». Богданов ответил, что вступление в партию может помешать его работе и что в партии есть кому его заменить, а в работе — некому. Сталин не стал возражать.

Но главный вопрос принципиально был решен: Богданов принял предложение создать и возглавить новый институт. В январе 1928 года он писал в докладе для «тех членов правительства, которые были инициаторами учреждения Института Переливания Крови»: «В конце 1925 г[ода] тов[арищ] Сталин предложил мне взять на себя организацию Института, причем обещал, что будут предоставлены все возможности для планомерной научной работы».

Почему же Сталин заинтересовался экспериментами Богданова? Существуют различные версии, объясняющие это.

Будущий «вождь народов» тоже участвовал в критике взглядов Богданова, но не часто и без особого энтузиазма. Вероятно, тогда философские споры ему не были так уж интересны.

Академик Андрей Воробьев, первый министр здравоохранения Российской Федерации и многолетний (в 1987—2011 годах) директор Института гематологии и переливания крови, преобразованного позже в Гематологический научный центр РАМН, считал, например, что Сталин хотел использовать эксперимен-

ты Богданова прежде всего в «оборонных целях». «Сталин был руководителем страны, которая готовилась к войне, и понимал, что Богданов... был прав. Поэтому он его поддержал». Скорее всего, этот мотив тоже присутствовал в решении Сталина поддержать Богданова. Но не только он.

В «письмах трудящихся», приходивших в траурные дни после смерти Ленина в газеты и ЦК, часто содержались упреки: мол, как же так? Почему вовремя не задумались над вопросом о лечении и даже омоложении Ленина?

Об омоложении человека в то время писали часто, поскольку в 1920-х годах это была популярнейшая тема как для научных исследований, так и для слухов и газетных сенсаций. Но советскими вождями вопрос о возможном омоложении воспринимался вполне серьезно. По официальной версии, причиной смерти Ленина стал склероз сосудов головного мозга. Он возник не только по наследственным причинам, но и из-за того, что Ленин очень много работал и систематически переутомлялся. Его болезнь также называли «склероз изнашивания», то есть когда сосуды и артерии «преждевременно отработали».

Ленин, который умер всего в 53 года, был самым старшим среди вождей, не зря его называли «Старик». А ведь его более молодые соратники тоже утомлялись, переживали, напряженно работали и т. д. Преждевременное старение грозило ослабить, а возможно, и уничтожить весь цвет большевистской старой гвардии. Многие ее представители — люди 30—40 лет уже страдали гипертонией, нервными расстройствами, катаром желудка и прочими заболеваниями. Надо было принимать срочные меры.

Конечно, и раньше «вождей» лечили особым образом, они отдыхали в домах отдыха и санаториях (в том числе и за границей), лечились в специальных клиниках и т. д. Опыты Богданова по обменному переливанию крови отлично вписывались в борьбу с «изнашиванием организмов» вождей. Тем более что и он сам не раз информировал их (в частности, Бухарина и Семашко) об успехах в этой области. Богданов указывал, что уже первые «операции» приводят тому, что у пациентов (он имел в виду и самого себя) появляются «хороший сон и аппетит, устраняются явления атонии кишечника и происходит увеличение мышечной силы, восстанавливается равновесие вегетативной нервной системы, происходит повышение продуктивности высшей нервной деятельности».

Эффект омоложения он связывал с уникальными свойствами крови, которая, по его мнению, является «всеобщим посредником» между тканями и органами в «жизнеобмене». Так что у Богданова, Сталина и Ко были свои резоны для продолжения исследований и создания Института переливания крови. О практических задачах уже говорилось, они во многом совпадали у обеих сторон, но Богданов никогда не отказывался и от идеи «братства по крови», которую он изобразил в своих «марсианских романах». Она требовала участия в «операциях» как «старых партийцев», так молодых коммунистов. Они должны были обмениваться кровью между собой. Такой обмен предусматривал не только физиологический, но и символически духовный аспект: ветераны партии как бы передавали молодежи свою кровь, а вместе с ней традиции, опыт и уверенность в победе, возникала бы преемственность поколений революционеров.

Теперь у Богданова появлялась возможность масштабно и официально экспериментировать с идеей «кровного братства» на практике, хотя и в довольно ограниченном виде и в контексте тогдашних условий.

«Кровь за кровь»

Совет Труда и Обороны 26 февраля 1926 года принял постановление об учреждении института. В марте появилось Временное положение Наркомздрава, по которому в задачи института входили: «а) Изучение и разработка вопросов, связанных с переливанием крови, б) Теоретическое и практическое ознакомление врачей с переливанием крови путем устройства периодических и постоянных курсов, в) Издание научной и популярной литературы по переливанию крови, г) Приготовление и продажа стандартных сывороток, а также препаратов, аппаратов и принадлежностей для переливания крови».

На организацию института выделялись 80 тысяч рублей, при нем создавался небольшой стационар на 10 коек. С 1 марта 1926 года Богданов утверждался директором института, его заместителем по научной части стал доктор Малолетков. Первый штат насчитывал всего 12 сотрудников.

Институт «вселили» в бывший особняк купца Игумнова на Большой Якиманке (сейчас в нем находится резиденция посла Франции в Москве). «Заселение» происходило с трудом. «Это было большое роскошное здание, — вспоминал Богданов, —

очень красивое снаружи — постройка в старинном русском стиле, весьма разукрашенное внутри в самых различных стилях». Однако его состояние оставляло желать лучшего: крыша текла, штукатурка осыпалась, канализация не работала. Во дворе находилась конюшня с горами навоза и «самыми вредными мухами в необыкновенном количестве». Пришлось также выяснять отношения с жильцами, их должны были расселить, но многие не хотели переезжать и, как писал Богданов, выселить их «было труднее, чем отремонтировать здание».

Интересно, что немногим раньше в том же самом бывшем особняке Игумнова разместилась и специальная лаборатория по изучению мозга Ленина (в 1928 году она была преобразована в Институт мозга). Задачи лаборатории, а потом и института предполагали сравнение мозга Ленина с мозгом других людей и, соответственно, научное доказательство гениальности «вождя мирового пролетариата». Ну а в перспективе — проникновение в тайну человеческого гения. Было что-то символическое в том, что рядом тогда находились два учреждения, в которых изучали тайну гениальности и пытались лечить болезни и омолаживать человека кровью.

Богданов с семьей тоже поселился в особняке Игумнова. Как и 20 лет назад в Финляндии, они снова оказались рядом с Лениным. Только на этот раз в соседних комнатах разместился не живой Ильич, а его мозг. «Марсианский коммунист», конечно, не мог знать, что всего лишь через два года и его мозг будут изучать в тех же помещениях, сравнивая его с мозгом Ильича, с которым Богданов при жизни не раз соревновался в мощи интеллекта... Но это будет позже. Пока же еще все только начиналось.

Второго июня 1926 года в институт поступил первый пациент, а в полной мере институт начал работать с октября. За год было проведено более 200 переливаний крови (гемотрансфузий), к апрелю 1928 года — почти 400. За эти два года СССР стал одной из ведущих в мире стран в области трансфузиологии.

Кем же были первые пациенты института? Прежде всего различные «ответственные товарищи». Богданов стремился придерживаться главных принципов теории «физиологического коллективизма»: «операции» должны улучшать здоровье людей (в перспективе «омолаживать») и видным партийно-государственным работникам необходимо обмениваться кровью с молодежью. Принцип «кровь за кровь» провести в жизнь было не так уж и сложно, молодежь охотно приходила в ин-

ститут для экспериментов. Молодые рабочие, студенты или красноармейцы принимали в них участие как из-за «интереса к науке», так и из-за желания подзаработать. Донорскую кровь оплачивали по таксе 20 копеек за 1 миллилитр, таким образом, за стакан крови платили 40 рублей, за «операцию» — от 80 до 150 рублей. То есть, весьма неплохие по тем временам деньги.

«Можно считать, — писал Богданов в январе 1928 года, — что нами принципиально решен вопрос об успешной борьбе с нервной, а по крайней мере отчасти — и с общей изношенностью, путем замещения крови. Надо заметить, что самый метод — замещения для этих целей здоровой, по-видимому, крови, или ее обмена, всецело создан нами». Богданов утверждал, что после переливаний наблюдались случаи заживления ран, излечения язвы желудка, сепсиса, улучшение зрения и работы сердца, даже случаи роста волос на голове, «несколько неожиданно успешных опытов лечения душевнобольных», что даже было «намечено важное для военного дела исследование относительно ядовитых газов и других отравляющих веществ».

Пациентами института являлись, например, давний друг Богданова, философ и экономист Владимир Базаров (Руднев) или сестра Ленина Мария Ульянова. У нее было тяжелое заболевание крови, состояние считалось безнадежным и по рекомендации вдовы Ленина Надежды Крупской ей тоже сделали переливание. Факт остается фактом — Мария Ульянова прожила еще 10 лет. Сделали «операцию» и 17-летнему сыну Богданова Саше Малиновскому. Он рос способным, но хилым ребенком. Богданов в своих письмах часто беспокоился о здоровье своего «котика», как он его называл. Сам Малиновский-младший, ставший выдающимся советским биологом и генетиком, проживший 87 лет (умер в 1996 году), всегда считал, что своим долголетием и отменным здоровьем он обязан именно переливанию крови в институте своего отца.

Насколько был обоснован оптимизм Богданова в его взглядах на пользу обменных переливаний? Судя по всему, он все же преувеличивал успехи, достигнутые в ходе экспериментов. То есть описанные им случаи излечения и улучшения состояния у пациентов действительно имели место, но, как считают современные гематологи, они носили временный характер, а Богданов просто не успел понять этого. За прошедшие с того времени годы переливание крови вовсе не стало универсальным средством лечения или тем более омоложения, хотя именно работы Богданова дали сильный импульс развитию советской

трансфузиологии. «Наши опыты не являются еще достаточным доказательством для высказанных теоретических предвидений, — писал он в книге “Борьба за жизнеспособность”, — но все же, я думаю, нечто нами доказано, а именно — что здесь есть что исследовать». С этим, конечно, не поспоришь.

«Это решение о моей отставке»

Благодаря настойчивости Богданова штат института расширялся. Экспериментальный отдел возглавил Александр Богомолец — будущий известный патофизиолог и геронтолог, академик, Герой Социалистического Труда и вице-президент АН СССР*. Другими сотрудниками стали первый в СССР терапевт-гематолог Харлампий Владос, терапевт Максим Кончаловский (брат известного художника Петра Кончаловского), хирург Сергей Спасокукоцкий. Институт Богданова стал своего рода школой для подготовки специалистов в области гематологии и трансфузиологии.

Вместе с тем мечта Богданова о превращении института в «ячейку будущего общества братства» не торопилась сбываться. В январе 1928 года он написал докладную записку о работе института Семашко, Бухарину и Сталину, но не отправил. В пометке на ней говорится, что это произошло «ввиду изменившихся условий», однако по ней можно хорошо представить себе, с какими сложностями предстояло сталкиваться Богданову.

«Медицинский мир в целом неприязненно принял новое учреждение», — отмечал он. Богданов жаловался на проблемы со штатом, оборудованием, материалами, указывая, что преодолевать их удается лишь с помощью наркома здравоохранения. Возмущало его и поведение заместителя директора по административно-хозяйственной части Рамонова**, «коммуниста

---

* Александр Богомолец занимался, в частности, вопросами продления человеческой жизни. Эта работа очень интересовала Сталина. На исследования в области геронтологии были отпущены крупные государственные средства, но Богомолец, к сожалению, умер в 1946 году, в возрасте 65 лет. По легенде, узнав о его смерти, Сталин произнес: «Надо же, всех надул!»

** *Рамонов Евгений (Бызыго) Давидович* (1890—1950), член РСДРП(б) с 1917 года, доктор медицинских наук. В 1926—1927 годах заместитель директора Института переливания крови. В 1938 году приговорен к 10 годам лагерей. — *Примеч. ред.*

с большим стажем», который, по словам Богданова, «обнаружил крайне своеобразное понимание идеи завоевания командных высот в научной работе».

«Миссия коммунизировать Институт... Но как ее может осуществлять человек, не способный ничем, кроме угроз, поддерживать свой авторитет, то и дело подрывающий всякое уважение к себе крупными и мелкими проявлениями настоящей некультурности?», — писал Богданов. Видимо, по инициативе Рамонова на него в «инстанции» был направлен донос, в котором Богданова обвиняли «в резкой враждебности к партийцам вообще». «Это обо мне, у которого почти нет друзей, кроме старых коммунистов, и который только благодаря помощи нескольких студентов-коммунистов мог поставить свои первые, важнейшие опыты», — возмущался он.

Он ставил вопрос о Рамонове перед партийной ячейкой Наркомздрава, но та решила никаких мер в отношении его не предпринимать. Богданов видел только один выход из сложившейся ситуации. «Это решение о моей отставке», — писал он, объясняя, что именно поэтому направляет Семашко, Бухарину и Сталину «этот краткий отчет и просьбу об освобождении меня от обязанностей, выполнение которых стало невозможным».

Докладная записка, как уже говорилось, не была подана «ввиду изменившихся условий», и Богданов в отставку не ушел. Это могло означать только одно — его покровители в Кремле помогли ему и на этот раз. Однако руководить институтом Богданову оставалось недолго.

За последнее время он сильно сдал. Богданову было 54 года, и нельзя сказать, что он всю жизнь вел здоровый образ жизни, он часто болел, перенес несколько сердечных приступов, последние три года не был даже в отпуске. Разгар работы в новом институте и борьбы против тех, кто собирался его «коммунизировать», совпал с ухудшением его здоровья. Несколько раз его сваливали с ног приступы гнойного аппендицита, это случалось в ноябре 1927 — феврале 1928 года. Была нужна операция, но Богданов откладывал ее, не считая возможным оставлять институт в такое сложное время. Операцию ему сделали только 5 февраля 1928 года, когда уже отпала необходимость его отставки.

Институт переливания крови продолжал работать. В газетах появлялись объявления, приглашающие всех желающих сдавать кровь.

Зимой 1928 года несколько студентов физико-математического факультета МГУ прочитали статью о пользе обменных переливаний крови в московском журнале «Экран». Их особенно заинтересовало, что подобные «операции» вроде бы помогают при умственном или нервном переутомлении. Они начали более тщательно знакомиться с вопросом и проштудировали монографию Богданова «Борьба за жизнеспособность».

В марте 1928 года они увидели объявление в «Вечерней Москве» с предложением всем желающим приходить в институт для сдачи крови. А поскольку студентам предстояло сдавать весеннюю сессию, то, помня о пользе переливаний при усталости, они тоже решили обратиться в Институт Богданова.

Роковая «операция»

Одного из студентов звали Лев Колдомасов, ему был 21 год. 19 марта он со своим товарищем пришел в институт, чтобы сдать кровь для определения ее группы и пройти обследование. По результатам этого обследования в «операции» им отказали, так как у Колдомасова имелись признаки туберкулезного процесса в легких, он перенес малярию и у него была расширена селезенка. У второго тоже были проблемы со здоровьем.

На этом бы вся эта история и закончилась, если бы о студенте Колдомасове не узнал сам Богданов. И очень заинтересовался его случаем. Он считал, что если Анфиса Смирнова была больна туберкулезом, он жил с ней и не заразился, то к этому заболеванию у него есть иммунитет. Богданова интересовал вопрос: если человеку с туберкулезом влить здоровую кровь, повлияет ли это на болезнь? Ну а если он сам имеет иммунитет к туберкулезу, значит, и кровь Колдомасова не нанесет никакого вреда его организму, тем более что группы крови у них совпадали (тогда это была 4-я группа). Кровь студента требовалась Богданову для возмещения собственной кровопотери.

Двадцатого марта в общежитие, где жил Колдомасов, послали курьера. Он предложил ему еще раз прийти в институт и поговорить с Богдановым. Тот, естественно, пришел. Богданов объяснил ему цель предстоящей «операции», указав на то, что у Колдомасова может появиться шанс избавиться от туберкулеза. Студент согласился на переливание.

«Операция» состоялась 24 марта 1928 года в 19:30. У Богданова она была 12-й по счету. И роковой. Ухудшение наступило

через три часа после «операции». У Богданова поднялась температура. На следующий день появились тошнота, рвота, началась желтуха. Потом температура спала, но его мучили сильные боли во всем теле. Чтобы облегчить их, ему кололи морфий. Сам Богданов считал эти симптомы скорее приемлемой реакцией на большое количество полученной им чужой крови и был уверен, что организм справится с его негативными последствиями. Кстати, и переливание с Колдомасовым он сделал без предварительной консультации с сотрудниками института.

Доктора Кончаловского пригласили на обследование Богданова только 27 марта, и уже тогда, по его словам, ему бросилась в глаза «угрожающая картина внутреннего отравления вследствие гемолиза [разрушения эритроцитов — красных клеток крови. — *Е. М.*]» организма из-за нарушения работы почек и печени. Хотя Богданов не терял надежды и даже шутил с врачами. «Мы должны указать, с каким мужеством переносил А. А. Богданов свои страдания, непрерывно занимался самонаблюдением и тщательно анализировал симптомы болезни до самого момента, пока не потухло сознание, — писал Кончаловский. — Мне в первый раз в жизни пришлось видеть такое мужество и такое стоическое спокойствие перед лицом смерти».

2 апреля его общее состояние начало резко ухудшаться. Временами Богданов впадал в беспамятство. Интоксикация организма все сильнее и сильнее давала о себе знать.

Вечером 6 апреля медицинский консилиум, в котором принимали участие такие «светила» медицины, как профессора Богомолец, Плетнев, Бурмин, Крамер, признал положение безнадежным и констатировал начало агонии. 7 апреля были обнаружены признаки дальнейшего ослабления деятельности сердца, «учащенное дыхание с паузами».

Врачи и родственники Богданова решили использовать последний шанс и применить средство, в которое так верил он сам. Ему сделали переливание крови. После него на некоторое время дыхание стало лучше. Однако вскоре состояние Богданова снова резко ухудшилось, и в тот же день, 7 апреля 1928 года, наступила смерть, с которой он боролся 15 дней.

Последние слова, произнесенные Богдановым перед смертью, вроде бы сумели расслышать только его жена Наталья и сын Александр, которые находились рядом: «Делайте что должно... Нужно держать до конца...»

«Трагедия крупного ума»

Похороны Богданова состоялись 10 апреля. На сохранившихся фотографиях видны сотни людей, пришедших проводить его. Это могло бы показаться странным, потому что ко времени своей смерти Богданов был далеко не самым известным человеком в стране, более того, за ним сохранялась репутация «полуоппозиционера», человека не слишком благонадежного. Тем не менее оказалось, что его помнили и знали.

Смерть Богданова не осталась незамеченной партийными и советскими газетами. «Труд» писал 11 апреля 1928 года: «Вчера хоронили А. А. Богданова. В 11 часов утра в здании Института переливания крови, в котором стоял гроб с телом покойного, состоялась гражданская панихида.

По окончании панихиды тт. Семашко, Пашуканис, Фриче, Дауге, Лебедев-Полянский, Богомолец, Косолапов и Волгин* выносят гроб с телом покойного. Траурная процессия растянулась на несколько кварталов.

В крематории перед сожжением тела выступил тов. Луначарский, который в своей речи подчеркнул значение А. А. Богданова, как крупнейшего революционера-борца. После краткого прощального слова проф. Богомольца выступил тов. Бухарин.

— В лице тов. Богданова, — сказал он, — с арены жизни сошел один из величайших людей — по широте своего разума, по энциклопедичности своих знаний, по неукротимости и силе своей воли и энергии. Эти его качества заставляют нас преклонить перед ним свои знамена.

По окончании речей, ровно в 14 час[ов], тело А. А. Богданова было предано сожжению».

Некрологи появились в «Правде», «Известиях», «Труде», «Вестнике Коммунистической академии». Их авторами были известные партийцы — Луначарский, Покровский, Лепешинский.

---

* Н. А. Семашко тогда был наркомом здравоохранения РСФСР, Е. Б. Пашуканис — вице-президентом Коммунистической академии, В. М. Фриче — членом президиума и председателем секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии, доктор медицинских наук П. Г. Дауге — членом Коллегии Наркомата здравоохранения, П. И. Лебедев-Полянский — начальником Главлита, А. А. Богомолец — заместителем Богданова, Косолапов — неуст. лицо, В. П. Волгин — членом Президиума Коммунистической академии и Общества историков-марксистов. — *Примеч. ред.*

Известный партийный журналист и литератор Пантелеймон Лепешинский* назвал свою статью о Богданове в «Огоньке» очень точно: «Трагедия крупного ума». «Чем дальше отойдет человечество от переживаемой нами эпохи, тем ярче будет сиять созвездие Владимира Ильича Ленина, в котором имя Александра Александровича Богданова никогда не померкнет», — заявил на похоронах нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский. А Николай Бухарин на гражданской панихиде сказал следующее: «Нас пришло сюда несколько человек, несколько старых большевиков. Мы пришли сюда прямо с пленума Центрального Комитета нашей партии, чтобы сказать последнее “прости” А. А. Богданову.

Он не был последние годы членом нашей партии. Он во многом — очень во многом — расходился с ней... Я пришел сюда, несмотря на наши разногласия, чтобы проститься с человеком, интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками. Да, он не был ортодоксален. Да, он с нашей точки зрения был “еретиком”. Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником... В смелых полетах своей интеллектуальной фантазии, в суровом и отчетливом упрямстве своего необыкновенно последовательного ума, в необычайной стройности и внутреннем изяществе своих теоретических построений Богданов, несмотря на недиалектичность и абстрактный схематизм своего мышления, был, несомненно, одним из самых сильных и самых оригинальных мыслителей нашего времени...

В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран... Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной звезды” — это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли...

Богданов умер поистине прекрасной смертью. Он погиб на поле брани, сражаясь за то дело, в которое верил и для которого он работал.

---

* *Лепешинский Пантелеймон Николаевич* (1868—1944), член РСДРП с 1898 года. В 1927—1930 годах директор Исторического музея, в 1935—1936 годах — Музея Революции. — *Примеч. ред.*

Трагическая и прекрасная смерть Александра Александровича может быть использована его противниками, чтобы дискредитировать его самоотверженные опыты, чтобы придушить и прикончить самую идею переливания крови, чтобы положить могильный камень на дело, за которое умер этот мученик науки. Этого допустить нельзя! Нельзя позволить тупицам мелкого калибра, мещанам от науки, трусливым и в теории, и в жизни, людям старых дорог, людям, которые никогда и ни при каких условиях не выдумают пороха, использовать физическую смерть Богданова, чтобы умертвить и уничтожить значение его научного подвига...

Богданов умер на посту. И самая смерть товарища Богданова есть прекрасный подвиг человека, который сознательно рисковал своей индивидуальной жизнью, чтобы дать могучий толчок развитию человеческого коллектива».

Крупская написала жене Богданова записку: «Дорогая Наталья Богдановна, все эти дни думала об Александре Александровиче и о Вас, вспоминала первую встречу с А. А. в Женеве, Куоккалу и свою последнюю встречу с А. А. и Вами. Вспоминаются разговоры разные, разное и важное, и неважное, мелочи всякие, но эти мелочи именно то, что делает человека близким. Крепко Вас обнимаю, Н. К. Крупская».

После гражданской панихиды тело Богданова кремировали в недавно открытом крематории в Донском монастыре. В этом тоже был дух времени, тогда «красное огненное погребение» считалось революционным и прогрессивным способом «утилизации» человеческих останков.

Трудно сказать, разделял ли сам Богданов эти убеждения. Скорее, да. В его рассказе «Праздник бессмертия» «гениальный химик» Фриде, придумавший «эликсир бессмертия», в итоге покончил с собой именно с помощью самосожжения.

Урна с прахом Богданова была установлена в стене Новодевичьего кладбища. В 1945 году рядом с ней поместили и урну с прахом его жены — Натальи Богдановны. Она до конца жизни работала в Институте переливания крови и умерла в буквальном смысле на его ступеньках — по дороге на работу. Так что теперь их урны стоят вместе, под одной плитой с выбитой на ней надписью:

Богдановы-Малиновские
А. А. 1873—1928
Н. Б. 1865—1945

Еще на плите фотография, на которой они — совсем молодые.

Яд и резус-фактор

В чем же была причина того, что произошло с Богдановым? Разнообразные версии появились сразу же после его гибели. Но сначала о дальнейшей судьбе его партнера по переливанию Льва Колдомасова.

Лев Ильич Колдомасов, судьба которого так неожиданно и трагически пересеклась с судьбой Богданова, прожил довольно долгую жизнь. В начале 1930-х годов он уехал на работу в Сибирь, где стал известным климатологом и метеорологом. Считается, что он заложил основы прикладной климатологии Западной Сибири. Умер Колдомасов в 1985 году в возрасте 78 лет и никогда не жаловался ни на туберкулез, ни на здоровье вообще. Он был уверен, что это последствия обменного переливания крови, что именно та роковая для Богданова «операция» превратила его из болезненного юноши во вполне здорового мужчину.

Почему же Колдомасов выздоровел, а Богданов умер? Этот факт только добавлял пищи для слухов, которые появились после смерти директора Института переливания крови. Говорили, например, о том, что он таким образом совершил самоубийство. В самом деле, на первый взгляд его поведение перед переливанием казалось странным. Богданову было уже 54 года, здоровье — не самое лучшее, донор болен туберкулезом, но он все равно идет на «операцию», не ставя в известность врачей. И не обращается к ним в первые дни после нее. Были ли у Богданова причины для самоубийства? Тут как посмотреть. Ему, конечно, не могла нравиться обстановка в стране. Да и в его институте тоже. Два года борьбы с интриганами, доносчиками или «комиссарами», «сброшенными» в Институт «сверху», постоянная нервотрепка...

Лепешинский в «Огоньке» намекал на то, что Богданов мог совершить «замаскированное самоубийство», поступить так же, как и герои его фантастических романов, которые «грешили иногда склонностью к ликвидации своей жизни в минуты уныния и тоски».

Но все же эти предположения не дают серьезных оснований говорить о его самоубийстве. И самый главный аргумент против этой версии состоит в том, что, если бы Богданов всерьез хотел свести счеты с жизнью, он бы выбрал какой угодно способ, но не обменное переливание крови. Он не стал бы своей

гибелью бросать тень на идею переливания крови, которую вынашивал буквально всю жизнь и в которую так верил. Нет, сознательно пойти на это он не мог.

Была еще версия убийства. Ее вроде бы разделял и сын Богданова Александр Малиновский. Она состоит в том, что одна из сотрудниц института, врач Комисарук, якобы подлила в консервирующий раствор некий яд. Обычно говорят, что это был хлорат калия (бертолетова соль). Ходили слухи, что у постели Богданова потом даже нашли пузырек из-под этого препарата.

Комисарук одно время являлась секретарем партийной ячейки института. В версии об убийстве Богданова часто предполагается, что она действовала по указанию свыше и что трагедия с Богдановым была подготовлена то ли в ОГПУ, то ли даже в Кремле. Никаких прямых доказательств того, что он был убит до сих пор нет, и вряд ли когда-нибудь они найдутся.

Комисарук после смерти Богданова работала в Институте экспериментальной биологии, ездила в экспедиции в Среднюю Азию, «твердо проводила партийную политику» в науке и участвовала в борьбе против генетики, развернувшейся в СССР в 1930-е годы.

«Какая “марсианская” драма!»

Если же не придерживаться конспирологии, то наиболее распространенная версия, которую сегодня разделяют и многие гематологи, состоит в несовместимости резус-факторов крови, о которой в 1928 году еще не имели представления. Только спустя 12 лет после смерти Богданова американские ученые обнаружили в крови обезьяны макаки резус неизвестный ранее антиген.

Позже было установлено, что он имеется в крови примерно у 85 процентов населения Земли. Этих людей стали называть резус-положительными, остальных 15 процентов, у которых его нет, — резус-отрицательными. Выяснилась еще одна довольно неприятная вещь. Если в кровь резус-отрицательного человека влить кровь резус-положительного, его организм начнет активно вырабатывать антитела. Чем больше переливаний, тем больше антител будет вырабатываться, и в конце концов этот конфликт резус-факторов приведет к разрушению крови.

Скорее всего, Колдомасов принадлежал к резус-положительному «большинству», а Богданов — к тем 15 процентам

жителей земли, у которых резус-фактор был отрицательным. За 11 предыдущих переливаний крови его организм уже выработал большое количество антител, так что 12-я «операция» стала роковой.

Почему же выжил Колдомасов? Ну, во-первых, это было только первое его переливание, а во-вторых, его молодой организм смог справиться с возникшей критической ситуацией. Наконец, сын Богданова Александр Малиновский рассказывал, что его отец, уже после ухудшения своего состояния, попросил оказать помощь в первую очередь Колдомасову, а в отношении его самого пока ограничиться наблюдением, так как это может иметь значение для науки.

Так что, скорее всего, то, что произошло с Богдановым, было трагедией и несчастьем. Сегодня его бы однозначно спасли. Для этого нужно было прибегнуть к гемодиализу (аппарат «искусственная почка»). Но в 1928 году такого оборудования еще не существовало.

Трудно не согласиться все с тем же Лепешинским: «Какая великая, флуоресценцирующая в сумерках нашего предрассветного периода “марсианская” драма! Какой красивый, какой-то странно звучный заключительный аккорд этой драмы!»

13 апреля 1928 года имя Богданова было присвоено Государственному институту гематологии и переливания крови.

Но вряд ли стоит сомневаться в том, что, переживи Богданов свое 12-е переливание крови, он наверняка бы погиб в 1930-х годах.

С одной стороны, в 1930-е годы о Богданове вспоминали мало, с другой — в энциклопедиях и словарях он упоминался с неизменным эпитетом «ревизионист», который «боролся против марксизма». В «Кратком курсе ВКП(б)» вообще говорилось о том, что Богданов критиковал марксизм «не открыто и честно, а завуалированно и лицемерно под флагом защиты основных позиций марксизма».

В «марксистско-ленинской философии» шла ожесточенная борьба с «богдановщиной». Борьба с ней как с «теоретической основой правого уклона в партии» (т. е. с группой Николая Бухарина, Алексея Рыкова, Михаила Томского) была объявлена «актуальной задачей», а на XVI съезде ВКП(б) в июле 1930 года «богдановщину» определили как «идеалистическую фальсификацию марксизма, смыкающуюся с реакционной буржуазной наукой».

В это же время фамилия Богданова исчезла из названия Института переливания крови*. Его работы не переиздавались, были отправлены в библиотечные спецхраны, где находились до конца 1980-х годов, когда интерес к ним и их автору вновь возник. «В досоциалистические времена, — писал Богданов в “Красной звезде”, — марсиане ставили памятники своим великим людям, теперь они ставят памятники только великим событиям». Что же, таким памятником ему самому является возникшая во многом благодаря «коммунисту с Марса» советская служба переливания крови, ставшая вскоре одной из лучших в мире. Хотя мало кто помнил, что она берет свое начало в богдановских мистических и утопических размышлениях о тайнах крови, коммунизме на Марсе, «красной звезде», «всеобщем братстве» на крови и общем прекрасном будущем Земли и Марса.

* В 1990 году имя Богданова в названии Института переливания крови восстановлено. Сейчас НИИ переливания крови им. А. А. Богданова входит в состав Гематологического научного центра РАМН.

В. В. Попков

Наука и вера Александра Богданова*

Александр Богданов рано ушел из жизни (1873–1928). Николай Бухарин так отозвался на его смерть: «Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной звезды” – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова...»** Но историю делают и пишут люди, и в наши дни об А. А. Богданове (Малиновском) знают что-то и помнят очень немногие. Это закономерно, но несправедливо. Закономерно, потому что память всегда проигрывает времени. Несправедливо, потому что на личность и идеи Богданова, попавшего в жернова политической борьбы начала XX века, на его родине на долгие десятилетия лег камень забвения. Это далеко не первый случай, когда слишком жесткие мировоззренческие принципы, господствующие в ту или иную эпоху, оказываются препятствием для исследователя.

---

* Публикуется в сокращении по изданию: Философия и культура. 2013. № 4(64). С. 437–448.

** Бухарин Н. И. Памяти А. А. Богданова. Речь на гражданской панихиде // Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 2. С. 345.

В истории науки несть числа примерам, когда передовые теории не могли пробиться через частокол внутренних или внешних запретов. Так произошло и с идеями Богданова.

В конце 80-х годов XX века, когда были сняты все запреты, вдруг обнаружилось, что многие из идей Богданова уже обрели других авторов. Общая теория систем была разработана Людвигом фон Берталанфи, ставшим признанным основателем этой области науки, учение об особой роли организованности в виде ядра и пластичной оболочки в геополитической трактовке было представлено миру И. Валлерстайном в его идее центра и периферии, учение об организующей роли хаоса (стихии в терминологии Богданова) стало центральным пунктом синергетики с несчетным числом авторов, среди которых в силу активной популяризации своих взглядов наиболее известен И. Пригожин. А что же Богданов? Известно, что ценные утверждения, неважно, кто и когда их сформулировал, теряют всякое значение, если они не оказывают никакого влияния на широкие массы специалистов. Именно это произошло с тектологией (всеобщей организационной наукой) и ее философским основанием — эмпириомонизмом. В огромной степени важные и выделенные именно Богдановым понятия (эгрессия, ингрессия, дегрессия, подбор, подстановка, биорегулятор и др.) остались бездействующими. Почему же так произошло? Известно, что ни одна из дедуктивных теорий не имеет какой-то одной системы фундаментальных понятий и какой-то одной системы фундаментальных предпосылок; обычно имеются несколько равновозможных, т. е. таких систем, из которых с одинаковой вероятностью можно правильно вывести все доказательства. Сами по себе демонстрируемые предпосылки и новые определяемые понятия являются таковыми только относительно определенного принятого порядка или логики исследования и прекращают (по крайней мере, частично) быть таковыми, если принимается другой порядок. Так, в уже упомянутой общей теории систем Берталанфи была избрана иная система понятий и предпосылок, более понятная научному сообществу и в большей степени вписывавшаяся в традиции западного мышления. Хотя ее принципы (целостность, изоморфизм, организация) как метатеоретической концепции уже были изложены в тектологии Богданова, основателем общей теории систем считают все-таки Берталанфи, а не автора тектологии.

Богданов принадлежал к редкому и тогда, и ныне типу ученых-энциклопедистов. Отсюда, в частности, проистекают

и трудности в понимании содержания эмпириомонизма*. За последние 50—70 лет все привыкли к тому, что глубокие научные идеи, как правило, рождаются на стыках наук и требуют междисциплинарного подхода. Но совсем иной ситуация была в начале XX века: в это время исследователи редко выходили за рамки своих четко очерченных дисциплинарных областей. «Эмпириомонизм» Богданова, главная задача которого состояла в разработке единой, монистической философской теории человеческого опыта — как физического, так и психического, для реализации своей основной цели требовал постоянного и весьма обстоятельного обращения к материалу самых различных наук. И во время публикации этого богдановского труда, да и сейчас, для чтения и понимания его содержания требуются знания в области психологии, математики, лингвистики, биологии, политической экономии, социологии и т. п.

К 1906 году вышли в свет три книги Богданова, содержащие ряд статей, объединенных под общим названием «Эмпириомонизм». В противоположность материализму Плеханова — Ленина, эмпириомонизм не признает трансцендентной границы между миром и нашим познанием. Локализация ощущений «в нас» — не данные опыта, а теория, и притом теория, по мнению Богданова, неудачная. В самом деле, тот мир, который мы знаем, построен так, чтобы видеть самого себя. Но чтобы иметь возможность делать это, он, очевидно, должен быть миром двойственности. В нем выделены два состояния: одно состояние, которое видит (это прежде всего человек, но, в общем случае, любое живое существо, наделенное когнитивными возможностями), и другое, которое является видимым (окружающий мир). Можно сказать, что мир, несомненно, является самим собой (т. е. неотделим от самого себя), но при любой попытке увидеть себя как объект он, несомненно, должен действовать так, как если бы он был отдельным от самого себя. Так как у людей нет других способов, кроме чувственного восприятия, чтобы изучать действительность, то на самом деле они, конечно же, одно и то же. Нет такого чувственного восприятия, которое не было бы осознанием действительности, и, конечно же, нет осознания, которое не являлось бы чувственным восприятием действительности. И поскольку нельзя применить

---

* Садовский В. Н. Эмпириомонизм А. А. Богданова: опыт прочтения спустя столетие после публикации // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 92–109.

разделение на действительное и недействительное к чувственному восприятию то в общем случае все, что проявляется как чувственное восприятие, должно быть действительным и недействительным в равной степени. Человеку свойственно «по умолчанию» считать, что он находится «здесь» (во времени и пространстве в данном физическом состоянии), а все остальное находится «там», — вовне его организма и психики. Но понятие «там», как справедливо отмечает Дж. Спенсер-Браун, нисколько не менее реально, чем понятие «здесь», где предполагается наличие исследователя, не может существовать вопрос «где?», который можно было бы задать к слову «там», ибо «там» и «здесь» эквивалентны, и асимметрия возникает из-за наличия исследователя в положении «здесь»*.

Богданов считал, что бытие «в себе» и бытие «для нас» в своих основных элементах и их простейших сочетаниях тождественны; мы воспринимаем реальные, действительные свойства вещей, а не их отражения, не их более или менее искаженные копии. Автор «Эмпириомонизма» не видел необходимости допускать, что показания наших чувств дают нам искаженные или, как выражался Плеханов, «иероглифические» отображения реальных свойств вещей; и самая идея удвоения мира, распадения его на «внешние» реальности и их отражения «в нас» представлялась Богданову внутренне несостоятельной, противоречивой.

В действительности мы видим, осязаем и вообще воспринимаем свойства «вещей» не «нас», а вне нас, вне нашего тела, в тех самых пунктах пространства, где должны находиться и сами воспринимаемые вещи. Критический вопрос от сторонников теории отражения мог бы звучать так: почему бы конструирование картины действительности из первичного сенсомоторного материала, возникающего в результате столкновения организма с какими-то внешними факторами, не интерпретировать как процесс отражения этих факторов, а значит, и реальности? Ответ заключается в следующем: складывающаяся в результате этих взаимодействий картина реальности конструируется не по правилам существования внешнего мира (мы их не знаем), а по правилам функционирования живого организма (когнитивной системы). Впрочем, эти правила, мы тоже до конца не знаем, но все-таки, продвижение по этому пути содержит

---

* Spencer-Brown G. Laws of Form. Limited Edition, Cognizer Co (Portland Ore.), 1994. P. 4.

преодолимые препятствия (они ограничены только возможностями экспериментов и имеют тенденцию к разрешению), а непреодолимые онтологические трудности познания бытия, где эксперимент бессилен.

Богданов считал, что объективные реальности или, по крайней мере, их простейшие составные части — «элементы» существуют «в себе» совершенно так же, как мы их воспринимаем, «причем в одном сочетании, в одной связи комплексы этих элементов образуют физическое тело, а в другой связи — явления нашего сознания». Богданов не разъясняет, что такое элементы, но из контекста ясно, что это не атомы или молекулы, но что же это тогда? Рационального ответа Богданов не дает, и это было наряду с прочим весьма уязвимым местом его философской теории. Но он интуитивно чувствовал, что соединить психическое и физическое в одном понятии возможно и делает это не с помощью дефиниций, а сразу переходя к главной конструктивной идее: комбинации элементов могут порождать физические и ментальные конструкции. Различие — вот, что является единицей знания. Можно привести аналогию с картой, предложенной польским ученым Коржибским*. Карта — это не территория. То, что попадает на карту — это различия (в высоте, протяженности, растительности, плотности населенности и т. п.). Наше знание — это такая же карта. Выбор различий (выбор факта, выбор идеи) вообще говоря, произволен. Мы можем иметь множество карт, но территория (объективная реальность) остается «вещью в себе».

Теперь, следуя идее Коржибского, можно допустить, что загадочные элементы Богданова можно трактовать, как различия. Например, различие между листом бумаги на столе и деревом столешницы не содержится ни в бумаге, ни в дереве. Также очевидно, что различие не находится в пространстве или в промежутке времени (в последнем случае мы могли бы говорить об изменении). Следовательно, делает вывод Бэйтсон**, различие — это абстрактное понятие, это идея, это ментальная конструкция. Оно не локализовано ни в пространстве, ни во времени. Комбинации (комплексы) различий образуют то, что мозг трактует либо как психическое, либо как физическое.

---

* Коржибский А. Наука и психическое здоровье. Кн. 2 / пер. на рус. О. Матвеев, 2007. URL: http://olegmatveev.org

** Бэйтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М., 2005.

Идея элементов и их комбинаций, предъявляемых нам в виде физического и психического, даже сегодня трудно воспринимается учеными, воспитанными на многовековой картезианской парадигме. Включение в состав комплексов психических составляющих, а по существу духа, мысли, полностью противоречило марксистской теории, в которой между материей и духом пролегает бездонная пропасть и последнему дозволяется лишь отражать материю.

Ленин, будучи лидером большевиков, не мог допустить подрыва основ ортодоксальной марксистской теории. В противостоянии марксистской философии и богдановского эмпириомонизма Ленин видел не отвлеченный философский вопрос. В условиях российского революционного движения философия большевистского марксизма имела прямые, непосредственные, конкретные выходы на практическую политическую стратегию и тактику при подготовке и осуществлении социалистической революции и, впоследствии, строительства социализма. Отсюда беспощадная критика махизма и А. А. Богданова (как наиболее крупного и популярного среди рабочего класса России махистского философа). В мае 1909 года в издательстве «Зерно» выходит первый и последний философский труд Вл. Ильина (псевдоним Ленина в то время) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», где он со всей своей политической страстью и неумолимой логикой схоласта-правоведа обрушивается на всех представителей монистического эмпирического знания, имея в виду главной целью Богданова и сочувствующих ему Горького, Луначарского, Базарова, Скворцова-Степанова и других. Это были люди, из числа немногих, которые могли объективно понять содержание «Эмпириомонизма». Богданов с его научной щепетильностью и максимализмом не мог не ответить на яростную критику Ленина. И этот ответ был дан в ярком философском памфлете Богданова «Вера и наука (о книге В. Ильина “Материализм и эмпириокритицизм”)»*.

Последовательно, шаг за шагом Богданов показывает, что за внешним фасадом якобы глубочайшей учености Ленина на самом деле скрывается невежество или намеренное искажение научных фактов; вместо научной критики — навешивание ярлыков на оппонентов, как философских реакционеров, а вместо

---

* Богданов А. А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 39—88.

провозглашенной цели борьбы со старым просматривается ненависть к различным новшествам. Впечатляет замечание Богданова, сделанное в одной из сносок: «Особенно недопустимой представляется ссылка на десяток различных рефератов Богданова, ссылка, которую не может точно проверить никто из тех, кто не слышал самих рефератов. Дело в том, что ни на одном из них он (Ильин) не был; не был даже на том, на который был специально приглашен, — на полемическом реферате по поводу разбираемой книги В. Ильина»*.

Всякий, кто прочитает «Веру и науку», поймет, что Ленин никогда бы не согласился сойтись в публичной полемике с Богдановым по поводу «Материализма и эмпириокритицизма», так как он прекрасно понимал, что ему не выстоять в прямом споре против уничтожающей критики Богданова. А этого себе будущий вождь мирового пролетариата позволить не мог. «Вера и наука» Богданова не дошла до сознания широких коммунистических масс, а «Материализм и эмпириокритицизм» на долгие годы вошел в анналы философской мысли ленинизма и стал катехизисом философской мысли большевиков. Ученый Богданов, как это часто бывает, проиграл политику Ленину. Социальная, в данном случае политическая, практика оказалась сильнее теории.

В «эмпириомонизме» чисто философской его частью, не поддающейся практической проверке, является учение о «непосредственных комплексах» и их связи с нашим опытом субъективным или индивидуально организованным (психика) или опытом объективным или социально организованным (социальная практика). В завершенном синтезе «социально организованного опыта», по мнению Богданова, теряет свой смысл и само противопоставление «физического» и «психического». Опыт, организованный индивидуально, входит в систему опыта организованного социально как его нераздельная часть и перестает составлять особый мир для познания. Общение между людьми осуществляется, по Богданову, посредством «всеобщей подстановки», т. е. посредством подстановки психических комплексов, известных нам из личного опыта, под те физические изменения, которые мы непосредственно наблюдаем у других людей. Отрицая, таким образом, непосредственное

---

* Богданов А. А. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 51.

восприятие данным индивидуальным сознанием переживаний других сознательных существ, эмпириомонизм, тем не менее, не вырывает между отдельными сознаниями той пропасти, какая постулируется идеалистической философией со времен монадологии Лейбница. По Богданову, познание чужой психики является хотя и опосредствованным, но вместе с тем совершенно реальным взаимодействием и тем точнее воспроизводит свой объект, чем ближе по своей организации воспринимающая психика к воспринимаемой.

Критики эмпириомонизма всегда ставили под вопрос необходимость в самой подстановке. Богданов утверждал, что общение людей, которое служит основой форм опыта, предполагает, по-видимому, какую-то своеобразную двойственность живых комплексов, имея в виду, что к физическим телам — организмам с их движениями и звуками — мы присоединяем непосредственно нам недоступные переживания этих существ, их восприятия, чувства, представления и т. д. Сегодня можно утверждать, что двойственность в общении с другими людьми, на самом деле, не только существует, но и подчиняется определенной логике, учитывающей особенности этого присоединения. Эта неустранимая двойственность в познании не является дуализмом, так как граница между самореференцией (высказывание внутри формы) и инореференцией (вовне формы) не является абсолютной, а всякий раз формируется при переходе от инореференции к самореференции и/или наоборот. Одна из современных трактовок этого вопроса опирается на понятие коммуникации. Понимание в коммуникации, по Луману, есть «осознание» различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано (информацией — внутренней стороной формы). Богданов называл такие отношения социальной организованностью опыта, когда люди, обмениваясь бесчисленными высказываниями, непрерывно устраняют взаимные противоречия своего социального опыта и организуют его во всеобщие по значению, т. е. объективные формы. В споре со своими противниками Богданов не мог апеллировать к неразвитым еще теориям или к эксперименту и был вынужден ограничиться чисто логической аргументацией, он доказывал, что его монистический реализм есть наиболее простая и познавательно целесообразная из всех мыслимых материалистических концепций.

Эти воззрения Богданова всегда подвергались критике, и только с появлением в 1980-х годах работ чилийских нейро-

физиологов У. Матураны, Ф. Варелы*, которые иногда называют «нейрофизиологическим вариантом эволюционной эпистемологии», становится ясным, насколько актуальны идеи Богданова. Их позиция, подтвержденная нейрофизиологическими экспериментами, заключается в понимании жизни и познания как двух сторон одного и того же процесса. Живые системы — это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания. Это утверждение действительно для всех организмов, как располагающих нервной системой, так и не располагающих ею. Нервная система не обрабатывает информацию из внешнего мира, но, наоборот, творит некий мир в процессе познания. Познание есть не отображение независимого, предопределенного мира, но сотворение нового мира. Конкретным организмом в процессе его жизнедеятельности созидается не мир вообще, а некий конкретный мир, всегда обусловленный структурой организма. Способы, которые мы используем для структурного сопряжения с окружающей средой, и, следовательно, мир, который мы творим, зависят от нашей собственной структуры. Общение, согласно Матуране, это не процесс передачи информации, а координация поведения живых организмов посредством их взаимного структурного сопряжения. Тот мир, который каждый из нас видит, согласно концепции Матураны и Варелы, — не есть определенный мир, но некий мир, который мы созидаем вместе с другими. Богданов понимал это еще в 1925 году, что подтверждается его словами: «Неустранимо то, что человек смотрит со своей точки зрения, оперирует своими методами. Но в каком смысле все это “свое” для него? Личность не более, как маленький центр приложения социальных сил, один из бесчисленных пунктов их перекреста. Ее точка зрения и способ понимания принадлежит ей в том только смысле, что в ней находят свое воплощение и выражение; было бы правильнее сказать, что личность принадлежит им, а не наоборот. И они могут быть объективны»**. Но это касается сопряжения человека с внешним человеческим миром.

Но что же происходит с миром внутренним? Каким образом акты сознания связаны с нервными реакциями, вызываемыми взаимодействием с внешним миром? На этот вопрос Богданов

---

* Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М., 2001.

** Воспоминания о детстве. 28 апреля 1925 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 23—32.

пытается ответить, используя идею о психофизиологическом параллелизме как инструменте для преодоления разнородности элементов опыта. Разнородность элементов опыта проистекает из того факта, что мир, который мы наблюдаем с помощью наших органов чувств, — это мир отдельностей, прерывностей, но в сознании он каким-то непостижимым образом становится непрерывным. Для практической работы разума в этой непрерывности расставляются метки — слова. В самом деле, наши ощущения с помощью разума преобразуются в понятия, используя которые мы с помощью логики, оперирующей с записанными с помощью знаков суждениями, извлекаем значения, или то, что мы привыкли называть «знание». Понятие для человека — это всегда слово (имя); человеческий язык постоянно утверждает, что вещи вне нас имеют какие-то качества и признаки.

Имена вещей приходят к нам в раннем возрасте, когда мы учимся говорить, и это происходит настолько естественно, что мы даже не подозреваем, что здесь может таиться какая-то ловушка. Что это? — спрашивает ребенок, — и заботливый родитель, например, отвечает — это стол. И так происходит всю жизнь; о чем бы мы не узнавали, все имеет свое имя. Любая вещь из действительности проецируется на экран сознания только со своим именем. Человек не использует специальных маркеров или символов для обозначения существования. Все, что появляется на экране сознания благодаря своему имени, является для наблюдателя тем, что существует (в воображении или в действительности). В общепринятом восприятии для обозначения существования мы не можем использовать ничто, пустоту, реальное пространство не позаботилось о корректном заполнении табло сознания, как это делает действительность. Нечто, могущее существовать, но не имеющее метки, сознанием игнорируется, его для сознания не существует. Когда обычный наблюдатель видит дерево, он должен совершить работу по обозначению дерева на своем внутреннем экране сознания, у него, видящего конкретное дерево, возникает некий смутный образ абстрактного дерева, обязательно в сопровождении имени, иначе этот образ невозможно использовать для размышлений, коммуникаций и передачи знаний. Когда наблюдатель пожелает предположить, что то, что существует, не существует, он просто не делает пометку.

Таким образом, наблюдатель использует пометку (имя) для индикации, что он подтверждает существование чего-либо,

и не использует ничего для обозначения того, что он не подтверждает. Конечно, при этом он не задумывается над тем, что он учитывает в качестве подтверждения существования — всего лишь его знак, но дальше действует так, как если бы он учитывал существование. Но, вообще говоря, и это принципиальный момент, знак существования и факт реального существования могут различаться. Психофизиологический параллелизм, как утверждает Богданов, — это наличие постоянного соотношения между психическими явлениями и физиологическими процессами нервной системы, так что «параллельно» ряду фактов сознания развертывается ряд одновременных физиологических нервных процессов в неразрывной и неизменной связи с ними. Богданов лишь указывает на эту идею как на задачу познания, оно должно связать психический и нервно-физиологический ряд в один целостный процесс.

Богданов выдвигает при этом передовую идею, что в познании первичны не объекты, а отношения (взаимодействия)*. Простейшим отношением между объектами, как мы уже отмечали, является различие, и именно на него реагируют органы чувств. Эта конструкция позволяет нам отделить в сознании стол от бумаги с помощью символов — названий «стол», «бумага». Граница существует лишь как указание пересечь ее — будь то изнутри вовне, будь то извне вовнутрь. Но в зрительном восприятии граница вызывает вполне реальный электрохимический импульс в зрительном нерве, который поступает в мозг и обрабатывается им, вызывая эффект изображения — лист бумаги, лежащий на столе. Так, нервный импульс соединился с ментальной конструкцией, и произошло это тогда, когда зрение дало скачок (разрыв непрерывности) в потоке импульсов, натолкнувшись на разницу в восприятии стола и бумаги, а сознание, наоборот, соединило ментальной конструкцией (различием) обе стороны формы в целостность — лист бумаги на столе. Так, на наш взгляд, работает механизм психофизиологического параллелизма, о котором писал Богданов.

В естественных науках эффекты вызываются импульсами, силами и прочими вполне конкретными вещами. Но в ментальном мире, мире коммуникации и организации эффекты вызываются различиями; в мире разума то, что не существует, может являться причиной действий. Бездействие, пребывание в привычном порядке может привести к неконтролируемому

---

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. 1. С. 55.

нарушению этого порядка. В настоящее время концепция разупорядочения, возникающего наряду с упорядочением, стала парадигмой современного естествознания и в значительной мере философии. Но в начале прошлого века идея Богданова о динамическом характере взаимодействия двойственных друг другу процессов организации и дезорганизации как источнике и механизме движения материи была поистине революционной.

Во время работы над тектологией Богданов приходит к убеждению, от которого он не отказался до конца жизни, что всеобщую организационную теорию можно построить только как науку, а не как философскую концепцию. Более того, он сформулировал утверждение о конце философии, зачеркнув тем самым свой огромный труд по созданию эмпириомонизма: «...по мере своего развития тектология должна делать излишней философию и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер»*.

Позже, в статье «От философии к организационной науке» Богданов утверждает, что «эмпириомонизм — организационная философия — есть только этап на пути к организационной науке», и, как только основы этой науки получили четкие очертания, «с этого времени философия, как таковая, потеряла для меня реальный интерес: она — временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему научному его единству»**. Желание Богданова замкнуть всеобщую организационную теорию, придать ей полноту и логическую завершенность привели его к весьма спорному выводу. Если наука заключается в решении вопросов, которые можно решить с помощью консенсуса (координации социально-организованного опыта, в терминологии Богданова), а не путем постановки новых вопросов, то философия — это действительно не наука, а ее стимулятор. Основной прогресс в науке часто, даже может быть всегда, зависит от успешной постановки вопроса, который не возникал раньше; основной научный прогресс, следовательно, является отпрыском науки и философии.

Да, действительно, научное развитие в любом обществе зависит от продвижения структурных наук, в которых метод абстрагирования от индивидуальных случаев — требование универсальных законов — достиг наиболее развитой формы. Науки сегодня структурируются вдоль математических линий,

---

* Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 87.

** Там же. С. 117.

и наиболее быстрые и эффектные изменения происходят именно в структурных науках. Среди структурных наук следует выделить не только чистую и прикладную математику, но также такие науки, как системный анализ, информационная теория, кибернетика и теория игр. Эти дисциплины составляют так называемую математику событий, развертывающихся во времени: события, планируемые и контролируемые человеком, события, управляемые структурами, которые действуют, как будто по плану, и другие события, подчиняющиеся законам вероятностной причинности. То есть эти науки составляют структурные теории изменений, происходящих со временем. Их наиболее важным инструментом является сегодня компьютер, а компьютерная теория сама относится к структурным наукам.

На наш взгляд, создание «Тектологии» является первой и неординарной, хотя и не завершенной, попыткой представить философскую концепцию (эмпириомонизм) в качестве структурной науки. Но как компьютер не может заменить творческое мышление человека и генерировать вопросы, так и «Тектология» не может заменить особые функции философии, в частности, связанные с необходимостью конструирования обобщенной картины мира, человека и его познания. Реальность может сильно зависеть от того, на какой стороне находится наблюдатель, и то, что истинно на одной стороне, вовсе не может быть таковым на другой (это и есть невидимое заблуждение). Так структурные науки могут склонить нас к опасной иллюзии, что реальность — это структура, которой можно управлять и которую можно контролировать. Но чтобы четко представлять себе нашу ситуацию, мы должны научиться следить одним глазом за нашими восприятиями и теоретическими конструкциями (психическое, в терминологии Богданова), а другим — за реальностью (физическое), окружающей нас.

Богданов верил в марксизм и материалистическое понимание истории, которые отражают взгляд на «внешний» мир, как на множество отдельных вещей, людей и событий, связанных причинно-следственными отношениями. К природной среде относятся так же, как если бы она состояла из независимых частей, используемых группами людей с различными интересами. Раздробленность распространяется и на общество, которое делится на нации, расы, религиозные, политические, экономические, профессиональные группировки. Уверенность в том, что связь между ними можно описывать в рамках случайности или причинно-следственной парадигмы, можно рассматривать

как основную причину целого ряда социальных, экологических и культурных кризисов современности.

Индуктивный метод привел Богданова к ключевому вопросу: при бесконечном богатстве материала вселенной и бесконечном разнообразии форм откуда берутся настойчиво, систематически повторяющиеся и возрастающие с познанием аналогии? Признать все их простыми «случайными совпадениями» — значит внести величайший произвол в мировоззрение и даже стать в явное противоречие с теорией вероятностей. Научно возможный вывод один: действительное единство организационных методов, единство их повсюду — в психических и физических комплексах, в живой и мертвой природе, в работе стихийных сил и сознательной деятельности людей. Богданов утверждал, что тектология — это наука, и как наука она «характеризуется, во-первых, способом постановки этих задач — они берутся как организационные (или дезорганизационные); во-вторых, способом их решения — его путь идет через организационный анализ к организационному синтезу. Так как все задачи могут ставиться и решаться таким образом, то она является наукой наиболее общей. Вследствие этого у нее нет своего особого поля: ее поле охватывает области всех других наук, так что они все вместе образуют ее базу, ее необходимую опору, без которой тектология не была бы возможна»*.

Философия эмпириомонизма оказывается якобы ненужной: психические и физические комплексы, проблема психофизиологического параллелизма, подстановка, сопряжение коллективного и индивидуального опыта и многое другое, что составляло суть эмпириомонизма, — все поглощается обобщающими постулатами тектологии или попросту игнорируется как не заслуживающее внимание новой науки — тектологии. Наука, пишет Богданов**, «ограничена научными рамками; а “вещи в себе” — понятия философские. И если тектология есть наука, то она обязана изучать только явления, их связь и закономерность, а прочее предоставить философии. Она даже не опровергает этих философских понятий; но в решении ее задач их некуда поместить». Эта наука, считает Богданов, полностью соответствует материалистической онтологии, поскольку яв-

---

* Богданов А. А. Наука и рассуждательство (по поводу статей Н. Карева «Тектология или диалектика?») // Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 408.

** Богданов А. А. О критиках тектологии? // Там же. С. 411.

ляется обобщением эмпирических фактов. Но понятия и методологию тектологии как формализованную обобщающую дедуктивную систему Богданов формулировал, основываясь на индуктивном методе, который сам по себе таит еще много неясного и проблематичного. Неясна правомочность перехода от индуктивного ряда к дедуктивной системе, в которой массивы эмпирических фактов обрабатываются в мышлении и языке средствами дедуктивной логики и только поэтому получают законченный и организованный вид. Материалистическая, демокритовская онтология эмпириомонизма и прорезавшаяся сквозь нее идеалистическая, платоновская методология тектологии не могли не вступить в противоречие. Выбор был сделан в пользу науки — тектологии, и философия живого опыта — эмпириомонизм была отброшена. Но так ли это?

Исследователи, изучающие научное наследие Богданова, прекрасно знают, что понять тектологию без знания основ эмпириомонизма весьма сложно, если вообще невозможно*. Философские основания эмпириомонизма пронизывают все пласты идей тектологии. Эмпириомонизм и тектология — это двуединая сущность, только в одном облике она предстает как философская эмпирическая система монизма, а в другом — как абстрактная дедуктивная система высокой степени общности. На протяжении многих столетий ученые проводят параллели между знанием, привносимым в виде интуитивного постижения, и знанием, получаемым научной методологией. Обращает на себя внимание явная тенденция сближения этих линий. Причина этого сближения, очевидно, в том, что субъективное, которое всегда было доступно интуитивному постижению или вере, теперь все в большей мере становится объектом научного исследования**. На наш взгляд, Богданов на рубеже XIX—XX веков осмысливал фундаментальную проблему соединения в целях познания дискретного и непрерывного, структуры и функции, частей и процессов. Он наметил методологический путь, по которому предстоит идти еще не одному поколению исследователей.

---

* См.: Садовский В. Н. Как следует читать и оценивать «Эмпириомонизм» А. А. Богданова // Вестник Международного института Александра Богданова. 2003. № 3(15).

** См.: Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 27.

А. Е. Рыбас

Актуальность философии эмпириомонизма

Вопрос об актуальности философии Богданова является немаловажным не только для уяснения идей русского мыслителя и его вклада в развитие мировой философии, но и для определения правильных ориентиров интерпретации философской проблематики, нашедшей отражение в его работах. Поэтому неслучайно творчество Богданова стало в последнее время предметом философских дискуссий, в которых принимает участие все большее число исследователей. Можно выделить несколько подходов к актуализации эмпириомонизма.

Прежде всего обращение к наследию Богданова обусловливается *историческим* интересом и нацелено на воссоздание более полной картины философско-идеологической борьбы в России первой четверти XX века. После крушения общепринятых интерпретативных схем и оценок событий эпохи трех революций стала осознаваться невозможность однозначного отношения к идейным течениям того времени, полного неожиданных метаморфоз и противоречий. Изучение работ Богданова помогает разобраться в интеллектуальной атмосфере революционной России, и именно этим определяется сейчас их актуальность.

В связи с этим уместно привести точку зрения В. Н. Садовского, который считает, что Богданов «од-

ним из первых марксистов начал осуществлять такую *модель развития философии марксизма*, которая была направлена против изоляции марксизма от общего направления развития философской культуры и в которой акцент был сделан на синтезе идей марксистской философии и других философских систем»*. Именно эта модель была реализована на Западе во второй половине XX века, когда свободный от идеологизации марксизм «поглотил» многие идеи неопозитивизма, экзистенциализма, феноменологии, герменевтики и других философских концепций. Таким образом, Богданов выступает провозвестником принципиально нового этапа эволюции марксизма, который, в силу известных обстоятельств, в стране «победившего социализма» так и не наступил.

Исходя из этого размышления, можно было бы сделать вывод о том, что актуализация эмпириомонизма Богданова должна послужить возрождению «подлинного» марксизма — современной философской системы, открытой для диалога с другими учениями и когерентной с ними. Однако В. Н. Садовский к такому заключению не приходит, вероятно, потому что считает принципиальные положения марксистской философии неактуальными, если не сказать, несостоятельными. По его мнению, «Богданов оказался *бо́льшим марксистом*, чем это было необходимо для научно-философского исследования анализируемого им фактического материала»**, и поэтому приверженность марксизму, хотя и стала стимулом для построения эмпириомонизма, в то же время оказалась источником многих заблуждений и ошибок. Таким образом, даже если бы Богданову и удалось направить развитие русского марксизма в русло эмпириомонизма, то все равно интерес к его системе был бы по преимуществу историческим, а не теоретическим. Что действительно имеет значение для современности, так это не эмпириомонизм в целом и даже не его основная идея (сопоставление «идеала жизни» и «идеала познания»), а только отдельные решения проблем философии науки.

Другим наиболее распространенным подходом к актуализации философии Богданова является истолкование эмпириомонизма как необходимой *ступени к созданию тектологии*.

---

* Садовский В. Н. Как следует читать и оценивать «Эмпириомонизм» А. А. Богданова // Вестник Международного института Александра Богданова. 2003. № 3(15). URL: http://www.bogdinst.ru/vestnik/doc15/03.doc

** Там же.

В 1960-е годы тектологические идеи Богданова начинают рассматриваться в контексте кибернетики Н. Винера и общей теории систем Л. фон Берталанфи (согласно Л. Апостелю, Богданов пытался использовать кибернетику с целью модернизации общей теории труда Маркса*), и это приводит к тому, что «Тектология» получает признание как первый в мире труд по теории систем и объявляется вершиной творчества русского мыслителя. Что касается «Эмпириомонизма», то его стали читать сквозь призму «главного труда» Богданова. Такое прочтение обусловило соответствующую интерпретацию философского содержания эмпириомонизма, а именно сведение его к проблематике философии науки. При этом не раз подчеркивалось то обстоятельство, играющее важную роль для обоснования правомерности подобного подхода, что Богданов сам признавал превосходство «всеобщей организационной науки» над любыми философскими системами, в том числе и над эмпириомонизмом. Действительно, если тектология относится к философии, как научное знание — к его «смутному предчувствию»**, то обладание этим знанием делает излишним изучение «прежней философии», лишает ее универсального значения. Отсюда, на первый взгляд, следует вывод о том, что Богданов, вслед за сторонниками позитивизма, провозглашает тезис о «конце философии», объявляя научное знание достаточным для интеллектуальной и духовной эволюции человечества.

Конечно, такое умозаключение является небесспорным. Несмотря на то, что вопросы философии науки занимают в «Эмпириомонизме» важнейшее место, они не могут представлять собой всю философскую проблематику этой работы. Скорее, наоборот: именно потому, что в «Эмпириомонизме» действительно продумывается философская проблематика, из нее можно выделить и те вопросы, которые относятся к философии науки. Чтобы доказать это положение, необходимо прояснить смысл противопоставления философии и науки, как его понимал Богданов, а также ту роль, которую они играют в деле познания.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что тезис Богданова о конце философии, к которому он пришел в про-

---

* См.: Гловели Г. Д. «Социализм науки»: Мёбиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. С. 54.

** См.: Богданов А. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 283.

цессе творческой эволюции, является *философским* положением, требующим соответствующего, т. е. философского, понимания. Вряд ли можно согласиться с тем, что этот тезис стал закономерным следствием применения Богдановым основополагающих принципов монизма при построении философской «картины мира». «Страсть к монизму»* была по преимуществу философской страстью, а никак не равнодушно-объективным стремлением научно описать мир. Пафос монизма, пронизывающий все сочинения Богданова, не вмещается в тесные рамки гносеологической проблематики и свидетельствует о необходимости выхода в «жизненно важный» мир, в котором ставятся и не решаются «проклятые вопросы» философии и в котором «сама жизнь становится философией»**. Отсюда, в частности, широта интересов Богданова, стремившегося монистически осмыслить и сферу культуры, и сферу социальной жизни, а также политику и искусство. Монизм как страсть сродни, скорее, герценовскому «tout accepter et rien exclure»*** (все принять и ничего не исключать) — требованию принимать мир во всей его сложности и противоречивости, а не редуцировать его к легко объяснимому содержанию.

Говоря о конце философии, Богданов ни в коем случае не предлагал отказаться от нее и всецело отдаться науке. Из его рассуждений следует лишь то, что наука как знание действительного существенно отличается от философии, которую можно назвать знанием возможного. Наука, строго придерживающаяся данных опыта, всегда у́же философии, которая включает в себя и элементы ненаучного или еще не ставшего научным знания. В силу четкой определенности своей проблематики наука, в отличие от философии, является знанием бесконечным (в том смысле, в котором можно считать бесконечным человечество, планомерно занимающееся систематизацией объективного опыта). Конечность же философии выражается в том, что она по необходимости является знанием законченным, т. е. полным: даже тогда, когда философы отказываются апеллировать к абсолютным истинам, чтобы обосновать завершенность

---

* См.: Гловели Г. Д. «Страсть к монизму»: гедонический подбор Александра Богданова. URL: http://www.bogdinst.ru/works/v_phil.pdf

** Богданов А. А. Новый мир // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 40.

*** Герцен А. И. О месте человека в природе // Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 74.

познания, они вместо абсолютных истин подставляют собственные допущения, которые отличаются от научных гипотез тем, что никогда не могут быть доказаны опытом, так как «с понятием о философской теории не совмещается мысль о точной опытной проверке»*. Таким образом, наука как система принципиально неполного и бесконечно развивающегося знания не исключает, а, наоборот, предполагает наличие философской теории, которая как «необходимое орудие руководства в практике и в познании»** придаст научному знанию полноту и завершенность, сделает научное искание осмысленным и направит его к конкретной цели.

Конечно, в работах Богданова можно встретить высказывания, которые, на первый взгляд, однозначно выражают мысль о ненужности философии, о ее преходящем значении и исторической обреченности. Так, например, он утверждает, что «по мере своего развития тектология должна делать излишней философию и уже с самого начала стоит *над* нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер»***. Вот еще характерное рассуждение Богданова, которое, казалось бы, как нельзя лучше подтверждает вывод о конце философии: «Философия доживает последние дни. Эмпириомонизм — уже не вполне философия, а переходная форма, потому что он знает, куда идет и кому должен будет уступить место. Начало всеобщей новой науки будет положено в ближайшие годы, ее расцвет возникает из той гигантской, лихорадочной организационной работы, которая создаст новое общество и завершит мучительный пролог истории человечества. Это время не так далеко...»****

Действительно, в процессе работы над «Тектологией» Богданов осознал, что всеобщую организационную теорию можно построить уже как науку — точное, универсально-широкое и эмпирически выверенное знание, а не только как гипотетическую философскую концепцию. Однако следует ли отсюда,

---

* Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 22.

** Богданов А. А. Философия живого опыта: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Популярные очерки. М., 2010. С. 16.

*** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. С. 86.

**** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 271—272.

что он пришел к убеждению о несостоятельности философии, «зачеркнув тем самым свой огромный труд по созданию эмпириомонизма»*? Такой вывод вряд ли является правильным. Очевидно, что без эмпириомонизма тектология была бы невозможна. Более того, тектология может считаться научной лишь постольку, поскольку сохраняют свое значение философские положения эмпириомонизма.

Прежде всего нужно учесть, как понимал Богданов отношение между наукой и философией. Наука как специфический вид знания (идеологии) в ходе социального согласования опыта выделяется из философии и существует не только одновременно с ней, но и благодаря ей, так как без всеобщих идеологических форм организации объективного опыта, которые и дает философия, сообщая картине мира полноту и завершенность, наука обойтись никогда не сможет. Если по мере гармонизации опыта наука делает излишней философию, то это нужно понимать в том смысле, что философские допущения она превращает в объективное знание или же отвергает их как элементы субъективного опыта. Однако это совсем не значит, что «философия бесплодна и бессильна»** и что наука способна ее заменить. Полного «вытеснения» философии из сферы познания и — шире — социальной жизни никогда не произойдет, так как непрерывность и целостность опыта (условие социальной жизни и научного мышления) требуют таких идеологических приспособлений, которые невозможно получить непосредственно из опыта: тут всегда необходимо некоторое домысливание, или произвол (это Богданов называет «методом дополнения опыта, или подстановки»), чтобы можно было сформулировать хотя бы задачу познания (его идеал). Таким образом, функция философии заключается в том, чтобы обеспечивать целостность опыта (познавательный монизм), а науки — в том, чтобы делать полученную монистическую картину мира объективной реальностью. Наука всегда зависит от философии, и чем более философия становится «излишней», тем более важными оказываются ее предельные допущения, поскольку именно они выступают в качестве последних организующих социальный опыт форм.

---

* Садовский В. Н. Как следует читать и оценивать «Эмпириомонизм» А. А. Богданова.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 262.

Разумеется, философия, будучи стремлением сорганизовать воедино опыт, раздробленный силою специализации, не в силах «связать тонкими, светлыми нитями идей глубоко разорванную и все дальше расползающуюся ткань мира»*, не способна «объединить, связать то, что разъединила действительность»**, и в этом заключается ее коренное противоречие, «неразлучный с нею трагизм». Но в констатации такого трагизма следует видеть не историческую обреченность философии, а ее специфическую черту. Богданов подчеркивает, что философия не может выполнить стоящую перед ней задачу *объективно*, т. е. так, чтобы «силою мысли» собрать в живое целое «куски разрезанного тела». Однако только философия может «найти тот путь, на котором возможно было бы систематически свести все перерывы нашего опыта к принципу непрерывности»***. Тезис Богданова о том, что всеобщую организационную теорию можно построить как науку, которая придет на смену философии, следует понимать исключительно в смысле необходимости социализации философии эмпириомонизма: это значит, что соответствующее философское содержание должно стать — в аспекте организационной теории — знанием научным, поскольку для такой трансформации уже имеются все условия. Понятно, что это не отказ от философии, а ее утверждение — научное признание ценности ее положений.

Во второй половине 1990-х годов наметилась тенденция рассмотрения работ Богданова в более широком контексте. Исследователи стали обращать внимание на различные аспекты идейного наследия Богданова, связанные с проблемами философии культуры, литературы, социальной философии, футурологии и т. д., подчеркивая междисциплинарный характер воззрений русского мыслителя. Тем самым определился еще один подход к актуализации философских идей Богданова, который заключается в том, чтобы представить их в контексте *парадигмальных изменений предметности философии*, произошедших на рубеже XIX—XX веков. С этой точки зрения, эмпириомонизм Богданова, в котором была реализована попытка сведения к единству всего многообразия человеческого опыта и представлен его анализ на основе новой, неметафизической

---

* Богданов А. А. Новый мир. С. 39.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 262.

*** Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М., 2003. С. 107.

методологии познания, сопоставляется с такими философскими системами, как прагматизм У. Джеймса и Дж. Дьюи, эмпириокритицизм Э. Маха и Р. Авенариуса, конвенционализм А. Пуанкаре, аналитическая философия Б. Рассела и Дж. Мура, философия символических форм Э. Кассирера и др.

Так, Ш. Плаггенборг предложил рассматривать идеи Богданова в контексте постмарксистского модерна, который существенно определяет современную эпоху*. Корректность такого подхода доказывалась тем, что Богданов как философ и ученый намного опередил свое время, отчего и остался непонятым и гонимым. С одной стороны, философская позиция русского мыслителя характеризуется чертами, присущими модерну, а именно стремлением преодолеть философию и заменить ее наукой, опорой на данные естествознания при социогуманитарных исследованиях, систематичностью мышления и системным характером изучения проблем, установкой на познаваемость мира и возможность его моделирования. С другой стороны, однако, Богданов сумел избежать тех негативных последствий, которые обусловливаются принятием идеологии модерна, и поэтому господство рациональности не привело к элиминации философской проблематики, лежащей за пределами разумного познания, стабильность миропорядка не послужила причиной догматизации существующей научной картины мира, а признание структурных элементов и механизмов их взаимосвязи в качестве предпочтительного, если не единственного, предмета исследования не превратила философию Богданова в оторванную от жизни схоластику.

Дело в том, что философия Богданова основывается на понятии *живого* опыта и выступает в форме его феноменологического описания, т. е. представляет собой открытую монистическую систему, построенную без использования субъект-объектных оппозиций и демонстрирующую возможность нового, неметафизического мышления, которое является более фундаментальным и перспективным для современной философии. Интуиция опыта как изначальной полноты жизни, всегда превышающей сумму имеющихся познавательных определений сущего, позволила русскому мыслителю не стать холодным систематиком, для которого порядок мира важнее, чем полная

---

* Plaggenborg S. Alexander Bogdanov: Vom Marxismus zur Anthropologie // Alexander Bogdanov. Theoretiker für das 20. Jahrhundert. München, 2009. S. 179–197.

случайностей и противоречий жизнь конкретных людей. Согласно Плаггенборгу, «заслуга Богданова состоит в том, что он не превратил свою универсально значимую организационную науку в фетиш, объясняющий мир, а нашел путь от тектологии к (пролетарской) культуре как к сформированной под воздействием человеческих действий формы жизни»*.

Таким образом, тематизация культуры как особого пространства человеческих действий, которые являются разнообразными формами актуализации опыта, — это открытие новой философской проблематики, важность которой была осознана только к концу XX века. Совершенный Богдановым «культурологический поворот» содержательно определил существо современной философии. Прежде всего философия стала пониматься как свободное творчество свободного человека, что предполагает, с одной стороны, отказ от традиционного критерия истины (адекватного соответствия объективной реальности) в пользу критерия организационного (истинным считается то, что позволяет добиться более высокого уровня организации опыта), а с другой — утверждение примата существования человека над его сущностью (существо человека как содержание объективного опыта является результатом творчества; сама объективная реальность также выступает результатом творческой активности человека). Существенной характеристикой современной философии является ее принципиальная открытость и незавершенность, что допускает возможность самых разнообразных трансформаций. Важно подчеркнуть, что, согласно Богданову, в философии не только не должно исключаться инакомыслие, но оно является необходимым ее элементом, так как запускает механизм динамики философского творчества. Наконец, еще одной чертой современной философии, указанной Богдановым, Плаггенборг называет пристальное внимание к языку.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что философия Богданова актуализируется сейчас, прежде всего исходя из следующих соображений: 1) она позволяет получить более правильную реконструкцию историко-философского процесса; 2) в ней затрагивается целый ряд проблем, имеющих отношение к философии науки; 3) понимание предметности философского знания, зафиксированное в работах Богданова, во мно-

---

* Plaggenborg S. Alexander Bogdanov: Vom Marxismus zur Anthropologie. S. 180.

гом соответствует современным представлениям. Полностью признавая обоснованность и важность всех этих соображений, необходимо, однако, отметить еще один момент, требующийся как для понимания, так и для актуализации философской позиции Богданова. Речь идет о рассмотрении идей Богданова в *контексте русской философии*.

Очевидно, что, хотя в отечественной философской литературе начала XX века были представлены воззрения «только одного эмпириомониста»*, не сумевшего создать направление или школу и критически относившегося не только к традиционным учениям, но и к теориям практически всех своих современников, идеи Богданова нельзя рассматривать в отрыве от той проблематики, которая была характерна для русской философии в целом. Более того, многие положения эмпириомонизма, в том числе и основополагающие, вообще трудно понять, если упустить из виду их содержательную связь с теми проблемами, которые составляли предмет философского интереса широкого круга отечественных мыслителей и были поставлены намного раньше.

Прежде всего философия Богданова теснейшим образом связана с феноменом «реалистического мировоззрения», который во многом определял содержание интеллектуальной атмосферы, царившей в России в начале прошлого века. Историко-философское осмысление «нового реализма» до сих пор не проведено, и это объясняется главным образом тем, что поставленные им вопросы и сейчас сохраняют свою актуальность. В последнее время анализу «реалистического мировоззрения» в целом и философских взглядов Богданова как важнейшей его части уделяется все большее внимание**, что свидетельствует прежде всего о теоретическом интересе к данному явлению в русской философии.

Можно указать на целый ряд принципиальных положений, которые демонстрируют содержательное единство рассуждений Богданова и других русских философов. Первое из них — отказ от отвлеченно-теоретического познания и требование теснейшей связи философии с жизнью. Понимание философии

---

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1989. С. 243.

** См., напр.: Soboleva M. A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus. Hildesheim, 2007.

прежде всего как особой формы человеческой жизни и критика односторонности западноевропейского рационализма — это общая черта учений практически всех русских философов, даже если они занимали противоположные позиции. Так, А. И. Герцен призывал к «одействотворению» философии, настаивая на том, чтобы философ был «не только человек мысли, но человек жизни»*; И. В. Киреевский и славянофилы учили о «цельном разуме», предполагающем «чистую цельную жизнь»**, и т. д. Для Богданова само собой разумеется, что отвлеченно-теоретические размышления не имеют смысла, если они не реализуются на практике и не влияют на существование человека. Философская истина, как она трактуется в его работах, это всегда «орудие для жизни»***, а не только результат познания. В связи с этим уместно обратить внимание на то, как Богданов воспринял важные для становления эмпириомонизма эмпириокритицизм и марксизм.

Учение Маха и Авенариуса было подвергнуто критике именно за то, что, преодолевая «дуализм реальности», оно превратило его в «дуализм способа познания»****, что явилось следствием одностороннего понимания опыта, рассмотрения его только со стороны данности для познания, т. е. в отрыве от жизни познающего субъекта. Согласно Богданову, дуализм (или «двойственность») познания ничем не лучше дуализма реальности: он так же препятствует установлению монизма, сохраняя прерывность опыта и к тому же лишая его реального, жизненного содержания. Поэтому необходимо устранить дуализм, заменив его «высшим единством». Для этого Богданов предложил новое, «трудовое» понимание элементов опыта. Если Авенариус остановился на констатации того, что элементы опыта содержательно мыслятся нами как ощущения, а формально — как движение, но не стал утверждать, что элементы — это и есть ощущения и что движение выступает в качестве формы их существования, то Богданов выделяет элементы «живого» опыта и трактует их динамически, как результат противобор-

---

* Герцен А. И. Письма об изучении природы // Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 390.

** Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.

*** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 16.

**** Богданов А. А. Эмпириомонизм. С. 13.

ства различных жизненных сил. С этой точки зрения, элементы — это «кристаллы социальной активности, образуемые в потоке труда — опыта, как материал для планомерной группировки сообразно потребностям того коллектива, который является носителем или субъектом опыта»*. Таким образом, эмпириокритицизм вошел в философию Богданова не просто как теория познания, а как основание для «онтологии практики», своеобразной философии жизни, и «невинное и далекое от житейской борьбы имя» Авенариуса оказалось впутанным «в споры русских интеллигентов», посчитавших «Критику чистого опыта» «чуть ли не “символической книгой” революционного социал-демократического вероисповедания»**.

Так же был воспринят и марксизм. Богданов обращает внимание прежде всего на то, что Маркс истолковал действительность как «живую конкретную практику»***, наметив тем самым программу революционной философии, которая должна стать не простым объяснением мира, а средством его изменения. «Жизненный смысл всякого познания», сформулированный Марксом, заключается, согласно Богданову, в том, что «“истинность” тех или иных познавательных форм выражается именно в возможности строить на них “практику”, не приходя к противоречию, т. е. в конечном счете в их пригодности для координирования действий»****. Свой эмпириомонизм он считал логическим продолжением и развитием марксизма, полагая, что «жизненный смысл» должен быть реализован не только в области социальной философии, но и в общефилософском масштабе. Для выполнения этой задачи и было необходимо, по мысли Богданова, сопоставить «идеал жизни» и «идеал познания», доказав их тождественность. Важно подчеркнуть, что эта идея не представляла собой вывод из программы социального материализма, предложенной Марксом, а, скорее, она свидетельствовала о восприятии марксизма с точки зрения русской философской традиции, требующей прежде всего дела, а не отвлеченных теорий.

---

* Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 232.

** Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 36.

*** Богданов А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 113.

**** Богданов А. А. Эмпириомонизм. С. 268.

Центральная категория философии Богданова, а именно понятие эмпириомонизма также является результатом осмысления актуальной проблематики русской философии. С одной стороны, это вариант преодоления дуализма, критике которого уделяли большое внимание русские философы самых разных течений (например, Н. Г. Чернышевский и Н. О. Лосский). С другой стороны, эмпириомонизм можно понять как развитие философии «всеединства». Действительно, подобно В. С. Соловьеву, Богданов считает, что задача познания заключается в том, чтобы осознать непрерывность опыта, т. е. сделать понятным его изначальное единство. Конечно, опыт у Богданова трактуется не так, как у Соловьева, и методология его исследования принципиально иная, однако основная идея та же: подлинное знание должно быть «положительным», т. е. таким, в котором будет эксплицирована фундаментальная целостность жизни. Несмотря на кардинальное различие воззрений Соловьева и Богданова, некоторые их рассуждения по существу сходны. Соловьев, например, объясняя суть своей позиции, писал, что «так как в истине, всеединстве, каждый неразрывно связан со всем, то и субъект наш в своем истинном бытии не противополагается всему, а существует и познает себя в неразрывной, внутренней связи со всем, познает себя во всем, а чрез то и тем самым и все в себе»*. Согласно Богданову, идеал познания заключается в том, чтобы объединить «всю сумму человеческих переживаний в гармонически целостные, бесконечно пластичные формы, в которых опыт каждого органически сольется с опытом всех»**.

Реализуя в философии эмпириомонизма идею всеединства, Богданов поставил перед собой очень трудную задачу: обосновать целостность опыта исходя исключительно из опыта, не допустив при этом перенесения на понятие «опыт» метафизических характеристик. Актуальность этой задачи осознавалась и другими мыслителями, однако им не удалось, согласно Богданову, обойтись без привычного дуализма реальности и соответствующего ему сущностного мышления. Яркими примерами неудачного построения философии неметафизического всеединства являются энергетизм и материализм, в том числе

---

* Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 693.

** Богданов А. А. Эмпириомонизм. С. 36.

и диалектический. В «натурфилософии» В. Оствальда понятие «энергии», хотя и было введено с целью обоснования единой методологии познания, вскоре стало получать иную, традиционно-метафизическую трактовку: «“энергия” из чистого символа соотношений между фактами опыта у него то и дело превращается в субстанцию опыта, в “материю мира”»*. Богданов понял марксизм прежде всего как неклассическую материалистическую философию, которая «заключает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин»**, хотя и находил в нем такие «рудименты» метафизического мышления, как математические положения, законы логики, констатации факта. Отсюда его критика Ф. Энгельса, проявившего нерешительность в проведении принципа исторической обусловленности всякой истины, и Г. В. Плеханова, который к тому же пытался отстаивать метафизическое понимание материи, принимая «истины времени» за «истины на все времена».

Неметафизическая философия всеединства может быть построена, согласно Богданову, только при понимании того, что «для объективной истины надысторической — критерия нет в нашем “историческом” мире»***. Те истины, с которыми реально имеет дело познание и которые определяют существование человека, это «живые организующие формы опыта», они должны не только «открываться» или «констатироваться», а служить ориентиром в человеческой деятельности, вести за собой, давать «точку опоры в жизненной борьбе»****. Жизненное значение истины обусловливается не тем, что она вечна и неизменна, а тем, что она может служить целью совместных действий и орудием достижения этой цели. И подобно тому, как последняя цель знаменовала бы собою конец движения, а значит, прекращение жизни, так и последняя, абсолютная истина предполагала бы конец мышления творческой деятельности человека. При таком понимании истины иначе будет понят и процесс познания: он будет состоять в том, чтобы, продвигаясь от низших форм организации (субъективного опыта) к высшим (объективному опыту), зафиксировать отношения

---

* Там же. С. 224.

** Там же. С. 217.

*** Там же. С. 219.

**** Там же.

между различными комплексами элементов, определяя опыт как «бесконечно развертывающийся ряд группировок, в которых связь элементов представляет самые различные степени организованности, от самых низших, свойственных комплексам среды, до высших, свойственных психике человека»*.

Метафизическое мышление характеризуется Богдановым как мышление вульгарное и именно потому, что метафизик занимается решением «высших» вопросов. Вульгарность сказывается прежде всего в самом противопоставлении «высшего» «низшему», что свидетельствует не только о «филистерском» приспособленчестве к общепризнанным способам мыслить (и в первую очередь к дуализму), но и о том, что «высшее» на деле оказывается тождественным пошлому. Критикуя метафизику, Богданов, разумеется, не был одиноким. Антиметафизический пафос был характерен для многих русских философов конца XIX — начала XX века, даже для тех, кто считал себя противником позитивизма. Можно сказать, что стремление отказаться от «*всякой* трансцендентной метафизики»** выражало общую тенденцию в русской философии, пытавшейся обосновать свое право на «самобытность». Однако Богданов не ограничился только дискредитацией метафизических допущений, а попытался разработать альтернативные приемы мышления, противопоставив традиционным догматам метафизики принципиально новую философскую проблематику. Эмпириомонизм как реализация идеи неметафизического всеединства представляет собой такую систему философии, которая содержательно противоположна метафизике всеединства Соловьева. В этом смысле основными моментами эмпириомонизма являются *элиминация субъективности*, *обоснование этики имморализма* и *тематизация проблемы ничто*.

Практически во всех сочинениях Богданова так или иначе представлена «проблема человека», понятая им как требование разоблачения человеческого *я* — одного из наиболее дорогих и опасных для человека «фетишей», препятствующих развитию мышления и преобразованию в соответствии с ним реальности человеческой жизни. *Я* человека, выступающее в различных своих ипостасях «души», «субъекта», «личности»

---

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. С. 103.

** Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления. Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. С. 8.

и т. д., давно уже утратило присущую ему когда-то «организующую функцию» и превратилось в средство консервации отжившего, мертвого, в результате чего новое и живое вынуждено изменять себе, а вместе с этим и жизни в целом. Окаменелость *я* восстает против динамики мысли, так как заставляет ее оперировать «конечными рядами причин», вместо того чтобы продвинуться за пределы того, что воспринимается «ясно и отчетливо» (т. е. намеренно вводит в заблуждение). Обожествленное *я* — исток авторитаризма мышления и дуалистической разорванности человека, его «нечистой совести» и «частной собственности»; это вечное проклятие над человеком выдвигает категорический запрет на творчество и обрекает человека на рабство, которое рисуется ему в ярких красках «мещанского счастья».

По сути, Богданов говорит о том же, о чем позже писал и Фуко, утверждавший, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека»*. Человек как помеха воспринимать сущее как сущее, не искаженное законами «антропологического сна», человек как кривое «зеркало природы»**, в котором отражаются его собственные галлюцинации, — такой человек может сгодиться только для «филистерской обывательщины»***, против которой Богданов вел постоянную и непримиримую борьбу.

«Смерть субъекта», таким образом, становится ближайшей задачей философской критики и действенным стимулом развития философской мысли. Кроме того, Богданов видит в разоблачении *я* способ решения проблемы интерсубъективности. Действительно, поскольку представление о субъекте отражает лишь временный этап эволюции человека, связанный с дроблением коллективного опыта в результате распространения специализации, то с преодолением раздробленности исчезнет субъект, а вместе с ним и проблема непонимания. Только тогда, делает вывод Богданов, когда «всякий *строит мир* по образу

---

* Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 362.

** Ср.: Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. Интересно заметить, что проблематика созданного Рорти «мифа об антиподах» полностью соответствует идеям «марсианских рассказов» Богданова. Как антиподы, так и марсиане обходятся без представлений о «душе», «субъективности» и дуалистической картины мира.

*** Богданов А. А. Новый мир. С. 30.

и подобию своего специального *опыта*»*, возможно взаимное непонимание, но и оно является не абсолютным, а относительным, поскольку в его основе все равно лежит единство опыта. Это изначальное единство указывает и на подлинное существо человека, состоящее в его социальности. Подлинный человек — это все человечество, в котором решена проблема интерсубъективности. Отсюда следует и задача философии — «собирание человека», что значит уничтожение его *я*. Индивидуализму, по мысли Богданова, должен быть противопоставлен коллективизм — не столько как форма жизни, сколько как особая форма мышления.

Итак, элиминация субъекта отчетливо осознавалась Богдановым как актуальная философская проблема, не разрешив которую, нельзя было построить монистическую картину мира. Необходимо заметить, что устранение *я* не предполагало утверждение *мы* в качестве безусловной ценности человеческой жизни и тем более не вело к становлению «Единого Государства»**. По мысли Богданова, проект «собирания человека» является принципиально неосуществимым. Действительно, подлинное человечество как идеал познания и жизни никогда не может и не должно быть достигнуто, так как в этом случае потребовалось бы допустить «конец истории» и целый ряд других метафизических положений. Поэтому весь смысл апелляции к «подлинности» человека состоит не в том, чтобы познать идеальное, а в том, чтобы найти способы воздействия на человека реального, всегда «неподлинного» — живого. Элиминация принципа субъективности и утверждение идеала коллективизма необходимы, согласно Богданову, для того чтобы подчеркнуть взаимосвязь и взаимообусловленность *я* и *мы*, показать относительность и инструментарность этих понятий, их роль в организации опыта.

Таким образом, идеал познания, который лежит в основе эмпириомонизма, именно потому что он позволяет создать монистическую картину мира, является принципиально неосуществимым на практике, вследствие чего сохраняется динамика жизни и обеспечивается постоянное развитие философии и науки. Богданов неоднократно подчеркивал важность понимания невыполнимости задачи собирания человека. Так, задаваясь

---

* Богданов А. А. Новый мир. С. 35.

** См.: Замятин Е. И. Мы // Знамя. 1988. № 5–6.

вопросом о том, что же будет делать собранное воедино человечество, когда все противоречия, обусловленные расколотостью его опыта, будут устранены, он указывал на наличие *более глубоких* стимулов развития, благодаря которым окажется возможным избежать косности и застоя. Эти *первичные*, т. е. наиболее фундаментальные, стимулы «возникают там, где человек встречается лицом к лицу с природой, где в непосредственной борьбе с нею он сам выступает как производительная, как творческая сила»*. Тем самым задача собирания человека вновь актуализируется как *задача*, только теперь она значительно усложняется, поскольку требуется «восстановить» изначальное единство человека и природы. Человечество как целое — это всего лишь осколок универсума, и что помешает ему опять обратиться к объяснительной схеме Богданова, чтобы поставить перед собой новые цели? И поскольку природа *бесконечна*, то достижение *последней* цели никогда не произойдет, а значит, человек никогда не остановится в своем развитии. Но это значит также, что непрерывность опыта никогда не будет достигнута и субъективность не лишится права оставаться необходимым условием мышления. Субъект по-прежнему будет требовать своего разоблачения и в то же время сохранит все свои философские прерогативы.

Критика субъекта закономерно переходит у Богданова в критику индивидуалистической морали. Указывая на реактивность существующих моральных ценностей (они существуют лишь в силу наличия в опыте «отрицательной основы», придающей им смысл; так, например, идеи свободы, равенства, братства — это реакция на фактическое отсутствие этих ценностей в реальной жизни), их социально-практическую заданность и функциональность, Богданов ставит вопрос о возможности философского моделирования нравственности. Традиционная система моральных норм, наиболее точно выраженная в практической философии Канта, представляет собой рудимент индивидуалистического фетишизма, поскольку основывается на карательном императиве «угрызений совести» и стремится воспрепятствовать нравственному развитию человека. Поэтому «освободительная борьба современного *аморализма*, индивидуалистического и социального»**, приветствуется Бог-

---

* Богданов А. А. Новый мир. С. 75.

** Там же. С. 53.

дановым как средство разоблачения лживости и губительности господствующей морали, которая уже давно превратилась в систему нравственного закабаления людей и всячески способствует их всесторонней деградации. Необходимо противопоставить ей мораль новую, причем такую, чтобы она не смогла стать в будущем очередным препятствием для нравственного роста человека. Выход, полагает Богданов, лежит в преодолении стихийного движения жизни, которое должно стать движением гармоническим, т. е. «сознательно-целесообразным».

Для решения этой задачи потребовалось, во-первых, показать возможность моделирования нравственных норм непринудительного типа и, во-вторых, найти «свободный от противоречий ответ» о цели жизни, которая бы и стала центральным регулятивом новых моральных ценностей.

Согласно Богданову, нравственными нормами, свободными от принудительности и от консерватизма, могут быть «нормы целесообразности», которые не предписывают человеку его цели, а только указывают на средства их достижения. Эти нормы схожи с «научно-техническими правилами» и напоминают гипотетические императивы Канта*, они подлежат критике опыта и выражают — уже вопреки Канту — примат теоретического разума над практическим**. Богданов называет их также «формами жизни», подчеркивая тем самым естественность «норм целесообразности» и их соответствие «гармоническому развитию жизни».

Что касается вопроса о сознательно («научно») сформулированной цели жизни, то ею, считает Богданов, может быть идеал, состоящий «в бесконечно возрастающей сумме счастья». Это «счастье» *пока что* принципиально неопределимо, потому что адекватно представить себе высший (монистический) тип жизни нельзя, находясь в условиях дисгармонии. Но тем не менее, полагает Богданов, мы уже теперь способны охарактеризовать это «счастье» в основных, существенных его чертах, так как, во-первых, мы *предчувствуем* счастье в моменты экстатического созерцания красоты природы и мысли (когда «наше маленькое существо исчезает, сливаясь с бес-

---

* Кант, как известно, называл гипотетические императивы «техническими» и считал их «предписаниями умения, повелевающими всегда лишь условно» (см., напр.: Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 277).

** См., напр.: Богданов А. А. Новый мир. С. 62.

конечностью») и, во-вторых, мы *понимаем* его как стремление к большей организованности, анализируя развитие жизни. Идеал счастья, таким образом, должен быть сверхиндивидуальным (не подавляющим личность своей недостижимостью и не возвышающим ее, а устраняющим в человеке его индивидуалистическое содержание и позволяющим тем самым перейти от *я* к *мы*) и динамическим (т. е. изменяющимся в процессе эволюции жизни и ее познания). К тому же этот идеал, или «максимум жизни общества как целого, совпадающий в то же время с максимумом жизни его отдельных частей и его элементов — личностей»*, должен оставаться, как и идеал познания, принципиально неосуществимым.

Итак, новая мораль, моделируемая Богдановым, базируется на весьма необычных принципах: в основу ее кладутся нормы, лишенные нормативности, и заведомо недостижимая цель жизни. Называя новую мораль «этикой сорадования» и противопоставляя ее дуалистической «этике сострадания», он пытается утвердить «научную» нравственность в качестве цементирующего элемента единого опыта, чтобы достичь тем самым его непрерывности.

Этика сорадования, на первый взгляд, кажется абсурдной, так как предполагает выполнение внутренне противоречивой задачи — создание *морали имморализма*. Более того, эта этика обосновывается Богдановым с помощью таких положений, которые не выдерживают, по-видимому, никакой критики: легко заметить гипертрофированную зависимость новых моральных принципов от идеала общей цели, в результате чего провозглашается тезис о взаимной заменимости людей (теория «винтиков»), оправдывается «бесчувственность» к страданиям близких («товарищей»)**. Однако если обратить внимание не на форму выражения мыслей Богданова, а на их содержание, вспомнив к тому же, что он отнюдь не идеализировал «казарменного коммунизма» и отрицательно относился к нивелиро-

---

* Там же.

** Так, напр., Богданов пишет: «Товарищ дорог товарищу как гармонично с ним действующая сила в общей борьбе, как частичное живое воплощение общей цели... Товарищ выбыл из строя, товарищ погиб, — первая мысль, которая выступает на сцену, это как заменить его для общего дела, как заполнить пробел в системе сил, направленных к общей цели. Здесь не до унынья, не до погребальных эмоций: все внимание направлено в сторону действия, а не “чувства”». Там же. С. 69.

ванию «рабочей силы»*, то можно увидеть актуальность самой проблемы, разрешить которую и пытался Богданов.

Прежде всего нужно заметить, что теория «винтиков» никак не может рассматриваться в качестве конгениальной философским рассуждениям пролетарского мыслителя, призывавшего к превращению «человека-дроби» в «человека-целое». «Винтик» — это доведенная до абсурдного предела специализация человеческого опыта, следствие утраты изначального единства его родового содержания. Существо «винтика» не столько в его заменимости, сколько в том, что он *винтик* и обречен оставаться таким же, подчиняясь диктату сущности, определяющей его существование. Уникальность человека, таким образом, может быть понята не как его достоинство — достоинство отдельного человека, а как болезнь или уродство всего человечества. Конечно, отсюда не следует, что «эмпириомонист Богданов отрицательно относился к личности»**. Как раз наоборот: только освободившись от «пут самости», индивидуальности, человек впервые получает возможность развиться во всей полноте. Уметь выходить из себя, становиться другим и синтезировать в своем действительном опыте бесконечные вариации опыта возможного — вот та задача, решением которой Богданов занимался в первую очередь.

Как целое человек качественно отличается от того человека, который стал субъектом истории и как предмет философии послужил причиной ее стагнации в тупике метафизики. Это отличие сказывается прежде всего в том, что перед человеком открывается все богатство жизни, поскольку она теперь воспринимается не как жизнь личная, однозначно определенная и замкнутая в тесные рамки социокультурных условностей и индивидуальных характеристик, а как жизнь, постоянно требующая для себя все новых и новых форм, что *заставляет* человека творчески и свободно относиться к ней и к себе самому. Интерпретация жизни, какой бы удачной она ни была, лишается, таким образом, права считаться окончательной или же абсолютно истинной и вынуждена уступить место непрекращающемуся интерпретированию/экспериментированию жизни, которое только и может гарантировать бесконечность

---

* См., напр., письмо Луначарскому от 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 225—227.

** Гусев С. С. От «живого опыта» к «организационной науке» // Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов. СПб., 1995. С. 336.

ее развития. Тезис о возможности полной взаимной заменимости и исчислимости людей, «когда в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного»*, не кажется одиозным, если учесть, что в новом социуме, о котором говорит Богданов, нет человека, но есть человечество, как нет уникального опыта, а есть коллективный, и пролетарское самосознание является «живой клеткой живого коллектива»**.

Итак, как же возможна «этика сорадования», коль скоро это не простая идеологема и не лишенное смысла словосочетание? Ответить на этот вопрос помогает богдановское истолкование *свободы*, которое является своеобразным развитием практической философии Канта, хотя в конечном итоге противоречит ей по существу. Известно, что Кант считал идею свободы условием морального закона и выводил из этого понятия идеи о боге и бессмертии, утверждая их объективную реальность на основе субъективной необходимости допустить их в качестве регулятивов морального универсума. «Царство свободы», таким образом, открывало простор для веры, которая, будучи основанной на чистом практическом разуме, становилась гарантом аподиктичности всех теоретических истин. Неудивительно, что «моральное познание» было объявлено познанием высшим и полным, а теоретический разум оказался зависимым от разума практического. Но что это значит? Только то, что свобода незаметно трансформировалась в свою противоположность и что «чистое *понятие* свободы» стало играть в системе Канта роль более важную, чем указание на трансцендентальный статус свободы или ее проблематизация.

Действительно, с одной стороны, Кант характеризует свободу как проблематическое понятие, а с другой — утверждает, что это «единственная из всех идей спекулятивного разума, возможность которой хотя мы и не постигаем, но *знаем* a priori, так как она есть условие морального закона, который мы знаем»***. Выходит, что возможность свободы априорно известна, т. е. аподиктична. Другими словами: свобода как возможность всегда действительна, и поэтому она уже как-то

---

* Богданов А. А. Новый мир. С. 44.

** Богданов А. А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С. 126.

*** Кант И. Критика практического разума. С. 124.

определена, реализована, а значит, закреплена в том или ином *понятии* свободы, которое куда важнее для философского системостроительства, чем непостижимая свобода-в-себе, лишенная всякого положительного содержания. Как понятие свобода занимает строго фиксированное место в «метафизике нравов» и необходима для завершения системы трансцендентального идеализма; более того, она подчиняется необходимой логике этой системы и сама является необходимостью, поскольку обусловливает непротиворечивость и функционирование системы в целом. Вот почему Кант может сказать: «Понятие свободы, поскольку его реальность доказана некоторым аподиктическим законом практического разума, составляет опору всего здания системы чистого, даже спекулятивного, разума, и все другие понятия (о боге и бессмертии), которые как одни лишь идеи не имеют в этой системе опоры, присовокупляются к нему и с ним и благодаря ему приобретают прочность и объективную реальность, т. е. возможность их доказывается тем, что свобода действительна, так как эта идея проявляется через моральный закон»*.

Богданов критикует «метафизический идеализм», обращая внимание на то, что Кант создает, скорее, лишь новый кодекс *права*, не понимая, что «действительная, вполне реализованная свобода есть вовсе не “право”, а отрицание права»**. Свобода вообще имеет *отрицательную* природу, и любые попытки заковать свободу в рамки положительных определений заканчивались тем, что она подменялась *понятием* свободы и наделялась противоположным содержанием, так что под именем свободы являлась теперь вновь утвержденная необходимость. Известно, например, что в христианской философии проблема теодицеи решалась указанием на двойственный характер свободы: свобода как произвол — это источник греха и зла в мире, результат *неправильного понимания* человеком своей свободы, которая, правильно понятая, ничуть не противоречит необходимости и не может расходиться с божественной волей. Отсюда вывод, что свобода совсем несвободна в выборе вариантов своей реализации, что она должна быть однозначно понята и что содержание *понятия* свободы в том и состоит, что это «*познанная необходимость*».

---

* Кант И. Критика практического разума. С. 123.

** Богданов А. А. Новый мир. С. 65.

Именно такое истолкование свободы является доминирующим, и поскольку свобода как требование познать необходимость связана с ответственностью и наказанием, то нетрудно догадаться, почему в современном обществе она интегрируется в систему правовых представлений и истолковывается исключительно с юридической точки зрения. «Что такое эта свобода? Определенное *право*. Как норма правовая, она должна, следовательно, заключать в себе элементы внешнего принуждения»*. Очевидно, что такая свобода не может не служить интересам правящего *буржуазного* класса и не выполнять полицейские функции. Утверждая себя как право, свобода является как раз затем, чтобы не допустить осуществления этого права, сделать его номинальным, фиктивным. Ибо, размышляет Богданов, все говорят о «свободе» слова, союзов и т. п., но на деле ее не имеют, и никто не думает о «свободе» внутренних переживаний — мыслей и снов, о «свободе» дышать или мечтать, потому что все это просто есть и не может быть отнято у человека.

Итак, следует отличать свободу-понятие от отрицательной свободы: первая связана с необходимостью и является метафизической, вторая представляет собой не ограниченную ничем возможность и может быть названа *естественной*. Метафизически истолкованная свобода предполагает наличие у человека неизменной сущности и заставляет его коснеть в ней, объявляя все новое ложным и порочным; свобода естественная, напротив, открывает бесконечные перспективы изменения природы человека, поскольку отрицает все достигнутые им в процессе исторического развития определенности. По мысли Богданова, только отрицательная свобода может быть по-настоящему положительной, и поэтому следует освободить свободу от понятия свободы, снять с нее вечное проклятие пережившего свое время религиозного истолкования мира. Очевидно, далее, что произвол, несмотря на традиционное отождествление его с чем-то пагубным и злым, не обязательно должен таковым и являться. Он может быть причиной не только зла, но и добра — все зависит от того, в каком контексте совершается и рассматривается поступок человека. И если произвол — это всегда преступление, то разве не бывает преступлений во благо? Следовательно, свобода как произвол нравственно нейтральна, и ее нельзя осуждать единственно на том основании, что она концептуально неопределима и поэтому непредсказуема.

---

* Там же. С. 64.

Так же обстоят дела и с нравственностью. Подобно тому, как свободу нужно освободить от ее понятия, и нравственность нужно развести с моралью. Традиционная мораль сострадания построена на известном софизме, утверждающем взаимосвязь и взаимную обусловленность нравственности и религиозности. Именно потому, что удалось создать видимость убедительности тезису о том, что только человек религиозный может считаться нравственным, дальнейшее отождествление морали и нравственности стало возможным. Синтезирующее все три понятия слово «духовность», как непременный атрибут желаемого совершенства, окончательно задушило в человеке его нравственное достоинство и сделало его «свободным рабом» морали. Что же такое мораль? Прежде всего это система *понятий* о нравственности, и неудивительно, что здесь речь идет о понятиях, а не о нравственности. Нравственный поступок, поэтому, может осуждаться с точки зрения той или иной морали, а отрицающие Бога зачастую оказываются праведнее верующих. Богданов демонстрирует гетерогенность морали и нравственности на многих примерах, в том числе и указывая на обитателей Красной звезды, которые прекрасно обходятся без авторитарных норм и вечных прав, но не превращаются от этого в волчью стаю.

Этика как учение о нравственности может и должна быть *имморальной*. Одним из важнейших условий ее научности является преодоление *совести* как фундаментального постулата старой морали. Традиционно совесть играла роль глашатая истинной моральности и как таковая могла противоречить общепринятым моральным нормам, корректировать и даже отвергать их. Согласно Богданову, понятие совести получило наибольшее развитие в практической философии Канта: приняв вид безличного категорического императива, она тем самым обнаружила свое существо: оказалось, что совесть так же моральна и так же искусственна, как и все «вечные ценности», но только более чем они наделена карательной функцией. Совесть — это последнее прибежище морали, ее ultima ratio — своеобразный софизм, благодаря которому создается иллюзия прорыва в ноуменальное. С этим софизмом не справился даже Кант, и в результате критический пафос его философии сменился морализаторством в духе догматической метафизики.

Как и свобода, нравственность, согласно Богданову, естественна, и поэтому критерием нравственного должна быть не совесть, ибо она искусственна, а научно обоснованный прин-

цип, указывающий на объективные закономерности динамики нравственности как определенной системы человеческого опыта. По Богданову, таким принципом является *положительный подбор*, который и должен занять место совести в новой этике сорадования. Отныне нравственным должно считаться все, что ведет к укреплению организации опыта, что способствует собиранию человека и приближает достижение гармонии. В будущем *социалистическом* обществе, когда будет полностью реализована свобода и все люди достигнут нравственного совершенства, исчезнут представления о правах и моральных ценностях, человека перестанут мучить угрызения совести, и сострадание станет казаться таким же абсурдным и оскорбляющим человека предположением, каковым сейчас, в наше критическое время тотальной дисгармонии, кажется тезис о взаимозаменяемости людей, их исчислимости и прозрачности.

Третьим основным — и важнейшим — моментом эмпириомонизма является тематизация проблемы ничто. Действительно, философия неметафизического всеединства была бы невозможной, если бы ее предметность целиком исчерпывалась сущим. Какое бы истолкование при этом не придавалось сущему — статическое (сущностное) или динамическое («энергийное»), оно все равно было бы метафизическим. Для «преодоления метафизики» требовалось показать, что философское знание включает в себя не только опыт осмысления того, что есть, но и того, чего нет; другими словами, требовалось обосновать актуальность проблемы ничто, возможность и — более того — необходимость мыслить ничто. Это и делает Богданов.

Метафизика изначально строилась по принципу «бытие есть, а небытия нет» (Парменид), исключая тематизацию ничто в качестве предмета философского интереса. Как «слово о сущем в целом» метафизика не могла не являться системой догматического, закрытого знания, не допускающего развития, поскольку она представляла абсолютную истину. В том случае, когда предпринимались попытки осмыслить ничто, оно сразу же получало метафизическую интерпретацию и как «ничто сущего» встраивалось в соответствующий метафизический дискурс. В результате создавалась ложная уверенность в разрешимости проблемы ничто, в возможности так или иначе истолковать ничто исходя из сущего (или же бытия сущего).

Богданов, создавая эмпириомонизм как неметафизическую философию, отрицающую наличие каких бы то ни было абсолютных истин, не мог не прийти к вопросу о статусе «той непо-

стижимой вещи, которая называется — ничто»*. И важно то, что он не стал игнорировать этот вопрос и не стал предлагать какие-то решения, а зафиксировал его как проблему, подчеркнув первостепенное значение осмысления ничто для построения монистической картины мира. Таким образом, эмпириомонизм оказался возможным в результате выполнения двух условий: критики метафизического дуализма и актуализации проблемы ничто.

Что касается первого условия, то оно, как было показано ранее, выполнимо в процессе восстановления целостности опыта: «проклятые вопросы» — это вопросы раздробленного человека, и они будут оставаться актуальными до тех пор, пока будет сохраняться его раздробленность. Эти вопросы выражают недовольство стихийностью жизни и имеют смысл как критика действительности, направленная на ее преобразование. Богданов подчеркивает техническое значение метафизических теорий, а также логики (как и этики): они являются инструментами эмансипации человека и нужны ему лишь до тех пор, пока он зависим от стихийности общественных отношений и капризов «главного врага» — природы. По мере преобразования общества на принципах сознательной организации и с возрастанием власти человека над природой «проклятые вопросы» метафизики исчезнут сами собой так же, как и представление о своем *я*. Так, вопрос о сущности вещей заменится вопросом о законах их движения, поиски последней причины уступят место разработке стратегии покорения враждебных сил, а стремление к познанию конечной цели примет форму творческого и свободного моделирования идеала жизни. «Вечные» вопросы, делает вывод Богданов, уйдут в прошлое и откроют простор для решения вопросов «временных» — «вопросов жизни, а не того, что вне жизни и над нею»**.

Следует заметить, что, критикуя метафизическое мышление, Богданов сразу же дистанцируется от практики «устранения» метафизических вопросов, которую предлагали позитивисты. Позитивизм, по мысли Богданова, тоже является метафизической концепцией, поскольку, во-первых, он полностью принимает дуалистическую картину мира и, во-вторых, стремится найти «точку опоры в движении жизни», каковой и выступает

---

* Богданов А. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. С. 276.

** Богданов А. А. Новый мир. С. 89.

для него вера в логику. Поэтому «устранение» метафизических вопросов является здесь только внешним, формальным и никак не затрагивает их содержания. Кроме этого, теоретики позитивизма никак не касались проблемы ничто, осмыслению которой в «положительной» философии просто не было места.

Эмпириомонизм, задуманный Богдановым как такая философия, в которой действительно решается задача восстановления целостности опыта и неметафизического его описания, с необходимостью предполагает актуализацию проблемы ничто. Можно даже сказать, что теория эмпириомонизма — это и есть результат продумывания данной проблемы. Здесь нужно обратить внимание на следующее принципиальное для понимания эмпириомонизма соображение. Собирание опыта в целое при условии отказа от традиционных средств экспликации целостности (абсолютных истин, объективной реальности, не зависящей от человека и обусловливающей критерии истинности его суждений, и т. д.) предполагает включение смысла ничто в качестве элемента опыта. Функция ничто в концепции эмпириомонизма амбивалентна: с одной стороны, наличие смысла ничто замыкает опыт, позволяя тематизировать его как целое (отсюда — возможность идеала познания); с другой — благодаря ничто система опыта становится открытой, динамической, или «живой» (этим объясняется, в частности, «трагизм» философии, невозможность достижения идеала). Ничто, одновременно обусловливая завершенность картины мира и изнутри вскрывая ее неполноту, делает всякую истину исторически преходящей. Тем самым открывается возможность для творчества как в философии, так и в жизни.

Важно подчеркнуть, что проблема ничто не является метафизической. Очевидно, что ничто только потому и может иметь смысл, что относится к действительности человеческой жизни, координируя поступки человека и определяя ориентиры познания. Чтобы доказать важность смысла ничто, достаточно вспомнить о смертности человека. Смерть, собственно, и является наиболее распространенной фиксацией опыта ничто. Этот опыт интерпретируется или как переход в «вечную жизнь» — и тогда смысл проблемы ничто утрачивается, точнее, эта проблема вообще не ставится, что приводит к утверждению религиозно-метафизических воззрений; или он понимается как указание на принципиальную конечность человека — и тогда происходит кардинальная трансформация основополагающих

принципов мышления, приводящая в том числе и к становлению новой, неметафизической философии.

В связи с этим интересно заметить, что представители русской религиозной мысли всегда считали своим долгом вести непримиримую борьбу против смерти, т. е. против ее осмысления в контексте проблематики ничто. С особенной силой эта борьба проявилась в конце XIX века, когда в России стали известны работы Ф. Ницше, содержащие убийственную для христианского миропонимания критику идеи «спасения». В частности, Соловьев, «оправдывая добро» и доказывая, что «все нуждаются в спасении», пытался опровергнуть эстетическое (т. е. основанное на опыте ничто) понимание смысла жизни и указывал, что, прежде чем полагать смысл жизни в создании сверхчеловеческого величия и новой чистейшей красоты, «следовало бы упразднить главную уравнительницу — смерть»*.

Богданов, вопреки Соловьеву и вслед за Ницше, понимал «смерть как элемент — и главный элемент — трагической красоты жизни»**. Конечно, отсюда не следовал вывод о необходимости смирения перед смертью, пессимизма или поиска «метафизического утешения»; как раз наоборот: признание конечности человеческого существования требовало активного противодействия смерти, но не во имя бессмертия, а во имя насыщенной конечной жизни. В этом контексте становится понятной и идея переливания крови с целью максимально возможного продления жизни, реализованная Богдановым в созданном им институте: жизнь человека должна быть настолько длинной, насколько она может быть интересной и новой, но жизнь не должна быть бесконечной, поскольку в этом случае она «замкнется в безвыходном круге однообразия» и станет «невыносимой пыткой»***. Если бы действительно удалось упразднить «уравнительницу-смерть», как об этом мечтал Соловьев, то тогда бы жизнь человека не только не исполнилась смыслом, но потеряла бы даже свое эстетическое оправдание. «Вечно живое тело и вечно мертвый дух, холодный и равнодуш-

---

* Соловьев В. С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 88.

** Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928 гг. М., 1995. С. 171.

*** См.: Богданов А. А. Праздник бессмертия // Летучие альманахи. Вып. XIV. СПб., 1914.

ный, как потухшее солнце»*, — таков неизбежный итог «праздника бессмертия».

Можно указать на этапы актуализации ничто в философии Богданова. Все они выражены в емкой художественной форме в романе «Инженер Мэнни», точнее — в тех заключительных главах, где речь идет о последнем сне Мэнни, в котором ему грезятся образы смерти. Каждый «образ» представляет определенный ракурс рассмотрения проблемы ничто.

Прежде всего смерть предстала Мэнни в образе черепа. Подобно Гамлету, Мэнни беседует с ним, но, в отличие от шекспировского героя, вскоре узнает, что этот череп — он сам. «Костяная маска» охотно участвует в разговоре и с «ее стереотипной улыбкой» доказывает инженеру, что он — ничто и что после смерти ничего не будет: ни мрака, ни скуки, ни тоски. Так открывается ужас ничто: он хуже, чем муки ада, потому что даже в самых жестоких адских страданиях заключается «смутный отблеск» жизни. Мэнни протестует, не хочет верить. «Но улыбка черепа становится грустной. “Попробуй опровергнуть! — читает в ней Мэнни, — увы! — это невозможно”...»** Важная деталь — улыбающийся череп: она свидетельствует о торжестве ничто, о победе смерти над человеком. В «Тайне смеха» Богданов писал, соглашаясь с Л. Нуаре, что «очертания рта при смехе напоминают радостное оскаливание зубов хищника при виде беззащитной добычи»***. Таким образом, «насмешливая маска» не сомневается в своем превосходстве: она демонстрирует предел человека, за который нельзя проникнуть даже мыслью. Проблема ничто становится принципиально открытой.

Второй образ смерти представляет собой возврат к метафизически-утешительной интерпретации ничто. Воображению Мэнни сначала рисуется бесконечная каменная равнина с темно-свинцовым сводом неба над ней, без признаков жизни. Но потом появляется Нэлла, его возлюбленная, с черными и бездонно-глубокими глазами, без дыхания. Со «спокойствием, недоступным человеку», она уверяет Мэнни, что если человек и смертен, то человечество — нет; бессмертными следует также признать любовь, дело и творчество. Вкладывая такое дока-

---

* Там же.

** Богданов А. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. С. 276.

*** Богданов А. А. Тайна смеха. Научно-популярный очерк // Молодая гвардия. 1923. № 2. С. 178.

зательство бессмертия жизни в уста призрака, мертвеца, Богданов показывает, что оно создает лишь видимость решения проблемы; в действительности же оно усугубляет несчастное положение человека, скрывая от него проблему ничто.

Третий образ: кроваво-красный шар — гаснущее Солнце. Погибнут все. Ничто возвращается как «конец сиянию мысли, усилиям воли, конец радости и любви»*, как последний суд и окончательный приговор, на который нет апелляции. Жизнь не скрывает жестокого равнодушия к гибели своих разнообразных форм, в том числе и тех, которые еще недавно считали себя «сущностями»: теперь они все иллюзия, «и нет им наследника, кроме немого, вечного эфира, которому все равно»**. Простой иллюзией оказываются также идеалы «всеобщего счастья», «организационной науки», «монистической философии» и т. д. «Зачем сплетало солнце фальшивую ткань жизни из своих призрачных лучей? Какое издевательство!» Безответность «зачем?» подводит итог всему, что было целью или средством, что имело смысл и значение. «Скелет был прав: этот итог ничто»***.

Итак, актуальность философии эмпириомонизма Богданова определяется сейчас прежде всего тем, что она представляет собой весьма перспективный вариант развития русской философии. Идея неметафизического всеединства требует дальнейшей теоретической разработки.

---

* Богданов А. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. С. 278.

** Там же.

*** Там же.

А. А. Парамонов

Мир за пределами сказанного: Синематографическая оптика в романе Александра Богданова «Красная звезда»

Видеть связь общения там,
где не может ее видеть индивидуалист...
Александр Богданов

В истории в российской революционной социал-демократической мысли давнюю историю имеет вопрос о культуре и революции. Активное обсуждение этого вопроса начинается после подавления рабочих вооруженных восстаний 1905–1907 годов. Самый заметный участник этих дискуссий – Александр Богданов, один из инициаторов постановки самого вопроса о пролетарской культуре. Именно в слабости, несформированности собственной классовой культуры он видит одну из основных причин поражения пролетариата.

Идея пролетарской культуры становится для Богданова важнейшей темой его жизни и творчества на долгие годы. С самого начала Богданов не ограничивается лишь теоретическим обоснованием идеи пролетарской культуры, но стремится придать ей практическое звучание. Он будет отстаивать свою линию внутри РСДРП, несмотря на последующие, начиная с 1908 года, попытки Ленина дискредитировать его

взгляды. Вместе с Максимом Горьким он выступит организатором школ для активистов-пролетариев на Капри (1909) и в Болонье (1910), будет принимать в них самое активное участие в качестве одного из преподавателей. В эти же годы он занимается изданием сборников статей по вопросам пролетарской культуры, предпринимает попытку организовать выпуск специальной образовательной энциклопедии для рабочих.

Не откажется он от идеи развития пролетарской культуры и после 1913 года, когда по причине несогласия с руководством партии будет вынужден оставить партийную деятельность. После Февральской революции Богданов выступит инициатором создания и станет одним из руководителей всероссийского движения по развитию пролетарской культуры — «Пролеткульта». «Пролетарская культура, — будет утверждать он, — определяется в основе не борьбой, а трудом, не разрушением, а творчеством. Ее душа — это ее положительные элементы. Жизнь, проникнутая коллективизмом, трудом, освобожденным от фетишей, единая в своих целях и в своих методах, — как это называется? Социалистический идеал. Вот, что такое пролетарская культура»*. Лишь такой уровень развития пролетарской культуры, при котором пролетариат способен предложить свое коллективистское мировоззрение в качестве общечеловеческого, считает Богданов, открывает возможности свершения пролетарской революции и перехода к социализму. Попытка же осуществить социалистические преобразования при относительной слабости пролетарской культуры будет, прозорливо предупреждает он большевиков в 1918 году, «программой авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям... Единственным концом авантюры явилось бы длительное царство Железной пяты»**.

Практическим воплощением мечты о коллективизме он будет движим все последующие годы, когда вынужденный под давлением партийных критиков оставить Пролеткульт, организует вместе с единомышленниками группу «физиологического братства» и попытается реализовать свою давнюю идею обменного переливания крови***.

---

* Богданов А. А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весной 1919 г. М., 1920. С. 91.

** Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 38.

*** Подробнее о коммуникативном смысле обменного переливания см.: Парамонов А. А. Социализм в настоящем. Коммуникативная логика обмен-

* * *

К практическому развитию идеи пролетарской культуры можно отнести и литературную деятельность Богданова. Его научно-фантастические романы: «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913) предстают своего рода творческими лабораториями, где в свободной от обязательств научной строгости форме предлагаются и исследуются представления о социалистической революции, коллективистской культуре и будущем цивилизации. Здесь же мы можем заметить и первые, предварительные наброски его будущего грандиозного проекта всеобщей организационной науки — тектологии, над теоретическими основаниями которой он будет работать позднее.

Несмотря на отмечаемую критиками определенную сухость литературного стиля Богданова, представленные в художественной форме концептуальные схемы получают, тем не менее, образную наполненность и даже жизненность, в которой ощущаются импульсы своего времени. Можно выделить целый ряд ясно и отчетливо артикулированных в романе социальных и политических вопросов, вокруг которых шла в те годы широкая полемика.

Но наряду с этим в этих романах можно встретить описания событий, взаимоотношений, переживаний, которые Богданов характеризует как «смутные» и «туманные», как бы нарочито противопоставляя их научному идеалу «ясности» и «отчетливости». На наш взгляд, помечаемое этими словами нельзя целиком свести к какому-то своеобразному литературному жесту или стилистическому украшению. Не несут эти высказывания и негативного оттенка.

Эти моменты «смутного» и «туманного» в повествовании далеко не случайны. Их повторы упрямо свидетельствуют о возможности иного слоя коммуникативных связей и отношений, с которыми работает Богданов, и этот слой мы можем легко потерять за фасадом ярких идей, революционных лозунгов и теоретических рассуждений.

ной гемотрансфузии Александра Богданова // Культура и революция: фрагменты советского опыта 1920—1930-х гг. / отв. ред. Е. В. Петровская. М., 2012. Гл. 1. С. 6—27, а также: Парамонов А. А. Социализм в настоящем. К истории обменной гемотрансфузии Александра Богданова // Синий диван. 2010. № 15. С. 93—106.

* * *

Обратимся к роману «Красная звезда». В этом романе Богданов попытался представить возможную встречу человечества с иной, более высокоразвитой, коллективистской культурой. Один из важнейших вопросов, в поисках ответов на которые Богданов обращается к инструментам литературы, это вопрос о возможности освоения более развитой культуры как один из важных моментов в становлении новой пролетарской культуры.

Само определение автором жанра, в котором написано это произведение, как «утопия»*, говорит, что его внимание отчасти обращено и к тому, что можно было бы назвать относительно слабыми силами или взаимодействиями. Дело в том, что утопия, как он разъясняет в другом месте, по своему определению «выражает стремления, которые не могут реализоваться, которые ниже сопротивления»**.

Повествование в романе ведется от лица главного героя Леонида, человека социалистических убеждений и на момент описываемых в романе событий активного участника подготовки революции в России. Его соратник, недавно включившийся в революционную работу, оказывается представителем группы марсиан, тайно изучающих нашу планету. Он предлагает Леониду как носителю передовых социалистических идей отправиться с ним на Марс для знакомства с более развитой цивилизацией, давно уже достигшей социализма, на что тот дает согласие.

Первое, что по прибытии на Марс отмечает герой романа, это ярко красный цвет окружающей природы. На «заботливое» предложение марсиан воспользоваться очками, которые предохранили бы его глаза от раздражения, он отвечает отказом: «Это цвет нашего социалистического знамени <...> Должен же я освоиться с вашей социалистической природой»***. В целом его первые впечатления от Марса — это цвета и формы: глубокое темное небо зеленоватого цвета с «похудевшим» Солнцем и двумя восходящими утром и вечером звездами — Землей и Венерой, характерная однотипная архитектура домов, в которых живут марсиане: двухэтажные здания с прозрачной крышей из голубого стекла, под которой размещаются спальня и комната

---

* Именно с таким уточнением звучит название произведения в первом издании: Богданов А. Красная звезда. (Утопия). СПб., 1908.

** Богданов А. А. Инженер Мэнни // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 256.

*** Богданов А. А. Красная звезда // Там же. С. 135.

для «дружеских бесед», где вечерами марсиане любят отдыхать при естественном голубовато-зеленом освещении, не находя, как с некоторым удивлением отмечает Леонид, мрачным тот оттенок, который оно придает их лицам.

С первых же дней пребывания на чужой планете герой пытается включиться в марсианскую жизнь. За долгое космическое путешествие до Красной планеты он освоил язык ее обитателей и теперь каждую минуту рассчитывает потратить на изучение открывшегося перед ним совершенного мира. Леонида не покидает ощущение огромной ответственности, которая легла на него. Не сразу он находит слова, которые передавали бы это чувство: «...послужить началом действительной взаимной связи двух миров, между которыми я, социалист, находился на границе как бесконечно малый момент настоящего — между прошлым и будущим»*.

Будучи человеком социалистических убеждений, первое, с чего он решает начать свое знакомство с Марсом, это система организации труда и производственные процессы. Он узнает, что высокая степень автоматизации производства позволила марсианам избавить работников предприятий от тяжелого, узкоспециализированного, однообразного труда, сведя их функции к управлению различного рода машинами. В силу универсальности и простоты освоения необходимых для такого рода операций приемов каждый волен поменять в любой момент профессию и может это сделать либо по своему усмотрению, либо откликаясь на оперативные данные о потребностях экономики планеты в той или иной специальности. Отлаженный статистический учет и высокоскоростные средства коммуникации позволяют каждому без ущерба для производства определять для себя подходящее место, объем и продолжительность работы** — своего рода воплощение марксистской идеи «всесторонней подвижности работника»***, который из «простого носителя известной частичной общественной функции» становится «всесторонне развитым индивидуумом»****.

---

* Там же. С. 159.

** «Влияние статистики непрерывно сказывается на массовых перемещениях труда, но каждая личность свободна», см.: Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 143.

*** См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 306.

**** Там же. С. 307.

* * *

С необычайным воодушевлением Леонид приступает и к освоению научных и технических знаний нового мира, не оставляет без внимания и другие сферы жизни марсиан.

Ощущение «своеобразной магии, странной магии, спокойной и холодной»* вызывает у него своей организованностью и согласованностью общественная жизнь марсиан, а скорость исполнения решений, принимаемых на общих собраниях почти всегда единогласно, производит впечатление «сказочной».

Однако во время посещения художественного музея из беседы со знакомым марсианином Леонид с удивлением узнает, что преобладающим литературным жанром нового мира является трагедия или, точнее, «трагедия целого»**. Основу сюжетов современной трагедии, по словам его собеседника, составляют глубокие жизненные противоречия, возникающие из ограниченности отдельного существа по сравнению с целым, из «бессилия вполне слиться с этим целым, вполне растворить в нем свое сознание и охватить его своим сознанием»***. Вскоре герой романа обнаруживает своего рода тотальность этого жанра или, точнее, многообразие механизмов, направленных на решение этой проблемы. Так, оказавшись после посещения музея на экскурсии в «лечебнице», он находит, что сюжеты «трагедии целого» не ограничиваются лишь сферой идей, а разыгрываются и на физиологическом уровне в форме «товарищеского обмена жизнью» — практике обменного переливания крови, в которую оказывается вовлечено все без исключения население Марса. Эта практика, как объясняет Леониду сопровождающий его по лечебнице, состоит в одновременном взаимном обмене кровью между двумя или более индивидуумами. Марсиане регулярно включаются в этот процесс и в результате, делясь с другими накопленным иммунитетом, оздоровляют и даже омолаживают друг друга, взаимно продлевая свою жизнь на десятки лет. Отсутствие такой практики на Земле он объясняет господством там «психологии индивидуализма, которая отграничивает <...> одного человека от другого, что мысль об их жизненном слиянии для <...> ученых почти не доступна»****.

---

* Богданов А. А. Красная звезда. С. 160.

** Там же. С. 154.

*** Там же.

**** Там же. С. 158—159.

Конечно же, в романе мы можем указать многочисленные сюжеты, так или иначе связанные с вопросами пролетарской культуры или коммунистической культуры в целом. Однако именно в связи с этими вопросами возникает тема «смутного» и «туманного».

Так об увиденных в музее скульптурах герой может сказать лишь намеками: «только отрывочные указания на то, что... всего более поразило». Крайне скупо передает он содержание характерных сюжетов изобразительного искусства, ограничиваясь лишь самыми общими характеристиками: «чрезвычайная простота и единство мотива. <...> Любимые темы новейших художников — экстаз творческой мысли, экстаз любви, экстаз наслаждения природой, спокойствие добровольной смерти...»*

Трудности при попытке передать понятие красоты увиденного он объясняет тем, что для этого необходимо «быть самому к ней органически причастным...» Он пытается объяснить отмечаемую им «странность», «полупризрачность» своих впечатлений постоянно присутствующим у него «то ясным, то смутным» сознанием того, что перед ним образы чужого мира, и все же обнаруживает возможность иного объяснения: «...прекрасное женское тело этих статуй и картин вызывало во мне непонятное чувство, как будто совсем непохожее на знакомое мне любовно-эстетическое влечение, а похожее скорее на те неясные предчувствия, которые волновали меня когда-то давно, на границе детства и юности»**.

Чтение художественной литературы нового мира также не приносит ему чувства привычно ожидаемого от такого рода занятия. Чтение не дарит ему ни отдыха, ни успокоения. Скорее ощущается «внутренняя чуждость» литературных образов. Попытка же «глубже» проникнуть в них, сделать их «близкими и понятными» приводит к обратному результату: «образы становились призрачными и одевались туманом»***.

И театральные постановки оставляют у Леонида лишь «чувство непонятного». «Сюжеты были просты, игра превосходна, а жизнь оставалась далекой. Речи героев были так сдержанны и мягки, поведение так спокойно и осторожно, их чувства подчеркивались так мало, как будто они не хотели навязывать

---

* Там же. С. 150.

** Там же.

*** Там же. С. 160.

зрителю никаких настроений...»* Лишь в исторических пьесах из далекого марсианского прошлого он ощущает знакомую «энергичность» игры актеров и «откровенность» выражения чувств.

Как можно понять из того, что сообщает Леонид, «смутность» и «нечеткость» его восприятия была связана не с нечеткостью самих образов, которые проходили перед ним (художественные образы нового мира были «несложны и ясны», сюжеты театральных постановок — «просты», игра актеров — «превосходна»), не с его неспособностью сделать эти образы еще более ясными (все лишь еще больше обволакивалось туманом). Скорее речь может идти о чем-то, что уклонялось именно от репрезентации в образах, что проявлялось лишь косвенно и обращалось к переживаниям, предшествующим индивидуальному бытию воспринимающего, к переживаниям «на границе детства и юности».

* * *

Однако «несмотря на все», было «одно обстоятельство», которое вновь и вновь «привлекало... с особенной силой» нашего героя в один из театров городка, в котором он тогда жил на Марсе. Причина этой привлекательности состояла в том, что в этом театре «не было актеров». Вот как описывает постановки этого театра Леонид: «Пьесы, которые я там видел, либо передавались оптическими и акустическими передаточными аппаратами из далеких больших городов, либо <...> были воспроизведением игры, которая была давно...»** Как мы понимает, речь идет о кино. Но воображение Богданова рисует это марсианское искусство значительно более совершенным технически по сравнению с существовавшим на тот момент кинематографом: «Марсиане, зная способы моментального фотографирования в естественных цветах, применяли их для того, чтобы фотографировать жизнь в движении, как это делается для наших кинематографов. Но они не только соединяли кинематограф с фонографом, как это начинают делать у нас на Земле, — пока еще весьма неудачно, — но они пользовались идеей стереоскопа и превращали изображения кинематографа в рельефные»***. Однако это техническое совершенство пере-

* Богданов А. А. Красная звезда. С. 160.

** Там же. С. 160—161.

*** Там же. С. 161.

дачи изображения и звука производит в сознании Леонида неожиданный эффект: «Было странно видеть ясно и отчетливо живых людей, которые движутся, действуют, выражают свои мысли и чувства, и сознавать в то же время, что там ничего нет, а есть матовая пластинка и за нею — фонограф и электрический фонарь с часовым механизмом»*.

Кроме своего рода картезианской «ясности и отчетливости» изображения и звука, Леонид ничего не сообщает ни о художественных достоинствах оказавшихся столь притягательных для него представлений «без актеров», ни о своих репертуарных предпочтениях. Нет ни слова о его постоянном стремлении, как это было в случае театральных постановок, попытаться делать видимые образы ближе или понятнее. И вряд ли это можно объяснить лишь «сухостью» его стиля.

В целом можно сказать, что Богданов описывает переживания зрителя кино начала XX века. И в свидетельствах такого рода переживаний он не одинок. Если оставить в стороне эффекты придуманные им технические усовершенствования и связанные с ними особые «ясность и четкость» марсианских изображений, то описание зрительского опыта кинематографического представления как переживания необъяснимой завороженности видимым в общем-то характерно для времени написания романа. В качестве примера подобного описания можно привести фрагмент из письма Зигмунда Фрейда, которое он отправил своей семье из Рима в сентябре 1907 года.

«Мои дорогие!

На Пьяцца Колонна, недалеко от которой, как вы знаете, я остановился, каждый вечер собирается несколько тысяч человек. Вечерний воздух действительно превосходен; в Риме ветрá редкость. За колонной располагается военный оркестр, который играет каждый вечер, на крыше дома на другом конце площади установлен экран, на который *società Italiana* проецирует световые слайды. В действительности это реклама, и чтобы привлечь публику они чередуются изображениями ландшафтов, негров из Конго, ледниковых склонов и т. п. Но поскольку этого недостаточно, скука прерывается короткими кинематографическими представлениями, благодаря которым взрослые дети (включая вашего отца) смиренно терпят рекламу и монотонные фотографии. Они [рекламодатели. — *А. П.*] чрезвы-

* Там же.

чайно скупятся на эти лакомые кусочки, поэтому я вынужден смотреть одно и то же снова и снова. Когда отворачиваюсь, чтобы уйти, то ощущаю некоторое напряжение в чуткой толпе [der Menge aufmerksam], которое заставляет меня взглянуть вновь, — и точно, началось новое представление, и поэтому я остаюсь. До девяти вечера я нахожусь под действием чар [soder Zauber zu wirken]; позже начинаю чувствовать слишком одиноко в толпе, поэтому возвращаюсь к себе в комнату и пишу вам...»*

Фрейд ничего не сообщает о содержании вновь и вновь просматриваемых им «лакомых кусочков», как, впрочем, не делится такого рода подробностями и герой Богданова. Но не эти подробности являются определяющим. Не содержательность представления, его новизна или оригинальность заставляют Фрейда оставаться «под действием чар», а героя Богданова вновь и вновь возвращаться в тот маленький театр марсианского городка, а «напряжение чуткой толпы», по меткому замечанию Фрейда, возможность испытать эту общность переживания образов «жизни в движении», эти ничем не отмеченные изображения чужой жизни, проецируемые на матовую поверхность экрана, за которой «ничего нет».

В случае Фрейда переживание общности сменяется в итоге чувством одиночества, которое он испытывает, обнаруживая себя окруженным толпой, чувством страха перед только что случившимся растворением в коллективных переживаниях. Письмо выступает своего рода способом возвращения к индивидуальному восприятию; описывая своей семье, близким другим произошедшее с ним, он восстанавливает привычный порядок чувств.

Герой Богданова завершает описание своего зрительского опыта несколько иначе: «Это было почти мистически странно и порождало смутное сомнение во всей действительности»**. К ощущению мистичности переживания добавляется захватывающее чувство возможности распространить эту внезапно открывшуюся общность удовольствия на восприятие всего мира. Это переживание вполне объяснимо сверхреализмом стереоизображения и стереозвука, которым Богданов одарил марсианский кинематограф.

---

* Цит. по: Crary J. Suspensions of Perception. Attention, Spectacle, and Mordern Culture. Cambridge, 1999. P. 363.

** Богданов А. А. Красная звезда. С. 161.

Однако есть и другая сторона подобных технологий. И последующая история развития кино свидетельствует о проявлении неожиданных эффектов, связанных, в частности, с освоением видеоизображением звука, а позднее цвета. Дело в том, что возрастание реализма изображения вело к ослаблению метафоричности кинообразов. Но обедняя и даже разрушая ставшим уже привычными образные переживания, этот уход метафорики открывает в то же время возможность высвобождения в кинематографе тех слабых связей и «напряжений», которые до этого оставались заслоненными ею.

Этому же будет способствовать и утрата в определенной степени сенсомоторных связей зрителя с изображением, также обусловленная развитием технологий создания и представления образов, когда скорость движения кинообраза, его реакции на изменения внешнего окружения, оперативность принятия решений и интенсивность переживаний начинают превосходить человеческие возможности.

Возвращаясь в связи с этим к роману, стоит вспомнить осознание главным героем в какой-то момент значительной ограниченности своей земной сенсомоторики по сравнению с марсианской. Он назовет это нехваткой «культуры внимания»*, которая станет неожиданным препятствием на пути его активного включения в производственную деятельность на Марсе.

* * *

Ослабление метафоричности кинообразов и сенсомоторной включенности зрителя в истории кино прослеживается и в изменении сюжетных решений. Жиль Делёз так описывает сюжетные изменения, характерные для послевоенного кинематографа 1950—1960-х годов, которые связаны именно с определенной утратой сенсомоторных связей зрителя с изображением и ослаблением метафорики, вызванными отчасти освоением звукозаписи и цвета: «Это чисто оптические или звуковые ситуации, и персонаж, попавший в них, не знает, как отвечать, — это “охладевшие” пространства, в которых он перестает переживать и действовать; он обращается в бегство, начинает бесцельные прогулки, маятникообразные движения, — при смутном безразличии к тому, что с ним происходит, и нерешительности относительно того, что ему следует предпринять. Но то,

* Там же. С. 171.

что он утратил в сфере действия или реакции, он компенсирует прозорливостью: он ВИДИТ, и в итоге проблемой зрителя становится “что следует в образе разглядеть?” (а уже не “что мы увидим в следующем образе?”»*

Но происходит уже не только изменение характера восприятия, меняет сам субъект восприятия. Зрителю открывается иной смысл, не тот, что предполагается лежащим в глубине вещей, скрытым за внешним их проявлением, а тот, который можно назвать опытом «чувственности сообщества», сообщества, которое коммуницирует внутри себя посредством общих образов, — образов, содержательно пустых и случайных, не сводимых ни к репрезентации, ни к пониманию, ни к обмену информацией**.

То, как развиваются последующие события в романе, связанные с болезнью Леонида, которую, на первый взгляд, легко объяснить его переутомлением, рассмотренное через оптику послевоенного кино, открывает иное измерение происходящего.

* * *

В силу стечения обстоятельств Леонид оказывается на какое-то время в одиночестве, вне окружения знакомых ему марсиан, отношения с которыми у него сложились еще до прибытия на Марс, нет никого поблизости, рядом с кем он мог бы привычно ощущать себя все тем же. Он по-прежнему продолжает свои занятия, отмечая, что они стали продвигаться успешнее. «То, что я изучал, как-то механически легко и свободно стало укладываться в моей голове, и при этом ощущение было таково, словно голова совершенно пуста и в ней можно поместить еще очень, очень много»***. При этом его перестает волновать невозможность следовать «старой привычке» и формулировать для себя то, что он узнает. К нему приходит ощущение «неважности» всего этого.

Но постепенно Леонид начинает замечать утрату способности внимания: «Мысли отвлекались то и дело то в одну, то в другую сторону; яркие воспоминания, часто очень неожиданные и далекие, всплывали в сознании и заставляли забывать окружающее, отнимая драгоценные минуты. <...> Все чаще

---

* Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М., 2004. С. 606.

** Аронсон О. В. Коммуникативный образ. М., 2007. С. 330.

*** Богданов А. А. Красная звезда. С. 161.

меня тревожило какое-то странное, беспокойное чувство, точно было что-то важное и спешное, чего я не исполнил и о чем все забываю и стараюсь вспомнить. Вслед за этим чувством поднимался целый рой знакомых лиц и минувших событий и неудержимым потоком уносил меня все дальше назад, через юность и отрочество к самому раннему детству, теряясь затем в каких-то смутных и неясных ощущениях»*.

Не в силах преодолеть усиливающуюся в нем рассеянность внимания, но желая продолжать свою работу, Леонид предпринимает организационные усилия. Он собирает в своей комнате «целые груды книг, раскрытых заранее на нужном месте, таблиц, карт, стенограмм, фонограмм», но в итоге вынужден будет признать, что попытка как-то организовать себя порождает лишь серии хаотичных бесцельных блужданий, «прогулок» и ведет только к усилению рассеянности.

Однако он обнаруживает пространство, в котором его распадающееся сознание находило опору. Таким пространством оказывается пустота, беспредметность темно-зеленого марсианского неба, в которую он всматривается вечерами: «Когда я ложился в постель и смотрел сквозь стеклянную крышу на темное небо, тогда мысль начинала самовольно работать с удивительной живостью и энергией. Целые страницы цифр и формул выступали перед моим внутренним зрением с такой ясностью, что я мог перечитывать их строчка за строчкой. Но эти образы скоро уходили, уступая место другим; и тогда мое сознание превращалось в какую-то панораму удивительно ярких и отчетливых картин, не имевших уже ничего общего с моими занятиями и заботами: земные ландшафты, театральные сцены, картины детских сказок спокойно, точно в зеркале, отражались в моей душе…»

Эти потоки исчезающих, сменяющих друг друга земных образов, ландшафтов, сцен из детства не вызывают у Леонида какого-либо особенного волнения, но «только легкое чувство интереса или любопытства, не лишенное очень слабого приятного оттенка». В последнем замечании нельзя не расслышать уже знакомую интонацию испытанного им прежде зрительского опыта. Вместе с нашим героем тысячи марсиан каждый вечер всматриваются сквозь стеклянные крыши в пустоту марсианского неба. Быть может поэтому их не беспокоил тот ве-

---

* Там же. С. 162.

черний «мрачный оттенок» на их лицах, отмеченный когда-то Леонидом?

Постепенно происходит распространение этого «коллективного» опыта восприятия образов на внешний мир: «Эти отражения сначала проходили внутри моего сознания, не смешиваясь с окружающей обстановкой, потом они ее вытесняли»*. Леонида начинают преследовать голоса «знакомые и незнакомые», а поток «живых образов, воспоминаний и фантазий» не прекращался уже и днем. «Окружающее как-то бледнело и терялось за ними и приобретало призрачный оттенок»**.

С какого-то момента его сознание настигает «оргия призраков».

«Многого я, конечно, не помню, и, кажется, сознание часто спутывалось у меня наяву, как во сне. Приходили и уходили или просто появлялись и исчезали самые различные люди, с какими я встречался в своей жизни, и даже совершенно незнакомые мне. Но между ними не было марсиан, это были все земные люди, большей частью те, которых я давно не видал... <...> галлюцинации продолжались и усиливались, превращаясь в целые связные, но нелепо-бессодержательные разговоры большею частью между неизвестными мне лицами: то пассажир торговался с извозчиком, то приказчик уговаривал покупателя взять у него материю, то шумела университетская аудитория, а субинспектор убеждал успокоиться, потому что сейчас придет господин профессор»***.

Незнакомые лица, случайные, нелепо-бессодержательные, чужие разговоры. Что это как не мир повседневности, окружавший его на Земле, мир, который он делил вместе со всеми вне каких-либо социальных, политических или групповых пристрастий, призрачный мир разделяющих коллективную чувственность, сообщество за рамками какого-либо революционного коллективизма.

Именно с момента открытия этого мира начинается процесс «выздоровления» Леонида, постепенно оставляет его и тревога, связанная с «долгом перед человечеством». Быть может, открытый им пласт повседневности и был тем «мгновением настоящего», которым он намеревался стать, когда прилетел

---

* Богданов А. А. Красная звезда. С. 162.

** Там же. С. 163.

*** Там же.

на Марс, не предполагая подлинного содержания этого заявления, и прикосновение к этому «настоящему» открыло ему возможность вхождения в будущее, в новый незнакомый коллективистский мир?

И вот мы застаем Леонида, когда он смотрит в окно на темнеющую красную «зелень» парка, в которой он уже не видит «ничего чуждого его сердцу»*. Он встречается взглядом с Нетти, марсианкой — это его возлюбленная, «светлый призрак», как он ее называет, «ее большие, глубокие глаза, зеленовато-синие, как небо ее планеты»**, становятся для нас свидетельством того, что герой обретает новый коллективистский мир. Лицо другого, лицо марсианского мира замещает прежнее видение сине-зеленой пустоты ночного марсианского неба, или точнее, они становятся для него теперь неразличимы.

Читая роман Александра Богданова через оптику кинематографического сценария, в поисках ответов о судьбе пролетарской культуры мы открываем вместе с героем романа мир, который не вмещается в рамки какого-либо политического и социального конструкта. В его непроявленной универсальности, обнаруживаемой предложенной нами синематографической оптикой, неожиданно проступает время, но уже наше, и к Александру Богданову, автору романа, мы можем в полной мере отнести слова, которые он когда-то сказал о Марксе: «…протаскивает… за пределы того, что сам сказал»***.

---

* Там же. С. 165.

** Там же. С. 166.

*** Богданов А. А. Гениальность и талант с социологической точки зрения // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 13. Л. 39. Цит. по: Гловели Г. Д. А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 85.

П. Чони

А. А. Богданов, М. Горький, А. В. Луначарский и Каприйская школа
(по материалам Архива А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и Бахметевского архива)

История Высшей школы для рабочих на Капри, основанной А. А. Богдановым, М. Горьким, А. Луначарским и Г. Алексинским, долгое время была вычеркнута из советской историографии. Причина такого damnatio memoriae была в глубоких политико-философских различиях в толковании марксизма, лежащих в основе конфликта, приведшего к противостоянию между Лениным и Богдановым. Этот конфликт развился в период, непосредственно предшествующий созданию Каприйской школы, и касался самого определения большевизма. В первом десятилетии XX века теоретические расхождения между ленинистами и богдановцами были существенными, и обе группы считали себя истинными хранителями духа большевизма. Таким образом, прения, возникшие внутри фракции, представляли собой прежде всего борьбу за «ортодоксальность» между двумя течениями, обладавшими одинаковым политическим весом. «Краткий курс истории ВКП(б) СССР»*, опублико-

---

* История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.

ванный в 1938 году, на десятилетия сосредоточил толкование истории большевизма вокруг того, что считалось официальной интерпретацией, вычеркнув все фигуры политических активистов, противостоящих Ленину и выразивших свое несогласие с официальной линией партии. О конфликтах внутри большевистской фракции в годы, предшествующие революции, было известно мало, и только некоторые западные марксисты полностью осознавали принципы, лежащие в основе советской «ортодоксальности», которая с начала 1930-х годов стала диктовать правила в целом ряде областей: от литературы до экономики, от философии до истории. «Ортодоксальная» интерпретация, предписанная Сталиным, была принята полностью и безоговорочно, все возможные альтернативы исключены. Александр Богданов, который после революции 1905 года стал одним из самых видных большевистских лидеров, отстаивающих видение марксизма, радикально отличавшееся от ленинского, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» был охарактеризован как «ревизионист». Аналогичным образом поддержка Горьким идей Богданова и его активное участие в создании школы, в десятках посвященных ему исследований, представлялась как малозначительный эпизод в биографии писателя. К тому же Высшая школа для рабочих на Капри (август — декабрь 1909 года) из истории партии исчезла и отныне как в России, так и на Западе стала рассматриваться — в зависимости от точек зрения — либо как эксцентричный опыт, либо как выражение самого злокозненного ревизионизма. Интерес к идеям Богданова возродился на Западе в середине 1960-х годов, когда благодаря трудам целого ряда исследователей (среди которых были Д. Грилль*, А. Яссур**, К. Г. Баллестрем***,

---

* Grille D., Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie, Wissenschaft und Politik. Köln, 1966.

** Yassour A. Bogdanov et son œuvre // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. № 3—4. P. 546—584; Yassour A. The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plechanov, Lenin // Studies in Soviet Thought. 1983. Vol. 26. P. 21—38; Yassour A. Bogdanov-Malinovsky on Party and Revolution // Studies in Soviet Thought. 1984. Vol. 27. P. 225—236; Yassour A. Philosophy-Religion-Politics: Borochov, Bogdanov and Lunacharsky // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 31. P. 199—123.

*** Ballestrem K. G. Lenin and Bogdanov // Studies in Soviet Thought. 1969. Vol. 9. № 4. P. 283—310.

К. Е. Бейлз*, Ю. Шеррер**, В. Страда***, позднее Р. Уильямс****, З. Сохор***** и многие другие) фигура этого большевистского лидера, оригинальность и богатство его философской и политической мысли получили принципиально новую оценку. В начале 1990-х годов был открыт доступ к советским архивам, и впервые оказались опубликованными неизвестные документы о жизни и деятельности А. Богданова, в частности, трехтомник «Неизвестный Богданов»****** с предисловием Дж. Биггарта*******, Д. Стейлы и Г. Горцки; после этого вышла также серия работ Г. Гловели********, в том числе

---

* Bailes K. Lenin and Bogdanov: the End of an Alliance. New York; London, 1967. P. 107–133.

** Богатейшая библиография Ю. Шеррер о Богданове и Каприйской школе представлена в сборнике: Scherrer J., Steila D. Gor'kij – Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908–1911). Roma, 2017 (Шеррер Ю., Стейла Д. Горький, Богданов и Каприйская школа. Неизданная корреспонденция).

*** Strada V. Né fedené scienza // Fede e scienza. La polemica su "Materialismo ed empiriocriticismo" di Lenin. Alexandr Bogdanov e altri, Torino, 1982.

**** Williams R. C. Collective Immortality. The Syndicalist Origins of Proletarian Culture, 1905–1910 // Slavic Review. 1980. Vol. 39. № 3. P. 389–402; Williams R. C. The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics 1904–1914. Bloomington; Indianapolis, 1986.

***** Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy. Ithaca; London, 1988.

****** Неизвестный Богданов: В 3 кн. М., 1995.

******* Biggart J., Gloveli G. D., "Socialism of Science" versus "Socialism of Feelings": Bogdanov and Lunacharsky // Studies in Soviet Thought. 1991. Vol. 42. №. 1. P. 29–55.

******** Гловели Г. Д. Не-богостроительство и не-вампиризм: демифологизация творческого наследия А. А. Богданова // Полилог. 2018. Т. 2. № 4(6); Гловели Г. Д. А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 79–100; Гловели Г. Д. Триумвиры большевигенции // Вестник международного института А. Богданова. 2005. № 1(21). С. 29–79; Gloveli G. La scuola di Capri // V. Strada (a cura di). L'altra rivoluzione. Gor'kij, Bogdanov, Lunacharskij. Capri, 1994; Гловели Г. Д. Страсть к монизму: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. 2003. № 9; Гловели Г. Д. «Социализм науки». Мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991; Плютто П. Два письма «вице-лидера» большевизма // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 338–344.

в соавторстве с Н. К. Фигуровской*, П. А. Плютто**. Исследования о Богданове сопровождались возродившимся интересом к фигуре Максима Горького, главным образом это касалось политических аспектов его биографии с особым вниманием к богостроительству, термину, под которым Горький и Луначарский подразумевали стремление превратить социализм в новую светскую религию. В изучение Каприйской школы внесла большой вклад Ю. Шеррер, автор большой серии научных работ, среди которых публикация переписки между организаторами школы, вышедшая как результат долгой и тщательной исследовательской работы. Но для восстановления полной картины событий, связанных с Каприйской школой, кроме находящихся в распоряжении историков писем ее организаторов, опубликованных в книге «Горький — Богданов. Каприйская школа. Неизданная переписка» Ю. Шеррер и Д. Стейлы, важны воспоминания и свидетельства, оставленные теми, кто так или иначе участвовал в деятельности школы. К сожалению, ранее исследователи не так часто использовали эти материалы. Помимо прямых свидетельств, нам кажется важным отметить работы Лившица о Каприйской и Болонской школах***, которые в течение многих лет были одним из немногих исследований о школе, официально опубликованных в Советском Союзе. Среди важнейших воспоминаний непосредственных участников — статья одного из рабочих школы, В. М. Косарева, «Партийная школа на острове Капри», опубликованная в журнале «Сибирские огни»****, записки Татьяны Алексинской “Mémoires d’une socialiste russe”, из-

---

* Гловели Г. Д., Фигуровская Н. К. Трагедия коллективиста // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990; Труды комиссии по научному наследию А. А. Богданова / отв. ред. Н. К. Фигуровская, ред.-сост. Г. Д. Гловели. М., 1992.

** Плютто П. Два письма «вице-лидера» большевизма. С. 338—344.

*** Лившиц С. Каприйская партийная школа // Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 33—74; Лившиц С. Партийная школа в Болонье (1910—1911 гг.) // Там же. 1926. № 3(50). С. 109—144; Лившиц С. Партийные университеты подполья (Капри, 1909 г. Болонья, 1910—1911 гг. Лонжюмо, 1911). М., 1929.

**** Косарев В. М. Партийная школа на острове Капри // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 65—71.

данные на французском в 1923 году в “La Grande revue”*, а впоследствии и на русском в журнале писателей-эмигрантов «Мосты»**, которые дополняют сведения из воспоминаний жены А. В. Луначарского Анны Александровны Луначарской***, впервые изданных в 2018 году. Также в Архиве Горького хранятся воспоминания учеников школы К. Алферова**** и И. Панкратова*****. Нельзя не упомянуть воспоминания Григория Алексинского, опубликованные в книге “La vie a mère de Maksim Gorky”******, которая, несмотря на некоторые толкования, в течение многих лет была на Западе одним из немногих свидетельств о каприйском опыте. А. В. Луначарский не оставил подробных воспоминаний о школе, но часто касается этого сюжета в очерках, посвященных Горькому*******. Для реконструкции взаимоотношений между преподавателями важным источником является дневник К. П. Пятницкого********, хранящийся в Архиве А. М. Горького. Проект

---

* Aleksinskaja T. Les souvenirs d’une socialiste russe // La Grande revue. 1923. № 9. P. 445–472.

** Алексинская Т. Из записок русской социал-демократки // Мосты. 1968. № 13–14. С. 352–363.

*** Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

**** Алферов К. А. Встречи с А. М. Горьким // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. См.: Чони П., Ариас-Вихиль М. А. К 110-летию создания Каприйской рабочей школы (1909–2019): Горький и история школы в воспоминаниях учеников (К. А. Алферов. Встречи с А. М. Горьким) // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 4(22).

***** Панкратов И. И. Воспоминания об Алексее Максимовиче Горьком и о школе, созданной им на острове Капри // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. МоГ 11–28–1.

****** Алексинский Г. А. La vie amère de Maxime Gorki. Grenoble; Paris, 1950.

******* Williams R. C. The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics 1904–1914, Bloomington; Indianapolis, 1986.

******** Дневник К. П. Пятницкого 1905–1913 // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН.

школы появился в силу необходимости дать соответствующее образование рабочим, чтобы сформировать корпус партийных активистов, по крайней мере, таковы были намерения Григория Алексинского, подготовившего первый вариант программы. Действительно, в результате репрессий, последовавших за революцией 1905 года, и дальнейших арестов партийные организации вынуждены были существовать в чрезвычайных обстоятельствах. В таких условиях много говорилось о назревшей необходимости подготовки рабочих для пропагандистской деятельности. В действительности, как отмечает М. Дэвид-Фокс: «Немецкая, бельгийская, французская социал-демократические партии первыми основали собственные “высшие партийные школы”»* для того, чтобы приобщить рабочих к политической деятельности, однако идея Горького, Богданова и Луначарского основать на Капри школу для рабочих предполагала не просто подготовку рядовых активистов, они намеревались создать новую рабочую интеллигенцию. В данном сложном проекте преподаватели должны были передать ученикам культуру прошлого, основатели школы были убеждены в том, что после этого рабочие на основе собственного опыта сами смогут создать новую пролетарскую культуру. По данному вопросу Богданов утверждал: «Борьба за социализм отнюдь не сводится к одной войне против капитализма, к простому собиранию сил для нее. Борьба эта есть в то же время положительная, творческая работа — созидание новых и новых элементов социализма в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях: выработка социалистической пролетарской культуры»**. Таким образом, рассуждения о социализме перемещались из чисто политической плоскости в культурную: революцию невозможно было совершить без глубоких антропологических изменений. В эпоху, когда «дробление человека» достигло своей высшей точки, а избыток «специализации» привел к крайней разобщенности жизненного опыта внутри коллектива, вплоть до образования автономного «я», «чуждого сознания своей органической свя-

---

* David-Fox M. Revolution of the mind: higher education among the Bolsheviks. Ithaca, 1997.

** Богданов А. А. Социализм в настоящем // Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. С. 100.

зи с другими “я”»*, необходимо было вернуть личности целостность. Это «собирание» могло начаться только с появлением нового типа отношений, которые Богданов называет «товарищескими», — отношений, способных разрушить все барьеры между людьми. По мнению Богданова, политических и экономических формул недостаточно, чтобы заставить солдат завербоваться в армию, потому что сила, которая позволяет выиграть сражение, — это «дух», т. е. единство чувств и мыслей, пронизывающее группу людей и превращающее ее в единый живой организм. Первым шагом в создании новой пролетарской культуры должна была стать борьба против пережитков прошлого, которые не имеют «ничего общего с социализмом». Среди них Богданов выделял гордость, эгоизм и авторитарные устремления некоторых большевистских лидеров. Критика со всей очевидностью была направлена на группу революционеров, объединившихся вокруг Ленина. В их понимании партии и образе действий Богданов видел «отрицание товарищеской дисциплины» и сохранение элементов индивидуализма, уходящих корнями в их буржуазное прошлое. Идеальное рабство, которому нужно было решительно противостоять. Революционная интеллигенция, объединившаяся вокруг Ленина, повторила главную ошибку старых интеллектуальных классов: она оторвалась от народа, желала управлять им, не освобождая его, претендовала на то, чтобы выражать интересы совершенно бессознательного субъекта, неспособного на самоопределение и самостоятельность. Как отмечает Ю. Шеррер, в интерпретации Богданова пролетарская культура «должна соединить результаты и методы познания через коллективный трудовой опыт с реальной жизнью рабочего класса, которая может стать осознанной и организованной только благодаря тем, кто обладает классовым опытом. Следовательно, выполнять эту культурную задачу должен сам пролетарий, а не чуждые коллективу теоретики из рядов буржуазной интеллигенции. Основой существования пролетариата явля.тся технический процесс и производство, именно на этой базе разворачивается социальная, экономическая и политическая борьба, и эти области в немалой степени определяются коллективным опытом; однако <...> техника труда со-

* Богданов А. А. О пролетарской культуре (1904—1924). Л.; М., 1924. С. 24.

вершенно чужда идеологам из интеллигенции»*. Объединив научные и трудовые методы с историко-культурным багажом, «каприйцы» реализовывали антиавторитарную педагогическую стратегию, которая в их глазах была единственным способом помочь рабочему классу осознать свою политическую роль. С этим был абсолютно не согласен Ленин. Убежденный, что пролетариат (был) не в состоянии построить «независимую идеологию», поскольку, предоставленный сам себе, способен выработать лишь «профсоюзное самосознание», Ленин призывал к образованию сильной и централизованной революционной организации, способной руководить как подготовкой к борьбе, так и любым внезапным выступлением или, наконец, решительной атакой**. По этой причине Ленин предлагал строго централизованную структуру партии; в противоположность ему, Богданов, связывая поражение революции с той ситуацией смятения, которая воцарилась среди неспособных к самоуправлению местных организаций, был убежден, что у пролетариата должна быть своя интеллигенция. Горький, Богданов и Луначарский были уверены в том, что рабочие перед совершением революции должны прийти к созданию своей собственной автономной культуры.

Такой была главная цель школы, практическая организация которой связана с именем Вилонова, уральского рабочего, прибывшего на Капри лечиться от туберкулеза. Именно он, по словам Луначарского, стал настоящей душой проекта школы: «Своим возникновением Каприйская школа вдвойне обязана замечательному человеку — М. Вилонову. Он был родоначальником ее идеи, и он же был главным организатором»***. На самом деле написанием первой программы Алексинский занимался уже в 1908 году, как это можно

---

* Scherrer J. Bogdanov e Lenin: Il bolscevismo al bivio // Storia del marxismo. T. 2. Torino, 1979. C. 527.

** См. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 6. М., 1970. С. 127—129.

*** Луначарский А. В. Несколько воспоминаний к 35-летнему юбилею литературной работы М. Горького // Огонек. 1927. № 44. 30 октября; Луначарский А. В. Мое партийное прошлое // Великий переворот (Октябрьская революция). Ч. I. Пг., 1919. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/vospominania-iz-revolucionnogo-proslogo/ (дата обращения: 09.01.2020).

понять из письма Богданова Горькому в феврале 1909 года, в котором сказано: «...у Алексинского должен быть готовый проект; если Вы еще не выписали у него этот проект, надо выписать немедленно»*. Речь шла о программе подготовки партийных активистов, на основе которой начала создаваться будущая Каприйская школа. Горький с большим интересом отнесся к совету Богданова и написал Алексинскому: «Ал[ександр] Александрович пишет, что у вас готовый проект заграничной школы для рабочих — не пришлите вы сюда этот проект?»** Программа была представлена Алексинским в редакцию «Пролетария». Проект не был утвержден в «Пролетарии», но в то же время на Общероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 21 декабря 1908 года в Париже, как о неотложной необходимости говорилось о создании пропагандистских партийных кружков, в которых рабочие приобретали бы знания, требующиеся для выполнения партийных задач на местах. Убежденный в необходимости образования рабочих, Горький сразу же увлекся идеей школы.

Проект должен был увенчаться изданием энциклопедии для рабочих***. Действительно, основываясь на схеме исторического развития, предложенной Марксом, интеллигенция, объединившаяся вокруг Богданова, пыталась повторить в культурном плане путь буржуазии к французской революции. Однако они надеялись зайти гораздо дальше революционеров конца XVII века: они были убеждены, что благодаря своей работе сумеют добиться радикальной антропологической трансформации. Горький предоставил в распоряжение школы свою виллу на Капри и существенные денежные средства, позволившие состояться этому интересному опыту, в то время как организационной деятельностью занимался главным образом Вилонов. Благодаря своему социальному происхождению и искренней тяге к знаниям он стал идеальным представителем нового типа пролетарского интеллектуала****. Вилонов занимался

---

* Горький М. Неизданная переписка. М., 1998. С. 43.

** Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 7. М., 2001. С. 88.

*** Steila D. A Proletarian Encyclopédie // Di Salvo M., Kaiser D. H., Kivelson V. A. (a cura di). Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker. Boston, 2015.

**** Scherrer J. Un philosophe ouvrier russe: M. E. Vilonov // Le mouvement social. 1980. № 11. P. 165–188; Ревякина И. Intersezione di destini: Maksim Gor'kij e Michajl Vilonov // Strada V. (a cura di). L'altra rivoluzione:

чисто организационными аспектами: вместе с Горьким он составил обращение к российским партийным ячейкам, чтобы добиться признания школы, что позволило нейтрализовать таким образом противодействие большевистского центра, и организовал приезд учеников из России. Необходимо было преодолеть немало трудностей. Речь шла не только об утверждении проекта, требовалось отобрать в России учеников, найти способ переправить их в Италию, пройти полицейский контроль и оплатить расходы на проезд. Организация была так сложна, что, вероятно, даже сами создатели школы не были уверены в возможности осуществления проекта. Об этом пишет А. Луначарская: «Сначала эта идея показалась несбыточной, но наша жажда увидеть русских рабочих и поработать с ними, в конце концов, так завладела нами, что превозмогла все препятствия»*. Вилонов был до такой степени убежден в необходимости реализации проекта, что для разрешения ряда трудностей с перемещениями, несмотря на свою болезнь и решительное противодействие Горького, беспокоившегося о его возможном аресте, он отправился в Россию для организации отбора учащихся и получения окончательного согласия на московской конференции. Отобранные для учебы рабочие проделали долгий и полный опасностей путь и прибыли на остров, тайно перейдя границы по меньшей мере половины стран Европы. В оказавшуюся на Капри группу входили М. Я. Яковлев (Арсений), Ф. И. Сятковский (Константин/Вася), Ф. И. Калинин (Аркадий), Н. Н. Козырев (Фома), В. Е. Люшвин (Казимир или Пахом), А. С. Романов (Аля, Алексинский, Иван), И. И. Панкратов (Старовер или Ваня Казанец), В. М. Косарев (Борис или Владимир), К. А. Алферов (Яков или Константин), И. Г. Баташев (Юлий), М. И. Лобанов (Станислав), И. И. Бабинцев (Николай или Савелий), Н. Ю. Устинов (Василий). К этой первоначальной группе прибавился «Григорий» (А. М. Лушман), член Бунда. Кроме того, в качестве слушателей лекции посещали 12 рабочих, уже находившихся на Капри и «пожелавших учиться, чтобы потом поехать в Россию на

Gor'kij, Lunačarskij, Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri, 1994. P. 111–139.

* Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

партработу»*. К трудностям, связанным с перемещениями и необходимостью для учащихся пересечь пол-Европы тайно**, к обеспокоенности организаторов перед затратами добавлялись постоянные нападки Ленина на «каприйцев» в социал-демократической прессе. Помимо этого, положение «каприйцев» было двойственным: действительно школа сумела добиться одобрения Московской окружной конференции РСДРП, но при условии, что ее деятельность будет находиться под контролем Большевистского центра. В результате сложилась противоречивая ситуация: Ленин, которому не удалось прекратить деятельность каприйской группы, отказался утвердить учебную программу, чего он, разумеется, и не собирался делать. Однако «каприйцы» не дали себя запугать и, несмотря на то, что Плеханов, Троцкий, Роза Люксембург, Каутский и сам Ленин отказались принять участие в деятельности школы в качестве преподавателей, сумели начать работу, собрав вокруг своего проекта группу видных интеллектуалов того времени, в том числе Базарова, Алексинского, Покровского. Также нужно подчеркнуть, что Богданов, Горький и Луначарский, объединенные общим проектом школы, при этом далеко не всегда сходились во мнениях. Все три товарища по партии относились с одинаковым доверием к коллективизму, но иррационализм Горького и Луначарского, их понимание социализма как секулярной религии — все это было совершенно чуждо Богданову. Чезаре де Микелис, один из первых ученых, исследовавших феномен богостроительства, замечает: «Луначарский по сути принимает гипотезу Фейербаха о религии как “проявлении в человеке скрытых сокровищ” и видит в Марксе главного инициатора возведения антропологии на уровень теологии и <...> утверждает научный социализм как религию». Следовательно, Бога нужно не искать, а строить, потому что, как сказал Фейербах, человек призван привнести в мир смысл. И религия, очищенная от метафизических структур, может быть признана «даже материалистом как положительная ценность»***. Естественно, такие теоретические воззрения не мог разделять ни Богданов, ни другие преподаватели, как, на-

---

* Косарев В. М. Партийная школа на острове Капри. С. 66.

** Там же. С. 64—65.

*** De Michelis C. Il socialismo come religione: una tentazione che si ripete // Gioventu’ evangelica. 1973. № 22. P. 30.

пример, Алексинский, видевший в богостроительстве самое настоящее оскорбление собственных взглядов и договорившийся с Горьким и Луначарским, что их теории должны оставаться за рамками образовательного процесса*. Как рассказывает Татьяна Алексинская, Луначарский пришел даже к необходимости составления социалистических и пролетарских молитв. Например, он думал над адаптацией «Отче наш», в которой Бог просто должен был быть заменен на пролетария: «О, святой рабочий класс, да будет благословенно имя твое, да будет воля твоя, да приидет царствие твое! <...>. <Алексинский> считает, что такие измышления звучат оскорбительно как для христианства, так и для социалистического атеизма»**. Несмотря на эти противоречия во взглядах, работа в партийной школе для рабочих на Капри началась 5 августа 1909 года. Финансировали проект Горький, Мария Андреева, Фёдор Шаляпин, Александр Амфитеатров, богатый меценат из Нижнего Новгорода Василий Каменский. Занятия проходили на вилле Горького, для всех рабочих нашли жилье. «Все ученики школы, — рассказывает Алексинская — имеют квартиру и стол от имени комитета школы, который им гарантирует шестимесячное пребывание за границей и покрывает все издержки путешествия»***. О жилье для рабочих Алферов пишет: «Заботами А. В. Луначарского все поселились в трех домиках, хотя и скромно, но удобно, в нескольких комнатах, питались в общей столовой блюдами русско-итальянского характера. Заведование столовой взяла на себя Наталья Богдановна Богданова»****. И это еще не все: школа преподала своим учащимся хороший урок демократии. Действительно студенты играли активную роль в процессе обучения. Образование базировалось на неавторитарных принципах, и поэтому организаторам было крайне важно, чтобы учащиеся и преподаватели были равно представлены в административном совете школы

---

* Aleksinskaja T. Les souvenirs d'une socialiste russe // La Grande revue. 1923. № 9. P. 359.

** Ibid. P. 357.

*** Ibid. P. 355.

**** Алферов К. А. Встречи с А. М. Горьким // Архив А. М. Горького. См.: Чони П., Ариас-Вихиль М. А. К 110-летию создания Каприйской рабочей школы (1909—2019): Горький и история школы в воспоминаниях учеников (К. А. Алферов. Встречи с А. М. Горьким) // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 4(22).

и чтобы во главе совета стояла смешанная группа, решения в которой принимались путем голосования*. Организаторы главной целью видели обучение рабочих практическому применению полученных знаний, не ограничиваясь простой передачей теоретических сведений. Для этой цели программа была разделена на четыре основные предметные области: партийная организация, теория партии, философия пролетарской борьбы, современные проблемы. Каждый день после обеда рабочие посещали две лекции по два часа каждая; по утрам они занимались учебой, а вечером — практическими упражнениями. Предметы были распределены следующим образом: А. Богданов — занятия по политэкономии и истории общественной мысли; Г. Алексинский — финансы и история рабочего движения в Бельгии и Франции; А. Луначарский — история профсоюзов, история немецкой социал-демократии, история Интернационала и история искусства; М. Лядов — история партии; В. Десницкий (Строев) — отношения государства и церкви; М. Горький — история русской литературы; М. Покровский — история России. Речь шла о сложной программе, цель обучения заключалась не только в формировании партийных активистов, но и в создании культурной базы, которая бы позволила рабочим самостоятельно создать собственную культуру, естественно, пролетарскую. От рабочих требовались серьезные творческие усилия. По несколько часов в день они занимались тем, что писали доклады, газетные статьи, листовки, готовили выступления. На практических занятиях студентов учили техникам убеждения и методам пропаганды среди широких масс. Особое внимание уделялось постановке голоса и приемам политической полемики. Для этой цели имитировались настоящие предвыборные кампании, в которых каждый участник представлял определенную партию и должен был попытаться привлечь аудиторию на свою сторону.

Из-за высокого интеллектуального уровня преподавателей и сложной программы учеба давалась студентам нелегко, о чем свидетельствует Косарев: «Наши первые статьи и выступления были, по большей части, низкокачественными; хотя нас и выбрали из большого количества претендентов, состав учащихся был неоднородным: некоторые были достаточно подготов-

* Косарев В. М. Партийная школа на острове Капри. С. 66.

лены, некоторые едва закончили начальную школу»*. Чтобы уместить в несколько месяцев столь насыщенную программу, студенты занимались целыми днями, с утра до восьми вечера, всего с одним свободным днем в неделю. Работа прерывалась только на время обеда, периодически проводились экзамены и контрольные работы для проверки полученных знаний и навыков. Нагрузка была очень высокой, и через несколько дней организаторы были вынуждены ограничить продолжительность занятий, оставив в конце время для вопросов и пояснений.

Так или иначе, если судить по фотографиям, на которых рабочие и преподаватели запечатлены на каприйских пляжах, и по воспоминаниям участников событий, время находилось и на развлечения. «Горький, — пишет Косарев, — у которого часто гостили художники, музыканты, писатели, устраивал вечеринки. Читал свои новые произведения, организовал домашние концерты. Кроме чаю, здесь выпивалось немало хорошего вина»**. Однако Ленин не собирался признавать себя побежденным и продолжил борьбу с каприйцами, попытавшись убедить учащихся перебраться в Париж, где он, в свою очередь, открыл собственную школу. В октябре 1909 года на Капри было доставлено специальное приложение к № 47—48 «Пролетария» со статьей «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства»***, в котором Ленин жестко критиковал школу и ее преподавателей, в особенности, Богданова. Богданов провел собрание для учащихся и преподавателей, на котором прочел свою ответную статью на ленинскую критику. Однако пятеро рабочих (И. И. Панкратов, Н. Ю. Устинов, А. С. Романов, В. Е. Люшвин, Н. Козырев) отказались осудить выводы Большевистского центра. Они и присоединившийся к ним М. Вилонов направили в редакцию «Пролетария» письмо, в котором заявили о своем несогласии с платформой Богданова. После этого выступления они покинули школу и перешли на сторону Ленина. Татьяна Алексинская в своих воспоминаниях высказывает серьезные сомнения в искренности побуждений рабочих. Она утверждает, что выбор пятерых учащихся был вызван корыстными интересами, а не глубокими политическими убеждениями. Действительно, по замыслу организато-

---

* Там же. С. 70.

** Там же. С. 67.

*** Ленин В. Полн. собр. соч. (далее — ПСС). Т. XIX. М., 1968. С. 76—108.

ров, через месяц школа должна была прекратить свою деятельность, а решение перейти на сторону Ленина давало студентам возможность продлить свое пребывание в Европе*.

Однако сам же Богданов выразил в письме, адресованном Совету школы, от 8 декабря (25 ноября) 1909 года свое разочарование от произошедшего: «Против двух врагов я боролся всю свою жизнь: против авторитарного чувства и против индивидуалистического сознания, и должен сказать, что первый из этих врагов для меня наиболее ненавистный. В школу я верил горячо и страстно. Я думал: вот те, кто сделают то, что не в силах сделать я, оторванный от родной жизни индивидуум; вот сильные и гордые союзники, которые сумеют с насмешливой улыбкой отстранить старых идолов со своего пути, сумеют положить начало союзу равных — не по силе равных, а по единству жизни в коллективе. Первый удар моей вере нанесла измена талантливого, умного товарища рабочего — Михаила (Н. Вилонов), и тех пяти. Но я решил: что же, много званных, мало набранных. Зато уж эти <...>»**.

Но это не единственное разочарование на пути Богданова. Разрушению каприйского политического союза, помимо раскола среди учащихся, послужили и причины личного характера, которые испортили отношения между участниками проекта: знаменитая актриса Мария Андреева, гражданская жена Горького, не отличавшаяся, по свидетельствам современников, легким характером, питала сильную неприязнь к Богданову и испытывала ревность к супруге Луначарского, отношения с которой осложнились уже за несколько месяцев до открытия школы, о чем рассказывает А. Луначарская в своих «Воспоминаниях»***. Не менее сложными были отношения между гражданской женой Горького и некоторыми рабочими.

---

* Алексинская Т. Из записок русской социал-демократки // Мосты. 1968. № 13—14. С. 361.

** Alexinskij Papers. Archivio Bakhmeteff della Columbia University. Приводится оригинал, хранящийся в Архиве Алексинского в Колумбийском университете. Перевод письма на итальянский опубликован Ю. Шеррер, Д. Стейлой.

*** Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

Например, Вилонов жаловался, что Андреева ставила ему в укор его крайнюю бедность. Русский рабочий, страдавший туберкулезом, нуждался в постоянном лечении и поэтому был вынужден обращаться к писателю за материальной помощью. «Доктор прописал ему оставаться, — пишет Алексинская, — в лодке два или три часа под лучами солнца. С больными легкими он не может ходить пешком до пляжа и обычно едет на фуникулере, который стоит ему каждый раз 50 сантимов. Если накануне он противоречил жене Горького, она забывает дать ему деньги, и он вынужден либо просить ее — "как нищий", говорит он, — либо оставаться без лечения»*. Вероятно, Андреева, привыкшая быть примадонной в театре, так же держала себя и в повседневной жизни: ее поведение резко противоречило духу товарищества и сотрудничества, воодушевлявшего основателей школы. На самом деле, напряжение между Вилоновым и Андреевой появилось еще до открытия школы. Фактически около середины мая 1909 года Горький писал Богданову: «У нас возникли заграничные отношения; почвою для них послужило недоверие Михаила к практичности Марии Федоровны. Подробно описывать, из-за чего загорелся сыр-бор, мне противно, скажу лишь, что каких-либо причин нет. Главное психология Фомы Опискина. Михайло наговорил М. Ф. оскорбительных вещей, попробовал и меня наградить тем же. Ведет он себя великим барином и дальнейшее его пребывание под одной крышей с нами — вредно ему и невыносимо для нас. Надо, чтобы он переселился на другую квартиру»**. Еще больше усложнила ситуацию публикация в московской газете «Утро России» от 15 ноября 1909 года новости об исключении М. Горького, Богданова, Луначарского и Базарова из социал-демократической партии. Новость немедленно распространилась, что заставило Богданова, Луначарского и Горького направить коллективное опровержение. 18 декабря 1909 года Каприйская школа окончательно прекратила работу, и рабочие покинули остров в сопровождении Луначарского, который в Риме провел для них последнее занятие по общей истории искусств. Переход части учащихся к Ленину и разногласия (по большей части, личного характера) между организаторами, положившие конец полити-

---

* Yassour A. Philosophy-Religion-Politics: Borochov, Bogdanov and Lunacharsky // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 31. P. 360.

** Ibid. P. 135.

ческому товариществу, выявили слабые стороны каприйского проекта. Надежды, которые левые большевики возлагали на естественную склонность рабочего класса к коллективизму, не оправдались. В этом смысле ярким примером может послужить ход интеллектуального развития Вилонова с момента его прибытия на Капри до смерти в Давосе в 1910 году из-за туберкулеза, подхваченного в тюрьме в России. Если в начале января 1909 года Горький характеризует его как образец новой рабочей интеллигенции, то уже в конце того же года он пишет: «Такие люди, как Михаил, не могут обеспечить нормального функционирования партии. За время, меньшее, чем год, я его видел материалистом по Плеханову, эмпириомонистом, яростным противником центра, “Пролетария”, Ленина, проводил его отсюда сторонником Ленина, но все же эмпириомонистом, не знаю, кто он сегодня и кем будет завтра. Он истерик»*. В сущности, Горький, на глазах которого с закрытием школы умерла, по его словам, «надежда № 101»**, увидел в Вилонове все недостатки, осуждаемые им в буржуазной интеллигенции. К тому же далеко не все интеллектуалы, согласившиеся принять участие в проекте, разделяли утопическую концепцию школы и чрезмерную веру Горького, Луначарского и Богданова в каприйский эксперимент. Жена Алексинского в своих воспоминаниях приводит любопытное и крайне реалистическое мнение мужа, который серьезно сомневался в возможности достичь значимых результатов: «Он <Алексинский> считает, что, если речь идет о подготовке грамотных активистов для рабочих организаций, школа может оказаться полезной. Но если мы собираемся создать новую цивилизацию, вырастив некоего гомункулуса под названием “сознательный рабочий”, проект обречен на провал. Человек сложнее овоща. Из спаржи и огурцов можно искусственным путем получить новые скороспелые сорта, но, обращаясь таким образом с людьми, мы рискуем вырастить скороспелых приматов»***. Согласно документам, находящимся в распоряжении историков, личные разногласия между организаторами сыграли определяющую роль в прекращении сотрудничества Горького и Богданова. В ссорах М. Ф. Андреева оказалась глав-

---

* Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 8. М., 2001. С. 223.

** Там же. Т. 7. М., 2001. С. 229.

*** Aleksinskaja T. Les souvenirs d’une socialiste russe // La Grande revue. 1923. № 9. P. 470.

ным действующим лицом, хотя долгие годы в советский период считалось, что дружба двух товарищей по партии прекратилась исключительно из-за политических разногласий*. Но чтобы понять глубокие причины, приведшие к окончательному расколу дружбы, которая, казалось, будет долговечной, необходимо оглянуться назад, рассмотрев те этапы, которые привели к взаимному отдалению Горького и Богданова и к охлаждению отношений с Луначарским.

В месяцы, предшествующие открытию школы, дружба между Горьким и Луначарским привела последнего на Капри вместе с женой Анной Александровной Малиновской, сестрой А. А. Богданова. В письмах этого периода Горький много и с энтузиазмом говорит о Луначарском и Богданове. Так, в письме от 16 ноября 1907 года он писал другу Аврамову: «Дорогой Роман Петрович, я ужасно рад, что статья Луначарского нравится вам и что вы так верно цените Богданова: на мой взгляд эти двое — красота и сила нашей партии <...> Вообще он (Луначарский. — *Примеч. публ.*) и Богданов — мои кумиры, никогда еще я не был так увлечен людьми, как увлекают меня эти двое»**. Анна Луначарская в своих воспоминаниях, прежде не издававшихся, рассказывает о первой встрече супружеской четы с Горьким и М. Ф. Андреевой во Флоренции, о внимании Горького к своим товарищам, к проблемам со здоровьем А. Луначарской после рождения сына. Однако постепенно в их дружбе наступило охлаждение, за несколько месяцев до открытия школы, когда по приглашению Горького супруги Луначарские в августе 1909 года переехали на Капри. Это охлаждение было связано главным образом с М. Ф. Андреевой, почувствовавшей в юной матери некое соперничество, тем более что отношения Горького и Андреевой были тогда достаточно сложными. Личные отношения между Горьким и Луначарским повлияли и на отношения Горького с Богдановым, закончившиеся разрывом, причиной которого долгое время считались теоретические разногласия писателя и партийного философа. Этого мнения придерживалась и советская критика, утверждавшая, что сближе-

---

* Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). — URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

** Горький М. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2000. С. 109.

ние Горького с Богдановым было ошибкой, в которой Горький затем раскаялся и вновь встал на сторону Ленина. Приводимое свидетельство Анны Луначарской подтверждает, что личные взаимоотношения между организаторами сыграли определяющую роль в прекращении сотрудничества Горького и Богданова. В конфликтах, предшествующих закрытию рабочей школы, М. Ф. Андреева оказалась главным действующим лицом. Ее ревность по отношению к А. Луначарской и заносчивое поведение с рабочими — учениками школы стали одной из причин конфликта. К. П. Пятницкий в своем дневнике писал в 1909 году: «М<ария> Ф<едоровна> рассказывает: вчера Богд<анов> показал А<лексею> М<аксимовичу> “документики” против М<арии> Ф<едоровны>: 1) Письмо, что не хватает денег на школу, 2) Письмо, где говорилось, как расстраивает отъезд в Алассио (в Алласио, Лигурия, находились жена Горького Е. Пешкова с сыном. — *Примеч. публ.*)... Что же сказал А<лексей> М<аксимович>? — Сказал из этих писем я вижу одно — какая хорошая женщина М<ария> Ф<едоровна> и какой подлец Вы»*. Пятницкий также записал, что после последней встречи с Богдановым и Луначарским Горький сказал М. Ф. Андреевой «...я не хочу иметь дел с Б. и Л., как только кончится школа. Между ними нет ни одного социалиста»**. Проблемы личного характера подтверждаются и самой М. Ф. Андреевой, которая в конце 1909 года пишет И. П. Ладыжникову: «За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы <...> Предупреждаю Вас — я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и Ко, — “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки»***. Похожие жалобы можно увидеть в следующем письме Буренину, в котором актриса говорит о документах, упомянутых в дневнике Пятницкого: «Весьма вероятно, что Вы услышите что-нибудь о том, что меня кислотой облили

---

* Дневник К. П. Пятницкого 1905—1913 // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН.

** Там же.

*** Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1961. С. 136.

<...> так как я признана “вредным элементом, враждебно настраивающим, который необходимо устранить всеми мерами”. Уже были попытки клеветы, обмана, использования моих старых дружеских писем в качестве “документиков”, пока это разбилось о несомненную мою правоту и честность, но кто знает, что еще придумают»*. Ревность, невежливое и некорректное поведение Андреевой по отношению к рабочим и к некоторым преподавателям отмечаются в дневнике Анны Александровны Луначарской: «Я часто задумывалась над личностью Марии Федоровны, над ее совершенно противоречивыми поступками и высказываниями. Особенно, что меня поражало, это ее спокойная уверенность, с которой она выдумывала самые невероятные вещи относительно человека, который почему-нибудь вызывал ее антипатию. Часто мне даже казалось, что в ней уживались две личности, совсем противоположные одна другой. С одной стороны, обаятельная, полная сочувствия к человеку и с другой — злобная, жестокая, готовая на все, чтобы очернить этого человека. Откуда родилась эта вторая личность! Властная, она доводила свою властность до деспотизма. Человек, не подчиняющийся ее деспотизму, становился для нее личным врагом, и тут фантазия ее не знала пределов»**. Анна Александровна Луначарская имеет в виду несколько эпизодов, произошедших в период подготовки и работы Каприйской школы: «Но тут произошло что-то непонятное, что до сих пор я не могу себе объяснить. Я заметила странно нервное отношение ко мне Марии Федоровны. Как раз приехал мой брат Богданов со своей женой. <...> И вот однажды жена брата сказала мне: “Будь осторожна, так как Мария Федоровна к тебе ревнует”. <...> И хотя то, что мне сказала жена моего брата, показалось мне до такой степени нелепым и парадоксальным, что я скорее приписала это ее заблуждению и не обратила на это особого внимания. Но когда мой брат Богданов подтвердил это, я стала наблюдать. Странно, почему у нас так могли измениться отношения!»*** Луначарским пришлось переехать в Неаполь.

---

* Там же. С. 138.

** Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

*** Там же.

Там рабочий Каприйской школы Михаил Заводской (Н. Вилонов) сообщил Анне Александровне о рассказах Андреевой: «С полным спокойствием Мария Федоровна описывала мою жизнь в Неаполе и сообщала, почему я не приезжаю на Капри. Дело в том, что, по ее мнению, я изменяю Анатолию Васильевичу, оставаясь одна, даю волю своим склонностям к флиртам и т. д.»*. Воспоминания Луначарской проливают свет на роль Марии Андреевой в последовавшем разрыве отношений между Богдановым, Луначарским и Горьким. Об этом разрыве М. Ф. Андреева упоминает в письме к А. В. Амфитеатрову: «А. А. Б<огданов>у я вынуждена была сказать, что не стану подавать ему руки, что с Л<уначар>скими мы разошлись открытыми врагами, что всех их я возненавидела за их отношение к А<лексею> М<аксимовичу> — идеи хорошие, а люди — очень уж что-то плохи и мелки»**. Очевидно, что Горький принял сторону Андреевой, хотя, возможно, отдавал себе отчет в ревнивом отношении М. Ф. Андреевой к А. А. Луначарской. В своих воспоминаниях о Горьком В. Ходасевич сообщает следующие факты: «Луначарский, тогдашний комиссар народного просвещения, хорошо относился к Горькому, но был в дурных отношениях с его женой. Причина этих неладов была вполне анекдотическая. В эпоху первой эмиграции существовала, как известно, большевицкая колония на Капри. Жил там и Луначарский с семьей. Однажды у него умер ребенок. Похоронить его по христианскому обряду Луначарский, как атеист, не мог, а просто зарыть трупик в землю все же оказалось ему нехорошо. Чудак додумался до того, что стал над мертвым младенцем читать стихи Бальмонта. Мария Федоровна Андреева подняла его на смех при всей честной компании. Произошла ссора, кончившаяся по тогдашнему обычаю третейским судом. Противников помирили, но сам Горький мне говорил, что Луначарский навсегда возненавидел Марию Федоровну и именно по этой причине обошел ее при назначении заведующей Тео»***.

---

* Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания А. А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). — URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144 (дата обращения: 09.01.2019).

** Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. С. 137.

*** Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 352.

Переписка Горького и Богданова продолжалась в месяцы, последовавшие за закрытием школы. Анализируя письма, можно увидеть постоянные попытки Богданова вовлечь Горького в проект открытия новой школы в Болонье, а также в издательские планы. Однако эти попытки не увенчались успехом. Писатель отвечает на письма в холодном тоне и отказывается преподавать в Болонской школе*. Горький также не подписал программное заявление сторонников партийной группы «Вперед». В конце 1910 года Горький в суровом тоне пишет Богданову: «Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю Вас — мыслителя и революционера, но не стану отвечать на Ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы унтер-офицер, а я — рядовой вашего взвода»**. В том же письме Горький обращается к обстоятельствам ссоры, связанной с Анной Александровной Малиновской, причины которой остаются не выясненными до конца: «Кстати, я нашел Ваше письмо, в коем есть следующие место: “что Луначарский мог очаровать Вас несомненным, хотя несколько безалаберным богатством натуры, это понимаю; а вот насчет Анюты, моей сестрицы, скажу прямо: тут у меня рецензия другая <...>”. В разговорах со мною и М. Ф., эта рецензия выяснилась для меня в очень нелестной форме по отношению к Анне Александровне. Вы определенно называли ее субъектом истерическим и, выражаясь мягко, склонным к преувеличениям. А когда мы трое — Вы, Луначарский и я — говорили по поводу известного инцидента — Вы отреклись от ваших письменных и устных мнений о сестре. Очень может быть, что Вам покажется смешным это — но я не забываю таких вещей, и для меня они играют решающую роль в отношениях моих к людям»***.

В отсутствие теоретических разногласий между двумя бывшими друзьями нам кажется вполне правдоподобной точка зрения, которая относит их разрыв насчет соображений, далеких от политики. Тем более что спустя несколько лет после закры-

---

* Rogachevskii A., Michalski M. Social Democratik Party School on Capri and Bologna in the Correspondence between A. A. Bogdanov and A. V. Amfiteatrov // The Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72. № 4. P. 664–679; Scherrer J. Les Ecoles de Parti de Capri et de Bologne // Cahier du monde russe. 1978. Vol. 19. № 3. P. 259–284.

** Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. Серия: М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2010. С. 87.

*** Там же. С. 87–88.

тия школы Богданов сам отмечал: «От коллективизма <...> Горький нигде прямо не отказывался»*. Верность Горького идеям Каприйской школы подтверждает содержание его письма к Е. К. Малиновской от 26 января (8 февраля) 1911 года, где он объясняет свой отказ от участия в Болонской школе: «Можно работать в одной линии и не встречаясь лично»**. Через несколько месяцев Горький обратился к Алексинскому с просьбой дать ему адрес Богданова: «Очень прошу вас будьте добры, сообщите мне адрес Станислава Вольского и А. А. Богданова. К великому огорчению моему, у меня с последним некоторые контры, благодаря его сестрице, окаянной, но — есть идеи и могут быть предприятия, о коих он должен знать»***. В подтверждение своего неизменного интереса к идеям Богданова в том же письме Горький спрашивал: «Кстати, нет ли у Вас последней книги Богданова о новой культуре? <Речь идет о книге “Культурные задачи нашего времени”. М., 1911. — *Примеч. публ.*> Пришлите, прошу»****.

В ответе Алексинский не предоставляет адрес Богданова и отговаривает писателя возобновлять с ним отношения, глубоко критикуя действия товарища по партии. Кроме того, он сообщает Горькому о разногласиях внутри группы «Вперед», которые спровоцировали добровольное отдаление Богданова, который, естественно, предложил собственное толкование фактов. Новость о письме Алексинского дошла до группы «Вперед», вызвав большое беспокойство. В начале июля 1911 года Ф. И. Калинин (Аркадий) так упрекал Алексинского за суждения о деятельности Богданова: «Группа обсуждала вчера Вашу переписку с Горьким по поводу литературных предприятий и данную Вами характеристику А. Богданова в связи с этими предприятиями. Не входя в оценку Вашего честного мнения о Богданове и его поступке, группа находит данную переписку затрагивающей интересы группы в целом, а потому и просит Вас в таких случаях запрашивать мнение группы»*****.

---

* Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914) // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 3. М., 1995. С. 130.

** Горький М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 249.

*** Там же. Т. 9. М., 2002. С. 40.

**** Там же. С. 39—40.

***** Письмо цитируется по русскому оригиналу, хранящемуся в Бахметевском архиве Колумбийского университета («Alexinsky papers»).

В последующие годы отношения между Богдановым и Горьким окончательно прекратились, но как желал ранее последний, два товарища, даже не встречаясь лично, как во времена Каприйской школы, продолжили работать в том же направлении. Неслучайно Богданов будет среди сотрудников секции науки и философии журнала «Летопись», появившегося по воле Горького в 1915 году, и впоследствии будет работать над ежедневной газетой «Новая жизнь», основанной и руководимой тем же Горьким. Их критика Октябрьской революции и ленинской стратегии сохранила свою тональность.

К сожалению, советская историография, создавшая «миф» о пролетарском писателе, уничтожила все следы сотрудничества Горького с «ревизионистом» Богдановым и изобразила отношения писателя с Лениным в идиллических тонах, чем в течение десятилетий подпитывался образ Горького, не имеющий никакого отношения к реальности.

Письмо опубликовано в итальянской редакции Ю. Шеррер и Даниелой Стейлой.

М. А. Ариас-Вихиль

Богданов и Горький на Капри

(по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН)*

Феномен существования партийной школы на Капри (август – декабрь 1909 года) связан с попыткой творческого освоения идей марксизма в России, поисками альтернативной формы связи российской социал-демократии с рабочим движением на фоне партийного раскола и жесткого централизма большевиков-ленинцев. Эта проблема давно привлекала внимание историков российского революционного движения. Однако в меньшей степени исследователи занимались изучением идейных истоков и разработки философии коллективизма как планетарной утопии, овладевшей умами обитателей «русского Капри» и их гостей, подпавших под обаяние талантливых ученых и организаторов Каприйской школы для рабочих-пропагандистов: А. А. Богданова (Малиновского), А. В. Луначарского и М. Горького.

Писатель и религиозный философ, историк-краевед Алексей Золотарев, оказавшийся в эмиграции после замены сибирской ссылки высылкой из России,

---

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 18-012-00436А «Ромен Роллан и Максим Горький: между литературой и политикой (по неопубликованным материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН и Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции)».

приехал на Капри, потому что там жил Горький. Золотарев оставил уникальные воспоминания об этом периоде русской истории, который не так давно оказался в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей истории и литературы (Г. Д. Гловели, Л. А. Спиридонова, Е. Никитин, Дж. Горелик, Р. Маттесич, Ю. Шеррер, В. Страда, Д. Стейла, П. Чони). Период существования русской колонии на Капри, так называемого русского Капри, характеризуется им как время интенсивных духовных поисков и выработки мировоззренческих концепций, во многом определивших дальнейший путь тех, кто жил тогда на Капри рядом с Горьким. Каприйская школа явилась своего рода кульминацией философских исканий «других» марксистов (В. Страда) и воплотила самые смелые надежды ее создателей. Золотарев вспоминает: «Второй приезд мой и встречи с Горьким падают на время с лета 1908 года до весны 1909-го <...> На Капри пудами шла из России литература по фольклору. Остров шумел и шушукался о том, что по замыслу и предложению Горького Анат<олий> Вас<ильевич> занят большой работой — историей русского народного творчества, историей русской словесной культуры для рабочих и крестьян, написанной и освещенной с марксистской точки зрения. Кроме Луначарского, на Капри жил тогда подолгу у Ал<ексея> М<аксимови>ча Ал<ександр> Ал<ександрови>ч Богданов-Малиновский, приезжал еще Влад<имир> Ил<ьи>ч на несколько дней, вообще, велась подготовительная работа по целому ряду литерат<урных> начинаний, связанных с партией и, между прочим, по такому крупному делу, как подготовка заграницей партийной школы. Острову Капри как раз и пришлось сыграть в истории русского большевизма огромную роль в связи со всем этим предприятием»*. Характеризуя отношения, связывавшие организаторов партийной школы, Золотарев пишет: «Из лиц, которые впоследствии составили ядро этой школы, помню Анатолия Васильевича <Луначарского>. Он жил вместе со своей супругой Анной Ал<ександровной> Малиновской на via Tiberio у художника Домбровского <...> Здесь, в этой вилле зачастую устраивались студенческие вечеринки, пили бесконечный чай, играли в шахматы и спорили о грядущих судьбах России. Брат Анны Ал<ександровны> Ал<ександр> Ал<ександрович> Малиновский-Богданов жил

* Золотарев А. А. Campo Santo моей памяти (очерк № 54: Алексей Максимович Горький) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 11.

тогда тоже на Капри, но недолго и у Алексея Максимыча. Он вызывал у Алексея Максимыча восторженное любование его энциклопедическими знаниями (кончил два факультета — естественный и медицинский) и феноменальной памятью. Алексей Максимыч вел с ним оживленные перепалки по философским вопросам, а когда тот гостил у него, не однажды устраивал вечера, когда Богданов читал свои произведения»*.

Действительно, вдохновители и организаторы Каприйской школы — теоретик партии, философ-большевик А. А. Богданов, писатель М. Горький и профессиональный революционер, писатель и публицист А. В. Луначарский — при всей разности их образа жизни и подходов к учению Маркса — оказались в этот период идейно близки. Основой их идейной близости стала философия коллективизма, теоретиком которой был Богданов. На своих лекциях они исповедовали идеи коллективизма, сформулированные в художественных и публицистических произведениях этого периода: утопии Богданова «Красная звезда» (1908) и «богостроительной» повести Горького «Исповедь» (1908); драме «Фауст и город» и книге «Религия и социализм» (1908, 1911) Луначарского, горьковской статье «Разрушение личности» (1908), вошедшей в их общий сборник «Очерки философии коллективизма» (Сб. 1. СПб., 1909) и др. С Богдановым Горький познакомился сначала через переписку в 1903 году, а затем, через год, лично. В 1904 году Богданов опубликовал в газете «Правда» статью «Собирание личности», в которой утверждал: «Если бы человек был один, он не был бы микрокосмосом <...> Общение с другими существами — вот что делает человека микрокосмосом <...> Сумма коллективного опыта возрастает до таких размеров, что отдельный человек овладевает ею в поздних стадиях своей жизни, да и то не каждый в полной мере. Тогда выделяется старший в роде как носитель всего опыта группы <...> Первоначальная однородность отношений внутри группы шаг за шагом исчезает. Один, опираясь на свой накопленный опыт, начинает указывать, остальные — следовать его указаниям. Он превращается в распорядителя по преимуществу, в организатора групповой жизни. Остальные привыкают подчиняться, становятся исполнителями чужих указаний. Так совершилось первое дробление человека — отделение “головы” от “рук”, так возникла авторитарная

* Золотарев А. А. Campo Santo моей памяти (очерк № 54: Алексей Максимович Горький) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 11.

форма жизни»*. Однако, по мысли Богданова, «в этом раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым. Он встает на путь борьбы. На этом пути совершается *собирание* человека»**. Собирание человека — это соединение «головы» с «руками», т. е. отказ от авторитарной формы общественной жизни в пользу коллективной.

Богданов — философ, экономист, врач и писатель, в те годы видный деятель социал-демократического движения, большевик с 1903 года, один из ближайших соратников В. И. Ленина, член ЦК РСДРП от большевиков в 1905—1910 годах — пишет один из своих основных философских трудов «Эмпириомонизм» (1904—1906), в котором выдвигает идею о мире как едином организованном опыте. Эта идея интересовала и Горького, размышлявшего в те годы о коллективизме и коллективном опыте: «“Исповедь” и “Разрушение личности” написаны Горьким в период наиболее тесного общения с А. А. Богдановым»***. Горький высоко ценил личность Богданова, разносторонность его интересов. Летом 1908 года Богданов читал в Женевском клубе социал-демократов-большевиков лекции (так называемые рефераты) по вопросам экономики и философии монизма и эмпириокритицизма, утверждая, что эмпириокритицизм — философия инженеров, философия большинства естествоиспытателей нового времени. Защитник «исторического взгляда на природу» (свою первую философскую книгу «Основные элементы исторического взгляда на природу» он опубликовал еще в 1899 году), Богданов в начале XX века под несомненным влиянием идей В. Оствальда, Р. Авенариуса и Э. Маха попытался соединить марксизм с махизмом, вернуть в философию марксизма субъекта, человеческий фактор. Основатель нового философского учения, названного им «эмпириокритицизмом», Авенариус за отправной пункт познания принимает не мышление или субъект, не материю или объект, а опыт в том виде, в каком он непосредственно приобретается людьми. Метод Авенариуса заключается в чистом описании эмпирически данного. Объективной истине Авенариус противопоставляет биологическую ценность познания по принципу наименьшей траты

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 30—33.

** Там же. С. 39.

*** Никитин Е. Н. Горький и идея коллективизма // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. Вып. 9. М., 2009. С. 194.

сил. Его целью была разработка философии как строгой науки, подобной природоведческим дисциплинам. Аналогичным образом австрийский физик Мах считал исходные понятия классической физики (пространство, время, движение) субъективными по своему происхождению; мир — комплексом ощущений, задачей науки — их описание.

Богданов предпринял попытку применить концептуальную структуру Авенариуса и Маха к социальным наукам и развить науку об организации общества и социального знания, исходя из методов естественных наук. Он пришел к выводу, что внешняя действительность является продуктом организующей деятельности коллективного опыта: социальная жизнь неотделима от сознания. Следовательно, чтобы преодолеть деление общества на классы, нет необходимости завоевывать власть. Бесклассового общества можно достичь, прибегнув к идеологическому воспитанию рабочих, изменив их мировоззрение с помощью пролетарской культуры. Таким образом, Богданов обосновал собственную версию марксизма, далекую от ленинской интерпретации. В 1908 году он опубликовал утопию «Красная звезда», где речь шла о бесклассовом обществе и бескровной передаче власти в руки трудящихся. Идеальное общество создано на Марсе в соответствии с принципами научного социализма. В нем нет ни социального неравенства, ни классовой борьбы: ее заменяет борьба с природой и проблема обретения долголетия, а в идеале — бессмертия. «Неограниченная свобода труда» позволяет жителям разумно организовать производство, потребление и даже победить собственнический инстинкт с помощью нового коллективистского самосознания.

Исследователи отмечают, что «убеждение в необходимости культурного подъема и обучения масс, предшествующих политической и социальной революции, драматически переживалось Горьким, оно составляло один из немногих его неизменных идейных принципов и сближало с Богдановым»*. Интересно свидетельство Нины Гурфинкель, которое приводит в своей работе Паола Чони: «Это была эпоха перенесения революции внутрь себя, возведения революции на духовный уровень и превращения ее в личное дело каждого»**.

---

* Чони П. Школа на Капри: разногласия в понимании марксизма // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 213.

** Gourfinkel N. Gorki par lui-même. Paris, 1954. P. 60.

Этими же принципами руководствовался Луначарский. Еще 19-летним юношей в беседе с Г. В. Плехановым он называл своими любимыми философами Г. Спенсера, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. По мнению Луначарского, марксисты недооценивали этическую и эмоциональную сторону научного социализма. В книге «Религия и социализм» (первый том вышел в 1908 году, второй — в 1911-м) он пришел к выводу, что, «развивая рациональные и научные аспекты марксизма, недооценивали силу эмоционального и этического стремления Маркса к социализму. Маркс был не только исследователем общества, но и философом-моралистом, настоящим пророком — в великой еврейской традиции Христа и Спинозы, и правильно понятый марксизм — это синтез науки и морального энтузиазма»*. По мысли Луначарского, марксизм нужно проповедовать как своего рода антропоцентрическую революцию, как новую религию, в которой Бог заменяется революцией. Таким образом, революция — «самый великий и решительный акт в процессе построения Бога»**.

Интересно в связи с этим проследить эволюцию взглядов Луначарского. Он, как и Богданов в своей утопии «Красная звезда», в это время мечтает о бескровной передаче власти в руки народа. Обратимся к его интерпретации темы Фауста в драме для чтения «Фауст и город» (1908, 1916; Пг. Изд. Наркомпроса, 1918), сближающейся по смыслу с утопией Богданова. Луначарский создает собственную социальную утопию: под руководством мудрого правителя народ научился принимать правильные решения и не нуждается более в руководстве, правитель добровольно покидает свой трон. Б. И. Пуришев отмечает: «Исходя из заключительных сцен второй части гётевской трагедии, Луначарский рисует Фауста просвещенным монархом, господствующим над страной, отвоеванной им у моря. Однако опекаемый Фаустом народ уже созрел для освобождения от уз самовластия, происходит революционный переворот, и Фауст приветствует произошедшее, видя в нем осуществление своих давних мечтаний о свободном народе на свободной земле»***.

---

* Fitzpatrick S. Rivoluzione e cultura in Russia. Roma, 1976. P. 23.

** Луначарский А. В. Литературный распад. М., 1929. С. 92; Чони П. Школа на Капри: разногласия в понимании марксизма. С. 213.

*** Пуришев Б. И. Фауст // Литературная энциклопедия: В 12 т. Т. 11. М., 1939. URL: http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/purishev-faust.htm (дата обращения: 15.04.2015).

Горьковская повесть «Исповедь» писалась на протяжении 1907 года и была закончена в начале 1908-го. Первое каприйское произведение Горького читающая публика в России приняла плохо. Та же участь постигла и повесть «Лето». Пафос этих произведений, по мнению Золотарева, шел вразрез с царящим в России настроением упадка после поражения революции 1905 года. Эту повесть можно рассматривать как иллюстрацию к теории «богостроительства» и художественное изложение идей Луначарского, но не только. В финале повести чудо исцеления больной девушки совершает «бог-народушка» во время крестного хода. Вслед за Богдановым и Луначарским писатель верил, что коллективизм может способствовать «слиянию» людей труда в единую созидательную силу, стать мощным источником подъема энергии народа. Вторая каприйская повесть «Лето» заканчивается радостным восклицанием: «С праздником, великий русский народ! с Воскресением близким, милый!»*

Исходя из предпосылки Ницше о смерти Бога, Горький утверждал, отвечая на анкету по вопросам религии на страницах «Меркюр де Франс» 15 апреля 1907 года: «Идея Бога постепенно умирает и неизбежно должна умереть. Только социализм приведет к “духовному совершенству” через свободное и широкое общение <...> между людьми, имеющими одинаковое положение <...> Активное чувство родства всех и каждого со всеми способствует возникновению коллективистской психики»**.

А. В. Амфитеатров увидел в повести «Исповедь» вершину горьковского творчества, сравнив ее с новым евангелием (письмо Горькому от 14 августа 1909 года). Горький настойчиво приглашал Амфитеатрова (давшего деньги на школу, наряду с Ф. И. Шаляпиным, М. Ф. Андреевой и В. М. Каменским) приехать в апреле 1908 года на Капри, где должны были собраться лучшие силы российской социал-демократии: «Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек идет в мир. Все иные пути — от мира. Один этот — в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь

---

* Горький М. Исповедь: Повесть // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1950. С. 497.

** Чони П. Школа на Капри: разногласия в понимании марксизма. С. 213.

создатель мира. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм»*.

А в конце августа 1908 года он пишет Амфитеатрову: «Писать — совершенно нет времени, ибо съехались разные российские землепроходы — из Испании, Южной Америки и с других кусков земли. Все — социалисты и — все — еретики!

Дорогой мой — ничего нет лучше еретика! И жизнь — воистину прекрасна, и все прекраснее она — ох!

<...> хорошая добротная душа у Вас — <...> неуклюжая, русская — еретическая — честная душа.

Предстоит душе этой — теперь о коллективной говорю — великий и трагический полет над Европами, и веянием могучих своих крылий многое она разбудит, взволнует, оживит.

И Пушкины — неправы. Нет — какое это огромное счастие, какое наслаждение могучее — родиться в России! И во дни, когда в ней возникает к жизни новая личность, еще не виданная историей.

Может подумаете, что я — пьян? Да, но — от радости, от той радости, коей поят люди — честные, смелые русские люди, искатели земли обетованной, строители нового града»**.

Для Горького Бог — это комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм»***. «Богостроительство» для Горького, как и для Луначарского, означает строительство другого мира, в котором индивидуализм будет преодолен навсегда во имя новой религии коллективизма: «Социализм — это стадия в развитии культуры, движение цивилизованное. Это религия будущего, которая освободит весь мир от нищеты и грубой власти богатства. Чтобы меня правильно поняли, скажу, что социализм требует усиленной работы ума и общего гармонического развития всех духовных сил человека»****.

Приглашая Богданова на Капри для чтения лекций в задуманной им вместе с Луначарским партийной школе, Горький

---

* Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 6. М., 2000. С. 203.

** Там же. С. 281.

*** Горький М. Исповедь: Повесть // Горький М. Собр. соч. Т. 8. С. 507.

**** Горький М. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1999. С. 210.

надеялся, что рабочие, слушатели школы, увлекутся идеями коллективизма. Читая его переписку с Богдановым за 1908—1909 годы, мы видим, как идет подготовка к открытию школы, делаются переводы книг известных ученых: естествоиспытателей, социологов, философов, готовится к изданию сборник «Очерков философии коллективизма». Горький был захвачен идеей создания школы для рабочих, возможностью на деле осуществить давнюю мечту о внесении культуры в широкие народные массы. В школе читались лекции по истории литературы и искусства, приобщали слушателей к культуре прошлого, проводили экскурсии по музеям Неаполя, Помпеев, Рима. Одновременно рабочие проходили курсы политической экономии, философии, истории, занимались вопросами современной политической борьбы. После прохождения курса школы рабочие должны были вернуться в Россию (это было обязательным условием при зачислении в школу) и вести там широкую агитационную и пропагандистскую работу. Насколько могли рабочие постичь своеобразие подхода эмпириомониста и коллективиста Богданова, главного теоретика школы, к марксизму? Горький предвидел непонимание рабочими «первой российской социалистической утопии» «Красная звезда», вышедшей из-под пера Богданова, как это видно из его отзыва в письме Богданову с Капри [27 декабря 1907 года (9 января 1908 года)]: «Книжку Вашу получил, спасибо Вам! Даже в двух экземплярах, один отдал итальянцам для перевода, — нате-ка, мол, вам первую российскую утопию социалистическую!

Книга и понравилась мне, и нет. Чем понравилась? Светлой, глубокой верой, тихой, прозорливой радостью, с коей автор смотрит в будущее.

Не понравилась — излишком мудрости, несколько холодной и овеявшей лица героев скукой, коя не должна быть ни ведома, ни присуща им — как мне кажется. И еще тем, что читатель из массы — дорогой и родной наш — не найдет — боюсь — в рисунке Вашем очертаний достаточно твердых, но увидит некий красивый туман; не встретит откликов на многие злые вопросы и — почувствует раздражение на автора, на человека, который крикнул, позвал куда-то, сказал — смотри! и — развернул картину, нарисованную слишком тонкими чертами, сложную, но — одноцветную, приятную все-таки — но чуждую тому жадному (?) глазу, который, будучи утомлен серым колебанием буден, алчет красок ярких, очертаний резких.

Вас не обижает этот мой отзыв? Не обижайтесь, Вас крепко люблю, считаю Вашу голову и сердце драгоценнейшими в современности, верую, что Вы дадите огромные по смыслу, по идейной ценности, книжки. Но — мера моя, народ, единственный и неисчерпаемый источник осуществления всех возможностей, и я смотрю с его позиций точки, что дает ему Ваша книга. Вот»*.

Однако в реальности дело обстояло еще хуже. Как вспоминает один из учеников школы Константин Алферов: «В промежутке между лекциями Богданов прочитал нам свое последнее произведение по философии “Тектологию”. Она произвела на меня впечатление набора слов. Но тогда я был совершенно слаб в философии. Оценить идеалистическую философию Богданова я смог лишь после революции, прочтя сочинение Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”»**.

Если утопия «Красная звезда» могла показаться рабочим «красивым туманом», то философские произведения Богданова и вовсе производили «впечатление набора слов». Однако это касалось не только Богданова: Алферов признавал, что «школьники» не имели какой-либо учебной подготовки, поэтому даже лекции Горького о русской литературе не всегда были им понятны: «К сожалению, средняя подготовка большинства слушателей была недостаточно высока (низшая школа), чтобы мы могли извлечь из его [Горького. — *М. А.*] лекций всю ту пользу, которую они могли дать для нашего литературного и политического развития»***. Сложности освоения курса Каприйской школы испытали на себе не только учащиеся, но и учителя. Так, по словам Алферова: «Его [Горького. — *М. А.*] книга “Городок Окуров”, прочитанная нам, школьникам, была встречена нами гробовым молчанием, и это должно было сильно повлиять на его настроение. Следующая его книга “Лето” написана в совершенно другом, боевом тоне»****.

Тем не менее, имя Богданова, читавшего на Капри лекции по политической экономии, было известно в широких революционных кругах: его книги по политэкономии были знакомы

---

* Горький М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 6. С. 144—145.

** Алферов К. А. Встречи с А. М. Горьким // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН.

*** Там же

**** Там же.

ученикам школы по работе в кружках, как об этом вспоминает выпускник технического училища Казанской железной дороги Иван Панкратов. Он в своих воспоминаниях расставляет четкие акценты в том, что касается роли и авторитета Богданова в деятельности школы: «Алексей Максимович Горький всем ученикам Каприйской школы уделял большое внимание, он очень умело практически знакомил нас с различными сторонами культуры и искусства, поэтому мы к Горькому относились с особым уважением и любовью... Но в Каприйской школе политику делал Александр Александрович Богданов и его главный ординарец Алексинский. Богданов на нас производил хорошее впечатление, по его книге (политэкономии) мы учились в кружках, но в 1909 году он чем-то был обижен и почему-то очень резко отзывался о товарище Ленине. Среди учеников кто-то пустил слух, что Владимир Ильич Ленин сильно поправел, а Алексинский даже с какой-то ненавистью говорил о Ленине»*.

О влиянии Богданова пишет и Алферов: «В разногласиях между Лениным и Богдановым Горький в то время не участвовал. Он как бы сохранял нейтралитет, переживая период отхода от богоискательства. В конце занятий в школе, в начале декабря, А. А. Богданов созвал специальное собрание слушателей, на котором огласил платформу группы “Вперед” и предложил подписать ее согласных с нею. Несколько школьников, в том числе и я, подписали. Алексей Максимович платформы не подписывал. Эта платформа напечатана в приложении к XIV тому сочинений В. И. Ленина 2-е изд. 452 стр. Платформу в рукописном виде я привез в Москву в конце декабря 1909 года, напечатал в маленькой частной типографии в количестве 200 экземпляров и распространил среди подпольных большевистских организаций г. Москвы»**.

В отличие от Алферова, Панкратов отказался солидаризироваться с группой Богданова: «Когда, наряду с разворотом споров, “впередовцы” начали организационно оформляться от Большевистского центра и от Владимира Ильича Ленина, тогда я лично написал Ленину в Париж письмо о том, что на Капри

---

* Панкратов И. И. Воспоминание об Алексее Максимовиче Горьком и о школе, созданной им на острове Капри (осень 1909, 1955) // Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН.

** Алферов К. А. Встречи с А. М. Горьким // Там же.

создается новая группа “Вперед”. На свое письмо я быстро получил ответ, в котором мне рекомендовалось привлечь на позиции Большевистского центра возможно больше товарищей.

Через несколько дней после полученного ответа мы послали второе письмо за подписью пяти учеников из 12.

Через некоторое время наши письма были напечатаны в приложении к 50 номеру “Пролетария” — вместе со статьей Владимира Ильича Ленина. Как только на острове Капри узнали об этом, преподаватели и ученики “впередовцы” резко напали на нас и потребовали отказаться от посланных нами писем...

Мы, конечно, отказались выполнить требование части учеников и преподавателей, а потому нас из школы исключили. После исключения нас из Каприйской школы мы написали 17 ноября 1909 года в Центральный комитет РСДРП обращение, в котором просили разобрать дело и осудить исключение нас из Каприйской школы»*. Подписание «платформы» Богданова одними учениками и отказ ее подписать другими вызвал раскол в рядах слушателей, и часть из них покинула Капри, что фактически привело к прекращению деятельности школы.

Философские искания А. Богданова этого периода легли в основу созданной им «всеобщей организационной науки», «тектологии» (1913—1922), постулирующей принципы изоморфизма различных организационных структур, будь то «человеческие коллективы или звездные системы», и «организованного целого, которое больше суммы всех его частей»**. По мысли Богданова, Вселенная «выступает перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности — от неизведанных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем»***. Законы организации систем едины для любых объектов, самые разнородные явления объединяются общими структурными связями и закономерностями. В результате взаимодействия изменяющихся элементов Богданов выделил типы организованных комплексов, различающиеся по степени их организованности. Главный принцип выделения комплекса — несводимость цело-

---

* Панкратов И. И. Воспоминание об Алексее Максимовиче Горьком и о школе, созданной им на острове Капри (осень 1909, 1955) // Там же.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1—2. М., 1989. С. 16.

*** Там же.

го к сумме всех его частей, при этом чем больше отличие целого от суммы самих частей, тем более это целое организованно. В организованных комплексах целое больше суммы всех своих частей — это и есть главный постулат философии коллективизма. В неорганизованных комплексах целое меньше суммы всех своих частей. В нейтральных комплексах целое равно сумме всех своих частей. Теория организации Богданова может быть поставлена в один ряд с универсальными системами знаний: таблицей Д. Менделеева, биогеохимией В. Вернадского, теорией биогеоценозов В. Сукачева и Н. Тимофеева-Ресовского.

Золотарев вспоминает, что на Капри изыскания ученых-естествоиспытателей вызывали огромный интерес в силу всеобщего увлечения наукой как будущей основой построения нового общества. Золотарев упоминает аббата Джузеппе Пиацци (1746—1826), итальянского священника, математика, астронома, иностранного Почетного члена Петербургской Академии наук, наблюдавшего за деятельностью Везувия, и немецкого зоолога Антона Дорна, устроившего биологическую станцию для наблюдения за жизнью морских обитателей, ставшую прообразом для станций подобного рода во всем мире. Горький нередко ходил к живущему на острове немецкому астроному доктору Мейеру (тому самому, с которым издал совместно книжку в помощь сицилийцам, пострадавшим от землетрясения 1908 году): «Алексей Максимыч нередко ходил к Мейеру любоваться звездами и слушать его рассказы о звездах. У Мейера был прекрасный телескоп. Этим он, конечно, немало вложил если не своих знаний, то своего восторга перед Вселенной и ее тайнами, этот немецкий астроном»*.

Будучи сотрудником многочисленных журналов, Горький, по словам Золотарева, часто повторял: «Особенно важно в журналах дать исчерпывающую хронику того, что делается на Земле — *планетарную* хронику», — это любимое слово в устах Горького того времени. «Надо заставить читателя, каждого читателя, где-нибудь в Чухломе или Городце слышать шаги истории. Надо дать хорошие биографии писателей, ученых, вообще всякого дела искусников»**. Позднее он осуществил это желание показать народу его мощь в серии «Жизнь замечательных

---

* Золотарев А. А. Campo Santo моей памяти (очерк № 54: Алексей Максимович Горький) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 11.

** Там же.

людей», которую стал вести, вернувшись в Россию после амнистии 1913 года.

О других аспектах философии коллективизма, которые обсуждались на Капри, Золотарев вспоминает так: «После болгарско-турецкой войны Алексей Максимыч все чаще стал говорить о будущей войне с Германией и Англией, даже предлагал спориться — ставить заклад какой угодно, начиная с двугривенного. Все чаще стал говорить о тех тяжелых последствиях, какими грозит нам близкое будущее, и о том, что европейцы прогонят нас в Азию. Вместе с этим прогнозом у Алексея Максимыча появилась любимая тема — две души. Одна *азиатская*, косная, ленивая, вообще со всеми отрицательными качествами, другая *европейская*, активная и, значит, благодатная, наделенная всеми качествами, необходимыми для развития человека и человечества. Рядом с этою темою, встала тема *индивидуализма и коллективизма*. Мещанин как носитель индивидуализма, предназначенный историей к гибели, и коллективизм — создание социалистического разума, которому предстоит жить. Если в прежние годы на Капри из иностранных писателей Стриндберг был одним из усердно хвалимых и рекомендуемых для чтения Горьким, то теперь интерес перебросился к немцу идеалисту химику Оствальду, и его идея всеобщего и единого для всей земли мозга, идея объединения ученых всего мира, стала любимой на Капри»*. В. Ф. Оствальд, лауреат Нобелевской премии по химии 1909 года, был выдающимся организатором науки, автором «энергетической» теории в натурфилософии, одной из разновидностей «физического» идеализма. Идеи Оствальда, считавшего единственной реальностью энергию, были близки Богданову и Горькому. Золотарев в своих воспоминаниях так характеризует планетарную утопию философии коллективизма: «Слово *планетарный* получило хождение на маленьком острове, и планетарные задачи человечества стали в порядке дня: прорытие новых каналов, соединение океанов, вопросы воздухоплавания и звездоплавания — завоевание новых земель во Вселенной — все это стало на Капри темой безбрежных русских споров и разговоров. Планетарная летопись, учет всего активного, что совершается на Земле, веселый бодрый ритм — вот о чем мечтал Горький, а вслед за ним

* Там же.

все его подголоски пели на разные голоса по звонкому острову сирен»*.

Этому «космическому» веянию на острове Капри не остался чужд и Золотарев. Сохранились конспекты его докладов на тему «Планетарные задачи человечества», относящиеся к 1912–1913 годам. Здесь говорится о поистине бескрайних возможностях человечества как феномена космического, вселенского. Речь идет о перспективах изменения «конфигурации поверхности планеты», климата и даже «наклона земной оси»**, а также о последствиях «ускорения геологических процессов» (таяние ледников, «смена направления теплых и холодных морских течений»).

Позднее идеи философии коллективизма и организационной утопии А. Богданова стали обоснованием идеологических установок Пролеткульта, организации, созданной А. В. Луначарским незадолго до революции и просуществовавшей в тех или иных формах до 1932 года. Как идеолог Пролеткульта Богданов использовал каприйский опыт и выдвинул идеи демократизации научного знания, создания рабочей энциклопедии, организации рабочих университетов, развития театральной и клубной работы, пролетарского искусства, проникнутого духом трудового коллективизма и товарищеского сотрудничества. Попытка реализации идей коллективизма как любой утопии не принесла желаемых результатов ни в экономической, ни в социальной, ни в культурной сферах. Однако «всеобщая организационная наука», порожденная философией коллективизма, пережила своего создателя и стала одной из «общенаучных концепций» XX века. По мнению ряда ученых, существует глубокое родство тектологии Богданова с такими направлениями, как кибернетика, системный подход, структурализм, теория катастроф, синергетика и т. п. Характерная особенность общенаучных концепций состоит в том, что разрабатываемое в их рамках знание применимо в принципе к любым (или достаточно многообразным) областям науки и техники, но не может претендовать на философскую, мировоззренческую значимость. Пока ученым

---

* Золотарев А. А. Campo Santo моей памяти (очерк № 54: Алексей Максимович Горький) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 11.

** См. об этом: Московская Д. С. «Китежанин» Алексей Золотарев (к 135-летию писателя) // Журнал Института наследия. 2015. № 2. URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/17.html

не удалось достаточно подробно охарактеризовать реальное научное значение «тектологии» Богданова. Однако расцвет ее Богданов связывал с сознательным господством людей и над внешней, и над социальной природой. В 1911 году Богданов, вынужденный уйти из политики, занялся наукой. Его наследие в художественной литературе ограничивается тремя произведениями — романом-утопией «Красная звезда» (1908), его продолжением — романом «Инженер Мэнни» (1913) и рассказом «Праздник бессмертия» (1914). Богданов не принял Октябрьской революции, считая, что пролетариат не способен в силу своей недостаточно высокой сознательности исполнять роль субъекта революции. Воплощая свое понимание идеалов социализма, он основал Коммунистическую академию, читал лекции по экономике в Московском университете, работал в Пролеткульте, однако главным его детищем стал созданный им первый в мире Научный институт по переливанию крови, воплотивший его идею «физиологического коллективизма». Его опыты по «повышению жизнеспособности людей методом обменного переливания крови» в конечном счете стали причиной его смерти в 1928 году. В 1999 году в России создан Международный институт Александра Богданова для изучения его научного и философского наследия.

Д. Стейла

От опыта к организации. Краткий обзор неопубликованных писем А. А. Богданова В. А. Базарову*

Выступая на симпозиуме по теме «Александр Богданов и истоки системного мышления в России», который проводился в Великобритании в 1995 году, Вадим Садовский говорил о существовании фундаментальной связи между ранним эмпириомонизмом Богданова и его более поздней тектологией**. Он показал, как «разорванная» интерпретация богдановской мысли позволила некоторым ученым в советские времена критиковать Богданова: они высоко ценили позднего Богданова как предтечу теории систем и кибернетики, в то же самое время презирая Богданова раннего, раскритикованного Лениным в 1908-м и позднее, в 1920-х годах. Садовский заметил, что сейчас нам гораздо проще подчеркнуть связующие элементы между

---

* Это эссе является переработанной и обновленной версией статьи Д. Стейлы. См.: Steila D. From Experience to Organization: Bogdanov's Unpublished Letters to Bazarov // V. Oittinen (ed.). Aleksandr Bogdanov Revisited. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. P. 151–172.

** Sadovsky V. From Empiriomonism to Tektology // Biggart J., Dudley P., King F. (eds.) Alexander Bogdanov and the Origins of System Thinking in Russia, Aldershot, 1998. P. 43–54.

различными этапами работы Богданова. Это еще более верно 25 лет спустя, когда интеллектуальное наследие Богданова в полном объеме все чаще становится предметом всестороннего анализа*.

Цель этой статьи — рассмотреть момент перехода Богданова от эмпириомонизма к тектологии на основе нескольких писем и черновиков, которые Богданов писал Базарову в период 1908—1911 годов. Очевидно, что в них он критикует свой собственный эмпириомонизм и начинает вырабатывать свою новую теорию организации. Эти документы являются той частью богдановского архива, которую он сам считал утерянной. В 1924 году, когда Комиссия по истории партии и революционного движения попросила Богданова передать в дар его личные бумаги, имеющие отношение к истории революции, он ответил: «Материалов у меня никаких нет: были, остались в Париже при возвращении в Россию в 1913 г. и пропали во время войны (корзина с ними якобы украдена)»**. Эти материалы в конце концов обнаружились в Фонде Лелио и Лисли Бассо (Fondazione Basso) в Риме, пережив захватывающую одиссею, во время которой их держали в руках Леон Бернштейн (Léon Bernstein), бывший член Бунда, его сын и наследник Мишель, известный историк Жорж Хаупт и, наконец, итальянский сенатор от социалистов Лелио Бассо***.

Переписка Богданова с Базаровым составляет небольшую часть его фонда в архиве Фонда Бассо в Риме и представляет особый интерес для анализа их взглядов именно как философов-мыслителей, поскольку философия занимает центральное место в содержании этих писем. В. С. Клебанер заметил, что некоторые из идей Базарова, высказанных в одном из его писем, Богданов «использовал почти 20 лет спустя» в одном

---

* См.: напр.: White J. D. Red Hamlet. The Life and Ideas of Alexander Bogdanov, Leiden; Boston, 2019; Soboleva M. Aleksandr Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus, Hildesheim; Zürich; New York, 2007.

** Антонова Н. С. Из истории формирования личных архивов А. В. Луначарского, Ю. О. Мартова и А. А. Богданова в РГАСПИ // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 17.

*** Scherrer J., Steila D. (eds.) Gor'kij — Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma, 2017. P. 24—26.

из своих докладов в Коммунистической Академии*. Клебанер в данном случае имеет в виду содержание двух писем, которые он нашел в Архиве А. М. Горького в Москве (ИМЛИ): «Их сохранением мы обязаны, прежде всего, нежеланию А. М. Горького расстаться с ними. Заинтересовавшись письмом Базарова, он задержал его, чтобы вновь перечитать вместе с ответом Богданова. Копию ответного письма Богданова сопровождала приписка его жены: *“Саша просит вернуть и эту копию, и письмо Базарова непременно и, если можно, поскорее. Н.”*. Письма не были возвращены»**. Другие письма в конечном счете оказались в Риме, в конверте, подписанном «Базаров» самим Богдановым. Эта часть фонда Богданова в архиве Фонда Бассо содержит 13 документов: 5 писем Базарова, написанных Богданову (в 1908–1913 годах.), 6 копий писем, которые Богданов написал Базарову (в 1911–1913 годах, некоторые без указания даты), и два незаконченных черновика, которые Богданов, вероятно, оставил, чтобы в будущем проследить путь развития собственных идей. Я готовлю к публикации весь комплект этих документов, но в данной работе я в основном опираюсь на содержание двух из них: письмо Базарова от 25 мая 1911 года и ответ на него Богданова 26 июня 1911 года. В частности, основное внимание я уделю понятию подстановки, одному из центральных понятий в эмпириомонизме. Я исследую, как Богданов использовал это понятие в своем очерке «Страна идолов и философия марксизма» в 1908 году и как это конкретное использование концепта «подстановка» привело к его философскому диспуту с Базаровым. Наконец, я покажу, как в последующие годы Богданов отказался от понятия «подстановка» внутри опыта и принял идею организации реальности, подготовив таким образом свой переход от эмпириомонизма к тектологии.

Опыт и подстановка

Эмпириомонизм базируется на центральном понятии опыта: по утверждению Богданова, непосредственное чувственное восприятие в виде ощущений является основой любого воз-

---

* Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 91.

** Базаров В. А. Философские проблемы, идеи, дискуссии, проекты (из сохранившихся архивных материалов) // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 94.

можного знания, в действительности любого взаимодействия человека с реальностью. Как таковые, они представляют собой «психические явления» и существуют лишь для человека, их испытывающего. Они становятся «физическими явлениями» через подстановку, а именно посредством применения организующей модели, которая «*согласована*» у «со-человеков», «в чем и заключается “объективность”, т. е. *общезначимость* этих комплексов и их соотношений»*.

Концепция подстановки объясняет, как человеческий коллектив в определенную эпоху реагирует на практические и теоретические нужды для достижения гармоничной и единой картины мира. Когда в их картине мира есть пробелы, люди стремятся заполнить эти пробелы через подстановку, что всегда условно и относительно, и в процессе эволюции мысли на смену ей приходит другая подстановка**. «Подстановка» обеспечивает цельность картины мира за счет того, что непосредственный опыт замещается чем-то другим, тем, что нельзя познать непосредственно опытом, но что в этот самый момент становится существенным и неизбежным аспектом самого опыта. Например, мы «подставляем» под свое непосредственное восприятие ощущения солнечного света и тепла идею небесного тела с определенными характеристиками, т. е. солнца. Такая подстановка дает нам возможность общаться с другими людьми в рамках общего поля опыта. Она также создает взаимоотношения между различными явлениями, позволяя нам таким образом выстроить гармоничную картину мира, с помощью которой мы взаимодействуем с реальностью.

По Богданову, как в онтогенезе, так и в филогенезе подстановка сперва является чисто антропоморфной. Однако по мере развития эволюции видов и отдельных индивидов она становится все менее и менее таковой. На первом этапе человеческой истории древние люди подставляли под непосредственный опыт психическое и думали, что цельность и смысл всего происходящего имеют духовную основу. Это было время «всеобщего анимизма, поэтического одухотворения природы, пантеизма, панпсихизма». На втором этапе пробелы в интерсубъективной картине мира люди заполнили чем-то физическим. Например,

---

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. СПб., 1906. С. XXXII.

** Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. II. М., 1905. С. 11.

механическую теорию теплоты подставили под «анимистический» способ понимания и объяснения тепловых ощущений. На третьем этапе наивные материалисты подставили под непосредственный опыт физическое (что до тех пор считалось «психическим»), предоставив таким образом механистическое объяснение знания, эмоций и психических явлений в целом. На четвертом этапе человеческой истории нечто «*метафизически-неопределенное*» было подставлено как под физическое, так и психическое*: «вещь в себе», которая была призвана объединить человеческую картину мира на общей основе. Здесь Богданов, очевидно, не думал о кантовской «вещи в себе» как о *Grenzbegriff* (предельном понятии) чистой аргументации; скорее, он говорил о фетишистском использовании такого понятия в русском ортодоксальном марксизме в манере Плеханова**.

К этим разным видам «подстановки» Богданов добавил пятый, превосходящий все остальные, над которым он сам работал в начале XX века: «подстановку *эмпирически-неопределенного* под *физические, неорганизованные* процессы». Другими словами, «теории, стремящиеся к “чистому описанию” в абстрактно-монистических схемах и признающие “объективный” характер фактов, подлежащих описанию»***. Богданов считал, что и эмпириокритицизм, и эмпириомонизм занимаются именно такой подстановкой. В данном случае люди сознательно используют подстановку, не превращая при этом некий *x*, который они сделали основой своего мировоззрения, в абсолютный фетиш. Богданов писал: «...развитие науки и философии ведет в действительности не к устранению подстановки, как склонны думать многие из современных позитивистов, а к ее критическому исправлению»****.

В результате своих размышлений о подстановке, Богданов, с одной стороны, освободил понятие «объективность» от какого-либо онтологического смысла, а с другой — дал новую оценку

---

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. II. С. 36.

** Steila D. Genesis and Development of Plekhanov’s Theory of Knowledge. Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1991. С. 191—201; Oittinen V. Das Ding an sich — Stein des Anstosses der Bolschewiki? Zur philosophischen Polemik von Lenin und Bogdanov // Aleksandr Bogdanov Revisited. Helsinki: Aleksanteri Series, 2009. С. 297—328.

*** Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. II. С. 36—37.

**** Там же. С. 37.

так называемой народной психологии. Говоря о том, что иногда мы приписываем людям тот же «внутренний статус» («internal status»), какой ощущаем сами, Богданов писал: «...“гипотеза” о психике других людей вовсе в действительности не гипотеза, а необходимый элемент познания. Когда под такие-то данные высказывания других людей я подставляю такие-то данные чувства и мысли, то гипотетично здесь только *данное содержание* подставляемого; оно нередко и бывает ошибочно: я могу “не понять” других людей. Но самая подстановка — отнюдь не гипотеза, а “конститутивный признак” познания <...> “Подстановка”, о которой мы говорим, не представляет из себя ни в каком случае выхода за пределы возможного опыта. Ее правильность в каждом данном случае проверяется практикой: основываясь на своей “подстановке”, мы предвидим действия других живых существ и сообразно этому рассчитываем свои собственные поступки»*.

По Богданову, без картины мира взаимодействие с другими людьми и самой реальностью было бы невозможно. Люди обязательно стремятся выстроить законченную картину мира, которая позволила бы им понять реальность в соответствии с общепринятыми категориями и соединить различные явления друг с другом. Это необходимо для выживания человечества. Богданов утверждал: «Жизненное значение философской картины мира заключается в том, что она есть последняя и высшая, *все-организующая* познавательная форма»**. Однако она всегда оказывается относительно «последней и высшей» формой знания, поскольку Богданов не принимал абсолютных и окончательных истин. Даже его собственный эмпириомонизм надо было развивать далее, а возможно, даже и отказаться от него. Учитывая эти ограничения, Богданов, тем не менее, заявлял, что человечеству необходимо выработать всеобщую подстановку, способную выстроить цельную картину мира на основе всеобщего материала***.

Единственный настоящий всеобщий материал, в представлении Богданова, состоит из непосредственных элементов опыта, который эмпириокритицисты использовали в качестве основания своих собственных взглядов на физическое и пси-

---

* Там же. С. 9—10.

** Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. С. XXX.

*** Там же.

хическое. Признание эмпириокритиков и их «полубуржуазной позитивной философии»* не имело для Богданова никаких негативных последствий, несмотря на широко распространенное среди ортодоксальных марксистов презрительное отношение к любому проявлению махизма. Богданов отмечал, что сам марксизм в конце концов принял на вооружение определенные «буржуазные» идеи, такие как «диалектику у буржуазного гегельянства, и теорию трудовой ценности — у буржуазных классиков»**. Однако в чисто теоретическом плане он не был полностью удовлетворен тем, как эмпириокритицисты предложили решить проблему взаимосвязи различных элементов опыта: «Эмпириокритическая школа находит достаточным констатировать двойственность этой связи — “субъективную”, или ряд “зависимый” (от организма познающего), связь психического, и “объективную” — или ряд “независимый” — “физического” опыта. Для нас такое положение является очевидным дуализмом, и уже здесь начинается радикальное расхождение с эмпириокритицистами»***.

По Богданову, различие между психическим и физическим не просто основывается на зависимых или независимых звеньях ощущений (links of sensations), но и определяется социальными отношениями, которые конкретно формируют все взаимодействия между людьми, создавая таким образом основу для построения собственно опыта. Как он заметил, «“физическое” есть *социально-организованный опыт* (т. е. социально-согласованный в общении людей), “психическое” — *индивидуально-организованный* (т. е. согласованный лишь в пределах индивидуального опыта)»****. Другими словами, для Богданова социальная сфера не составляет опыта, а следовательно, реальности. «Мир опыта кристаллизовался и продолжает кристаллизоваться из хаоса. Сила, которою определяются формы этой кристаллизации, есть общение людей. Вне этих форм нет, собственно, *опыта*, потому что неорганизованная масса переживаний не есть опыт. Таким образом, опыт социален в самой своей основе, и его прогресс есть *социально-психологический процесс его организации*, к которому всецело приспособля-

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. С. XXXI.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же. С. XXXII.

ется индивидуально-психический организующий процесс»*. Я бы хотела подчеркнуть конкретное значение «организующей» функции в этом контексте. В данном случае организация есть нечто внешнее по отношению к элементам опыта, так как включает в себя социальные, рабочие и личные отношения, однако организация оказывается необходимым условием самого опыта. Пользуясь терминологией Канта, мы можем сказать, что в эмпириомонизме Богданова организация несет «трансцендентальную» функцию.

Идеи Богданова вызвали очень резкую критику, и не только со стороны ортодоксальных марксистов. Неудивительно, что Плеханов считал богдановскую теорию подстановки идеалистической версией махизма и даже более последовательно идеалистичной, чем идеи самого Маха**. Более неожиданной была реакция «критического» марксиста Павла Юшкевича, который назвал монизм Богданова «панпсихизмом». Юшкевич считал, что концепция Богданова в конечном счете приведет к растворению физического в психическом. Он задает вопрос: «“Непосредственные” (т. е. в конце концов *психические* разных степеней) комплексы, прямо воздействующие друг на друга и создающие в своем взаимодействии физический мир, как представление (“отражение”) людей — многим ли это отличается, например, от концепции Шопенгауэра или Беркли?»*** Даже Луначарский, один из ближайших друзей Богданова и муж его сестры, который в то время стоял на тех же теоретических и политических позициях, резко критиковал богдановскую концепцию подстановки: «гипотетически строить мир подстановок, определяя его все точнее, забывая постепенно самую шаткость и гипотетичность таких опережающих науку шагов неизвестного, делать, наконец, из созданного таким образом наполовину фантазией мира основу и объяснение для мира физического, а не простое и общее его ограничение в пространстве и времени, — значит очутиться en pleine metaphysique. Мы не говорим, что Богданов ударился в такие построения, мы указываем только на опасность, которая словно пропасть разверзается перед

---

* Там же. С. XXXIII–XXXIV.

** Плеханов Г. В. Materialismus militans. Ответ г. Богданову. Письмо третье (1910) // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958. Т. III. С. 270.

*** Юшкевич П. С. Об эмпириомонизме г. Богданова // Книга. 1906. № 21. С. 4.

нами, когда мы восходим вместе с Богдановым на достигнутую им высоту»*. В русских марксистских кругах в первом десятилетии XX века идея подстановки Богданова была весьма спорной. Неудивительно, что в 1908 году именно этому вопросу он посвятил значительную часть своего эссе в «Очерках по философии марксизма».

Страна идолов и философия марксизма

После резкой критики материализма Плеханова Богданов посвятил всю *pars construens* своего эссе «Страна идолов» теории подстановки. Он утверждал, что именно идея подстановки делает возможным создать монистическую — а не фетишистскую — картину мира. «Раз мы знаем, что *элементы* опыта, физического и психического, одни и те же (цвета, тоны, пространственные элементы, элементы твердости, тепловые и т. д.), то говорить о “психических” явлениях, как и о “физических”, мы можем только в смысле определенной их *связи*, но отнюдь не особого *материала*. Эта связь “психического” есть *ассоциативная*, как связь “физического” — *объективно-закономерная* — оба признака для двух частей опыта “конститутивные”, определяющие, — при отсутствии которых не может быть речи о психических или физических явлениях»**. «Физическое» и «психическое» состоят из одних и тех же элементов, которые сначала представляются неорганизованными ощущениями. Как объясняет Богданов: «...физический опыт, *как опыт*, представляет еще более высокую ступень организованности, чем опыт психический. Физическое “тело” кристаллизуется для человеческого сознания из бесчисленных отдельных восприятий и их познавательной обработки, обработки коллективной, социальной, как и все познание»***.

Эти идеи очень близки тем позициям, которые были высказаны в «Эмпириомонизме». Однако роль организованности здесь несколько иная. Установив монистический принцип, согласно которому весь опыт состоит из элементов лишь одного вида, в своем эссе 1908 года Богданов задает вопрос: «Каким

---

* Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. II. СПб., 1911. С. 376.

** Богданов А. А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 235—236.

*** Там же. С. 236.

путем неорганическое переходит в органическое, безжизненное в живое?» и так отвечает на него: «Таким путем, что оно *организуется*. Неорганические, составные части почвы и воздуха организуются в белки, крахмалы и другие ткани растений; эти ткани растений вместе с разными опять-таки неорганическими веществами перерабатываются травоядными животными, организуясь в ткани их тела; ткани этих животных вместе с растительным и неорганическим материалом организуются дальше в организмах плотоядных и всеядных животных, к числу которых принадлежит человек. Каким путем органическое переходит в неорганическое, живое в безжизненное? Путем дезорганизации, разложения»*. Согласно данному отрывку, организация — это процесс, происходящий в самой природе, до какого-либо знания, некая предварительная данность. Организация — это не схема, по которой люди выстраивают свой мир, но существенная структура самого мира, поскольку «весь Universum представляется <...> как непрерывный ряд комбинаций, материал которых приблизительно один, — тот же, что элементы опыта; строение же их различно по степени и по типу организованности, от стихийного “хаоса” элементов до стройного, коллективно обработанного опыта социальных существ»**. Например, «“человек” *А*, взятый как совокупность переживаний, сознательных и вне сознательных, как входящих в его систему опыта, так и ускользающих от нее, есть *непосредственный комплекс элементов*, очень сложный и очень высоко организованный. Другой человек *В*, взятый также “в себе”, есть другой непосредственный комплекс, приблизительно так же организованный. Животное *С*, с этой же точки зрения, представляет из себя третий непосредственный комплекс, низшей и менее сложной организации. Бактерия *Д* обладает “в себе” еще значительно более низкой организованностью. Наконец, кристалл *Е*, взятый независимо от опыта людей и животных, стоит несравненно ближе не только человека и животного, но и растительной клетки — бактерии — к тому пределу, который характеризуется полной неорганизованностью, т. е. к “хаосу” элементов. Все эти пять комплексов, принимаемых в нашей “подстановке”, вовсе не изолированы один от другого,

* Там же. С. 237.

** Там же. С. 241.

но находятся в общей связи мирового процесса и взаимно действуют друг на друга, “отражаются” один в другом*.

«Всеобщая подстановка» позволяет объединить различные комплексы в одном универсуме, который по-разному организован на разных уровнях сложности. Богданов приходит к выводу: «Идея всеобщей подстановки выражает единство познавательного метода по отношению ко всему опыту с его *качественной* стороны: устанавливается качественная непрерывность всякого возможного опыта прямого и последнего, как взаимно связанных и взаимодействующих комбинаций одного и того же материала на различных стадиях его без конца прогрессирующей организации. <...> Принцип *всеобщей эмпирической подстановки* есть распространение на всю природу, на весь опыт людей, *в соответственно переработанном виде*, того метода, который составляет сущность социальной связи людей в процессе их общего труда — *метода их взаимного понимания*»**. К «качественному» аспекту этого метода, объединяющему различные явления посредством общей модели организации, Богданов добавляет «количественный» аспект энергетики, объясняющий каждое явление с точки зрения «энергии». Он характеризует энергию как «*принцип измеримости, соизмеримости и непрерывности происходящих в опыте изменений*»***. В одном из черновиков писем Базарову с непроставленной датой он так резюмирует свой основной тезис: «*во всех своих универсально-монистических концепциях человек* (= общество) *воспроизводил свои основные социально-практические отношения*; отношения между людьми в обществе и отношения общества к природе»****. Базаров сомневался, что в 1908 году Богданов выражал те же идеи, которые он высказал пару лет до этого в своем «Эмпириомонизме». Комментируя «Страну идолов» в одном из писем Богданову, Базаров говорит, что «“подстановка” в этой статье имеет несколько иную окраску, нежели в “Эмп[ирио]монизме”, но я приписал эту окраску не популяризации, а эволюции твоих воззрений»*****. И Базаров рассуждает по поводу этой новой, «иной» окраски.

---

* Богданов А. А. Страна идолов и философия марксизма. С. 240.

** Там же. С. 242.

*** Там же.

**** Черновик без даты // Архив Фонда Бассо.

***** Архив Фонда Бассо. 23.07.08.

Владимир Александрович Руднев (настоящая фамилия Базарова) был близким другом Богданова с народнических собраний*. Вместе они с энтузиазмом приняли идеи марксизма и включились в революционную деятельность, за которую были сосланы в Калугу в начале XX века. Там Базаров работал в земском статистическом органе, но основные свои силы он посвятил переводу разнообразных политических и неполитических трактатов, благодаря чему они стали доступны русскому читателю**; в этой работе ему иногда помогал Иван Иванович Скворцов-Степанов. Вместе с Богдановым, Луначарским и другими Базаров в 1904 году стал одним из авторов сборника «Очерки реалистического мировоззрения». Это был первый труд большой группы «критических» марксистов, опубликованный в ответ на известный сборник «Проблемы идеализма»***.

В «Очерках реалистического мировоззрения» Базаров ясно показал свой интерес к эмпириокритицизму, который был очень популярен в то время в России. Он писал: «Психическое и физическое, “я” и “внешний мир” представляют из себя лишь условные классификаторские термины, общие обозначения различных способов сочетания одного и того же познавательного материала»****. Согласно Базарову, научные законы и принципы являются абстракциями на основе опыта. Они замещают постоянно изменяющиеся ощущения единообразными и устойчивыми символами для того, чтобы можно было делать обобщения и анализировать опыт. С такой точки зрения любая физическая теория, любая картина мира или этическая система неизбежно относительна: «Так называемый

---

* Богданов А. А. Мое пребывание в Туле // Революционное былое. 1923. № 2. С. 16; Добротвор Н. На заре революционного движения в Туле // Там же. С. 12; Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова. С. 76–79.

** Разломалин Д. Первые шаги партийной организации в Калуге // Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Калуга, 1921. С. 33; Малинин Д. Из воспоминаний о кружке семинаристов-марксистов // Там же. С. 103.

*** Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М., 2013. С. 147–155, 177–188.

**** Базаров В. А. Авторитарная метафизика и автономная личность // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 195.

“прогресс” представляется нам не как постепенное “раскрытие” абсолюта, от века неизменного, а как непрерывное творчество новых форм, из которых каждая одинаково “истинна” для своего времени. <...> в борьбе за данный познавательный материал побеждает тот научный принцип, который с наименьшею тратою силы овладевает этим материалом; титул истины есть трофей, достающийся победителю»*. Сборник 1908 года «Очерки по философии марксизма» начинается с эссе Базарова «Мистицизм и реализм нашего времени». С одной стороны, он резко раскритиковал ортодоксальных марксистов, и прежде всего Плеханова, и их скрытый «мистицизм» «вещи в себе». С другой — делая отсылки к Авенариусу и Маху, он набросал общую концепцию «реалистичной»/реалистической картины мира, которая заменит старомодный материализм. Рассуждая обо всех классических темах русского махизма (психофизический параллелизм, «биологическая» концепция знания как адаптации к окружающей среде, конвенциональный взгляд на гипотезы и понятия и коллективный предмет знания) Базаров предложил оригинальную критику знания как чистого описания явления. В заключение он определил основные черты «философии действия», которую он будет развивать в своих более поздних сочинениях: «Не мы познаем, т. е. “отражаем”, “описываем”, “символизируем” и т. п. предметы, данные нам *до* нашего описания, а предметы “даются”, или, если угодно, “создаются” для нас (т. е. для нашей памяти) только в творческом акте познания. Все данное есть в то же время созданное»**. Таким образом Базаров соединил современную эпистемологию с марксистским взглядом на практику. Поэтому неудивительно, что Базаров высказал некоторую озадаченность по поводу того, что он считал реальным изменением в богдановской теории подстановки, от субъективной эвристики к некоей онтологии. Возможно, Базаров посчитал это в каком-то смысле возвратом к «антропоморфизму». Богданов так объяснил свою позицию: «Идея “универсальной подстановки” для меня в том и заключается, чтобы очистить метод подстановки, — который, по-моему, *фактически* является основным и всеобщим для познания, —

---

* Базаров В. А. Авторитарная метафизика и автономная личность. С. 211—212.

** Базаров В. А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма. С. 32.

от антропоморфизма, как очистилось от него понятие “энергии” в своем развитии из понятия “усилия”»*. Базаров в ответ выразил радость по поводу того, «что самый факт эволюции», который, как ему казалось, он увидел в богдановской теории подстановки, «оказался недоразумением»**.

Организованность реальности

Однако подстановку как возможное основание объективности все еще продолжали обсуждать в группе Богданова. Мария Федоровна Андреева свидетельствует о том, что эта тема была предметом дискуссии на вилле Горького на Капри в начале 1909 года. Она рассказала Богданову, что Вилонов, только что прибывший из России рабочий, «нападал на это слово» [подстановка], в то время как и Горький, и Луначарский (которые спустя несколько лет будут критиковать концепцию Богданова) «его защищали и объясняли»***.

Сам Богданов вернулся к понятию «подстановка» в своей работе «Философия живого опыта», обширном эссе 1913 года, на которое оказала глубокое влияние его деятельность с рабочими партийных школ на Капри и в Болонье. Пользуясь понятием «всеобщая подстановка», он утверждал, что с его помощью можно манипулировать опытом как на когнитивном, так и на практическом уровнях. Он объяснял свой «социоморфизм» тем, что все когнитивные методы организации опыта в конечном счете зависят от социальных отношений. Кеннет Дженсен, посвятивший книге Богданова монографию, отмечает, что «рассматривая проблему объективности, Богданов имел дело <...> с различными уровнями организации, а не <...> с различными методами организации. Предлагая разобраться с тем, “как группируются элементы опыта”, он предполагал рассмотреть характер продуктов организации, а не сам процесс****.

В более ранних трудах Богданова по эмпириомонизму был процесс организации; теперь же он обратил свое внимание на

---

* Архив Фонда Бассо. Черновик без даты.

** Там же. 23.07.08.

*** Scherrer J., Steila D. (eds.) Gor’kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908–1911). Roma: Carocci, 2017. P. 374.

**** Jensen K. M. Beyond Marx and Mach. Bogdanov’s Philosophy of Living Experience. Dordrecht: Reidel, 1978. P. 132.

факт организации по мере того, как она развивается в мире. Богданов писал: «Такова наша картина мира: непрерывный ряд форм организации элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем»*.

Если объективность оказывается организованной и если считать фундаментальным скорее сам факт организации, а не процесс организации, то совершенно неудивительно, что в конце книги Богданов провозглашает новую всеобщую организационную науку. Основой этой универсальной науки являются формы организации, которые, как замечает Богданов, едины в разных областях. Как писал Дженсен, «прошлый опыт показывает, что существование одних и тех же организационных процессов в самых различных сферах не может быть случайным: их слишком много для случайности и мы должны их выявить. Например, обнаружив волновое движение в органической природе, в низших формах жизни, в обществе, в искусстве и музыке, человек открыл лишь один из огромного числа организационных процессов, выходящих за границы любых областей и уровней опыта <...>. Следовательно, говорит Богданов, мы можем прийти к единственному заключению: "*Существуют общие методы и закономерности, по которым самые различные элементы вселенной организуются в комплексы*"»**.

Нет никакого сомнения, что новая организационная наука появилась из монистического взгляда на опыт как объединяющий принцип: в 1913 году это была не столько философия, сколько наука о самой организации, где метод и предмет идентичны. Поэтому Богданов заявил, что такая наука «будет прямой противоположностью философии, которая гораздо менее эмпирична, чем все частные науки»***. Дженсен замечает: «Очевидно, Богданов просто хотел подчеркнуть, что философия обобщает опыт, накопленный различными отдельными на-

---

* Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. 2-е изд. Пг., 1913. С. 256.

** Там же. С. 271; Jensen K. M. Beyond Marx and Mach. Bogdanov's Philosophy of Living Experience. Dordrecht: Reidel, 1978. P. 158.

*** Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. С. 268.

уками. Как таковая, она является отступлением от непосредственной организации опыта и, таким образом, менее эмпиричной. А “всеобщая организационная наука” <...> в поиске организационных методов, которые можно было бы использовать во всех, самых разнообразных сферах знания, будет, видимо, опираться непосредственно на эмпирическую базу»*.

В заключении сборника Богданов провозгласил конец философии; на ее место должна была прийти всеобщая организационная наука: «Философия доживает последние дни. Эмпириомонизм — уже не вполне философия, а переходная форма, потому что он знает, куда идет и кому должен будет уступить место. Начало всеобщей новой науки будет положено в ближайшие годы, ее расцвет возникает из той гигантской, лихорадочной организационной работы, которая создаст новое общество и завершит мучительный пролог истории человечества. Это время не так далеко...»**

Переписка между Богдановым и Базаровым, которая хранится в архиве Фонда Бассо, датируется именно тем временем, когда Богданов переходит от эмпириомонизма к тектологии. Базаров же начиная с 1909—1910 годов все дальше и дальше отходит от своих старых «позитивистских» идей и все больше интересуется американским прагматизмом и Бергсоном***. В своем письме к Богданову Базаров подчеркивает, что «конструктивный момент в познании <...> играет гораздо более крупную роль, чем это кажется “махистам”; я думаю даже, — вопреки тому, что я когда-то проповедовал в “«Очерках реалистического мировоззрения”, — что аналитических суждений вообще нет: логические дедукции также синтетичны, как и математические построения, а эти последние не менее синтетичны, чем физические теории»****.

В том же письме Базаров показывает, что Богданов объединил в понятии «подстановка» очень разные когнитивные конструкции. Базаров замечает, например, что «в подстанов-

---

* Jensen K. M. Beyond Marx and Mach. Bogdanov’s Philosophy of Living Experience. P. 157.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. С. 271—272.

*** Стейла Д. Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 129—143.

**** Архив Фонда Бассо. 25.05.11.

ке психического под физическое нет в действительности никакой “подстановки”, здесь психическое ставится не “на место” физического, а *присоединяется* к последнему»*. Другими словами, богдановская теория подстановки не является плодотворным способом преодолеть дуализм. По утверждению Базарова: «“Подстановкой” в точном смысле слова оказывается, таким образом, только тот случай, когда качественные различия данного заменяются количественными видоизменениями научной конструкции (атомы, электроны и пр.), позволяющей *дедуцировать* следствия из причин, т. е. случай научной символизации»**. Но теперь научную символизацию, которая ранее, в «Эмпириомонизме», использовалась как исторический пример, Богданов рассматривает как нечто противоположное подстановке. По его мнению, процесс подстановки следует определенным правилам: «...на место комплексов более простых, более определенных и устойчивых, он ставит все более сложные, более богатые элементами, но менее определенные, менее связные: от меньшего и более организованного содержания к большему, но менее организованному»***. Научная символизация не заслужила такого определения, так как в ней нет никакого богатого символического содержания. Базаров со своей стороны возражает: «...для меня самая полярная противоположность научной символизации и разных видов синтеза — присоединения не является достаточно убедительной. Твоя формулировка одной половины антитезы — научный символ всегда менее богат по содержанию, но более организован, чем символизируемое им, — бесспорна, ибо здесь выражена сознательная задача эвристического приема символизации. Гораздо более сомнительна вторая половина антитезы: подстановка (присоединенное) более богата по содержанию, но менее организована, чем то, что она собою заменяет (верно: то, к чему присоединяется); это очевидно не верно в тех случаях, когда данное сливается с примышленным, “перцепция” переходит

---

* Архив Фонда Бассо. 25.05.11.

** Там же.

*** Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. С. 249.

в “апперцепцию” (тут присоединяемое *и* богаче, *и* организованнее, чем то, к чему оно присоединяется)»*.

Богданов ответил очень длинным письмом от 21 июня 1911 года. Около половины из 12 страниц текста адресованы возражениям Базарова. В частности, Богданов отверг мнение Базарова о том, что подстановка — это не более чем присоединение: «Когда ты оперируешь с подставленной под физич[еские] движения тела *психикой* другого лица, то неудобно и нецелесообразно *в то же самое время* иметь в виду физические свойства его тела; ибо *метод*, которым приходится оперировать над тем и другим, различен»**. Соединить элементы одного рода возможно — физическое с физическим, психическое с психическим, но в этом случае, утверждает Богданов, мы имеем дело с настоящей подстановкой: психика действительно замещает какие-то физические движения тела: «Это все равно, что подстановка художественных образов под буквы книги или под пятна красок картины: невыгодно и неудобно *видеть* буквы, когда читаешь, или краски, когда смотришь картину; но всегда может понадобиться быстрый переход к буквам (если, напр., встретилась злая опечатка) или к краскам»***.

Что же касается аналогии подстановки со связью между перцепцией и апперцепцией, Богданов отвергает ее на основании «социального» характера подстановки: «Подстановка же сложный продукт социального развития; и особенно неправильно смешивать с ней переход перцепции в апперцепцию. Подстановка — вопрос познавательной методологии, т. е. порядка *социального*, — а не просто психологического, — и возникает *на почве* социальной символики, т. е. речи, мимики и т. п., потому что предполагает возможность мыслящего отделения символа от ее содержания»****.

Богданов продолжает: «Подстановка, как я ее понимаю, считает психическое (не только собственно сознание, но и все “подсознания”, всю сумму координаций, образующих “человека”) *материалом*, который обрабатывается и организуется воспринимающими и познающими аппаратами со-человеков, — а “физический организм” того же человека — продуктом взаи-

---

* Архив Фонда Бассо. 25.05.11.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

модействия этого материала с указанными орудиями, взятыми, конечно, в коллективном масштабе. Что продукт не похож на материал по форме связи, это понятно; что он не похож, в значительной мере, и по содержанию, это объясняется как сокращением материала в обработке (лишь часть его войдет в продукт), так и наличностью других материалов, входящих в дело (материалов, раньше переработанных организующими аппаратами опыта)»*.

Но на этом моменте Богданов дискуссию прекращает. Далее он пишет: «Боюсь, что все это, в рамках абстрактных, сжатых схем, очень неясно; но не могу дальше останавливаться на подстановке, а расскажу о новом, наиболее для меня важном вопросе, на который был наведен “параллелизмом” многих форм организации в самых различных областях опыта и жизни»**.

То, что Богданов обнаружил подобные формы организации в самых разных областях, заставило его прийти к следующему общему выводу: «*количество методов организации в нашем мире ограниченно*»***.

Богданов также вспоминает свой учительский опыт, начиная с преподавания в рабочих кружках еще студентом и включая более позднюю деятельность в Каприйской школе****. Стоит процитировать весь отрывок, поскольку он дает нам представление о генезисе тектологии: «...мне не раз, с педагогическими целями, приходилось проводить параллель между разными ступенями организации опыта и организации людей. Параллелизм получался такой, который меня самого удивлял — ибо я считал это только мнемонической аналогией. Другой раз я провел параллель научных методов как способов организации фактов, и методов организации людей. Это был самый удачный по результатам момент моего преподавания: труднейшая классификация ступеней индуктивного метода была сразу усвоена воспитанниками, впервые имевшими дело с методологией. В конце концов я пришел к выводу, что процессы организации *каких угодно* элементов могут быть уже в настоящем сведены к немногим общим схемам, поддающимся точному выражению.

---

* Архив Фонда Бассо. 25.05.11.

** Там же.

*** Там же.

**** См.: Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911. С. 71—73.

А это значит: возможна и необходима общая *наука об организации*, другими словами — общая методология, охватывающая и теорию, и практику»*. Чуть далее он добавляет: «...всякая активность *в природе* имеет тот же характер, и лежит в рамках тех же методов». Это и есть тектология Богданова. В заключение он пишет: «Вот почему я теперь работаю — и думаю в течение целого ряда лет работать — над новой общей наукой об организации (я назвал ее “тектологией”, учением о строительстве). Именно она должна объединить и связать все частные науки, абстрактные и технические, монизмом метода. Все науки должны оказаться подчинены ей, ибо они суть применение методов организации к данным опыта. Обобщения в этом смысле во много раз упростят и облегчают изучение частных наук. В познании, в практике, в искусстве человек будет знать, что он делает, и выработка новых комбинаций может тогда совершаться с планомерной методической последовательностью. Это будет наука; очевидно, чисто эмпирическая»**.

После того как Богданов обратился к тектологии, всеобщая подстановка как внешний принцип организации больше не могла оставаться основным монистическим принципом его размышлений. Таковым стала системная структура организации, поскольку она находится внутри самой реальности. Очевидно, что идеи Богданова все больше расходились с идеями его друга Базарова, который двигался в сторону философии действия***. Их переписка свидетельствует об этом растущем расхождении. Что касается вопроса преемственности (или ее отсутствия) между эмпириомонизмом и тектологией, мы можем заключить, что существует очевидная связь между этими двумя философскими концепциями, так как и в эмпириомонизме, и в тектологии была попытка сформулировать монистическую картину мира на эмпирической основе. Однако Богданов сменил и перспективу, и основание своей работы. Тектология — это, в отличие от эмпириомонизма, с его объяснением «трансцендентальной» — или, по крайней мере, эвристической — организации опыта человеком, не философия, а наука, исследующая объективные организационные структуры мира.

Пер. с англ. О. В. Дворкиной

---

* Архив Фонда Бассо. 21.06.11.

** Там же.

*** Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова. С. 83—84.

Г. Д. Гловели

Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А. А. Богданова*

«Среднерусский» марксизм и его затертый гений

«Когда какое бы то ни было великое учение делают предметом веры, как в данном случае марксизм, тогда перестают его знать и понимать, — и в этом, по-моему, трагическая судьба марксизма»**. Так говорил в лицо своим «ортодоксально» коммунистическим критикам Александр Александрович Богданов (Малиновский) после 30 лет своего увлечения «космизацией» марксистского историко-монистического подхода и после 20 лет своего «отлучения» от ангажированного марксизма. Судьба самого Богданова оказалась трагической вдвойне — «подлинный энциклопедист»***,

---

* Переработанная версия вступительной статьи к книге: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд., испр. и доп. М., 2019. (Серия: Классики науки; № 30).

** Вестник Коммунистической академии. 1925. Вып. 11. С. 302.

*** [Базаров В. А., Кан И. А.] Предисловие ко 2-му изданию III части // Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1. С. 67.

самый масштабный из мыслителей-марксистов XX века, но не примкнувший ни к ангажированному «ортодоксальному», ни к либеральному «критическому» марксизму, он уже при жизни оказался меж двух струй тенденциозной хулы — и из-под хоругви «Вех», и из-под «знамени марксизма». Предисловие-некролог к уже посмертному тому главного труда А. А. Богданова «Тектология» его ближайший друг, выдающийся экономист В. А. Базаров начал с характеристики замысла автора как «революционной по всему своему стилю попытки на новых началах систематизировать весь доступный нам научный опыт, и притом на таких началах, которые должны заложить основы социалистической ориентации познания»*. А завершил словами надежды, что будущее, быть может, недалекое, покажет, что из этого глубоко оригинального мира идей станет прочным приобретением «сокровищницы нашего знания»**. Но уже вскоре в своей мемориальной (и оставшейся неопубликованной) статье Базаров был вынужден оговориться, что для «оценки научного наследства, завещанного нам А. Богдановым, еще не наступило время»***. И это время *так и не наступило* в стране «пролетарской революции» и «победившего социализма», где Богданов был первым, против кого было персонально направлено партийно-«философское» коллективное обвинение****. А дальше именно Богданов оказался подходящим «козлом отпущения» при проведении иезуитской тактики подрыва революционной легитимации, ибо если ленинскую «партийность» в философии и литературе гласно отрицать было нельзя, то отвергать и извращать богдановскую «пролетарскую культуру» очень даже можно. В стране же, «победившей социализм», нашлись и желающие просто поменять минус на плюс в богдановском «антимарксизме», хотя гораздо больше, конечно, желающих вычеркнуть из истории «революционаризм вообще».

Поэтому уже по противоположной причине стал замалчиваться революционный выбор, определивший жизненный и творческий путь разночинца Александра Малиновского,

---

* Там же. С. 65.

** Там же. С. 68.

*** Базаров В. А. А. А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник МИАБ. 2002. № 4(12). С. 35.

**** Ленин Н. и Плеханов Г. Против А. Богданова. М., 1923.

второго из многочисленных детей народного учителя с западной окраины Российской империи, пансионера и золотого медалиста классической тульской гимназии — первого ученика, которого, однако, «злостно-тупое начальство» приучило «ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты»*. Хотя не он, а его друг-одноклассник, сын дворянина и земского врача (лечившего Льва Толстого) Владимир Руднев взял позднее в качестве псевдонима хрестоматийную фамилию «Базаров», знаменитый афоризм этого литературного героя может считаться отправным пунктом мировоззрения именно Богданова: «Природа не храм, а мастерская; человек в ней работник»**. Революционная молодость Богданова, вместившая и подпольный рабочий кружок-университет, и экспедицию в качестве «топографа» по холодному Коми-Зырянскому краю совместно с тогдашним ссыльным социал-демократом (а позднее знаменитым полярным исследователем) В. А. Русановым***, и интерес к гипотетической инопланетной цивилизации, внесла в указанное кредо решающее уточнение. Работники в природе-мастерской, идущие к мировоззрению «завоевателей вселенной»****, формируются в новый тип человека в крупном машинном производстве, рождающем тенденцию к преодолению двух исторических форм «дробления человека» — цеховой специализации и разделения на организаторов и исполнителей*****. И с этим новым типом связано будущее русской нации, раскинувшейся «на огромном пространстве, среди суровой природы» и доказавшей свою энергию и способность к творчеству «всей своей трудовой жизнью, своей упорной борьбой со стихиями, своей коллективно-созданной поэзией, своими героями и гениями»******.

---

* Богданов А. А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 361.

** Тургенев И. С. Отцы и дети. М., 1998. С. 216.

*** Владимир Александрович Русанов. Воспоминания, статьи, письма. М., 1945. С. 372, 388.

**** Богданов А. А. Философия живого опыта. Пг.; М., 1923. С. 327.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 40—41.

****** Богданов А. А. От редакции // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 4.

В истории философии велико значение кружков; в России, быть может, особенно. Но, пожалуй, только в одном случае исходный импульс к построению философской системы был дан *рабочим кружком*. И это был импульс от кружка в старопромышленной Туле, в который рабочие Оружейного и Патронного заводов вовлекли исключенных за участие в студенческих протестах (дело «Союзного совета землячеств») из Московского университета юного Малиновского (биолога) и его друга Руднева-Базарова (химика). Оба входили в рабочий кружок как «учителя»-лекторы с лавровским «долгом интеллигенции перед народом» и с философией «суровых демократов-нигилистов»*, «таких выдающихся популяризаторов, как Чернышевский и Писарев», таких естествоиспытателей-«шестидесятников», как Сеченов и Тимирязев. И увидели, что молодые фабричные рабочие, хотя и стекались «под мелодию» заводских гудков из деревни, повели себя не так, как крестьяне во времена неудачных «хождений» интеллигенции «в народ» середины 1870-х и начала 1890-х**. Заводчане хотели уяснить свое положение в обществе, самостоятельно читали и обсуждали газеты, ждали от лекторов-«интеллигентов», к которым присоединился высланный из Москвы Иван Скворцов-Степанов, ответов на всякие «проклятые и непроклятые вопросы». Прежде всего вопросы об экономике, и здесь быстро почувствовалась неудовлетворительность известными пособиями — «Экономических бесед» народника Н. А. Карышева и «Курса политической экономии» либерального профессора И. И. Иванюкова***. Общий язык помогло найти совместное изучение «Капитала» К. Маркса. А составленный Александром Малиновским на основе кружковых лекций курс, отредактированный друзьями и опубликованный в Москве под псевдонимом «А. Богданов» и с заглавием «Краткий курс экономической науки» (1897), снискал крупный успех и выдвинул автора в первый ряд идеологов молодой российской социал-демократии.

---

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Т. 3. СПб., 1906. С. III.

** Гловели Г. Д. «Социализм науки»: Мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. С. 6.

*** Богданов А. А. О пролетарской культуре. 1904—1924. Л.; М., 1924. С. 240.

Она формировалась под воздействием численного роста рабочего класса и «*хождения народа в интеллигенцию*»*, развернувшейся в российской политэкономии хлесткой полемики «марксистов» с «народниками» и выхода книги Бельтова (Г. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Богданов воспринял марксистский «исторический монизм» как «научное откровение»**, но, отдавая должное диалектике Гегеля, отнюдь не считал, что именно ей указан «тот путь, следуя которому наука нашего времени, — например (! — *Г. Гл.*), естествознание, — сделала самые блестящие свои теоретические приобретения»***. Но он также не считал нужным (в противоположность шаблонному агитационному упростительству) уходить в общении с рабочими от тем, напрямую не связанных с экономикой и политикой. Напротив, интерес товарищей-рабочих к широким мировоззренческим вопросам вызвал энтузиазм у молодого лектора-«естественника», еще в старших классах знакомившего друзей-гимназистов с «записками» о влиянии природы и значении открытий и изобретений для человечества****. Отсюда — «монистическое» направление для ищущей мысли: «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры»*****.

Завершение формального университетского образования (диплом медицинского факультета по специальности «врач-психиатр») в Харькове сопровождалось уже активным участием Богданова в социал-демократических организациях, что привело к новой ссылке, вместе с соратниками Скворцовым-Степановым и Базаровым, на этот раз в Калугу (1899), где появился еще один друг, вскоре и родственник (муж сестры) — Анатолий Луначарский. Тот вспоминал, что всех объединяло стремление представить марксистскую философию в «более широкой и ярко цветной редакции», чем «узкая ортодоксия»,

---

* Базаров В. А. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. С. А. Венгерова. Кн. II. М., 2000. С. 299.

** Луначарский А. В. Александр Александрович Богданов // Правда. 1928. 10 апреля. № 85. С. 3.

*** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 34.

**** Соболев И. И. Товарищ // Вестник МИАБ. 2002. № 4(12). С. 71.

***** Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 241.

на которой пытался базироваться русский марксизм Г. Плеханова. Богданов при этом был «самым уверенным в себе и своих силах» и «искал совершенно своеобразных путей», чтобы «обосновать на марксистском фундаменте всестороннее научное знание», но «пути эти оказались соприкасающимися с эмпириокритицизмом»*. Сам Луначарский успел поучиться эмпириокритицизму непосредственно у его основателя цюрихского профессора философии Р. Авенариуса, но пути Богданова соприкоснулись с этим учением благодаря материалу для «монистического социально-трудового миропонимания», содержавшемуся в книгах венского профессора физики Э. Маха.

Богданов и его друзья развернули тульский «подпольный университет» для рабочих в том же возрасте, в каком полувеком раньше Маркс и Энгельс отчеканили в «Немецкой идеологии»: «...идейные образования должны быть объяснены из материальной практики»**. Богданов не знал этой работы, но принял за краеугольный камень своей философии критику Марксом «созерцательного материализма» в «Тезисах о Фейербахе» и постановку задачи «понять действительность, предметный мир, как человеческую деятельность, а субъекта этой деятельности, как социального субъекта»***. Или, говоря языком марксова «Введения» к работе «К критике политической экономии», познать происхождение различных «надстроек» из «базиса», экономической структуры общества, чтобы изменять эту структуру.

Отсюда — расширение трудовой теории стоимости и исторического материализма Маркса до всеохватывающего «социально-генетического» подхода: выяснить соответствие *меняющихся* форм общественного сознания — *идеологий* — меняющимся способам *коллективной практики* человеческого общества, разделенного на *классы и социальные группы*. Прежде всего Богданов интегрирует в «исторический монизм» выводы ряда европейских исследователей о хозяйственном генезисе речи, религиозных сводов, мифов и художественных форм. Особое значение имели труды «Наука о мысли» ори-

---

* Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 26, 248.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 37.

*** Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. С. 125, 93.

енталиста Макса Мюллера и «Монистическая мысль» философа-языковеда Людвига Нуаре*. Нуаре выдвинул гипотезу о происхождении речи из выкриков-междометий в процессе труда и пытался связать воедино философию Шопенгауэра, эволюционную биологию Дарвина, закон сохранения энергии Р. Майера и «лингвистическую археологию» Лазаря Гейгера. А М. Мюллер, обосновавший с помощью категории «основная метафора» сравнительно-историческую филологию и мифологию, отождествил *вопрос о происхождении понятий* с «основным вопросом философии»**. Богданов развил этот подход, придя к выводу, что противопоставление главных философских понятий «дух» и «материя» восходит к обособлению в человеческих общинах авторитетных «организаторов» труда от массовых «исполнителей»***.

В ссылках (в 1900—1903 годах вместе с Луначарским в Вологде), затем в перипетиях политэмигрантской и революционной партийной деятельности Богданов старался уследить за эпохой открытий в естествознании, названной им «великой научно-технической революцией, которая идет на наших глазах»****. Не будет преувеличением сказать, что автор «Краткого курса экономической науки», выдержавшего за 10 лет 9 изданий (из них три с новым разделом «Социалистическое общество»), был в курсе почти всех достижений в физике, химии и биологии, отмеченных первыми Нобелевскими премиями. Но «страсть к монизму», разгоряченная марксизмом, влекла к отрицанию категорических различий в способах построения различных наук. В собственной философской системе «эмпириомонизм», вдохновленной возникшей в тульском рабочем кружке «направленной напряженностью» продуктивного мышления, Богданов соединял политэкономию и социологию «школы Маркса» с тремя интегративными «*Э-измами*» — эволюционизмом, проникшим из биологии в общественные науки; энергетизмом — выводом из сближе-

---

* Уайт Дж. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 38—49.

** Мюллер М. Наука о мысли. М., 2015. С. 194.

*** Богданов А. А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб., 1906. С. 134, 139.

**** Богданов А. А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 66.

ния физики и химии и эмпириокритицизмом, объединявшим физику и психологию.

Эти концепции воплощали для Богданова *исторический взгляд на природу* и *познание*: они отвергали постоянство видов живых существ (эволюционизм), постоянство атомов «мертвой» *материи* (энергетизм) и постоянство истин (эмпириокритицизм). Они восполняли учение о революционном переустройстве общества и хозяйства учением о жизни как непрерывном потоке превращений, в котором могут быть выделены не статические «вещи», а лишь относительно устойчивые «формы движения», находящиеся в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой и соизмеримые в количествах энергии. И эту картину венчали воспринятые как почти марксистский анализ* историко-критические исследования Э. Маха о связи обобщающих понятий механики и термодинамики с изменениями ремесленно-технического опыта**.

Но «школа Маркса», особенно в России, погрязла в борьбе с различными видами «ревизионизма» и «оппортунизма». И сам Богданов вместе с Луначарским в вологодской ссылке схлестнулся в спорах с «ех-марксистами»-идеалистами — очных с Н. Бердяевым и журнальных с ним же и С. Булгаковым. Но вхождение в руководящие круги российской социал-демократии (в эмиграции по окончании ссылки, затем в Петербурге во время революции 1905 года и снова в эмиграции после ее поражения) столкнуло Богданова с партийными «ортодоксами» — сначала с генеральствующим Плехановым и меньшевиками, затем с Лениным. Один, когда-то внедривший в российское общественное сознание «монистический взгляд на историю», теперь обрушил на «еретика» Богданова всю полемическую ядовитость своего «воинствующего материализма»; другой памфлетной руганью и организационными манипуляциями добился сначала исключения Богданова из ЦК РСДРП, а затем создания по существу новой партии со своим авторитетным единоначалием.

---

* Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя. С. 75.

** Заметим, что в брошюре Э. Ильенкова, о которой еще пойдет речь, утверждается прямо противоположное: вне поля зрения Маха вообще остался «вопрос о науке — что она такое, откуда и зачем она возникает и по каким законам развивается» (Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980. С. 42).

Богданов — «конструктор, человек непреклонной строительной воли»*, но «по характеру очень мягкий и деликатный человек»** в пристрастной, с грубыми передержками партийной полемике не имел успеха. Его друг и соавтор по начатому фундаментальному «Курсу политической экономии» Скворцов-Степанов остался с Лениным, помог тому издать антибогдановский «Материализм и эмпириокритицизм», а затем был даже заслан «вождем» в масоны ради тщетной попытки договориться с видным масоном и крупным московским фабрикантом Коноваловым о деньгах для партии большевиков***. Еще один друг — Базаров — угодил в длительную политссылку в Астраханскую губернию. «Пролетарский писатель» Максим Горький, восторгавшийся было эмпириомонизмом**** и возмущавшийся ленинским авторитаризмом, после Каприйской школы, подстрекаемый М. Андреевой, разорвал отношения с Богдановым и его социал-демократической группой «Вперед», выдвинувшей лозунг «пролетарской культуры». А затем вне организованный им группы оказался и сам Богданов — соратники, включая «меньшого брата» Луначарского, нарушили «принцип товарищеских отношений»*****. В основанную Луначарским вместе с публицистом-ткачом Ф. Калининым, поэтом-металлистом М. Герасимовым и фантастом-слесарем А. Гастевым русскую Лигу пролетарской культуры Богданов не вошел.

Так между большевизмом-ленинизмом, меньшевизмом, троцкизмом и подходом Плеханова «затерлось» особое направление научно-общественной мысли, которое я считаю возможным называть **среднерусским марксизмом**. Богданов — центр этого направления; годы его наиболее активного творческого общения с другими главными фигурами — Базаровым, Скворцовым-Степановым, Луначарским, историком-социологом Рожковым прошли в городах, относимых к средней полосе России (Москва, Тула, Калуга), и примыкающей к ней с севе-

---

* Луначарский А. В. Александр Александрович Богданов. С. 3.

** Косарев В. М. Партийная школа на острове Капри // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 68.

*** Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 202—204.

**** Настолько, что научил кричать «эмпир-р-риомонизм» своего домашнего попугая.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 354.

ро-востока Вологодчине. Географическую привязку, конечно, не стоит понимать буквально, но «плехановская ортодоксия» и троцкизм возникли в эмиграции, а направления, объединенные вначале борьбой с легальным народничеством, — в Петербурге и Нижнем Поволжье. Затем эти направления «растеклись» на «легальный марксизм» (Струве, Туган-Барановский) и социал-демократию (Ульянов-Ленин, Потресов, Мартов), расколовшуюся, в свою очередь, на большевизм-ленинизм и меньшевизм.

Однако, главное, конечно, в содержании, а не в названии. Отличительные черты «среднерусского марксизма» можно охарактеризовать двумя сравнениями Богданова: исторического монизма (взгляд «с точки зрения тех, кто производит») с коперниканским переворотом в астрономии (перемена точки зрения на центр движения планетной системы)* и гениальности Маркса с разрывом «исторической границы» между наукой, философским мышлением, гигантским багажом учености и рабочим классом, экономическим, материальным процессом труда. И далее Маркс «все время протаскивает вас через какие-то границы... за пределы того, что он сам сказал»**.

Богданов в стремлении выйти за пределы сказанного самим Марксом не ограничился партийной деятельностью, философией и публицистикой. Он, с одной стороны, выступил как романист-фантаст с социалистическими утопиями, отразившими «марсианскую» завороженность читающей публики начала XX века***. С другой стороны, перешел от искания «монистической» философии к разработке «всеобщей организационной науки», нацеленной на обобщение методов, которые *практически* «давали бы ключ к различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими»****.

Утопия Богданова «Красная звезда» погружена в контекст открытий астрономии, атомной физики и злободневных проблем начала XX века. Одновременно она — выражение главных ожиданий социализма XIX века: устранение противоположности между физическим и умственным трудом и дробной

---

* Богданов А. А. Памяти великого учителя (Карла Маркса). Тифлис, 1914.

** Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 13. Л. 39, 36.

*** Подробнее см.: Геродот Геглов. Марсотопия // Вестник МИАБ. 2001. № 1(5).

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 102.

специализации работников, «переход к неограниченной свободе труда»*. Но такой переход, как считал Богданов вслед за Оуэном, Фурье, Энгельсом, Лавровым, Чернышевским, Кропоткиным и другими утопистами разных оттенков, возможен только при *перемене занятий*, которую — и это уже картина социалистической «планомерности» в изображении Богданова — обеспечат политехническое обучение, автоматизация производства, информатика и всеобщая организационная наука.

В подкрепляющих социальную утопию научно-технических прогнозах Богданова особое место занял межпланетный корабль-«этеронеф» с атомным двигателем, привлекший внимание российских инженеров-авиаторов**. Среди последних был и дирижаблестроитель, сотрудник ЦАГИ и Наркомата иностранных дел Морис Лейтейзен (1897—1939), мальчиком одним из первых прочитавший «Красную звезду», которую Богданов начал писать, скрываясь на конспиративной даче отца Мориса, врача социал-демократа Г. Лейтейзена-Линдова. В 1924 году М. Г. Лейтезен как один из организаторов и секретарь Общества междупланетных сообщений вел переписку с К. Э. Циолковским, в связи с чем обсуждал проблему космических двигателей с А. А. Богдановым***.

«Космизм» Богданова через открытие повторяемости «организационных типов на разных ступенях бытия»**** был связан с «гносеологическим социал-демократизмом», выраженным во втором романе Богданова «Инженер Мэнни». Неравенству в принятии решений вследствие «разъединенности науки» и обреченности массовых исполнителей «*не знать, а только верить*»***** не должно быть места в преобразованиях, судьбоносных для человеческих коллективов. В этом — социальный (социалистический) пафос всеобщей организационной науки и выдвинутого тогда же Богдановым проекта «Рабочая энциклопедия» как основе «пролетарской культуры».

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 142.

** Сборник памяти Л. М. Мациевича. СПб., 1910. С. 17; Рынин Н. А. Техника и фантазия // В бой за технику. 1934. № 8. С. 22.

*** Письмо второе М. Г. Лейтезена К. Э. Циалковскому 4 мая 1924 г. // Архив РАН. Архив К. Э. Циолковского. Оп. 4. Д. 356. С. 8—9.

**** Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. I. СПб., 1913. С. 24.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 241.

Первая страница «Инженера Мэнни» показывает, что Богданов уже тогда понимал общечеловеческую угрозу возможного военного применения атомной энергии*. Он прямо писал об этом уже и как политэконом и публицист в 1917 году, имея за плечами фронтовой опыт младшего полкового врача русской армии в мировой войне**. Столкновение с «проклятьем Каина с Авелем» и увиденное стихийное «равнение по низшему» солдатско-офицерской толпы*** так потрясли профессионального психиатра, что пришлось лечиться в Москве в клинике нервных болезней. После фронта и демобилизации много лет Богданова не отпускали приступы стенокардии; он решил оставить политику, но упорно продолжать разработку всеобщей организационной науки **тектологии** как «дела жизни», ибо «мировая война и мировая революция поставили ясно дилемму: преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации»****.

Второй том «Тектологии» — «Механизм расхождения и дезорганизации» Богданов в 1917 году издал за свой счет, сознавая «коммерческую нелепость» этого «идейно необходимого дела»*****. В весенние и осенние месяцы того багряного года Богданов критиковал «ленинизм» и прочие «максимализмы», поддавшиеся «атмосфере миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление». Богданов первым критически проанализировал «военный коммунизм» и ввел самый термин; Скворцов-Степанов отказался

---

* Там же. С. 204 («...если бы открытия науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена»).

** Фаддеев Т. Жизнь на крови. Воспоминания о войне. 1914—1915 годы. М., 2014. С. 27—28.

*** «Солдатики, при сочувствии большинства офицеров, с огромной затратой сил и с диким наслаждением всячески оскверняли все помещичьи и крестьянские дома, магазины, госпитали, все полезные и удобные помещения, в результате чего сами должны были квартирно довольствоваться сараями и хлевами» [Богданов А. А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник МИАБ. 2005. № 2(22). С. 27].

**** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. М., 2019. С. 90.

***** Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. II // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 353.

включить главу о «военно-экономических формациях» в написанное в соавторстве первое издание второго тома «Курса политической экономии» в 1918 году*.

Но в революционной России, провозгласившей себя республикой, а после «военно-коммунистической революции» Ленина** «Республикой Советов», возник Пролеткульт. Во главе его встали бывшие участники группы «Вперед» и парижской «Лиги пролетарской культуры». Луначарский, вернувшийся в партию в канун Октябрьского переворота и после него вошедший в правительство как нарком просвещения, энергично поддерживал Пролеткульт. Богданов, не скрывавший разногласий с большевиками, от возвращения в партию и «любого поста» в Наркомате просвещения отказался. Но в деятельность Пролеткульта включился охотно, так как ведь это была трибуна для пропаганды «всеобщей организационной науки». Но именно это и стало роковым и для тектолога, и для организации.

Пролеткульт активно просуществовал всего 3 года, а его критика растянулась на целое столетие. «Те, кто поверхностно соприкоснулся с тем, что тогда творилось в стенах Пролеткульта, слишком поспешно заклеймили его работу варваризмом и посягательством на что-то и на кого-то. Это нелепый вздор», — писал известный режиссер и актер Александр Мгебров***. Да то, что программа Пролеткульта состояла в отрицании наследия прошлого, — нелепый вздор. Это осудили и Богданов****, и делегаты Всероссийской конференции Пролеткульта, которым Богданов перед своим докладом «Пролетариат и искусство» раздал копии снимков наскальных изображений Альтамирской пещеры, озвучив идею *сотрудничества поколений* — «все работники, все передовые борцы прошлого — наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали»*****. Но Ленин не хотел усиления идейного влияния хотя бы и политически лояльного Богданова и в новобольше-

---

* Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. 3-е изд. М.; Л., 1925. С. 5.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 348.

*** Мгебров А. А. Жизнь в театре. Кн. 2. М.; Л., 1932. С. 332.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 449, 473.

***** Там же. С. 425.

вистском журнале «Просвещение» появились критические статьи о богдановских экономических учебниках*.

Единственным из молодых большевиков, питавшим «еретическую склонность» к философии Богданова, был главный редактор партийной газеты «Правда» Н. Бухарин. Но он благоговел перед Лениным-политиком и написал резкую рецензию на порицавшую «военный коммунизм» книгу Богданова «Вопросы социализма»**. Сам предсовнаркома Ульянов-Ленин тогда утверждал, что не знает ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»***. Это была ложь,так как именно данную «конкретную практическую трудность» ставил во главу Богданов и в своей концепции «пролетарской культуры», и в «Тектологии», и в разруганных Лениным романе «Инженер Мэнни» и книге «Вопросы социализма»!

Но Ленин решил, что его удержанной в кровопролитной Гражданской войне власти не нужна «выдумка новой Пролеткультуры», и вместе с Г. Зиновьевым начеркал разносное «Письмо ЦК РКП(б) о Пролеткультах», а также распорядился переиздать «Материализм и эмпириокритицизм», снабдив его нелепой статьей В. Невского (Кривобокова), якобы убедившегося в том, что под «видом “пролетарской культуры” проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения»****. Ярлык «буржуазные и реакционные воззрения» относился к переизданной книге «Философия живого опыта», где на паре страниц Богданов отстаивал преимущества эмпириомонизма над диалектическим материализмом, и к «Тектологии», заключительная третья часть которой впервые появилась на страницах журнала «Пролетарская культура».

---

* Павлов В. (Милютин В.). О некоторых чертах философии А. Богданова // Просвещение. 1914. № 2; Корсов С. (Каменев Л.) Рец. на кн.: Богданов А. Введение в политическую экономию в вопросах и ответах // Просвещение. 1914. № 3.

** Коммунист. 1919. № 3. С. 19.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 36. М., 1969. С. 382.

**** Там же. Т. 18. М., 1968. С. 12.

Богданову пришлось уйти из Пролеткульта, а основанный Лениным и Троцким философский журнал «Под знаменем марксизма» («Под могильной плитой Маркса», как грустно шутил Богданов) и другие партийные издания повели борьбу с «богдановщиной», особенно разнузданную после кратковременного ареста Богданова ГПУ осенью 1923 года в связи с использованием оппозиционной молодежной группкой «Рабочая правда» некоторых терминов Богданова для критики партийно-советской бюрократизации*. Хотя «Тектология» была переиздана в 1920-е годы дважды, а экономические учебники Богданова и его романы — многократно, над ним повис «антимарксистский» жупел. Это было настолько серьезно, что даже явно марксистская постановка Скворцовым-Степановым вопроса о политэкономии в широком смысле была отвергнута в Комакадемии за то, что ее поддерживал Богданов.

Богданов, запечатлевший переживания от увиденных во время мировой и Гражданской войн «потоков крови» и «гибельного разорения»** в поэме «Марсиянин, заброшенный на Землю», сознавал, что частью «трагической судьбы марксизма» будет судьба его собственного затертого вклада в марксизм. Но принял стоическую позу Спинозы, которого «замечательно не понимали в его поколении»***.

Печальная судьба планомерности

К разработке тектологии как «науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания» Богданов приступал в марксистском убеждении, что в социалистическом хозяйстве «планомерность» должна заменить стихийность рынков и частного предпринимательства. Но «организационный анализ» структурных сдвигов в крупной промышленности и «мирового военного кризиса» привел Богданова к выводу об упрощенном характере представлений об *уже готовых* «предпосылках» для хозяйственной планомерности, вызревших на стадии финансового капитала и в рамках военного «го-

---

* Биггарт Дж. Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 145—148.

** Богданов А. А. Предисловие // Лихтендштадт В. О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пг., 1920.

*** Богданов А. А. Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. 1927. Вып. 21.

сударственно-монополистического капитализма» (ГМК), как полагали школа Р. Гильфердинга. Ленин, любивший пенять на «эклектицизм» своих оппонентов, сам крайне эклектично представлял в 1917–1918 годах «социализм» как следующую «ступеньку» за ГМК: Советская власть плюс опыт германского военно-государственного распределения ресурсов и продуктов плюс американская рационализация труда (тейлоризм)*. Или: советская власть плюс «прусская железнодорожная система + американская организация трестов + американское народное образование и т. д. и т. п.»**. После захвата власти большевики учредили для централизованного управления Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ). Его руководство вместе с Лениным полагало, что «при социалистической диктатуре вообще не должно быть отдельных предприятий, хотя бы и государственных; есть только технические производственные единицы, частицы единого общественного хозяйства»***, а советская власть может наполнить «пролетарским классовым содержанием» формы германского военно-государственного капитализма****. В действительности подобное «наполнение» свелось к хозяйственной разрухе и к тому, что «колоссальная доля прибавочной стоимости усвоялась стадами служащих в главках и центрах», по выражению известного экономиста-аграрника и утописта А. Чаянова*****.

На исходе «военного коммунизма» в Москве состоялась Первая Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, где были отвергнуты тейлористские крайности организатора Центрального института труда и активного пролеткультовца А. Гастева, а Богданов в прениях прямо противопоставил тейлоризм и будущую «научную организацию труда» (НОТ). Но в своем докладе сосредоточился на другом: значении для хозяйственной планомерности универсальных организационных закономерностей подвижного равновесия, цепной связи и слабого звена. Хотя знаток западного

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 27. М., 1969. С. 425; Там же. Т. 28. М., 1962. С. 134.

** Там же. Т. 36. С. 550.

*** Осинский Н. Строительство социализма. М., 1918. С. 54.

**** Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии. М.; Л., 1928. С. 5–6.

***** Чаянов А. В. Избранные повести. М., 1989. С. 100.

опыта рационализации труда О. Ерманский посчитал подход Богданова слишком абстрактным, видный статистик и зампред только основанного Госплана С. Струмилин нашел, что Богданов убедительно показал, как абстрактная организационная наука может быть приложена к важнейшему хозяйственному вопросу*. Организатор же Центрального научно-технического клуба профсоюзов журналист С. Раецкий провозгласил, что «интеграция личности пойдет через организаторский тип», а «Всеобщая организационная наука» Богданова должна быть настольной книгой каждого советского работника**.

Однако инспирированное Лениным наступление на «богдановщину» отсекло от советских работников «Тектологию», ее автор был лишен возможности публиковать в советской печати свои оценки новых социально-экономических сдвигов. Отсутствие таких оценок стало условием переиздания «Краткого курса экономической науки» [решение принималось на Политбюро ЦК ВКП(б), причем Ленин выразил недовольство тем, что в учебнике Богданова нет упоминания о «диктатуре пролетариата»]. Зато в созданном Госплане, возглавленном председателем Комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановским, зампредом стал видный статистик В. Г. Громан, под начало которого был принят на службу прошедший «белую» и «красную» тюрьмы В. А. Базаров. Группа непартийных экономистов Госплана СССР во главе с Громаном и Базаровым с самого начала положила в основу плановой методологии тектологические принципы *цепной связи*, *подвижного равновесия* и «лимитов» (*минимумов*, «слабых звеньев», «узких мест»). Базаров стал одной из центральных фигур в развернувшихся жарких дебатах о методах построения народнохозяйственных планов и темпах индустриализации страны в условиях нэповской экономики.

Базаров исходил из того, что основной предпосылкой успешности советского планирования, диктуемой *внутренней структурой* промышленности, является нэп, т. е. наличие рынка и связанного с последним *хозрасчета****. И возрожденный после «военного коммунизма» рынок, с одной стороны,

---

* Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921.

** Там же. Вып. VI. С. 16.

*** Базаров В. А. Избранные произведения: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 312–313, 334.

и используемое теперь плановое начало — с другой, наталкивались на различные минимумы связанных элементов хозяйственного процесса. Таковыми были, например, недостаток на рынке предметов неэластичного потребления или недостаток платежеспособности, из-за чего возникала «атмосфера товарного голода или кризиса сбыта»*; недостаток непосредственного учета многих элементов общественной продукции и народного дохода, о которых приходилось судить по мало точным и ненадежным показателям; «конечное звено» вольного, т. е. неопределенно изменчивого рыночного спроса в цепной связи перспективных заявок при планировании**. К числу важнейших лимитов при планировании социалистической реконструкции Базаров относил недопустимость чрезмерного сжатия потребления широких масс населения (ниже норм капиталистического хозяйства)***, а также «скороспелое» формальное обобществление и чрезмерное капитальное строительство, деформирующие структуру производительных сил****.

В цикле статей 1924—1928 годов Базаров обосновал концепцию индустриализации СССР: плавный рост с темпами, запроектированными на основе экстраполяции существующих экономических тенденций; соразмерность в развитии отраслей сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности; оптимизация нормы накопления при возможно меньших затратах на капитальное строительство. «Узкие места» в поставленной задаче определялись ограничениями оперативного воздействия государства на преимущественно мелкотоварное и инерционное сельское хозяйство и хозрасчетной заинтересованностью промышленных предприятий. В работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс народного хозяйства СССР» (1928) Базаров, узнавший от Богданова о применении австралийским биохимиком Т. Б. Робертсоном для характеристики общих законов биологического роста *S*-образной логистической кривой, применил ее для моделирования экономического роста.

Вводя в плановую методологию предложенное американским социологом-позитивистом Л. Ф. Уордом (1841—1913) проти-

---

* Там же. Т. 1. С. 304.

** Там же. Т. 2. С. 21.

*** Там же. Т. 1. С. 429.

**** Там же. Т. 2. С. 321.

вопоставление «генетических» (стихийных) и «телеологических» (направляемых) общественных процессов, В. А. Базаров ставил организационную задачу сочетания «генетического» (рыночно-прогнозного, хозрасчетного) и «телеологического» (планово-целевого, директивного) подходов, чтобы достигнуть «оптимальных результатов с наличным запасом сил и средств». Его синтезная «планово-рыночная» концепция индустриализации предлагала рациональную очередность создания импортозамещающих производств и сохранение «основных элементов нэпа в интересах самого планового хозяйства»; предостерегала от поверхностной крупнопромышленной экспансии, пренебрегающей благосостоянием населения.

В других концепциях индустриализации превалировал либо «генетический» элемент (критик Госплана, директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов СССР Н. Кондратьев), либо «телеологический» (партийные экономисты Госплана во главе с С. Струмилиным). Именно последний вариант с приоритетом жестких заданий-предуказаний и подхлестыванием темпов лихорадочного индустриального строительства предпочли И. Сталин и его окружение. Струмилин посчитал, что «лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», а противники «телеологического» варианта угодили за решетку, обвиненные во вредительстве, связях с контрреволюционной эмиграцией и подготовке интервенции.

Считавшийся после смерти В. Ульянова-Ленина главным идеологом ВКП(б) Н. Бухарин, вместе со Сталиным выдвинувший формулу «построение социализма в одной стране», теперь выступил против Сталина и «формулы, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию». Бухарин, неоднократно хуливший Богданова, был все же единственным из партийных «вождей», высоко ценившим тектологию и ее творца. В статье «Заметки экономиста» в редактируемой им газете «Правда» 28 сентября 1928 года Бухарин отстаивал план, который определил бы и обеспечил условия «подвижного экономического равновесия» как между промышленностью и сельским хозяйством, так и в рамках самого промышленного сектора*. При наличных трудностях с хлебозаготовками увеличение капиталовложений в промышленные новостройки должно неизбежно привести к дальнейшей нехватке продовольствия

* Бухарин Н. И. Заметки экономиста // Правда. 1928. № 228. 30 сентября. С. 2—3.

и отставанию промышленности уже от собственных возросших потребностей с последствиями в виде многочисленных «узких мест» и обострения дефицита материалов.

За протест против «сверхиндустриализации» и «размычки» между промышленным городом и крестьянской деревней Бухарин поплатился руководящими постами и обвинениями в том, что он «правый уклонист». Но этим дело не кончилось. Были опубликованы старые замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Полное одобрение Лениным бухаринской апологии «военного коммунизма» и «превосходной главы» о «внеэкономическом принуждении в переходный период» никого не смутило*. А вот небрежное замечание, что Бухарин «по-детски» взял три термина из статьи Богданова «О тенденциях пролетарской культуры» (полемика с тейлористом Гастевым) и не подумал, что эти термины «фундированы» богдановской «философией идеализма и эклектицизма»**, было воспринято как вердикт Бухарину: «недиалектик, богдановец».

Никто в условиях сложившегося культа Ленина не заглянул в статью Богданова «О тенденциях пролетарской культуры», дабы убедиться, что в заимствованных из нее Бухариным терминах «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка» ничуть не больше «идеализма и эклектицизма», чем в терминах «электрификация» и «темпы роста». «Регулирование» — лишь упорядочение того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. «Нормировка» — регулирование по шаблонам, например, предписание рабочим жестко определенного дневного задания («урока»). А «планомерная организация» — «инициативно-творческая сторона процесса», комбинирование данных опыта в «цельную действенную группировку». Именно эта сторона является по преимуществу человеческой, в меньшей степени может передаваться механизму, больше всего зависит от культуры работника — «от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов». Напротив, сторона регулятивная, особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями и путем технического упрощения, дробления на отдельные операции и т. д. доводится в массе случаев до такой

---

* См.: Гловели Г. Д. Ленинизм, «термины тов. А. Богданова» и философ Ильенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия». Часть I // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2.

** XI Ленинский сборник. М., 1929. С. 402.

элементарности, что передается неквалифицированному работнику и машине*.

Впрочем, даже если бы кто-то и заглянул, открыто не согласиться с мавзолейным «вечно живым» было уже нельзя, так же как с Марксом и Энгельсом. Богданов в последние годы жизни подвергался систематической травле, но не рисковал свободой, когда критиковал в последнем докладе в Комакадемии понимание Энгельсом границ между естественными науками. Директор Института биофизики П. П. Лазарев, в 1917 году первым из российских академиков поддержавший власть большевиков, в 1929 году был арестован по доносу за критику математической ошибки Энгельса.

В. А. Базаров, В. Г. Громан вместе с другими сторонниками сохранения «подвижного равновесия» и учета «узких мест» после «великого перелома» форсированной индустриализации и сплошной коллективизации были арестованы по сфабрикованному делу «Союзного бюро РСДРП (меньшевиков)». По еще одному сфабрикованному делу — «Трудовой крестьянской партии» были арестованы экономисты из наркоматов земледелия и финансов, протестовавшие против разрушения стоимостных пропорций в народном хозяйстве в ущерб крестьянству, — Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский и другие. В печать хлынула волна статей, требовавших «нарушения и разрушения равновесия во имя революционной целесообразности» и громивших «госплановских вредителей» и «механистическую теорию равновесия Богданова — Бухарина», а также любые экономические суждения с использованием понятия «равновесие». В эту травлю поспешил включиться и травивший Богданова все 1920-е годы журнал «Под знаменем марксизма». Сын главного редактора журнала Деборина в своей статье обрушился на «синклит» Базарова, Громана, Кондратьева, Огановского за проведение *принципа равновесия* при построении перспективного народнохозяйственного плана и за то, что, приковывая развитие советского хозяйства к действию *закона стоимости*, они «совместными дружными усилиями пытаются увековечить техническую отсталость СССР»**.

---

* Богданов А. А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 47—48.

** Деборин Гр. Политическая экономия вредительства // Под знаменем марксизма. 1930. № 9. С. 57—58.

На допросах в НКВД Громан признал, что он сам и Базаров, «следуя А. А. Богданову», являются «действительными авторами выдвинутой Н. И. Бухариным теории равнения на узкие места». И дал обширные показания о своей «виновности» — «членстве» в контрреволюционной организации, готовившей якобы политический переворот с целью свержения соввласти*. В. А. Базаров вел себя иначе, став одним из немногих, от кого не смогли добиться ложных «признаний». Не отрицая разногласий с правящей партией большевиков, друг Богданова оговаривать себя и других не стал, заявив, что считает «теоретическое обсуждение всех вопросов политики и экономики принципиально допустимым... это обсуждение не может быть запрещено любому советскому гражданину, какой бы ни была его политическая биография»**.

Базаров был приговорен к ссылке в Поволжье, а по возвращении зарабатывал на жизнь переводами европейской литературы, публикуемыми под фамилией его жены. Он умер от астмы, течение которой когда-то замедлила операция в богдановском Институте переливания крови; его изображение было заретушировано на известной фотографии шахматной партии между Богдановым и Лениным на о. Капри.

В 1937 году был арестован и объявлен «врагом народа» Н. Бухарин. При изобличении «реакционно-буржуазной сущности философских писаний» Бухарина в журнале «Под знаменем марксизма» (1937, № 7) особо подчеркивалось, что «эклектик» являлся «верным учеником махиста Богданова». И. Сталин считал Богданова «очень авторитетным в политэкономии», но «чуждым всей политике революции»***. Первый опыт Сталина в «теории» социализма — брошюра «Анархизм или социализм?» содержит принципиальное положение, явно навеянное разделом «Социалистическое общество» богдановского «Краткого курса экономической науки»: «Социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися»****. В теории Сталин недалеко

---

* Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов. М., 1999. С. 333.

** Там же. С. 52—53.

*** Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 217.

**** Сталин И. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 336.

ушел от такого понимания «хозяйственной планомерности». Зато на практике хорошо усвоил уроки ленинского «якобинства»: «беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по принципу крупной машинной индустрии»*; мобилизация *всех* без изъятия инженеров по правилу: «исполнишь — премия, не исполнишь — тюрьма»**; «*карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро* за злоупотребления новой экономической политикой»***; «мы еще вернемся к террору, и в том числе к террору экономическому»**** и т. п. Центральное статистическое бюро (или управление), конечно, было атрибутом советской планомерности, однако не только для подсчетов, но и для фальсификации показателей выполнения планов, а «ленинские принципы» мобилизации инженеров Сталин довел до «шараг» (внеэкономического принуждения к высокоинтеллектуальному труду).

«Планомерность», воплощенная в годы «сталинских пятилеток», соответствовала одному из идеалов социальных групп, описанных А. А. Богдановым накануне 1917 года, — «бюрократическому социализму»: «производство и распределение, организованное иерархией чиновников с патриархально-моральной монархической властью во главе». В осмыслении судеб «социализма» как «организационной задачи» эта формулировка пролегает между анализом «культурной линии государственного норматизма в рабочем движении» в последних экономических тезисах Богданова, оставшихся в его письменном столе и увидевших свет лишь в 1990-е годы, и мрачным предостережением «Красной звезды», на которое в СССР обратили внимание лишь после реабилитации Н. Бухарина***** и признания того, что итоги всех пятилетних планов были фальсифицированы: «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом»******.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 200.

** Там же. Т. 52. С. 38.

*** Там же. Т. 44. С. 398.

**** Там же. С. 429.

***** Дорофеев В. Оппонент, или Пояснительная записка к речи Н. И. Бухарина на одной из гражданских панихид 1928 года // Литературная газета. 1988. № 49 (7 декабря).

****** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 184.

Лучи признания

Вскоре после смерти Богданова и присвоения его имени Институту переливания крови Большая медицинская энциклопедия отмечала: «Всесторонне образованный человек, яркая интеллектуальная и волевая личность, блестящий популяризатор, Богданов оставил глубокий след в развитии русской общественной мысли»*. В 1937 году имя основателя из названия Института переливания крови исчезло, а энциклопедические оценки «глубокого следа» Богданова «в развитии русской общественной мысли» свелись к вердиктам из лживой книжонки 1937 года: «...ревизионист, активно боролся против марксизма... Диалектике, как учению о борьбе противоположностей, он противопоставлял т. н. организационную науку о гармонии и примирении противоположностей, служащую для обоснования примирения классов, отказа от классовой борьбы... богдановский “закон трудовых затрат” был использован врагом народа Бухариным для “обоснования” капитулянтской “теории равновесия секторов” в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологич[еским] прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма... Немалый вред принес Б. и как проповедник нигилистической теории Пролеткульта»**.

Когда в конце 1940-х годов на Западе появилась кибернетика, некоторые карьеристы в СССР заметили сходство ее отдельных обобщений с «избитыми идейками» Богданова, что послужило дополнительным поводом для борьбы с «буржуазной лженаукой». А вот скорое шараханье в противоположную крайность — лозунг «Кибернетику — на службу коммунизму!» не вывел системное наследие Богданова из-под спуда, хотя к этому призывал президент Польской академии наук Т. Котарбиньский, рассматривавший Богданова как одного из основателей развиваемой самим Котарбиньским и его учениками *праксеологии*, поскольку тектологическая проблематика «по сути, отождествляется с общей теорией эффективного действия»***. Частный пример праксеологии — соответствие

---

* Большая медицинская энциклопедия. Т. 3. М., 1928. Стлб. 598.

** Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 5. М., 1951. С. 343—344.

*** Котарбиньский Т. Развитие праксеологии // Польское обозрение. 1962. № 12.

«закона наименьших» Богданова методу «сетевого» планирования и организации работ PERT («Programme Evaluation Review Technique») в стратегическом менеджменте*.

Более широкая постановка вопроса об общих элементах тектологии, кибернетики и общей теории систем была впервые дана М. И. Сетровым. Он особо подчеркивал, что Богданов в понятии «биорегулятор» не только фактически сформулировал принцип обратной связи, но и иллюстрировал его теми же примерами, что один из основателей кибернетики У. Росс Эшби**. Предвосхищение Богдановым «общей теории систем» и кибернетики стали отмечать и другие советские авторы***. Обширная статья биолога-систематика академика А. Л. Тахтаджяна не только емко изложила основные идеи тектологии и сравнила ее (в пользу концепции А. А. Богданова) с общей теорией систем Л. фон Берталанфи, но и обогатила новыми категориями: субсистема, ограничение разнообразия, гетерогенные и гомогенные системы, матричный и эмергентный отбор, триггерный эффект, принцип гетеробатмии (внутрисистемной структурной разноступенчатости) и т. д. Тахтаджян привлек также внимание к забытой статье классика кристаллографии Е. С. Федорова «Перфекционизм» (1906) и работе самобытного физиолога-философа Н. А. Белова «Учение о внутренней секреции органов и тканей и его значение в современной медицине» (1911), рассматривая этих авторов как предшественников тектологии****. «Радикальный пересмотр» отношения к тектологии проявился в посвященной ей статье в «Философской энциклопедии», написанной сыном Богданова, биологом-генетиком А. А. Малиновским.

В это же время на Западе возрос интерес к Богданову в русле «советологических» исследований, появились первые биогра-

---

* Przelaskowski W. Ekonomiczne problemy tektologii A. Bogdanowa // Studia ekonomiczne. 1968. № 20. S. 147–166.

** Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 8. Л., 1967.

*** Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969.

**** Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. 1971. М., 1972.

фия* и библиография**. В СССР возродился интерес к роману «Красная звезда», созвучному эпохе проникновения в космос и богатому научно-техническими предвидениями, хотя сомнительному в трактовке семейных и нравственно-психологических проблем***. «Материалисты-диалектики» мешали возрождению тектологии, но уже появились ее оценки как одной из обобщающих концепций, составляющих гордость русской науки, таких как таблица Д. Менделеева, биогеохимия В. Вернадского, теория биоценозов****. Воздавали должное Богданову как своему предшественнику советские ученые, разработавшие собственные, более изощренные варианты общей теории систем (А. И. Уемов, Ю. А. Урманцев).

На Западе наибольший энтузиазм в отношении к «Тектологии» проявил тогда переводчик ее сжатого варианта на английский язык канадец Дж. Горелик*****. Его коллега по Университету Британской Колумбии Р. Маттесич выразил недоумение по поводу «упорного молчания» Л. фон Берталанфи об А. Богданове и одновременно включил концепции обоих ученых в контекст холистической и структуралистской гуманитарной мысли XX века******.

«Трагедии богдановской идеи» посвятил большую статью эмигрировавший из СССР доктор философских наук И. Яхот, специалист по социальной статистике. Говоря о влиянии Богданова на синтезную теорию планирования Базарова и НОТ, Яхот вспоминал о своей встрече с ветераном советской политэкономии и статистики Струмилиным, которого спросил о первой Всероссийской инициативной конференции по НОТ. По словам Яхота, Струмилин ответил примерно следующее:

---

* Grille D. Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie. Koln, 1966.

** Yassour A. Bogdanov et son oeuvre // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1969. № 3–4.

*** Рюриков Ю. Богданов // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1961; Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970.

**** Моисеев Н. Н. Люди и кибернетика. М., 1984.

***** Bogdanov A. Essays in Tektology. The General Science of Organization / transl. by G. Gorelik. Seaside (California), 1980; Gorelik G. Bogdanov's Tektologiya, General Systems Theory and Cybernetics // Cybernetics and Systems: An International Journal. Vol. 18. 1987.

****** Mattessich R. Instrumental Reasoning and System Methodology. Dordrecht, 1978. P. 283–285.

«Хорошо помню ту конференцию и доклад Богданова. Это был великий ученый и прекрасный человек. Его тектология живет сейчас в кибернетике. Жаль, что его судьба сложилась так трагично»*. В монографии «Подавление философии в СССР» (1981) Яхот также уделил серьезное внимание Богданову, называя его «одним из интереснейших мыслителей XX века», смотревшим на десятилетия вперед**.

В политико-философском и социологическом контексте организационные идеи Богданова были рассмотрены в исследованиях финна И. Сусилуото*** и американки З. Сохор****. Глубокое исследование социальной философии Богданова как оригинального направления марксизма начал профессор университета Глазго Дж. Уайт*****, недавно закончивший наиболее полную на сегодняшний день биографию Богданова******. Обстоятельную «Реконструкцию теории организации А. Богданова» как «сигнального труда системной парадигмы» предпринял праксеолог К. Перехуда*******.

Известный системолог М. Зелены, занимаясь изучением «потерянных парадигм» системного анализа, посвятил в «Международном журнале по системным обобщениям» статью и тектологии, причем тектологическую картину дополнительных соотношений между биосферой и другими оболочками Земли Зелены расценил как предвосхищение завоевавшей

---

* Яхот И. Гибель тектологии Богданова — предшественницы кибернетики и системной теории // СССР: внутренние противоречия. Вып. 3. N. Y., 1982.

** Яхот И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 102.

*** Susiluoto I. The origins and development of systems thinking in the Soviet Union. Political and philosophical controversies from Bogdanov to present-day re-evaluations. Helsinkii, 1982.

**** Sochor Z. Revolution and Culture: the Bogdanov — Lenin Controversy. Ithica and London, 1988.

***** White J. The first Pravda and the Russian Marxist tradition // Soviet Studies. 1974. № 2; White J. From Karl Marx to Bogdanov // Co-existence. 1978. Vol. 15.

****** White J. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Brille, 2019.

******* Perechuda K. Rekonstrukjca tektologicznej teorii organizacii A. Bogdanowa // Prakseologia. 1984. № 91—92.

популярность в последней четверти XX века «гипотезы Геи» Дж. Лавлока*.

Впрочем, нельзя не отметить, что на Западе появлялись оценки и иного рода. Так, например, на пике «звездно-военного» антикоммунизма президента Рейгана вышла пухлая книга «Другие большевики. Ленин и его критики. 1904–1914». Автор проводил трактовку предпосылок сталинизма в СССР как двух слагаемых: «якобинской традиции» Ленина, основанной на конспирации, авангардной партии, организационной иерархии и индивидуальном лидерстве, и «мифотворческого синдикализма» Богданова, Луначарского и Горького – «других большевиков», рассматривающих коллективистскую идеологию как социально-мобилизующий миф**.

Тенденциозность и передержки этой книжки отметил британский историк Джон Биггарт, позднее организовавший в Университете Восточной Англии в Норидже международную конференцию «Александр Богданов и происхождение системного мышления в России»*** и издание полной библиографии А. А. Богданова****. Биггарт принял участие в международных конференциях «А. А. Богданов (Малиновский) – революционер и мыслитель», организованной академическими институтами российской истории, философии и экономики в Москве в 1989 году, а также «Организационная динамика человеческой деятельности»*****, организованной Международным институтом Александра Богданова (МИАБ)****** в 2003 году. Два переиздания «Тектологии» – четвертое и пятое издания – совпали с упомянутыми конференциями.

---

* Zeleny M. Tectologiya // International Journal of General Systems. Vol. 14. 1988. C. 335.

** Williams R. The other Bolsheviks: Lenin and his critics. 1904–1914. Bloomington, 1986.

*** Biggart J., Dudley P., King F., eds. Alexander Bogdanov and the Origins of Systems Thinking in Russia. Aldershot, 1998.

**** Biggart J., Gloveli G., Yassour A. Bogdanov and His Work: a guide to the published and unpublished works of Alexander A. Bogdanov (Malinovsky), 1873–1928. Ashgate, 1998.

***** Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура // Вестник МИАБ. 2003. № 3(15).

****** МИАБ был организован в Екатеринбурге и Москве В. В. Попковым в 1999 году.

Однако это «возрождение» всеобщей организационной науки пришлось на время глубочайшего разочарования в «организованных системах», «научном управлении обществом», плановой экономике, социализме, классовом подходе, пролетариате, революционной традиции и т. д. Спираль трагедии А. Богданова вышла на новый виток. Рухнул советский режим, «идеологическая основа» которого — ферула «марксизма-ленинизма» подразумевала хулу на идеи Богданова и их отторжение. Но сами идеи Богданова коренятся в отринутых после 1991 года традициях европейского социализма (включая марксизм) и русской революционности, хотя размышления о военном времени привели тектолога к негативной оценке в 1917 году «ленинизма» как формы опасного «военно-коммунистического» максимализма — «источника авантюр и жестоких поражений»*.

Первыми приложениями всеобщей организационной науки, как подчеркивал сам Богданов, были его учебники по политической экономии и «краткий курс идеологической науки» — «Наука об общественном сознании». Вместе они представляли собой интегральную концепцию эволюции форм общественного бытия и общественного сознания с принципиальным для Богданова подходом: «идеологии», т. е. формы общественного сознания (от обыденной речи до естествознания), будучи «генетически вторичными», производными от производительных сил и классовых отношений (техники и экономики), оказывают активное обратное воздействие. Богданов утверждал, что организационная точка зрения «сравнительно легко» объясняет «идеологическую сторону жизни». Но на деле эта «легкость» может обернуться вульгаризациями и превратными формами.

Лингвист М. Арапов, воздавая должное исключительной разносторонности и прогностическому дару Богданова, узрел в его романах опрокинутую социальную матрицу русской левой интеллигенции**. Богданов в коллективном опыте человечества, закрепленном в формах общественного сознания, увидел исторический фактор, альтернативный по отношению к насилию. И возможность выбора между авторитарным путем и «монистическим» путем, основанным на объединении, сплавлении опыта людей, «товарищеском обмене не только в идейном, но

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 94.

** Арапов М. В. Язык утопии // Знание — сила. 1990. № 2. С. 68, 72.

и в физиологическом существовании»*. (Добавим, что сплавляя марксизм с позитивизмом нового этапа, Богданов, не подозревая того, воспроизводил в «пролетарской» оболочке идеи родоначальника позитивизма А. Сен-Симона о смене военно-теократического общества научно-промышленным, или «физико-политическим»**.) Но монистическая классовая утопия породила мрачную тень — «казенную феню», которая стала для широких слоев общества «духовным ярмом» («идиотологией», как зло выражался крестьянский писатель В. Наседкин) и которая лишила саму левую интеллигенцию, создававшую «язык утопии», возможности сопротивления. «Благороднейшая идея Богданова» — преодоление классовых противоречий через духовное слияние всего человечества посредством монизма науки «в какой-то момент логично потребовала временного расщепления единой Вселенной на мир отрицаемый, протараненный, но пока реальный, и сияющий, очищенный от всякой нечисти мир единения человеческих душ — пока нереальный. Любое из понятий «высшего ряда», даже если снабдить его одобряющей печатью (вроде эпитета *пролетарский* при гуманизме), было для этого утопического мира слишком противоречивым; гораздо лучше такие понятия раз и навсегда припечатать печатью отрицающей — буржуазный»***.

И еще одна сторона трагедии Богданова, чьи «пролетарски классовые» воззрения при режиме «диктатуры пролетариата» получили ярлык «буржуазных», — ему не хватало научного диалога, которого не могли заменить «живые беседы» с рабочими в Туле, на Капри или в московском Пролеткульте и которого тщетно было бы ждать от «плехановской ортодоксии» или сикофантов «ленинизма». Но у Богданова не завязалось диалога и с профессиональными учеными, даже с теми, кто обратил внимание на его отдельные работы, например, профессор географии Л. С. Берг или молодой психолог А. Р. Лурия. Видимо, сказалась категоричность суждений Богданова в отношении «цеховой» психологии специалистов и отсутствие в его работах привычной академической атрибутики, в том числе явная недо-

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 169.

** Гловели Г. Д. В поисках «планомерной прогрессивности»: идея «Новой Энциклопедии» у Сен-Симона и Богданова // Вестник МИАБ. 2003. № 1(13).

*** Арапов М. В. Указ. соч. С. 71.

статочность ссылок на литературу. В «Тектологии» не упоминается даже Макс Мюллер при всей значимости его концепции «основной метафоры»* для организационного подхода.

Характерно, что Богданов, внимательный к негативным откликам на его работы, не отреагировал на сочувственную рецензию молодого врача-поэта (позднее рентгенолога и пушкиниста) Иннокентия Оксенова (1897–1942), назвавшего нескольких биологов, которые «сходятся с теоретиком социализма, утопистом и оригинальным мыслителем А. Богдановым» в определении «*организация есть целесообразное сочетание активностей*»**. Оксенов назвал В. П. Карпова, автора книги «Основные черты органического истолкования природы» (1910), А. В. Немилова – популяризатора концепции организма как иерархии гистосистем, выдвинутой германским ученым М. Гейденгаймом, и Н. К. Кольцова – редактора хорошо известного Богданову журнала «Природа», основателя русской школы экспериментальной биологии и будущего учителя сына Богданова в генетике. Ни об одном из перечисленных ученых Богданов не упоминает.

А ведь на первой странице своего главного труда Богданов в «оправдание» своей смелости «закладки основ науки, объединяющей организационный опыт человечества», подчеркивал, что новая наука не есть «скачок в научном развитии, а необходимый вывод из прошлого, необходимое продолжение того, что делалось и делается людьми в их практике и в теории». «Великие мастера философии», по его мнению, «были обыкновенно энциклопедистами знаний своего времени»***, а «философия есть не что иное, как стремление сорганизовать воедино опыт, раздробленный и разрозненный силою специализации»****. Однако с дроблением человека в специализации философия выродилась в цеховое филистерство, поэтому свой призыв к сотрудничеству в разработке организационной «методологии миропонимания» Богданов обращает не к профессиональным философам, а ко «всем широко образованным людям научной и практической мысли».

---

* Мюллер М. Наука о мысли. С. 248–249.

** Оксенов И. Рец. на «Социализм науки» А. Богданова // Книга и революция.1920. № 6.

*** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 318.

**** Там же. С. 315.

Рассмотрим теперь «опоры», на которых Богданов рассчитывал «построить» свой «мост» от частных наук и философии к организационной науке.

К генеалогии тектологии: перепутья научно-философского синтеза начала XX века

В своих ранних (дотектологических) работах Богданов установил триаду законов причинности, данную для организационной точки зрения XIX веком:

превращение энергии — сущность всеобщей связи явлений;

естественный отбор — основа развития жизненных форм;

коллективный труд — источник культурных процессов,

или «энергетика, дарвинизм, социальная теория Маркса» как основа научного монизма*. Отход в начале 1910-х годов от партийного руководства позволил Богданову глубже вникнуть в тогдашние опыты научно-философского синтеза. Астроном и математик Дж. Г. Дарвин расширил исследованный его отцом для живой природы принцип естественного отбора на разные уровни «мертвой» природы — от атома до планетных и звездных систем. Одновременно с космогоническими работами Дж. Г. Дарвина по теории приливной эволюции появились первые модели микромира, уподоблявшие атом телам Солнечной системы (сначала «модель типа Сатурн» японского физика Х. Нагаока, затем планетарная модель Э. Резерфорда).

Парижский профессор биологии Ф. Ле-Дантек утверждал, что за внешним богатством природы скрывается небольшое число схем, которые, «при сравнении соответственных членов параллельных рядов, оказываются настолько близкими между собой, что математическая формула, применимая к одному ряду, может употребляться для другого». К числу таких схем Ле-Дантек отнес закон, установленный А. Ле Шателье для химической термодинамики: любое изменение одного из условий равновесия вызывает смещение системы в таком направлении, которое уменьшает первоначальное изменение. Живой организм Ле-Дантек предлагал рассматривать как *незамкнутую* энергетическую систему, зависящую в каждый данный момент от двух факторов — совокупности окружающих условий и наличного состояния внутренней структуры.

---

* Вернер Н. Наука и философия // Очерки философии коллективизма. С. 18.

Как примеры параллельности рядов Ле-Дантек приводил периодические колебательные движения в разнородных явлениях, а также аналогию между безжизненными звездными туманностями и коллоидами, привлекшими в начале XX века особый интерес как «ключ к зданию всей биологии»*: коллоидальное состояние объединяет различные живые вещества, сходные не по химическому составу протоплазмы, но по *структуре*. Выдвинутое биологами еще в середине XIX века определение живой клетки как «комочка протоплазмы с заключенным в ней ядром» удержалось в науке надолго, в 1890-е годы Бючли разработал понятие о живом веществе как о коллоиде. После многолетнего изучения строения и деления живых клеток Бючли пришел к выводу о «пенистой» протоплазматической структуре и смоделировал ее и «функции клеток» на коллоидных смесях; затем он указал на распространенность «пенистой» структуры и в мире кристаллов. Эксперименты по имитации клеток и микроорганизмов на неорганических коллоидных смесях и лабораторные аналогии между организмами и кристаллами были продолжены целым рядом ученых — Л. Румблером и О. Леманном в Германии, П. Бахметьевым в Болгарии, С. Ледюком во Франции, А. Л. Эррерой в Мексике. О. Леманн, открыв в 1888 году жидкие кристаллы, назвал их «кажущимися живыми кристаллами» за свойства изменяться наподобие проявлений жизни организмов — с ростом, делением, «залечиванием ран» (регенерацией), движением вплоть до «червеобразных изгибов». По примеру Леманна изучением «биологических аналогий у кристаллов» занялся русский физик-политэмигрант Порфирий Бахметьев (1860—1913), известный исследователь анабиоза у живых организмов. Бахметьев трактовал анабиоз как состояние организма «ни живое, ни мертвое», а начала жизни предлагал искать в жидкокристаллических образованиях. Он считал возможным говорить о биогенетическом законе применительно к кристаллическому эмбриону.

Постановка С. Ледюком (1853—1939) вопроса о *синтетической биологии*, занимающейся «воссозданием в мертвой материи» форм и структур живых организмов, привлекла внимание выдающегося естествоиспытателя В. И. Вернадского (1863—1945). В начале XX века он сосредоточился главным образом на кристаллографии и минералогии, но следил и за биологией — за борьбой виталистов с механицистами. В 1911 году

* Ле-Дантек Ф. Основные начала биологии. СПб., 1910. С. 15.

в журнале «Русская мысль» Вернадский поместил заметку «На границе живого» с краткой оценкой опытов по моделированию изменений живых форм *вне* организмов, на неживых телах — коллоидных смесях, и указал на перспективы новой научной дисциплины — *морфологии неоднородных систем*.

В обзоре Вернадского были упомянуты те же имена экспериментаторов, для которых «наука о живом есть часть физической химии жидкостей», — Бючли, Квинке, Румблера, Эрреры, Ледюка*, что и в 1-м томе «Тектологии» А. Богданова. Сходны и выводы: рождается новая область исследования — познание общих закономерностей строения живого и неживого вещества в природе. Но если Вернадский в дальнейшем уже не возвращался к этой идее, придя к выводу о качественном различии живого и косного вещества (см. далее), то для Богданова ее значение осталось неизменным в соответствии с универсальной эволюционной схемой причинности и непрерывности. Опыты с «искусственными клетками» на эмульсионных смесях для Богданова были первыми «тектологическими экспериментами» — исследованием общих законов организации независимо от конкретной природы элементов, составляющих системы. Именно опытную проверку организационных законов Богданов считал коренным отличием действенной тектологии от «созерцательной тенденции» философии.

Под влиянием трактата Ле-Дантека Богданов, наметивший уже в своих ранних работах учение о сохранении и развитии жизненных форм как их «подвижном равновесии» в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой**, придал универсальное значение закону Ле Шателье как выражению структурной устойчивости форм в природе и обществе.

«Traite de biologie» Ле-Дантека, рекомендованный А. Богдановым М. Горькому для перевода на русский язык (что и было сделано), претендовал на создание «философии XX века» как «всемирной механики», основанной на «языке равновесия», «принципе непрерывности» и «группировке явлений природы в параллельные ряды различных масштабов». Ле-Дантек вступил в «философскую дуэль» с интуитивистом А. Бергсо-

---

* Тогда же критический обзор опытов перечисленных ученых дал А. В. Немилов в статье «Аналогии между явлениями живой и неживой природы» (см.: Итоги науки в теории и практике. Т. 5. М., 1912).

** Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 46.

ном («талантливым и ученым философом-реакционером», по словам Богданова), оказывавшим философскую поддержку «неовитализму» в биологии. Богданов сугубо отрицательное отношение к витализму воспринял еще студентом Московского университета. Не исключено, что он слышал хлесткую публичную речь Тимирязева «Витализм и наука» в Политехническом музее в октябре 1894 года. Поэтому неовиталистическое учение профессора Гейдельбергского университета Г. Дриша было проигнорировано Богдановым, напротив, внимательным к выводам биологов (Бючли, Ле-Дантека, американца Г. Дженнингса), критиковавших витализм с позиций механицизма.

«Накаты» идейных споров первой трети XX века в биологии между *механицизмом* и *витализмом* имели значение для возникновения системного подхода. Впоследствии биолог-теоретик Л. фон Берталанфи самоопределился на «организмической точке зрения» в стремлении избежать крайностей механицизма и витализма и начал свой путь к «общей теории систем» с реинтерпретации установленного Дришем понятия *эквифинальности* (Aquiafinalitet) — способности живых организмов достигать предопределенного структурой конечного состояния независимо от нарушения начальных условий*.

В размышлениях по поводу дилеммы «витализм — механицизм» и в сопоставлениях кристаллов и живых организмов «нащупывало» понятие системности и российское естествознание начала XX века.

Проблема системности живого

Первый русский физик-теоретик Н. А. Умов в ответ на виталистические суждения С. М. Лукьянова, директора Института экспериментальной медицины в Петербурге и друга виднейшего русского религиозного философа Вл. Соловьева, в работе «Физико-механическая модель живой материи» (1902) предположил, что биологическая эволюция, увеличивая количество «стройностей» в природе, противостоит энтропии. Крупнейший кристаллограф Е. С. Федоров в философско-публицистической работе «Перфекционизм» (1906) указал на необходимость различать статическую «стройность строения», присущую прежде всего кристаллам, и динамическую «способ-

* Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969. С. 49.

ность к приспособлению, т. е. жизненную подвижность». Федоров подчеркивал, что «нежные, неустойчивые фигуры роста первенствуют, когда речь идет о движении, о жизни», а если стройность принимает характер чрезвычайной приспособленности к обстановке, то такое «перфекционирование», «совершенствование» означает засыхающие стволы биологического древа и застывший консерватизм кристалла.

В. П. Карпов в работе «Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни» (1909) пришел к пониманию системности живого как стройного приспособления в организме для целесообразного действия физических и химических сил. Организм — *разнородная* система с кристаллическими и жидкими включениями. Кристаллические образования оседают в нем как «остаточные изменения» — результат тех внешних воздействий, которым он подвергался за время своего существования, и образуют все более и более усложняющийся скелет, закрепляющий достигнутую форму и служащий базисом для новых изменений. Жидкие составляющие также принимают участие в определении формы организма: стремясь принять свойственную им сферическую форму, они обусловливают собой напряженное эластичное состояние клеточных оболочек, turgorvitalis.

Интересно, что учителем В. Карпова был основоположник московской школы гистологов А. И. Бабухин (1827—1891), которого А. Богданов-студент уже не застал в Московском университете. Однако одним из наиболее его сильных студенческих впечатлений стало знакомство с трудами Бабухина, посвященными сходству форм глаза у головоногих моллюсков и высших позвоночных и зародившими у Богданова мысль об ограниченном числе возможных высших типов эволюции, высказанную в «Красной звезде»* и разделяемую высоко ценившим роман Богданова** палеонтологом и писателем-фантастом И. Ефремовым.

Карпов, возражая Дришу и ссылаясь на опыты Леманна и Бахметьева, делал вывод, что организованность и регуляция восстановления формы (Restitutionslehre) присущи не только живым телам, и вводил понятие *лабильности* организации — пластичности для различного рода регуляций формы. Органи-

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 131.

** Новоселов В. И. Марсиане из-под Вологды. Историко-литературные эссе об Александре Александровиче Богданове (Малиновском). Вологда, 1994. С. 35.

зацию любого тела, по мнению Карпова, определяет совокупность векторов (направлений, канализующих энергию) в связи с пограничными условиями. Критический разбор витализма Карпов завершал призывом к построению *математической теории организмов* на основе понятий об *организации* и *равновесии* изменений распределения энергии в системе. От такой теории Карпов ожидал установления законов, согласно которым происходят изменения организации живой системы и ее переходы в новые состояния равновесия, с естественнонаучным объяснением целесообразности приспособительных реакций, регуляций и регенераций организмов.

Физиолог Н. А. Белов, стремясь объяснить действие «универсального автомата» физиологической регуляции не «виталистическим толкованием», а «физико-химической структурой организованных образований», разработал модель «сложнокомпенсаторного» сохранения живого организма в изменяющейся среде: «наличие неустойчивого равновесия и постоянного балансирования дают организму возможность приспособляться к новым явлениям. В этом основа жизни»*. Белов начал свои исследования в 1911 году в Харьковском университете, изучая ответы человеческого организма на введение в него лекарственных и тонических препаратов, и продолжил в 1921 году в Петроградском институте по изучению мозга и психической деятельности. Белов первым применил математический аппарат для описания целесообразности при взаимодействии организмов со средой и сформулировал «закон параллельно-перекрестной связи», или «принцип обратного построения»: «Если при изменениях состояний одного из двух взаимодействующих в замкнутом пространстве элементов наблюдаются изменения другого, то эти изменения таковы, что влекут устранение изменений в первом элементе»**.

Излагая в 1922 году математико-энергетическое обобщение своих результатов, Н. А. Белов приблизился к идее о сигнальной, информационной природе взаимосвязей в процессах самовосстановления биосистем. Это дает основание рассматривать структурную схему Белова как предвосхищение не только фи-

---

* Белов Н. А. Учение о внутренней секреции органов и тканей и его значение в современной биологии // Новое в медицине. 1911. № 22. С. 1235.

** Белов Н. А. Возрастная изменчивость как следствие взаимодействия частей организмов // Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 4–5. Пг., 1922. С. 608.

зиологической теории гомеостаза (развитой в 1929 году У. Кенноном с опорой на давние выводы К. Бернара о динамическом постоянстве внутренней среды организмов), но и кибернетического принципа обратной связи*. Но то же самое можно сказать о схеме «бирегулятора» («двойного регулятора»), выдвинутой А. А. Богдановым в развитие гипотезы о неразрывной связи жизненной ассимиляции с двойственным коллоидным строением протоплазмы, заключающим в себе условия, подходящие для двустороннего регулирования. Резюмируя, можно сказать, что российские естествоиспытатели начала XX века, включая А. А. Богданова, приблизились к формулировке системного критерия: жизнь — это активное, идущее с затратой энергии поддержание и самовосстановление специфической структуры, когда система воспроизводит свою целостность, используя для этого элементы окружающей среды с более низкой упорядоченностью**.

Однако, как (то ли с грустью, то ли с иронией) констатировал Богданов в предисловии к 3-му изданию 2-го тома «Тектологии», специалисты-биологи не читают его работ по организационной науке. Подтверждением этой разрозненности стала и статья «Целесообразные структуры как частный случай общего физического закона и правила Ле Шателье» (1925) Д. Н. Кашкарова (1878—1941), работавшего с 1919 года в Среднеазиатском университете (Ташкент). Ее автор полагал, что он первым из русских биологов касается универсального значения правила Ле Шателье, не подозревая о широкой постановке этого вопроса А. Богдановым еще во 2-м томе «Тектологии» (М., 1917. С. 100—112) и затем во всех последующих изданиях «Тектологии» (уже в составе 1-го тома).

Позднее Кашкаров, так и не прочитавший «Тектологии» Богданова, апеллировал по поводу термина «подвижное равновесие», подразумевающего устойчивые состояния при константном расходе энергии и хорошо выражающего существенные черты биоценоза***, к книге «Элементы физической биологии» (1925) американского математика А. Лотки, часто ссылавше-

---

* Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967. С. 169—170.

** Медников Б. М. Аксиомы биологии. М., 1982. С. 12.

*** Понятие «биоценоз», предложенное еще в 1877 году германским натуралистом К. Мебиусом, в российский научный обиход ввел в 1913 году гидробиолог С. А. Зернов. В 1928 году он определил биоценоз как «подвижно-равновесную систему населения в данных экологических условиях»

гося на закон Ле Шателье*. Кашкаров выступил с обоснованием равновесия биоценоза в соответствии с законом Ле Шателье и изложил сводку объясняемых благодаря такому подходу многочисленных биологических фактов. Принятие закона Ле Шателье как гипотезы о механизме эволюции, по мнению Кашкарова, позволяет искать действительные физико-химические причины «*системосообразности*» живых организмов вместо «рассуждений о “целесообразности”, всегда имеющей какой-то налет телеологичности», «не усыпляя себя словами о действии всемогущего отбора»**.

Именно в законе Ле Шателье Д. Н. Кашкаров видел ключ к пониманию целесообразных адаптивных структур, наилучшим образом соответствующих функциям организма: сопротивляясь различным силам, стремящимся нарушить их целость, одни ткани проявляют «стойкость» (хрящ, кость), другие — «податливость» (жир, хорда и т. д.). Объясняя происхождение безлистных колючих растений пустыни, Кашкаров отмечал: «Хорошо известно, что растение, растущее в сухой атмосфере, продуцирует относительно больше твердых субстанций и меньше пластических; известно также, что культивирование во влажной атмосфере тормозит развитие колючек у саженцев». Причина развития колючести — физико-химическая: большая испаряющая сила среды создает структуру с меньшей испаряющей поверхностью растения, а защитные свойства от травоядных есть лишь вторичное следствие.

Кашкаров пришел к определению биоценоза как системы подвижного равновесия с комплексом взаимоприспособленных организмов, сложившимся под воздействием климатическо-почвенных и конкурентно-биологических факторов. В представление о биоценозе как системе, сохраняющей лишь те виды, которые не могут друг друга уничтожить, и в то же время удерживающей свою территорию от вторжения других группировок, Кашкаров интегрировал сформулированные в 1927 году Ч. Элтоном понятия «цепи и циклы питания» и «пирамида чисел».

(Большая советская энциклопедия. Т. 6. С. 367). Кашкаров Д. Н. Среда и сообщество (основы синэкологии). М., 1933. С. 102.

* Кашкаров Д. Н. Среда и сообщество (основы синэкологии). С. 102.

** Кашкаров Д. Н. Целесообразные структуры как частный случай общего физического закона и правила Ле Шателье // Бюллетень Среднеазиатского университета. 1925. Вып. 4. С. 74.

Книга Кашкарова «Среда и сообщество» стала первым в СССР руководством по экологии, отразив общение автора во время длительной поездки в США (1928) с Элтоном и другими лидерами американской школы экологов. Однако вне внимания Кашкарова, как отмечает его советский биограф*, осталось учение Вернадского о биосфере, намеченное в капитальном труде 1926 года, к 1930 году переведенном в Германии и во Франции. То же можно сказать и об А. А. Богданове.

Тектология, экология, учение о биосфере

Как подчеркивал Богданов, слово «тектология», которым он обозначил всеобщую организационную науку, впервые (в гораздо более узком смысле) появилось у Геккеля [добавим, в знаменитом трактате «Общая морфология» (1866) и наряду с терминами «экология», «филогенез» и «онтогенез»]. Э. Геккель сформулировал закон сокращенного повторения *филогенеза* в *онтогенезе*; этот «основной биогенетический закон» сразу вошел в естественнонаучный обиход и повлиял на психологические и педагогические интерпретации человеческой индивидуальности в ее развитии как социального существа. Работы главных приверженцев «биогенетического закона» в психологии и педагогике американцев Ст. Холла и Дж. Болдуина появились в русском переводе в годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Тектологии» (1911–1912).

Термин «тектология» в узком смысле Геккеля (изучение структуры индивидуальных живых существ) использовался в XX веке, по-видимому, только российским биологом-систематиком В. Н. Беклемишевым (1890–1962) в статье «Морфологическая проблема живых структур» (1925). Но она вышла в провинциальной Перми и осталась незамеченной, хотя сам Беклемишев стал известен как один из создателей биоценологии. Он выдвинул концепцию геомериды, или высшего биоценоза, как совокупности живого на Земле, в отличие от биосферы как планетарной оболочки жизни.

Напротив, термин «экология», введенный Геккелем для изучения отношений живого существа к окружающей среде (органической и неорганической, дружественной или враждебной), получил широчайшее распространение. Причем началось оно

---

* Рахимбеков Р. Даниил Николаевич Кашкаров. М., 1990. С. 26.

как раз в годы работы Богданова над всеобщей организационной наукой. Но у Богданова парадоксальным образом понятие «*экология*» не встречается ни разу, хотя на остроту экологических проблем указывает уже «Красная звезда»*!

В те же годы входит в научный обиход понятие «биосфера». Акад. В. И. Вернадский использовал его впервые в 1913 году в статье «К вопросу о химическом составе почв». Трактату Вернадского «Биосфера» (1924) предшествовал его фундаментальный труд «История минералов земной коры» (1923). В начале 1920-х годов Вернадский укрепился в понимании живого вещества как интегрированной в земную кору «совокупности организмов, сведенных к массе, химическому составу и энергии», опираясь на эмпирические обобщения о *константе* живого вещества и его влияния на химический состав земной коры. Отмечая, что в геологической истории нет эпох с отсутствием следов жизни, Вернадский, с одной стороны, склонился к гипотезе космической «вечности жизни» (ссылаясь на обнаружение французом В. Галиппом микроорганизмов в метеоритах), с другой — подчеркивал геохимическую роль живого вещества в планетарном энергетическом равновесии.

Биосферология Вернадского позднее (с 1930-х годов) задала направление специальному учению о биогеоценозах как саморегулируемых средах для эволюции входящих в них популяций, а к концу XX века приобрела особую междисциплинарную весомость не только в научных кругах, но и в СМИ. С одной стороны, учение о биосфере легло в основу нового понимания механизма эволюции: естественный отбор действует в первую очередь как заполнение экологической ниши — *системной вакансии***. С другой стороны, на биосферологии основана постановка самим Вернадским вопроса о превращении человечества в ведущую геологическую силу и о мыслящей оболочке Земли — *ноосфере*. Наконец, своим прямым предшественником Вернадского признали химик Дж. Лавлок и микробиолог Л. Маргулис, выдвинувшие модель атмосферного гомео-

---

* «Пришлось истребить значительную часть дорогих нам лесов нашей планеты, что на десятки лет обезобразило ее», см.: Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 153.

** Заварзин Г. А. Индивидуалистический и системный подходы в биологии // Вопросы философии. 1999. № 4.

стаза как гипотезу «Геи» — Земли-целостности, саморегулирующейся как живой организм*.

Первоначальная формулировка «гипотезы Геи» была связана с интерпретацией Лавлоком отрицательных результатов тестирования космическими аппаратами планеты Марс на предмет наличия жизни. Лавлок указал, что безжизненность Марса вполне объясняется составом его атмосферы, застывшей в мертвом узоре с абсолютным преобладанием углекислого газа (95 %). Напротив, на Земле («Гее») поддерживается живительный газообмен с обилием кислорода, почти 4 миллиарда лет сохраняющий, несмотря на изменчивость теплового излучения Солнца, температурный режим поверхности и другие параметры на уровне, благоприятном для совокупной жизни. Доля углекислого газа в атмосфере незначительна, поскольку он «выкачивается» деятельностью живых организмов — наземных зеленых растений (фотосинтез), почвенных бактерий (выветривание горных пород), микроскопических океанических водорослей (поглощение солей-карбонатов и преобразование их в меловые раковины). Отмирающие водоросли формируют на океанском дне массивные известняковые и кремниевые отложения, которые постепенно погружаются в мантию Земли и плавятся (порой вызывая сдвиги тектонических пластов). Некоторая часть углекислого газа, содержащаяся в расплавленной породе, снова извергается вулканами наружу и «запускает» следующий оборот цикла углекислоты, работающего как гигантская петля обратной связи температурного регулирования Земли.

«Гипотеза Геи», подкрепленная компьютерным моделированием, вошла в число наиболее популярных в современном естествознании системных концепций (синергетика, автопоэзис), обоснованных такими теоретиками, как Илья Пригожин, Г. Хакен, М. Эйген, Х. Матурана, У. Варела. Ознакомившись с биосферологией Вернадского, Дж. Лавлок и Л. Маргулис нашли в ней подтверждение своих взглядов: глобальный подход к живому веществу, неотрывному от неживого окружения — «следов былых биосфер». Однако в 1988 году, когда «гипотезе Геи» была посвящена специальная конференция Американского геофизического союза, Милан Зелены в «International Journal of General Systems» (Vol. 14) обратил внимание на то, что фор-

---

* Lovelock J., Margulis L. Atmospheric homeostasis by and for biosphera: the Gaia hypothesis // Tellus. 1974. Vol. 26.

мулировку этой гипотезы предвосхитил и А. А. Богданов (добавим от себя — еще в 1917-м)! Во 2-м томе «Тектологии» он показал структурную связанность оболочек Земли (биосферы, атмосферы, гидросферы и литосферы) в единстве планетарной *системы расхождения*, одним из наиболее важных и замечательных *дополнительных соотношений* в которой является *круговорот углекислоты*. Благодаря обмену углекислоты с биосферой и воды с Мировым океаном земная атмосфера регулирует температурный режим планеты: непрерывная воздушная оболочка «задерживает теплоту гидросферы, как и “литосферы”, твердой части земной коры, доставляемую почти всецело лучами Солнца; а гидросфера, обладающая громадной теплоемкостью, образует как бы резервуар, то поглощающий излишки тепловой энергии, когда нагревание усиливается, то отдающий эти излишки воздуху, а через него и литосфере, когда нагревание уменьшается; таким образом, температурные колебания удерживаются в ограниченных пределах около одного основного уровня»*.

Отметим, что Богданов под «биосферой» понимал область жизни в ее целом как взаимодополнение растительного и животного царств, имеющее параллелизм в «симбиозе» водорослей и простейших. Вернадский определил «биосферу» более широко.

Ключевую роль Вернадский отдавал деятельности безъядерных микроорганизмов (прокариот) — хемотрофных бактерий-дробянок. Они сами, размножаясь делением, оставались неизменными, но непрерывно меняли своей жизнедеятельностью окружающую среду, в пределах которой эволюционировали эукариоты.

Другой нюанс — хотя авторы «гипотезы Геи» ставят в заслугу Вернадскому то, что он, описав жизнь глобально, «стер жесткую грань между живыми организмами и неживой окружающей средой»**, сам основатель биосферологии делал иной акцент: неживое и живое существуют параллельно и резко отличны***.

---

* Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 301—303.

** Margulis L., Sagan D. What is Life? L., 1995. P. 46.

*** Из современных дискуссий по этому вопросу: Юшкин Н. П. Биоминеральные взаимодействия. М., 2002; Сидоров А. А. Возвращаясь к проблеме живого и косного вещества // Вестник РАН. 2004. № 6.

Ранее интересовавшие его лабораторные имитации клеток и микроорганизмов («синтетическая биология») Вернадский признал бесперспективными. Напротив, Богданов остался в убеждении, что «наука разрушает непереходимые границы между живой и мертвой природой, заполняет пропасть между ними», его позиция близка к более поздним оценкам «осмотических нарастаний» С. Ледюка как моделированию последовательного накапливания организующих отношений в процессах формообразования*.

Но сопоставление вклада тектолога Богданова и биогеохимика Вернадского в системную парадигму в естествознании поучительно не только охарактеризованными выше параллелями и различиями. Учение Вернадского о константе живого вещества, как и биоценология Кашкарова и классическая экология Элтона, с полным основанием могли бы быть приведены Богдановым в качестве убедительной иллюстрации «работающей полезности» тектологических категорий. Что такое «цепи питания», как не разновидность универсальных организационных механизмов ингрессии и цепной связи? Что такое «пирамида чисел» и часто упоминаемый Вернадским принцип Дана, как не примеры универсального организационного механизма эгрессии? Что такое «системосообразное» (по Кашкарову) сочетание в отдельном организме «стойких» и «податливых» тканей и глобальное (по Вернадскому) сочетание неизменных прокариот и миллионовариантных эукариот, как не проявления универсального организационного закона расхождения частей единой системы по степени пластичности с ограничительной тенденцией дегрессии?

Организационная пластичность и закон минимума в экономике

Указав на эвристическую ценность введенных А. А. Богдановым всеобщих организационных понятий, обратимся еще раз к словам В. А. Базарова, посвященных памяти друга: «Он много и охотно пользовался иллюстрациями из астрономии... богатый материал для тектологических обобщений дает ему биология, но в фокусе его внимания всегда остаются социальные явления и проблемы». Вслед за самим Богдановым Базаров применял принцип цепной связи и закон минимума не только

---

* Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969. С. 96–97.

в методологии народнохозяйственного планирования, но и в анализе капиталистического воспроизводства.

Как известно, именно наличие опустошительных периодических кризисов промышленного производства послужило основой для вывода К. Маркса и Ф. Энгельса о неизбежном крушении капиталистического строя вследствие антагонистических внутренних противоречий. В начале XX века главные специалисты по марксистской теории промышленных кризисов В. Зомбарт в Германии и М. Туган-Барановский в России ревизовали ее, доказывая, что обвалы в процессе капиталистического воспроизводства не являются фатальными. Причем Зомбарт указывал на сглаживающую роль крупнокорпоративной интеграции предприятий, а Туган-Барановский — на возможность неограниченного расширения промышленного производства и накопления капитала даже при сокращении потребительского рынка.

Критикуя Туган-Барановского, Богданов подчеркнул, что народное потребление (покупательная способность масс) остается лимитирующим *слабым звеном* капиталистического воспроизводства, и при его абсолютном сужении рост капиталистической системы невозможен. Другое дело, что вследствие цепной связи отраслей даже *незначительное* расширение конечного потребления может привести к *гораздо большему* расширению рынка в целом*.

Первые кризисы капиталистического производства происходили во времена преобладания текстильной промышленности с почти правильной периодичностью (1825, 1836, 1847, 1857). Эту правильность сбили *изменения в структуре* промышленности (ускоренный рост черной металлургии, угледобычи, машиностроения), удлинившие цепную связь отраслей и тем самым период «скрытого перепроизводства», отдалив «первичную волну» сокращения спроса от потребительского рынка. Разрешение противоречия между капиталистическим производством и не поспевавшим за ним потреблением замедлилось, но зато стало и более разрушительным — кризис 1873 года, фактически растянувшийся до 1878-го**.

Затем почти до начала XX века различные фазы транспортной революции и процесса усложнения производственного

---

* Богданов А. А. Мировые кризисы, мирные и военные // Летопись. 1916. № 3. С. 142.

** Там же. С. 161—163.

аппарата дали перевес замедляющим моментам, и кризисы носили локальный характер вплоть до нового общеевропейского потрясения в 1900—1903 годах, слабо затронувшего, однако, США. Но в начале XX века перевес оказался уже на стороне ускоряющих моментов, и назрел новый мировой экономический кризис, однако его упредил *мировой военный кризис*, спровоцированный ростом отраслей тяжелой и военной промышленности и перепроизводством технически специализированной военной силы.

Выводы «организационного анализа» кризисов А. А. Богдановым не утратили своего значения. Выходом из величайшего мирового экономического кризиса капиталистической системы 1929—1933 годов стало макроэкономическое регулирование на основе кейнсианских принципов эффективного спроса и мультипликатора, которые не что иное, как частные случаи использования принципа «слабого звена» и механизма «цепной связи». Мультиплицирующий эффект кейнсианской политики частичного перераспределения доходов в пользу бедных слоев — по сути, реализация описанного Богдановым механизма поднятия «слабого звена» (покупательной способности бедных) и расширения рынка в целом (вследствие цепной связи отраслей), гораздо большего, чем само приращение потребительского спроса. Неокейнсианское макрорегулирование в «смешанных» экономиках обеспечило беспрецедентный в истории мирового капитализма бескризисный экономический рост 1950—1960-х годов, но его «слабым звеном» была дешевизна энергоносителей (нефти) и сырья, все в возрастающих масштабах выкачиваемых «первым миром» из «третьего». Повышение цен на нефть и другое минеральное сырье обусловило новые — структурные — кризисы 1973 — начала 1980-х, выход из которых был найден ведущими капиталистическими странами в дерегулировании рынков и импорте трудоемкой промышленной продукции из стран индустриального «нового Востока» с дешевой рабочей силой. Импорт недорогих восточноазиатских товаров сопровождался деиндустриализацией стран-лидеров, особенно США, и новым ограничением в них массовой покупательной способности (рост дифференциации доходов, стагнация реальной заработной платы). Раздувание потребительского (особенно ипотечного) кредита, компенсирующее сужение массового спроса, стало «слабым звеном», разрыв которого привел к финансовому кризису 2007—2008 годов.

«Закон слабого звена», как подчеркивал Богданов, был впервые сформулирован Ю. Либихом в агрохимии. Из этого же источника «закон минимума» почерпнул незаслуженно малоизвестный русский экономист Н. П. Огановский (1874–1938), первым обосновавший системный подход к проблеме *устойчивого развития производительных сил**. В концепции экономического прогресса Огановского в качестве «слабого звена», ограничивавшего вплоть до XX века рост производительных сил России, как ранее Западной Европы, представлено экстенсивное земледелие (феодальное паровое трехполье), провоцирующее аграрное перенаселение. Оно, застыв на целые века, истощало почву и вынуждало расширять посевы зерновых за счет пастбищных угодий, сдерживая урожайность и рост животноводства. Через аграрные перевороты и политические революции Европа пришла к замене трехполья интенсивными севооборотами – многопольными и плодосменными. Они избавили от голода, резко подняли урожайность; сняли барьеры с развития не только земледелия, но и животноводства, промышленности и местных рынков, высвободив рабочую силу для несельскохозяйственной занятости.

Хотя Огановский не употреблял понятий «обратные связи» или «цепочки взаимного стимулирования», фактически он описал именно такого рода механизмы экономического подъема: подсев к хлебным злакам корнеплодов, кормовых трав и бобовых позволяет не только использовать всю пахотную землю (пар исчезает), но и увеличивать кормовые ресурсы для животноводства и сырьевые – для промышленности; в свою очередь, наращивание поголовья скота предоставляет удобрения и дополнительное сырье, а промышленность поглощает избыточное население деревень и предъявляет растущий спрос на продукцию сельского хозяйства, способствуя его интенсификации и товаризации поставками сельскохозяйственных машин, искусственных удобрений, налаживанием транспортно-складского хозяйства и кредита.

Таким образом, Огановский осмыслил экономический прогресс в категориях структурной сбалансированности: земледелия и животноводства – сельского хозяйства в целом и городской промышленности. Такой подход позволил ему дать

---

* Гловели Г. Д. Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. 2017. № 2.

убедительную картину стадиального отставания хозяйства России, где возможности перехода к интенсивному земледелию сдерживались крестьянским малоземельем в центре и простором для экстенсивной колонизации на окраинах, бездорожьем и климатическими факторами; а наращивание экспорта зерновых лишь деформировало экономическую структуру*.

Тектология, тейлоризм и технократия: элементы институционализма

Приверженность марксистской трудовой теории стоимости, материалистическому пониманию истории («историческому монизму») и расширение их до «философии коллективизма» закономерно сделали Богданова невосприимчивым к т. н. маржиналистской революции в экономической теории. Хотя в рамках марксистской политэкономии он пришел к ряду выводов, которые можно было бы выразить в категориях маржиналистской микроэкономики (эластичность потребительского спроса, конкуренция субститутов — материалов-заменителей), принципы школы «предельной полезности» Богданов назвал прямо-таки «антиорганизационными». Столь же чуждыми остались Богданову (вложившему в «Тектологию» убеждение в том, что «основная линия социального прогресса» воплощается в индустриальном пролетариате, жизнью направляемом к «всеорганизационной точке зрения») появившиеся в начале XX века социологические концепции *элит* и «железного закона олигархии». Германский социал-демократ, Р. Михельс сформулировал «железный закон олигархических тенденций» на примере именно рабочих организаций — партий и профсоюзов**.

Однако Богданов не прошел мимо роста «новых средних слоев», или «нового среднего класса» (госслужащие, наемный образованный персонал капиталистических предприятий), — явления, привлекшего внимание и политэкономов, и социологов в Европе, особенно в Германии, включая ведущего теоретика социал-демократии Р. Гильфердинга, а также российской общественности, озадаченной проблемой определения места *интеллигенции* в классовой структуре общества.

---

* Там же.

** Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Lpz., 1911.

Уже в 1906 году, в переизданиях «Краткого курса экономической науки» и заключительной социологической части «Эмпириомонизма», Богданов определенно говорит о росте промежуточной *социальной группы* обладателей специализированных знаний служащих, управляющих и инженеров, нанимаемых крупным капиталом и буржуазным государством. В «Очерках философии коллективизма» Богданов назвал эту социальную группу *технической интеллигенцией**, а во второй части «Тектологии» охарактеризовал общественный идеал этой группы: «Планомерная организация производства и распределения под руководством ученых-экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции; при этом она создает привилегированные условия для себя, но также условия, жизненно удовлетворительные для рабочего класса, тем самым устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов»**.

Богданов связывал этот общественный идеал прежде всего с французскими радикал-социалистами (первой в истории правительственной партией с «социалистической» терминологией в названии), однако еще точнее он совпадает с идеалом небольшой организации сторонников «научного менеджмента» в США, привлекшей внимание профессора Т. Веблена, основателя нового направления в экономической теории — институционализма.

Богданов, говоря о «технической интеллигенции», поначалу делал акцент на том, что она складывается как «высшая группа» наемного персонала — «представители сложного труда в машинной организации производства»***. «Научный менеджмент» (scientific management) в США возник как методика повышения эффективности работы низших неквалифицированных групп труда в машинном производстве — система, предложенная инженером-менеджером корпорации «Бетлехемстил» (второй по оборотам металлургической компании после Стального треста) Тейлором. В годы появления тектологии (1912—1913) «система Тейлора» стала предметом жарких дебатов в России, в которых принял участие и А. А. Богданов****.

---

* Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя. С. 62 и др.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 365.

*** Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. С. 209.

**** Богданов А. А. Между человеком и машиною. СПб., 1913.

Одновременно в США понятие «научный менеджмент», с одной стороны, приобрело гораздо более широкий смысл — науки о рациональном управлении не только отдельными капиталистическими предприятиями, их подразделениями и рабочими местами, но и, возможно, целыми отраслями (особенно железнодорожной). С другой стороны, появилась усовершенствованная смягченная версия «тейлоризма», предложенная Г. Ганттом (1860—1919) — одним из тех, кого стали называть «efficiency engineers», разработавшим систему оперативного управления предприятиями на основе особых графиков («графики Гантта») и систему урочной заработной платы, повышавшую заинтересованность рабочих в своем труде.

Гантт и его единомышленники провозгласили «эру технархии»*. Они стали пропагандировать идею предоставления правительством властных полномочий «efficiency engineers», чтобы инженеры осуществили «научный менеджмент» в масштабах всей промышленности, организовав ее рационально и на началах «социальной гармонии»**. Организация Гантта «Новая машина» просуществовала недолго (1916—1917), а сам он вскоре умер, но его идеи были подхвачены Вебленом в цикле статей и затем в книге «The Engineers and the Price System» (1921).

Ранее Т. Веблен снискал известность книгами «Теория праздного класса» (1899) и «Теория делового предприятия» (1904), а также рядом статей, в которых

— критиковал индивидуалистическую модель «экономического человека» как гедониста-оптимизатора, калькулирующего свои удовольствия и страдания;

— обосновывал необходимость эволюционной экономической науки, изучающей «естественный отбор институтов»;

— рассматривал крупное машинное производство как культуротворческий процесс, формирующий рациональное мышление, основанное на материалистическом применении современного естествознания;

— высмеивал крупных бизнесменов США за иррациональное поведение, основанное на «канонах денежной почтенности», финансовых спекуляциях, хищничестве, паразитизме и «демонстративном потреблении».

---

* Armitage W. H. G. The Rise of the Technocrats. Ithaca & L., 1965. P. 166.

** Akin W. E. Technocracy and the American Dream: The Technocracy Movement 1900—1941. Berkeley, 1977. P. 51—53.

Сформулировав дихотомию иррациональности «праздного класса» («мир бизнеса») и рациональности зрелого машинного производства («мир индустрии»), Веблен в книге «Теория делового предприятия» впервые выделил обширный «класс работников умственного труда, связанный с развитием современной индустрии» — инженерно-технических специалистов. А к началу 1920-х годов под воздействием распространения в США «научного менеджмента» Веблен стал проповедовать идеи, получившие (не у него самого) обозначение *технократии*. Он выступал за передачу власти «Генеральному штабу инженеров и техников», чтобы ИТС в масштабе страны перенесли рациональные методы управления с отдельных предприятий на экономику в целом, прекратили иррациональность конкуренции и расточительства и обеспечили на основании безкризисного прогресса машинного производства достойное существование всех слоев общества.

Веблен рассматривал свою программу как «третий путь между плутократией капитализма и диктатурой пролетариата»*, полагаясь на ИТС, поскольку они, по его мнению, во-первых, занимают стратегическую позицию в производстве; во-вторых, в отличие от «громоздких» и разнородных рабочих организаций, являются относительно однородной группой и смогут легко самоорганизоваться; в-третьих, для захвата власти им достаточно всеобщей стачки — мирной «революции», после которой они будут компетентно управлять индустриальной системой.

В России идеи Веблена до конца 1920-х годов не были известны, позднее в основном сводились к «технократии» и лишь в 1990-е годы привлекли внимание анализом показного потребления. Можно сказать, что вебленовская концепция технократии складывалась параллельно богдановскому организационному проекту. Богданов также подразумевал действие механизма отбора институтов (но без уклона в социал-дарвинизм, в отличие от Веблена). Он также рассматривал крупное машинное производство как культуротворческий процесс, формирующий рациональное мышление, противоположное «бессознательности обывателей»**, но свойственное не только ИТС, но и рабочему классу. Он считал свойственной для класса буржуазных собственников тенденцию к «потребительно-па-

---

* Veblen T. The Engineers and the Price System. N. Y., 1921. P. 93.

** Богданов А. А. Из психологии общества. С. 270.

разитическому» вырождению, характерному для всех господствующих классов. Но социологическая концепция Богданова противопоставляла буржуазию прежним господствующим классам именно в том отношении, что буржуазия, переходя от реально-организаторских функций к потребительству и рантьерству, стимулировала рост технической интеллигенции, в которой Богданов в начале 1920-х годов видел социальную группу, становящуюся после мировой войны из «класса в себе» «классом для себя». Он полагал, что техническая интеллигенция будет представлять после войны интересы буржуазии в целом и ограничивать паразитические «рантьерские» элементы.

В связи с этим единственный раз в тезисах Богданова появилось слово «элита»*: оно подразумевало верхи технической интеллигенции, привлекаемые после войны в госкомитеты и пр. для решения в национально-государственных масштабах задач по изысканию и разработке природных богатств и наиболее рациональному использованию наличных рабочих сил. С этими задачами Богданов связывал и тенденцию к поддержке *частных организационных наук*, включая *тейлоризм***.

В русской печати периода появления всеобщей организационной науки мнения о тейлоризме разделились на критические и апологетические. Первые высказывали в основном экономисты-народники и социал-демократы, обличавшие новую «потогонную систему» эксплуатации рабочих. Другого мнения придерживались практики, как сказал бы А. А. Богданов, из «высших слоев технической интеллигенции, перешедших к буржуазному делячеству», и журналисты, выражавшие интересы крупного капитала. Газета московской торгово-промышленной олигархии «Утро России» рассчитывала на помощь тейлоризма в преодолении традиционной российской расхлябанности, а в официальном органе петербургского правительства «Промышленность и торговля» крупным шрифтом выделялось: «При организации предприятия по системе Тейлора тщательный подбор рабочих, строгая регламентация их действий, подчинение их энергии плану работы, разработанному специальным бюро, наконец, дифференцированная сдельная плата приводят к значительному увеличению производительно-

---

* Богданов А. А. Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания // Вестник МИАБ. 2004. № 2(18). С. 13.

** Там же. С. 14.

сти труда единственно путем введения большей целесообразности в его элементы»*.

После революции главным проповедником тейлоризма в России стал А. Гастев — «поэт рабочего удара», успевший побывать социал-демократом и анархистом, депутатом одного из первых в истории Совета рабочих депутатов в Костроме (1905) и слесарем на передовом машиностроительном заводе «Новый Айваз» в Петербурге (1913). Гастев был деятелем Пролеткульта, где спорил с Богдановым, а затем организовал Центральный институт труда при поддержке Ленина, который в 1918 году призывал «создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее»** и даже «привлечь американских инженеров» для проведения системы Тейлора по декрету: «Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализма»***.

Гастев, будучи своеобразным поэтом и называя Богданова «схематиком», сопровождал свои идеи о НОТ провоцирующими формулировками: «из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем это тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами включений, переключений, замыканий»****.

Современные филистеры и извратители идей Богданова — якобы «историки» и «литературоведы», не зная ни одного российского тейлориста, кроме Гастева, и спекулируя на факте его «пролеткультства», объявляют Гастева последователем Богданова и далее пускаются в рассуждательства о «тоталитаризме». Но, во-первых, в отличие даже от прожектов Гастева, индустриализация «сталинских пятилеток» сопровождалась не просто жесткой дисциплиной, но нередко произвольной нормализацией, основанной на «рекордах», порой подлинных, но подчас и фальсифицированных. Поэтому и Гастев с его институтом,

---

* Цит. по: Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002. С. 155.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 190.

*** Там же. С. 212.

**** Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 44.

и другие советские деятели НОТ, вроде Ерманского, оказались не нужны и в итоге были репрессированы. Во-вторых, как уже говорилось, на первой Всероссийской конференции по НОТ тейлористские крайности Гастева были отвергнуты, а Богданов прямо противопоставил тейлоризм и подлинно научную организацию труда*. В дальнейшем советском движении НОТ Богданов из-за начавшейся травли участия не принимал. Однако, уже возглавив Институт переливания крови, он в своей последней книге именно как врач выступил против тейлористских эффектов повышения производительности труда, достигаемых за счет «одностороннего развития какой-нибудь специальной иногда весьма мелкой функции по “рекордному” типу со всеми шансами на ранний и ускоренный упадок организма»**.

Богданов *не был* тейлористом, как не был он «технократом» в вебленовском смысле. Но надо признать, он оказался, как и Веблен, утопистом. На обсуждении доклада Богданова «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» в Социалистической академии (1923) В. Базаров отметил «глубокий антагонизм между технически рациональными и финансово-прибыльными приемами организации промышленности»***. Это — почти дословная формулировка вебленовской дихотомии «мира бизнеса» и «мира индустрии». Веблен рассчитывал преодолеть ее на путях технократии, но столкнулся с «коммерческой преданностью» американских инженеров «капитанам финансов». Богданов не проповедовал, а *прогнозировал* возвышение «организаторской, главным образом, инженерской» интеллигенции до новой формы существования буржуазии как господствующего класса в рамках «национально-государственного капитализма». По мнению тектолога, такое развитие событий после мировой войны открывает переходный период, нужный пролетариату для выработки собственной «культурной линии» и овладения точным научно-техническим знанием, «которым владеют пока только интеллигенты-организаторы»****. Лишь после этого проле-

---

* Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921. С. 55.

** Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. Гл. 8.

*** Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. № 4. Л. 39.

**** Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд., 1920. С. 310.

тариат сможет выступить организатором нового социалистического общества, тогда как в послереволюционной России он поневоле выполняет «роль зауряд-бюрократии».

Упомянутый доклад Богданова из-за его ареста ГПУ не был опубликован и увидел свет лишь в XXI веке, а в конце XX века было впервые напечатано последнее социологическое произведение Богданова — тезисы «Линии культуры XIX и XX века» (1928). В них Богданов уже фиксирует утопичность марксистского учения об «исторической миссии» индустриального пролетариата, хотя не хочет в этом признаться.

Дебатируя в молодости с С. Булгаковым, обвинившим марксизм в фаталистическом детерминизме, Богданов отметил: «...марксизм говорит: если успеют сложиться достаточные общественные силы, то общество преобразуется таким-то способом; если же нет, то оно деградирует»*. В заключительной главе «Тектологии», Богданов от общей постановки вопроса о «редуктивном развитии» переходит к вопросам о судьбе «новейшей буржуазии» и судьбе современного общества в целом, зависящей «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов». В социологических докладах и тезисах 1920-х Богданов пытался ответить на эти вопросы. Эти ответы можно резюмировать следующим образом.

Возрастание роли технической интеллигенции компенсирует редуктивное развитие производственных функций буржуазии, избавляя от ее «гипертрофии рантьерства». Но необходимо различать две социальные группы технической интеллигенции и их культурные линии. Первая группа — инженерно-научная интеллигенция — воплощает «линию техницизма» с тенденциями к политической демократии, пацифизму и вовлечению рабочего класса в «прогрессивное буржуазное жизнестроительство»**.

Вторая группа — «нормативно-государственная» интеллигенция — базируется на разбухшем госаппарате с включенным в него милитаристским комплексом. Ее линия — жесткое идеологическое доктринерство, блага «твердого руководства и дисциплины», уклон в диктатуру вплоть до фашистской и «прямой антипацифизм по отношению к Гражданской войне»***.

---

* Богданов А. А. Из психологии общества. С. 211.

** Богданов А. А. Линии культуры XIX и XX века // Вестник МИАБ. 2000. № 4. С. 41—42.

*** Там же.

Достаточные общественные силы для преодоления капитализма не сложились. Пролетариат так и не выработал собственных культурных линий и подчинился двум различным «культурным линиям новейшего капитализма».

Верхние, «окультуренные» слои пролетариата тяготеют к линии «буржуазно-интеллигентского техницизма» — приобщение рабочих к «общей» культуре, повышение их квалификации и заработка, их годности для технически усложняющегося производства.

К линии «норматизма» тяготеют «широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности»*.

Ранее указывалось, что учебники Богданова являлись авторитетным источником по политэкономии для И. Сталина, повлияв на его представления о капитализме и социализме. Выводы этих учебников о том, что предпринимательская буржуазия стимулирует рост квалифицированного слоя обладателей специализированных знаний, в теоретических работах революционера Сталина, заострявшего классовый антагонизм буржуазии и пролетариата, не отразились. Но Сталин-диктатор, проводник, говоря терминами Богданова, культурной линии самого жесткого «норматизма» в рабочем движении, принял меры не только по наращиванию госаппарата с включенным в него милитаристским и полицейско-карательным комплексами, но и по формированию *режимопослушной технократии* — новой группы обладателей специализированных знаний. Этот процесс включал как подчинение и подавление старой технической интеллигенции (вплоть до прямого устранения репрессиями), так и спешное создание новой технической интеллигенции через систему образования и кадровое «выдвиженчество».

Индустриальный пролетариат не состоялся как класс-«всеорганизатор». Но вопреки ожиданиям Богданова и Веблена, и техническая интеллигенция не состоялась как «класс для себя». Хотя наиболее известный из последователей Веблена во второй половине XX века К. Гэлбрейт утверждал, что реальная власть в «смешанной экономике» перешла к крупнокорпоративной «техноструктуре» — многочисленной группе людей, обладающих специализированными знаниями и способностями,

---

* Там же. С. 51.

от топ-менеджеров до массы «белых» и «синих» воротничков*. Однако если что-то похожее и было, идентифицировали себя «техноструктурные» слои не с единым классом, а лишь с различными частями «среднего класса».

Но идентификация со «средним классом» происходила не через *особую роль* в технически все более усложняющемся *производстве*, как полагал Веблен для инженерно-технических специалистов, Богданов — для индустриального пролетариата и технической интеллигенции, а через *интеграцию в* «общество массового *потребления*». Это подчеркивал в самом конце XX века, например, один из самых известных и влиятельных теоретиков «научного менеджмента» П. Друкер (Дракер). Он утверждал, что считается, будто современный мир преобразовали Дарвин, Маркс и Фрейд. «По справедливости, Маркса в этом ряду следует заменить на Тейлора», так как именно благодаря тейлоризму в развитых западных странах состоялось превращение пролетариев в средний класс, т. е. внедрение системы Тейлора привело к такому росту производительности промышленного труда, который обеспечил общество массового потребления**.

Государственно-нормативный «социализм в одной стране» одолел во Второй мировой войне монструозное воплощение «нормативно-государственной», фашистской культурной линии капитализма. Но потерпел поражение в соревновании с капитализмом, трансформированным культурной линией «буржуазно-интеллигентского техницизма» (в экономической теории и политике это линия кейнсианства, североамериканского институционализма, европейской социал-демократии). Однако нельзя сказать, что эта культурная линия, ставшая источником для различных технократических и «техноструктурных» концепций в социологии, победила. Она отступила перед неолиберализмом и неоконсерватизмом, сумевшими навязать обществу рыночный фундаментализм, гонку финансовых спекуляций, потребительство*** и др.

---

* Galbraith J. K. The New Industrial Society. N. Y., 1971. P. 84.

** Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 89.

*** См.: Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб., 1998; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004; Graaf J. de, Wann D., Naylor Th. H. Affluenza: The All-Consuming Epidemic. San Francisco, 2001.

Характерология Богданова

В последнее прижизненное издание «Тектологии» А. А. Богданов не стал включать раздел «Гедонический подбор» как слишком сжатое изложение слишком обширной темы, намереваясь исследовать ее более обстоятельно. Смерть оборвала реализацию этого замысла, объединявшего университетскую специальность Богданова и начатую систематическую переработку с организационной точки зрения основных начал психологии с учетом *фрейдизма*. Но богатый материал для «генетического познания психических явлений» Богданов систематизировал уже в «Эмпириомонизме», в главе «Психический подбор» (1905), где фактически изложен оригинальный вариант *характерологии** — классификации типов личностей. Обратимся к ней.

Гедонический подбор — это прогрессивный подбор психических комплексов, протекающий в виде чувственного тона (окраска *удовольствия — страдания*). Типы душевной организации формируются под воздействием 1) количества (богатства, разнообразия) впечатлений, 2) направления психического подбора (положительный или отрицательный знак в окраске переживаний — *аффекционал*) и 3) интенсивности переживаний в отдельные моменты. Если при богатстве и интенсивности материала подбора — глубине и полноте восприятия окружающего мира — достигается уравновешенность положительных и отрицательных впечатлений, то складывается высший культурно-психический тип «энциклопедического гения своего времени»**. Не приводя конкретных исторических примеров, Богданов обращается к своему любимому художественному образу — гетевскому Фаусту.

При меньшем диапазоне «уравновешенный» подбор дает тип отнюдь не «гениев», но людей, способных благодаря близости к массам по материалу опыта в критические моменты истории стать «героями». Они «увлекают за собой “толпу”, которая в них находит ближайших и наиболее непосредственных выразителей своих потребностей и стремлений». Это — «совер-

---

* Под впечатлением от снискавшей в 1920-е годы всемирную известность книги Э. Кречмера «Строение тела и характер» (1921, рус. пер. 1924), подаренной Богдановым своему сыну, тот избрал специальность биолога (Новоселов В. И. Марсиане из-под Вологды. С. 18).

** Богданов А. А. Психический подбор // Вопросы философии и психологии. 1904. № 4(74). С. 492.

шенные джентльмены» в изображении романистов или знаменитые политические деятели англосаксонской расы с «ясным и твердым отношением к жизни», вроде американских президентов Вашингтона и Линкольна, британского премьер-министра Гладстона*.

Снижение «уравновешенного» типа до «обывательского» уровня с малоинтенсивным и ограниченным в материале переживаний психическим подбором порождает массовидный *филистерский* тип, воспроизводимый профессиональной специализацией. В качестве наиболее яркого примера Богданов приводит односторонность торговца, который всю человеческую жизнь рассматривает со своей «специфически меновой точки зрения», систематизированной воспитавшимся в торговой атмосфере английского капитализма И. Бентамом** «в целую практическую философию, построенную, в сущности, на меновом идеале возможно выгодной сделки с реальностью жизни»***. Другой пример культурно-психической односторонности: «Работник, проводящий все свое трудовое время при машинах, естественным образом бывает склонен к механически-материалистическому мировоззрению, которое укладывает всякую реальность в рамки отношений, однородных с отношениями частей механизма, и такова в массе случаев точка зрения инженера»****.

Для обозначения типов с неуравновешенным подбором Богданов использует метафоры знаменитого поэта Г. Гейне — «эллин» и «иудей». Если в богатстве переживаний одаренной натуры явно преобладают положительные, складывается артистический «*эллинский*» тип — «изящной и мягкой разносторонности», подвижной, порывистой психики, в которой творческая фантазия преобладает над критикой. Если отрицательные — много страданий, жестоких воздействий внешнего мира, ударов судьбы, кристаллизуется «*иудейский*» (отнюдь не только для еврейства характерный) тип суровой непре-

---

* Богданов А. А. Психический подбор. С. 503.

** Бентамовская философия утилитаризма стала базовой моделью человека в *mainstream* западной экономической теории, моделью *гедониста-оптимизатора* — «маржиналистского человека», рационально оценивающего все кругом для исчисления степени полезности для себя покупаемых и потребляемых благ.

*** Богданов А. А. Психический подбор. С. 511.

**** Там же.

клонности в борьбе за свою истину. В этом случае ограничение и упрощение материала психических комбинаций приводит к росту однородности ассоциативных связей — недостаток широты и пластичности душевной организации вознаграждается ее стройностью и прочностью, «выдержанностью» характера.

Богданов предполагал, что эти высшие типы «неуравновешенного» подбора дополняют друг друга среди творцов культуры. «Трудно сказать, кто больше дал для развития и силы человечества — светлые ли, жизнерадостные “эллины”, представители переливающейся через край полноты жизни, или суровые моноидеисты “иудеи”, представители той принципиальной гармонии жизни, которая выражается в ее стихийной цельности, во всепобеждающей верности себе»*.

Но при меньшем диапазоне переживаний «эллинский» тип суживается до мелкой жизнерадостности богемы и бонвиванов вроде «золотой молодежи», «сибарита»; суровый «моноидеист» — до ограниченного фанатика догмы, беспощадного к себе и другим, прекрасного орудия в руках высших организаторов.

Среди характерологов — современников А. А. Богданова наиболее близкую к его подходу классификацию личностей обосновал А. Ф. Лазурский (1874—1917), ученик В. М. Бехтерева, профессор Психоневрологического института. Он также выделял высший, средний и низший уровни в типологии характеров, но, в отличие от Богданова, на каждом уровне «извращенные типы»**. Несмотря на то, что ученые были почти сверстниками, очевидно, они не знали о работах друг друга.

Вернемся теперь к высшим неуравновешенным типам гедонического подбора. В «благодушном эклектизме» эллинского типа, заключает Богданов, «недостаточно монизма». В иудейском «монистическая» тенденция бывает «выражена в полной мере»: все психическое содержание «тесно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергия жизни»; активность воли отличается неуклонной последовательностью, «строгим единством направления»***. Единство это укрепляется интенсивными волевыми импульса-

---

* Там же. С. 501.

** Лазурский А. Ф. Классификация личностей. М., 2018; Лазурский А. Ф. Теория личности: 100 лет забвения и развития / под ред. В. Ю. Слабинского. СПб., 2017.

*** Богданов А. А. Психический подбор. С. 500.

ми в ответ на угнетающие воздействия среды. Когда могучая натура через массу страданий развивается вопреки «злой судьбе», присущий уравновешенному типу реализм мировоззрения и активного творчества сменяется отчасти противоположной тенденцией. А именно «тем своеобразным отпечатком, который характеризуется словом «утопизм»*. Наибольшую роль в психическом творчестве играют те немногие «реалистические» комплексы, которые окрашиваются не отрицательным, а положительным аффекционалом (намеки самой жизни на счастье), и еще больше — те «производные от реальных комбинаций, которые сами... *не имеют себе прямой опоры во внешней среде*, но постоянно сопровождаются положительным аффекционалом (идеальная картина счастья)». «Интенсивное действие отрицательного подбора аналогично действию молота, который дробит и уничтожает все непрочное и неустойчивое, но выковывает то, что действительно прочно, и, выделяя его из всего остального, придает ему чистоту и определенность форм»**.

Богданов в качестве яркого исторического примера характеризуемого типа приводит протопопа-старовера Аввакума, чья «ужасная биография ставит перед нами загадку о том, как из непрерывной цепи невероятных страданий возникает гигантская сила железной воли, абсолютно не способной себе изменить ни при каких условиях»***. Но создается впечатление, что молодой еще автор «Эмпириомонизма» отчасти описывает самого себя и пророчествует о собственной судьбе марксистского «еретика» — создателя «Тектологии».

Он пережил изрядно к четвертому десятку лет: ветхозаветные (вплоть до порки) методы отцовского воспитания и скандалы между родителями; пережитые смерти двух маленьких братьев, отворотившие от бога как лишь «отблеска того непоправимого, которое неожиданно приходит и беспощадно сжимает сердце»; «казарменно-тюремные» условия казеннокоштного обучения в тульской гимназии; частая голодная нужда в студенчестве и смерть ребенка в тульской ссылке; серьезная операция. Однако знакомые Богданова свидетельствовали не только о том, что тогда от его молодой еще фигуры веяло не

---

* Богданов А. А. Психический подбор. С. 498—499.

** Там же.

*** Там же. С. 501.

только душевной чистотой*, но и бодростью и энергией**. Целое поколение социал-демократии училось по его учебникам политэкономии. Крупные организаторские способности, конспиративное мастерство, литературный талант, разностороннее образование обеспечили Богданову исключительное место в социал-демократических партийных рядах***. Большие творческие замыслы воплотились в объемном труде «Эмпириомонизм» и многослойном романе «Красная звезда».

Но зенит политической деятельности Богданова вскоре остался позади. Один за другим следовали разрывы — с Лениным, рабочим-философом Михаилом «Заводским» (Н. Виловым), М. Горьким, группой «Вперед». Смерть благосклонного издателя А. И. Чарушникова (1852—1913) затруднила публикацию новых произведений. Удручающее зрелище «фабрики трупов» и «троглодитских» нравов на фронте мировой войны; смерть второй жены, родившей Богданову сына, — все это спровоцировало тяжелый нервный срыв, сердечную болезнь, не отпускавшую все революционные годы, когда тектолог наблюдал вокруг «гибельное разорение»****. Он даже писал, что в «военно-коммунистической» революции, в отличие от прежних, не было «взрывов смеха, юмористики», так истощены были народные силы.

Правда, он получил пролеткультовскую трибуну для распространения своих идей и приветствовал нескольких «соработников», последовавших вместе с ним по пути тектологического исследования. Но эти товарищи оказались весьма скромной силой, чего нельзя сказать о «товарищах» из ЦК партии власти, в которую «неортодоксальный» Богданов отказался вступить. Итог — изгнание из Пролеткульта, арест, идейная изоляция. Какое-то время после ареста Богданов выглядел надломленным разочарованиями, травлей, отступничествами. «Положение в борьбе за новую культуру» — «один за всех, все против одного»; пролеткультовцы — «Петры, трижды отрекшиеся», —

---

* Ермолаев И. Е. Указ. соч.; Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 436.

** Фриче В. М. Памяти А. А. Богданова // Молодая гвардия. 1928. № 7.

*** И. С<кворцов-Степанов>. Памяти А. Богданова // Известия ВЦИК. 1928. № 84.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 464.

отмечал Богданов в записных книжках*. Но собрался с силами, снова воодушевился, когда начал организацию Института переливания крови, первоначально за счет своих гонораров от переизданий учебников и романов.

Вопреки отсечению от «пролетарской» партии и собственным же выводам военного времени о «провале классового сознания»**, о том, что «не на том уровне культуры и организованности» стоит рабочий класс***, Богданов в 1920-е годы продолжал твердить о «пролетарском коллективизме» как высшем общественном идеале. Видимо, воспоминания о совместном с рабочими овладении марксизмом, *сотворчестве* в тульском кружке для Богданова-тектолога — это «намеки самой жизни на счастье» в типе «моноидеиста», описанные для случая неуравновешенного психического подбора Богдановым-эмпириомонистом. «Товарищеский кружок людей, сознательно стремящихся к одной общей цели, которая глубоко проникает собою всю их жизнь, чувства и волю, налагает свой отпечаток на все их мысли и представления. Кто жил в такой группе, жил в ней реальной, а не призрачной жизнью — потому что бывают и призрачные объединения — для того эти отношения навсегда останутся лучшим, самым дорогим из всего, что дал ему жизненный опыт — конкретным образом практических идеалов нашего времени и в то же время зародышевой формой их осуществления»****. Один из учеников Богданова, токарь Сергей Степанов, в 1917 году не поддержавший большевиков, в 1919 году вернулся в партию и стал директором Тульского патронного завода. В 1922 году он был признан лучшим «красным директором» страны. А его учитель опирался уже на психологические «производные, не имеющие прямой опоры во внешней среде», — «социальный идеал maximum'а организованности» как образ, восполняющий действительность с ее тяготами и чаяниями. «*Утопизм*, строгая *последовательность* мышления и воли, неуклонная *активность* в жизненной борьбе» — черты идейно-волевого типа характера, описанные в концепции гедонического подбора. Это тип сожженного «никонианами» протопопа Аввакума, сожженного

---

* РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 31.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 322.

*** Там же. С. 355.

**** Богданов А. А. Из психологии общества. С. 200.

католиками Джордано Бруно, отлученного иудеями Спинозы. И отлученного «ортодоксами» Богданова, одержимого furor tectologicus*, как он писал о себе в начале работы над «всеобщей организационной наукой». Венцом тектологического фурора стала активность в борьбе с «советской изношенностью», с туберкулезом — за коллективную жизнеспособность.

Воплощением противоположного высшего неуравновешенного типа гедонического подбора — эллинского «благодушного эклектизма» можно считать многолетнего друга и родственника А. А. Богданова А. В. Луначарского. «Позитивного эстетика», разводившего марксизм в «эмульсии» с эмпириокритицизмом и ницшеанством, «богостроителя», наркома просвещения. Разносторонне одаренный и образованный, «лучший после Жореса»** оратор Европы, достойный собеседник ее крупнейших культурных деятелей (включая лауреатов Нобелевских премий М. Склодовскую-Кюри, К. Шпителлера и др.), но с подмечаемым многими легкомыслием. «Делал глупости и впредь будет их делать» (Богданов по поводу книги Луначарского «Религия и социализм»). Мягкий, покладистый, охотно идущий на компромиссы с верхами правящей партии ради высокой должности и материальных благ. Но в то же время задорный полемист и лукавец, «единым Махом семерых побивахом» на философском диспуте в Вологде***; нередко «гримировавший» под «ленинскую теорию культуры» собственное художественное кредо****; завуалировавший после отставки ехидную насмешку над Сталиным в энциклопедической (!) статье о Гарибальди*****.

---

* Богданов А. А. Письма В. В. Вересаеву // Вестник МИАБ. 2002. № 2(10). С. 96.

** Ермолаев И. Е. Указ. соч.

*** Там же.

**** «Анатолий Васильевич привел высказывание В. И. Ленина. В этот момент какая-то экспансивная слушательница подала визгливую реплику из зала:

— Ленин никогда этого не говорил!

— *Вам*, мадам, он этого не говорил, а *мне* говорил, — спокойно парировал Луначарский» (Филиппов Б. М. Записки «Домового». М., 1978. С. 188).

***** «Хозяином Неаполя вскоре оказался не косматый лев национальной революции Г<арибальди>, с его красной рубашкой и пламенной жестикуляцией, а курносый карапуз Виктор Эммануил, на самой усатой и пузатой наружности которого лежали карикатурно выразительные черты буржуаз-

Одна из многолетних фальсификаций «материалистами-диалектиками» идей Богданова, начиная с первого большевистского охаивания тектологии В. Милютиным еще в 1914 году и заканчивая брошюрой Э. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», — отождествление «миростроительных» формулировок Богданова с «богостроительской» метонимией Луначарского («Религия и социализм») и Горького (повесть «Исповедь»). То, что Богданов *не был и не мог быть* «богостроителем», как и то, что, в противоположность Горькому и Луначарскому, он никогда не увлекался идеей бессмертия — разница, обусловленная характерологической противоположностью. И не только в терминах концепции гедонического подбора.

Институт переливания крови получил в свое распоряжение старинный особняк купца Игумнова в Москве на Якиманке. Там же были выделены помещения для Государственного института мозга, куда несколько десятилетий поступали для исследования мозги видных умерших политиков, ученых, конструкторов, деятелей художественной культуры. Есть выводы современного палеоневролога, что мозг Богданова, переданный после его смерти в Институт мозга, был самым выдающимся из всех, сохранившихся там. Не будем спешить, но показательна подчеркнутая палеоневрологом деталь: прекрасно развитый комплекс полей в речевой зоне Брока *левого полушария* мозга А. А. Богданова*.

Эта деталь подтверждает вывод, сделанный мной в краткой интеллектуальной биографии А. А. Богданова, о его ярко выраженном «левополушарном» мышлении, тяготеющем к основательной проработке раз составленной модели реальности, о стремлении к однозначному контексту, ориентации на поиск средств (инструментария) деятельности, понимании красоты как высокой целесообразности**.

Совсем иное «правополушарное» мышление. «Бесцензурное»*** право на ошибку, наличие блока мифотвор-

---

ности» (Луначарский А. В. Гарибальди // Большая советская энциклопедия. Т. 14. М., 1929. Стлб. 586).

* Савельев С. В. Изменчивость и гениальность. М., 2012. С. 104—105.

** Гловели Г. Д. «Социализм науки»: мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. С. 21—24.

*** Известный физиолог акад. П. В. Симонов сравнивал «левое полушарие» человеческого мозга с цензурой, которая охраняет строгий порядок коллективного опыта человечества, сконцентрированного в со-знании (знании,

чества, склонность к причудливости и гротеску, преувеличенный декор и претенциозность*. Это мышление, с одной стороны, Н. Бердяева или С. Булгакова, с другой — Луначарского, певца «безумства храбрых» М. Горького или «поэта рабочего удара» А. Гастева (вспоминавшего о «потрясающе грузной возне мысли, которая происходила в мозгу Ленина»** и проповедовавшего, по словам Луначарского, вредоносное «фантастическое машиномоляйство»***).

В конце XX века исследователи функциональной межполушарной асимметрии человеческого мозга отметили, что она проявляется в *разных способах* организации контекстуальной связи на одном и том проблемном материале****, что характерологические черты полушарий поразительно совпадают с традиционными концепциями психологии творчества. К сокровищам знания «движутся с двух противоположных сторон»*****; «левополушарные» и «правополушарные» стили мышления дополняют друг друга синхронно в точных науках и философии (Декарт и Паскаль******, Лейбниц и Ньютон*******) или в ритмическом чередовании в искусстве и архитектуре. «Сила человеческого мозга заключается в согласованной деятельности двух интеллектуальных центров — “левого” и “правого”»********.

которое можно передать другому), защищает его от сомнительных, не подтвержденных практикой, причудливых комбинаций.

* Маслов С. Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 20. М., 1983.

** Гастев А. К. Свидание с Лениным // Организация труда. 1924. № 1. С. 13.

*** Луначарский А. В. Фантастическое машиномоляйство // Спорные проблемы марксистской педагогики. Сб. ст. / под ред. А. З. Иоанисиани. М., 1930.

**** Ротенберг В., Аршавский В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

***** Иванов С. М. Абсолютное зеркало. М., 1986. С. 191.

****** Гловели Г. Д. «Разнополушарные» философы // Вестник МИАБ. 2004. № 2(22).

******* Яглом И. М. Почему высшую математику открыли одновременно Ньютон и Лейбниц? // Число и мысль. Вып. 6. М., 1983.

******** Там же. С. 124.

Но в культуре и истории проявилась и «рассогласованная», дисгармоничная (словно у «расщепленного» мозга) «работа» полушарий, в том числе в таком движении, как социализм. Само слово «социализм» появилось в школе французских сен-симонистов, где один лидер превратил учение в систему (С.-А. Базар; именно он, а не Маркс, Энгельс или Ленин, является автором формулы социализма «каждый — по способностям, каждому — по труду»), а другой (П. Анфантен) пытался обратить сен-симонизм в культ. Аналогичным рассогласованием была богостроительская «влажность» Горького и Луначарского как дополнение к суховатому «научному монизму» и философскому коллективизму Богданова.

«Правополушарное» образное восприятие мира многозначно и необходимо для наиболее полного чувственного контакта с реальностью, тогда как «левополушарное» необходимо для однозначного взаимопонимания между членами общества, анализа причинно-следственных отношений между предметами и явлениями. Оно обеспечивает построение внутренне непротиворечивой модели мира, но неизбежно обедняет субъективную картину, выбирая лишь некоторые из всех возможных связей между предметами и явлениями (Богданов: «у человечества нет иной деятельности, кроме организационной»). И оно склонно к детальной разработке однажды составленной модели реальности — «организации поиска вывода в фиксированном исчислении»*.

«Левополушарность» мышления обусловила не только «научный монизм» и коллективизм Богданова, но и такой парадокс его дискурса, как зацикленность на понятиях «эфир» и «пролетариат», при настойчиво проводимом им же принципе *релятивизма* понятий и истин. Этот принцип, отрицающий «абсолюты» и веру в них, столкнул Богданова с русской марксистской «ортодоксией». Но, дебатируя с последней об историзме понятия «материя» и ограниченности диалектического метода, а также апеллируя к теории относительности как к проявлению универсальности релятивистского принципа, Богданов упорно не видел, что эта теория разрывает с понятием «эфир», также как физика и химия разорвали с прежним атомистическим понятием «материя».

В момент разрыва с ортодоксией Богданов назвал «забавным противоречием» то, что «абсолютной и вечной истиной объяв-

---

* Маслов С. Ю. Указ. соч.

ляют марксизм, учение, радикально отрицающее всякие абсолютные и вечные истины»*. Позднее, когда *вера* в марксизм была возведена в монопольную доктрину партии власти, стало ясно, что это совсем не забавно. «Субъектом науки является не партия, а субъектом науки является человечество в его развитии», — утверждал Богданов в Комакадемии. Но продолжал настаивать на «пролетарской науке», говоря, что имеет в виду «пролетариат как представителя наиболее прогрессивных тенденций всего человечества»**. Так и не объяснив, почему при относительности истин, организационных понятий, классовых категорий должна называться *пролетарской* культура, направленная к бесклассовому обществу, организованному без «разделения между научной теорией и непосредственной трудовой практикой». Почему *пролетарским* будет называться труд, в котором «работа мысли получает все большее преобладание над работой мускулов», а перемена занятий требует все больше умственной гибкости и разносторонности опыта***.

Впрочем, в утопическом обществе «Красной звезды» трудящиеся не называются пролетариями, более того, многие предпочитают «жить совершенно отдельно», «главным образом те, кто всего больше занимается научными исследованиями или художественным творчеством»****, что явно не совпадает с абсолютизацией в экономических учебниках Богданова тенденций к растворению научной работы в коллективных «фабриках мысли». Наконец, при всей умеренности эмоций на планете, получающей вдвое меньше энергии от Солнца сравнительно с буйной Землей, сказываются различия в темпераментах, что опять-таки не совпадает с ходульным положением экономических учебников Богданова о «высокой психической однородности» в будущем коллективистском обществе.

В своем последнем «футурологическом» этюде — послесловии к грузинскому переводу «Красной звезды» Богданов вообще не затронул каких-то социально-психологических проблем, ограничившись несколькими технико-экономическими штрихами. В своем же последнем публичном докладе назвал великие философские системы прошлого «познавательными

---

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 30.

** Вестник Коммунистической академии. 1925. Вып. 11. С. 306.

*** Богданов А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. С. 279—280.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 146.

монистическими утопиями»*. Но такой в силу «левополушарной» односторонности мышления ее творца стала и «всеобщая организационная наука», задуманная как «преодоление» философии и универсальный теоретический инструментарий для практики строительства социализма.

Интегративные тенденции в науках конца XX века способствовали возрождению интереса к «Тектологии» как эвристической системной концепции, но, выражаясь тектологическим языком, вероятной контрдифференциацией для продолжающегося системного расхождения научного знания является не какая-то новая единая наука, а рост междисциплинарных исследований. И для них интерес представляет не только тектология как первая разработка наддисциплинарного системного анализа, но и «Тектология» как «монистическая утопия», а также жизненная и творческая судьба ее создателя. Говоря словами Богданова, «в истории науки найдется немало давно отживших теорий и гипотез, которые, однако, могут еще служить ценным тектологическим материалом. В этом смысле тектология сохранит и сбережет для человечества много его труда, кристаллизованного в истинах прошлого». В том числе в богдановских обобщениях.

Тектология оздоровления: против блефа о «красном вампиризме»

Параграф «Тектология борьбы со старостью», который правильнее бы назвать «Тектология оздоровления», был добавлен ко второй части 3-го издания «Тектологии» А. А. Богдановым, уже развернувшим организацию первого в мире Института переливания крови. Богданов был увлечен опытной проверкой методов тектологии и вывода о том, что «обмен крови должен приводить к глубокому очищению и освежению организма, к освобождению организма от специфических вредных для него внутренних ядов»**.

К сожалению, и эта сторона деятельности Богданова дискредитировалась. С начала 1930-х годов руководство Института переливания крови дистанцировалось от идеи Богданова о том,

---

* Вестник Коммунистической академии. Вып. 11. 1927. С. 260.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 371.

что обмен крови между двумя добровольцами может приводить к «положительному увеличению суммы элементов развития». Статья «Трансфузиология крови» в Большой медицинской энциклопедии (1935, т. 32) в мрачном стиле времени обвиняла Богданова не только в «механицизме», но и «витализме» и даже склонности к мистицизму. Тем не менее заслуги Богданова как одного из организаторов отечественной службы переливания крови не отрицались, благодаря чему была хоть как-то отмечена столетняя годовщина его рождения*.

Но, в отличие от других сфер деятельности Богданова, кривотолки и спекуляции вокруг его взглядов как врача развернулись не в советское, а уже в постсоветское время вследствие погони журналистов и вульгаризаторов за дешевой псевдоисторической сенсационностью. Отпечаток этих спекуляций лежит, например, на фильме «Анатолий Луначарский. Миноносец “Легкомысленный”» (2014), выпущенном в серии «Гении и злодеи» ВГТРК «Культура» (проект «Цивилизация»), которая содержит в целом немало хороших биографических фильмов (в том числе вышедший позднее единственный документальный фильм о А. А. Богданове). В фильме утверждается, что Луначарский встретился в Вологде с Богдановым, занимавшимся «оккультными науками» и «одержимым» идеей «вечной жизни», которой можно достигнуть с помощью обменных переливаний крови между старыми и молодыми. Это — пример того, сколько лжи может поместиться в одной фразе, поскольку,

во-первых, Богданов никогда не занимался оккультными науками;

во-вторых, Богданов не мог зачитывать Луначарскому в вологодской ссылке страниц из романа «Красная звезда», написанного гораздо позже и содержащего первое изложение идеи обменного переливания крови, но как средства двукратного увеличения продолжительности жизни**, а вовсе не бессмертия;

в-третьих, для Богданова принципиальна постановка вопроса *именно не о «вечной жизни»* (личном бессмертии), а о продлении активной жизни до физиологических пределов, после которых смерть воспринимается как в полном смысле естественное завершение жизненного пути организма, причем в этом

---

* Белицкая А. Я. Александр Александрович Богданов и его жизненный подвиг (К 100-летию со дня рождения) // Советское здравоохранение. 1974. № 3.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 158.

случае допускается даже добровольный уход до «естественного конца», когда «чувство жизни слабеет и притупляется»*.

Появление в «Красной звезде» танатологического аспекта произошло под воздействием книги знаменитого русско-французского врача И. Мечникова «Этюды оптимизма» (1907). Тот считал, что здоровый образ жизни, гигиена и медицина способны продлить жизнь до наступления примерно в 140 лет «спокойной естественной смерти», связанной с «особым инстинктом, сходным с потребностью уснуть»**. Особенностью позиции Мечникова было указание на самоотравление человеческого организма гнилостными бактериями, паразитирующими в кишечнике, как на причину наступления ранней старости и преждевременной смерти. Как средство против аутоинтоксикации Мечников рекомендовал культуру молочнокислых бактерий и главным образом болгарской палочки***.

Богданов, разделяя мысль о «спокойной естественной смерти», пришел к выводу, что «при соблюдении всех предосторожностей» именно «одновременное переливание крови от одного человека другому и обратно» может стать решающим средством борьбы с аутоинтоксикацией и товарищеской передачи «массы условий повышения жизни»****.

Фальсификация тектологическо-трансфузиологической программы Богданова в современных СМИ, перекочевавшая уже и в некоторые биографические очерки о Богданове, ведется по трем основным «примыслам»:

1) главной целью создания Института переливания крови было продление жизни «старым большевикам»;

2) процедуры состояли в «омолаживании» пожилых «ветеранов партии» кровью молодежи, которая, в свою очередь, связывалась «кровными узами» с проверенными борцами за истинный коллективизм;

3) это был «красный вампиризм» как часть реализации проекта «создания нового человека» и «симбиоза политического радикализма и оккультизма в рамках единого мировоззрения».

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 157.

** Мечников И. И. Этюды оптимизма. М., 2017. Серия: Антология мысли. С. 106–107.

*** Там же. С. 151.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 158.

Тон распространению блефа был задан неким М. Одесским, стремившимся подогнать наследие Богданова под «магистральное направление» пресловутого «серебряного века». По его словам, не понимающего одного и перевирающего другое, «марсианское» место действия утопической романной дилогии Богданова «не свободно от оккультных ассоциаций», поскольку, «по мнению оккультистов, “красная звезда” — древнеегипетское обозначение планеты Марс, а Марс, звезда (пентаграмма) и красный цвет — оккультные символы»*, связанные с «романом ужасов» ирландского писателя Б. Стокера «Дракула» о вампире-аристократе (отсылающим к средневековой легенде о валашском господаре). А Богданов, вводя в «Красную звезду» идею благотворного воздействия переливания крови, во второй роман дилогии «Инженер Мэнни» включил главу «Легенда о вампирах» и «сюжетный ход, несколько неожиданный для автора-атеиста»**: встреча с Вампиром, подтолкнувшая Мэнни к самоубийству, и предшествующий этому спор главного героя с сыном, утверждающим, что «у народной поэзии способы выражать истину иные, чем у точной науки», и в нелепой сказке «воплощена одна из величайших, хотя, правда, и самых мрачных истин о жизни и смерти».

Одесскому и подхватившим его блеф невдомек, что, во-первых, планету Марс «красной звездой» называли отнюдь не только египтяне, и художественный прием изображения именно на Марсе высокоразвитой цивилизации был прямым заимствованием из астрономических дебатов того времени о марсианских «каналах»***. А «красная звезда» в качестве астрономической аллегории вовсе не подразумевалась *пятиконечной* (пентаграммой), как позднее эмблема Красной армии и деталь герба СССР. На обложке (воспроизведенной в Википедии) первого переиздания утопии Богданова в 1918 году «красная звезда» изображена как восьмиконечная (октаграмма)!

Во-вторых, современные журналисты и филологи, конечно, скорее, читали «Дракулу», чем «Капитал» К. Маркса, но ведь Богданов-то не только изучал «Капитал» вместе с тульскими

---

* Одесский М. Д. Миф о вампире и русская социал-демократия // Литературное обозрение. 1995. № 3.

** Там же.

*** Брунс Ф. Планета Марс по новейшим наблюдениям // Научное обозрение. 1899. № 10, 11, 12; 1900. № 8, 9; Фламмарион К. Живописная астрономия / пер. Е. Предтеченского. 2-е изд. СПб., 1900.

и другими рабочими, но позже и редактировал новый полный русский перевод «Капитала», осуществленный В. Базаровым и И. Степановым. А у Маркса в главе «Рабочий день» 1-го тома «Капитала» есть броское определение: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд»*. Более того, когда Богданов занялся разработкой марксистской концепции *происхождения религии*, его внимание привлек «смутно выраженный в примитивном мышленьи реальный факт, что мертвое тело часто является источником вреда и опасностей (при эпидемиях и просто при скоплении гниющих тел, отравляющих почвы и воду и т. п.). В старых арийских верованиях "жильцы могил", "упыри", "вурдалаки" и т. п.) — это *те самые мертвые тела*, которые похоронены; они встают из могил и вредят людям; и все методы их усмирения применяются именно к самым телам. Осложнение вампиризма идеей о злых духах, которые оживляют мертвецов, поселяясь в них, — продукт весьма позднейший, чуждый даже сказаниям ранней феодальной эпохи...»** Отметим, что здесь вампиризм вообще *не имеет связи с кровью*, и именно в этом смысле Богданов использует метафору «вампир» для обозначения и тех людей, которые переживают самих себя как общественных деятелей и начинают играть реакционную роль, и тех отживших идей, которые упорно «впиваются в жизнь»***.

И в этом смысле Богданов указывал на опасность «вампиризма», которую несет превращение Плехановым и Лениным в предмет веры, в «Священное Писание» *текстов* «самих» Маркса и Энгельса: «имя этому вампиру — *абсолютный марксизм*»****.

Итак, никаких «оккультных ассоциаций» тектологическая трансфузиология Богданова не имела и «вечной жизни» не обещала (идею достижимости физического бессмертия Богда-

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. Т. 23. 2-е изд. М., 1960. С. 244.

** Богданов А. А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С. 37—38. В очерке «Упыри», напечатанном в газете «Киевская мысль» в 1910 году (№ 197 от 19 июля), Богданов подробнее остановился на исторических примерах «вампиризма» сословных институтов — «феодально-бюрократическом упыре» во Франции и «феодально-католическом упыре» в Испании.

*** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 265.

**** Богданов А. А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 84, 88.

нов прямо критиковал в письме стороннику этой идеи М. Горькому). Остается последний компонент блефа — об омоложении «старых большевиков» как якобы цели Института переливания крови и о том, что «согласно принципам обменного переливания крови, операция в идеале требует участия престарелого и юноши, а значит, “партнерами” социалистов-пациентов должны быть люди молодые»*.

На самом деле, как подчеркивает Богданов в параграфе «Тектология борьбы со старостью», «было бы наивно предполагать, как думали в старые времена некоторые алхимики, что молодая кровь просто, так сказать, механически способна омолодить старый организм заключающимся в ней избытком “жизненной силы”»**. Более того, подчеркивал он в брошюре «Год работы Института переливания крови», «и теория, и наш опыт сходятся на том, что кровь пожилых имеет, вообще говоря, свои преимущества (хотя бы возрастные иммунитеты)»***. И даже предполагал, что больше пользы могут получить «молодые работники, особенно те, которые совмещают ученье с общественной деятельностью и трудом для заработка»****.

Увеличение возможностей организма для приспособления и развития Богданов связывал с тем, что *иная кровь* может вносить элементы, помогающие устранить «слабые звенья», которые у разных людей разные, поэтому не только старые и молодые могут обоюдно выиграть от обменного переливания, но даже и *люди примерно одного возраста*. Подчеркивая, что работа только началась и выводы делать рано, Богданов среди наиболее успешных результатов первого года деятельности института описал случаи, которые могут быть сгруппированы в три типа:

— улучшение здоровья у пожилых людей после обмена кровью с молодыми, особенно у 54-летнего инженера Нагорского, обменявшегося кровью с девушкой 23 лет*****;

---

* Одесский М. Указ. соч.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 370.

*** Богданов А. А. Год работы Института переливания крови (1926—1927). М., 1927. С. 12—13.

**** Там же. С. 32.

***** Там же. С. 29.

— улучшение здоровья у больных после обмена с более здоровыми людьми примерно их возраста*: ответственного работника Цивцивадзе (заместителя заведующего московским коммунальным хозяйством); крестьянина из Семипалатинской области (в отчаянии приехавшего в Москву с туберкулезом после прочтения заметки об институте в газете «Беднота») и московского бухгалтера, донорами которых выступили их жены**;

— операция, поставившая на ноги 5-летнего ребенка с туберкулезной наследственностью, который до этого не мог ходить***; обмен кровью одного ответственного работника 42 лет, физически довольно здорового и сильного, но неврастеника, с 17-летней дочерью, после чего «девушка буквально расцвела»****.

Заметим, что еще один распространитель блефа о «вампирской революции» Богданова — плодовитый литератор Первушин перевирает уже версию, противоположную версии Одесского и других, о том, что при обменном переливании крови выигрывал более молодой участник. Первушин приводит побасенку о том, как успешно «заменили кровь» 25-летнему «хилому» сыну самого Богданова кровью «40-летнего атлета»*****. На самом деле сыну Богданова А. Малиновскому было 17 лет во время операции (когда отец погиб — 19), а его партнером был 63-летний заместитель директора института доктор С. Л. Малолетков — в прошлом главврач старейшей в Москве Голицынской больницы, с которым Богданов познакомился в эвакуационном госпитале во время мировой войны. С. Л. Малолетков прожил больше 80 лет (1863—1944), а А. А. Малиновский, несмотря на перипетии, связанные с гонениями на него как на генетика во времена «лысенковщины» — 87.

Отметим еще одну деталь — мать Малиновского-младшего умерла в 40 лет от туберкулеза. Ни одна болезнь (не считая гриппа-«испанки» и тифа во время Гражданской войны в России) не косила в те годы столько людей и особенно молодых, в том числе рабочих-самородков, сыгравших важную роль

---

* Богданов А. А. Год работы Института переливания крови. С. 32.

** Там же. С. 7, 22.

*** Там же. С. 22.

**** Там же. С. 27.

***** Первушин А. Оккультный Сталин. URL: https://www.litres.ru/anton-pervushin/okkultnyystalin/?block_main= 165468&track=from_main

в жизни Богданова: туляка Ивана Савельева (1870–1900), организатора, «может быть, гениального»*, рабочих кружков на оружейном и патронном заводах, уральца «Михаила Заводского» (Н. Вилонова, 1883–1910), организатора Каприйской школы. И вполне вероятно, что во время организации Института переливания крови его директор думал в первую очередь именно о туберкулезе как своем главном враге на фронте «борьбы сил жизни с силами стихий»**, об «иммунитетной» помощи молодежи в условиях «советской изношенности», обусловленной «несоразмерностью между индивидуальными силами организма и тяжестью жизненных задач, которые он вынуждается решать в данной социально-хозяйственной обстановке»***. Поэтому и заглавие последней книги А. А. Богданова «Борьба за жизнеспособность» — шире по смыслу, чем «тектология борьбы со старостью».

Можно согласиться с историком трансфузиологии, что богдановская идея обмена кровью, хотя и принадлежала социалистической мысли, относилась скорее к «дерзкой разновидности естествознания, давшей о себе знать на рубеже XIX и XX вв.»****, но лишь отчасти. Безусловно, что тектологическо-трансфузиологическая программа была органической частью «монистической утопии», вдохновлявшей Богданова и как естествоиспытателя, и как социального мыслителя и общественного деятеля («социоиспытателя»). Однако она заслуживает взвешенных и добросовестных критико-аналитических оценок, а не рекламистского блефа, примеры которого приведены здесь.

Дегрессия и парадокс Адама Смита

Политэкономия и социология XIX века сформировались как научные дисциплины на антитезе сословно-абсолютистского, военно-теократического, авторитарного «старого режима» и нового общества «мирных» промышленных добродетелей. Однако наметилось принципиальное расхождение в понимании принципов общественной организации, которые должны заме-

---

* Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 239.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 423.

*** Богданов А. А. Год работы Института переливания крови. С. 25.

**** Михель Д. В. Переливание крови в России. 1900–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 2. С. 104.

нить собой авторитарное насилие светских и духовных властей. Французский позитивизм предлагал для промышленного или научно-промышленного общества ориентир интеллектуального единения на основе познания — «новое христианство» (А. де Сен-Симон), «возрастание ассоциации» (сен-симонизм), «социократия», «религия человечества» (О. Конт). Политэкономический «классический» либерализм проповедовал режим свободной от государственного вмешательства конкуренции «атомизированных» индивидов, преследующих «самоинтерес» (self-interest) извлечения торгово-промышленной прибыли и накопления капитала (laissez faire). Родоначальник классической политэкономии А. Смит провозвестил, что не «от благожелательности», а от эгоизма продавцов товаров «ожидаем мы получить свой обед»*; преследуя лишь собственную выгоду — максимум меновой стоимости, частный производитель «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения»**. А систематизатор доктрины член парламента Д. Рикардо отверг реформистский «благожелательный энтузиазм» фабриканта-филантропа Р. Оуэна, заявив, что «опыт веков говорит решительно против» перспектив производительного труда без стимула частного интереса***.

В дальнейшем либеральное доктринерство пополнилось утилитаристской этикой Бентама, обещавшей максимум общественной пользы от преследования каждым индивидуальной выгоды; концепцией «накопленного труда» эпигонов Рикардо; практикой и публицистикой английского и французского фритредерства («манчестерства») и, наконец, позитивистской социологией Г. Спенсера, отмежевавшегося от французского утопизма. Спенсерианство отождествило режим свободной конкуренции в экономике с универсальной закономерностью «выживания наиболее приспособленных» (социал-дарвинизм), а промышленное общество — с «индивидуальной свободой, которую предполагает всякая коммерческая сделка»****.

По контрасту с откровенными военно-захватническими устремлениями раскритикованной А. Смитом «меркантилист-

---

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 77.

** Там же. С. 443.

*** Цит. по: Рязанов Д. Б. Оуэн и Рикардо // Под знаменем марксизма. 1922. № 4. С. 15.

**** Спенсер Г. Основания социологии. Ч. 2. СПб., 1877. С. 613.

ской системы» политэкономическое учение либерализма, казалось, «насквозь проникнуто миролюбием»*, а идеолог манчестерства Дж. Кобден был убежден в пацифирующем влиянии коммерческого «соревнования народов». Однако, вопреки ожиданиям Кобдена**, за европейской «эрой фритредерства» (1860–1875) последовала эпоха кровавого индустриального империализма, а задуманные как витрина «мирного соревнования народов» всемирные выставки стали рекламой производства чудовищных вооружений.

Марксизм, формировавшийся как оппозиция и экономическому либерализму, и позитивизму, затушевал антитезу военного и промышленного типов общества в формационном подходе, а в доктрине классовой борьбы отказался от мысли о возможности мирно убедить господствующие классы в преимуществах социалистического идеала. Одновременно у раннего либерализма марксизм заимствовал концепцию Смита – Рикардо о трудовой эквивалентности товарного обмена, а у раннего социализма – идеи о возможности превращения труда «из бремени в наслаждение» и научного планирования работ (планомерности) в масштабах общества. «Научный» социализм был определен Марксом и Энгельсом как «движение, которое уничтожит современное состояние». Это состояние было описано как «товарный фетишизм», а должное его заменить – как «прозрачно ясные»*** отношения в обществе «ассоциированного труда, выполняемого добровольно, с готовностью и воодушевлением»****. Но «рычага» вооруженной классовой борьбы явно не хватило для перехода от одного состояния к другому; заполнение «пробела» происходило в духе одиозной тирады, которой Н. Бухарин завершил «превосходную» (В. Ульянов-Ленин) главу «Внеэкономическое принуждение в переходный период» (отражение практики «военного коммунизма»): «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом вы-

---

* Штейн В. М. Развитие экономической мысли. Т. 1: Физиократы и классики. Л., 1924. С. 11.

** Toynbee A. A Study of History. Vol. 1. L., 1934. P. 327.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 80–81.

**** Там же. Т. 16. С. 9.

работки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»*.

Крушение в конце XX века государства, основанного Лениным, сопровождалось не только зубоскальством по поводу диалектического «отрицания отрицания» (если «научный» социализм оказался не «утопическим», то «реальный социализм» — ненаучным, а «развитой социализм» — нереальным), но и решительным международным наступлением «рыночного фундаментализма», отвергающего вмешательство «пагубной самонадеянности» коллективного разума в стихийный «спонтанный» порядок свободной конкуренции. При этом апелляция современного правого либерализма к метафоре «невидимой руки» рынка, направляющий эгоистический частный интерес к общему благу, привела к дискуссии о правомерности возведения к А. Смиту позиции, что лишь «невидимая рука» конкуренции частнособственнических интересов может в итоге привести к «непреднамеренным последствиям», благотворным для всех слоев общества.

Профессор моральной философии А. Смит в своей первой книге «Теория нравственных чувств» (1759) выводил этическое учение из чувства взаимной симпатии между людьми, а в книге «Богатство народов» (1776), написанной после знакомства с учением французской школы Кенэ о «естественном порядке», выстроил здание политической экономии на краеугольном камне эгоистического мотива. Эти обстоятельства дают повод усомниться в последовательности Смита и даже заподозрить его в «шизофренических рассуждениях»**. Апологеты Смита указывают, что и в «Теории нравственных чувств» он, во-первых, делал акцент на несовершенстве природы человека и том, что доброта и милосердная любовь сами по себе являются недостаточно сильными стимулами для сохранения целостности общества. А во-вторых, в утрированной полемике с циничным баснописцем Б. Мандевилем, автором скандального афоризма «пороки частных лиц — благо для общества», Смит доказывал, что частный интерес — не порок, а «добродетель низшего порядка»***. И на этой добродетели основывается экономическое развитие.

---

* Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 146.

** Седлачек Й. Экономика добра и зла. М., 2017. С. 319.

*** Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 293.

Сложившаяся во второй половине XIX века в Германии историко-этическая школа в политэкономии критиковала смитианскую «догму о своекорыстии», выдвинув в противовес идею *тройственной структуры мотивов хозяйственной деятельности*: эгоистический, коллективно-принудительный (проводимый в общих интересах) и каритативный (благотворительный). Однако главное течение экономической теории XX века отвергло такую постановку вопроса, вернувшись к эгоизму и бентамовскому утилитаризму в модели «экономического человека» как гедониста-оптимизатора, рационально максимизирующего материальную (денежную) выгоду по принципу предельной полезности.

Систематизаторы мейнстримной «неоклассики» подчеркивали, что нет оснований отстаивать, как это делали идеологи социализма, тезис о совершенной природе человека*. Нет оснований, как это делали романтические историки, представлять народ «хорошим, честным, умным, угнетаемым высшими классами»**. Зато есть основания отделить изучение рационально-эгоистического экономического поведения от изучения иррациональных мотивов в других сферах жизни общества. Дальнейшее конструирование модели «экономического человека» в мейнстриме привело к концепции «человеческого капитала», в которой личность рассматривается как предприниматель, организующий собственную жизнь, подобно деловому предприятию с подсчетом максимума выгод и минимизации издержек, и к категории *оппортунистического поведения*, которым человек руководствуется в общественных взаимодействиях. Оно обрекает на утопичность «структуры с изначальной гуманитарной и нерыночной направленностью», требующие «глубокой преданности коллективным целям»***.

Апология «предпринимателя» заняла центральное место в неоавстрийской школе, оставшейся в экономической мысли XX века особняком: в пределах парадигмы предельной полезности, но на обочине неоклассики. За пределы вышел Й. А. Шумпетер — автор наиболее влиятельной концепции «предприни-

---

* Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. М., 1993. С. 198.

** Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 137.

*** Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996. С. 102.

мателя» как «новатора», осуществляющего «новые комбинации благ»*. Эта трактовка не удовлетворила главных столпов неоавстрийской школы и непримиримых критиков социализма, коллективизма и государственного «интервенционизма» фон Мизеса и фон Хайека, которые предпочли термины «промоутер» (*англ.* promoter — «продвигатель», «тот, кто способствует чему-либо») и «арбитражер» (*франц.* arbitrageur — «спекулянт»). Хайек, описывая рынок как якобы совершенное информационное устройство для распределения экономических ресурсов, приравнял конкурентное использование «быстротекущих обстоятельств, неизвестных другим людям», к процедуре научного открытия**.

Неоавстрийская школа — наиболее характерный пример эвфемизации буржуазной экономической науки, когда социал-дарвинизм («каждый сам за себя и к черту неудачников») или чрезмерный рост спекулятивных сделок скрываются за благоречием терминов, вроде «расширенный спонтанный порядок человеческого сотрудничества» или «конкуренция-открытие». Впрочем, Хайек откровенно восхвалял циничную «Басню о пчелах» Мандевиля за первую формулировку того, что переход к «расширенному порядку человеческого сотрудничества» требует разрыва с «врожденными инстинктами альтруизма и солидарности», сплачивающими малую группу. «Живущие ныне в условиях расширенного порядка выигрывают, когда *не* любят ближнего, как самого себя, и вместо правил солидарности и альтруизма... уважают частную собственность, выполняют заключенные договоры»***.

Американец Э. Шостром (1921—1996), опираясь на таких представителей гуманистической философии и психологии XX века, как М. Бубер, Э. Фромм и А. Маслоу, сформулировал антитезу человек-«манипулятор» — человек-«актуализатор»****, продолжающую дихотомии Бубера («я — это» и «я — ты»), Фромма («иметь» или «быть») и Маслоу («низкая» — «высокая» синергия). Если сопоставить «человека-манипулятора» Шострома с предпринимателем-новатором

---

* Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. С. 132—133.

** Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 92.

*** Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 27.

**** Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. Минск, 1992.

Шумпетера, то второй сильно смахивает на первого: он «не обязан быть умным, интересным, образованным», — но волевым, способным «с боем заводить» нужные связи и выдерживать испытание на прочность, со «специфическим сочетанием остроты видения и ограниченности кругозора с умением идти вперед в одиночку»*. В сравнении с новатором Шумпетера «промоутеры» и «арбитражеры» неоавстрийцев — сниженные типы манипуляторов.

А. А. Богданов описал манипулятора, воспитываемого меновыми отношениями, в своей эмпириомонистической характерологии (см. выше) и в характеристике рыночных сделок, связывающих людей как манипуляторов. Чтобы живо почувствовать, как рынок «делает речь орудием борьбы интересов», «следует послушать, как торгуются цыган с крестьянином из-за лошади или как ярославец-разносчик рекламирует перед публикой свои товары. Преувеличить достоинства своего товара, отклонить внимание другой стороны от его недостатков, внушить ей ложное представление о состоянии цен на рынке, выведать ее слабые пункты и т. д. — целая боевая тактика, в которой целью высказываний является не взаимное понимание людей, а нечто прямо ему противоположное»**.

Но значит ли это, что можно вместе с Богдановым свести торг к «коренному искажению характера и смысла человеческой речи как способа общения людей»***? Ведь, обращаясь к теории Нуаре, Богданов заметил, что лексика как основная группа дегрессивных форм опыта произошла из своеобразных «*отбросов*» человеческого развития — трудовых выкриков. Здесь не столь важно, насколько правильна теория Нуаре сама по себе, важен вывод, что дегрессия, будучи продуктом «организационно низших группировок, выделяемых, “дезассимилируемых” пластичными комплексами», «есть организационная форма огромного *положительного* значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды».

Но ведь и А. Смит писал в «Богатстве народов» о «*грубом равенстве*»**** свободной конкуренции, а в «Теории нрав-

---

* Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. С. 159.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 97.

*** Там же.

**** Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 89.

ственных чувств», напомним, о самоинтересе как «добродетели низшего порядка». Меновая торговля развилась как *дегрессия обмена деятельностью* из своеобразных «отбросов» общинности: торговец вынужден был выбирать между социальным отщепенством и убыточностью; типичным решением этой дилеммы было этническое и религиозное отмежевание торговцев, появление торгующих меньшинств*. Принципиально новый этап в развитии речи — алфавит стал следствием заинтересованности в коммерческой тайне финикийских торговцев, снискавших в древности репутацию «обманщиков лукавых, от которых много людей пострадало» (Гомер).

Таким образом, рынок с его осужденной еще Аристотелем хрематистикой, с «чистоганом» и манипуляциями, доводящими буржуазное общество до лживости, что было «ярко обнаружено многими поэтами»**, — это организационная форма огромного *положительного*, но ограниченного значения. Отсюда исторические провалы и проектов ее устранения, и ее отождествления с организационной пластичностью общества.

Подлинная культура формируется, если использовать терминологию А. Смита, «добродетелями высшего порядка» или, если следовать за А. Маслоу, высокосинергическими мотивами. Мотивами, в которых человек выступает не как манипулятор, а как *актуализатор****. Когда он испытывает «восторг научного творчества», вызывающий желание поделиться и порадоваться достигнутым результатом со всеми****. Когда совершает «прорыв своих собственных границ», рассчитывая на идеального Собеседника, «равного по ценности со своею персоною»*****. Когда его переживания гармоничны в эстетическом самозабвении******.

Но поведение актуализатора — это исключение, а не правило. Высокие мотивы нечасто помогут индивиду «“закрепиться”

---

* Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999. С. 105—106.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 97.

*** Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. С. 35, 43.

**** Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 143.

***** Ухтомский А. А. Ответы на записки после доклада // Журнал высшей нервной деятельности. 1983. Т. 33. № 1. С. 181.

****** Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Т. 1. М., 1904. С. 60.

в нашем меркантильном мире»*, для этого приходится опираться на «добродетели низшего порядка». Последние — грубые дегрессивные «меркантильные» мотивы обмена деятельностью — нельзя устранить, как полагали утопические социалисты. Но нельзя и давать рыночной стихии уравнивать «по низшему» все мотивы человеческого поведения. Как нельзя давать это делать организации, которая «в своей практике живет гораздо более стихийно, чем в сознании своих деятелей»**.

Ингрессия, эгрессия, дегрессия: системный и мир-системный анализ

Возражая хулителям «Всеобщей организационной науки» по поводу введения новых терминов, Богданов настаивал, что в тектологии таковых выработается еще немало, но зато ее приемы позволят отбросить тысячи старых терминов разных наук, устанавливая «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек». К сожалению, эвристическая ценность богдановских терминов и скрытых за ними системных обобщений явно недооценена. Между тем их использование может быть весьма плодотворным в направлении, которое Богданов считал определяющим для экономической и социологической школы Маркса и которое предполагает конструктивную критику упущений и преувеличений самих Маркса и Богданова в «науке о связи разных сторон общественного процесса»***.

Ранее было показано, как понятие дегрессии применительно к мотивам человеческого поведения помогает разрешить «проблему Адама Смита». Де-грессия — это один из двух особых, наряду с э-грессией, централистической (или центро-периферической) связью, случаев асимметричной ин-грессии — основного типа организационных связей. В рыночной экономике а-симметричная ингрессия проявляется в форме с-делок, трансакций, связывающих людей как манипуляторов. Марксистская политэкономия вслед за политэкономией Смита — Рикардо рассматривала рыночные сделки как симметричную

---

* Митчелл У. К. Рациональность экономической деятельности // Terra Economicus. 2010. № 1. С. 103.

** Богданов А. А. Тектология. Гл. IV. § 3.

*** Богданов А. А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. 1923. Вып. 3. С. 16.

ингрессию — обмен по трудовым эквивалентам (закон трудовой стоимости), но введением категории «особый товар — рабочая сила» объясняла перерастание рынка в капитализм. Стандартный мейнстрим определяет капитализм как рыночную экономику с *рассредоточением* экономической власти и *простым* механизмом контакта между покупателями или предъявителями спроса, или продавцами, или поставщиками товара и услуги*.

Однако, как показали выдающиеся представители французской структуралистской экономической и исторической мысли XX века Ф. Перру (1903—1987) и Ф. Бродель (1902—1985), рыночные сделки не являются симметричными, а их участники — однородными агентами. Экономические единицы не равны в отношении их места в экономической системе, в отношении их силы, их способности получать, использовать, производить и распространять информацию**. В тектологических терминах деньги — не только выражение дегрессивного мотива манипуляции в обмене деятельностью, но и один из самых эффективных элементов власти как способа самоутверждения. *Рыночная власть* — асимметричное воздействие одной экономической единицы на другую.

Предприниматель-новатор Й. Шумпетера — не только манипулятор, но и обладатель более или менее продолжительной вре́менной монополии на источник инновационной сверхприбыли, которая используется для удовлетворения «чувства власти», создания «сферы влияния» даже своей «частной империи»***. Масштабное исследование Ф. Броделем «игр обмена» тектологически может быть резюмировано так: вследствие асимметрии ингрессии над обширной поверхностью сделок возвышается непрозрачная зона концентрированных активностей — эгрессия капитализма. Капитализм опирается на средоточия экономической власти — монополии де-факто****. «Процесс капитализма обозначается тем отчетливее, чем длиннее становятся торговые цепочки между непосредственными производителями и конечными потребителями, когда от разрыва прямой связи решающими преимуществами

---

* Макконнелл К., Брю С. Экономикс. Кн. 1. М., 1992. С. 51—53.

** Perroux F. L'economie du XX siecle. Paris, 1961. P. 20, 84.

*** Шумпетер Й. Указ. соч. С. 166.

**** Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 118—119.

обладает купец, и исключительно ярко этот процесс проявляется в торговле на дальние расстояния»*. В силу этой асимметрии возвышаются иерархические социальные структуры, которые искажают в свою пользу ход обмена, осуществляют манипуляции, о которых масса людей не имеет понятия, например, сложное искусство денежного курса. Иерархия обменов выделяет из торгующей массы слой крупных предпринимателей, связанных с торговлей на дальние расстояния и присваивающих все, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания. Это — «царство изворотливости и право сильного»**.

Эгрессия капитализма была отражена в теориях *финансового капитала* европейских марксистов 1900—1920-х годов (Р. Гильфердинг, Н. Бухарин и другие) и *периферийного капитализма* латиноамериканских экономистов 1940—1960-х годов (Р. Пребиш, С. Фуртаду и др.). Первые доказывали, что капиталистическая конкуренция неизбежно порождает концентрацию производства и капитала и господство над миром промышленно-финансовых монополий. Вторые на примере своего макрорегиона проследили, как центральная зона мирового хозяйства деформирует «периферию», определяя своими импульсами «двойственную динамику» расхождения традиционного и модернизированного секторов. Модернизированный сектор интегрируется в мировое капиталистическое хозяйство и обслуживает воспроизводственный процесс стран центральной зоны, а не периферийных стран, слаборазвитость которых таким образом усугубляется.

Эти концепции начала и середины минувшего столетия в конце его нашли продолжение *в школе мир-системного анализа* (МСА), основанной учеником Ф. Броделя И. Валлерстайном. МСА описывает возникшую в ходе заокеанской экспансии Запада современную капиталистическую мир-систему как глобальную с момента ее возникновения, представляющую собой обширные цепи включающих производство структур, рассеченных многочисленными политическими структурами. Базовая логика в том, что накопленная прибыль распределяется не равным образом, в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов вре́менных монополий в рыночных сетях.

---

* Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 120.

** Бродель Ф. Динамика капитализма. С. 58—59.

Тектологически говоря, товарные потоки, захваченные глобальной асимметричной ингрессией, сгущаются в эгрессию организованных рынков и закрепляются дегрессией *международного разделения труда* (МРТ). МРТ складывается как трехъярусная иерархия центра, полупериферии и периферии. Эгрессивным центром-гегемоном образовавшейся капиталистической мир-экономики стал приатлантический северо-запад Европы — страны с развивающейся отраслевой решеткой (прежде всего Голландия и Англия), предоставляющие промышленную продукцию, фрахтовые и финансовые услуги. Периферию составили колониальные страны — поставщики на мировой рынок дорогих товаров с малым удельным весом (драгоценные металлы, пряности, кофе), а полупериферию — аграрные европейские страны — экспортеры массовых товаров с высоким удельным весом (зерно, железо, товары для кораблестроения и мореходства). Стягивание товарных цепочек к центрам-гегемонам «цивилизованного мира» и включение остальных стран в международное разделение труда и мировой рынок как периферийного и полупериферийного ярусов обусловило насаждение плантационного рабства в колониях и бремя «вторичного закрепощения крестьянства» с тяжелейшей барщиной в европейских странах к востоку от Эльбы.

Западная Европа «вновь “изобрела” рабство и “экспортировала античное рабство в Новый Свет», и именно в ответ на ее нужды произошло второе издание крепостничества в Восточной Европе, — констатировал Ф. Бродель, соглашаясь с И. Валлерстайном в том, что «капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики. Он является плодом авторитарной организации явно чрезмерного пространства. Он не дал бы столь густой поросли в ограниченном экономическом пространстве. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*.

Во второй половине XX века США как центр-гегемон капиталистической мир-экономики гарантией рынков содействовали экономическому подъему Западной Европы, Японии, «новых индустриальных стран» Юго-Восточной Азии, Чили под властью хунты. Но при этом *глобальная дегрессия* международного разделения труда консервирует недоразвитость зависимой периферии и сосредоточение в центральной зоне поч-

---

* Бродель Ф. Динамика капитализма. С. 98.

ти всего инновационного потенциала. Наконец, асимметрия глобальной ингрессии приводит к системному расхождению хозяйственных организмов с тенденцией к дополнительным «*извращенным связям*»* — через наркобизнес, подпольную торговлю оружием, поставку «женского» товара, отмывание денег и иные формы криминальной экономики; так же как сегментация общества на группы в зависимости от их способности или неспособности действовать в производственной системе, основанной на информатике, дополняется вспышками повседневного насилия вплоть до немотивированных убийств в качестве утверждения личности.

Мир-системный анализ появился как мост из XX в XXI век, призыв к новой парадигме гуманитарных наук, к системному знанию о социальной реальности. Солидный вклад в это знание способна внести и тектология. Пока остается без ответа глобальный вопрос, поставленный ею сто лет назад: как овладеть организационными законами в культурной сфере, «чтобы не получалось такого равнения по низшему, которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были гораздо слабее накопленных ею активностей»**.

---

* Кастельс М. Начало истории // Социализм будущего = El Socialismo del Futuro. 1990. № 2. С. 54.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 265.

М. В. Локтионов

А. А. Богданов как основоположник общей теории систем

Чем отличается XX век от предыдущих столетий? с точки зрения общенаучного познания, всего двумя моментами: пониманием общей взаимосвязи наук как естественных, так и гуманитарных (нет физики, химии, биологии и т. д., есть лишь различные аспекты научного знания об окружающем мире), и невозможностью восприятия футурологических идей как чисто техногенных, вне зависимости от социологической составляющей (многие предсказывали появление радио, телевидения, лазеров, космических ракет, но никто не предсказывал мировой войны с холокостом, газовыми камерами и лагерями смерти). В результате формировалась потребность в некой «теории всего», учитывающей как естественно-научный, так и субъективный момент познания. Основываясь, с одной стороны, на идеях В. Парето об оптимальности (таких состояниях некоторой системы, при которых значение каждого частного показателя, характеризующего систему, не может быть улучшено без ухудшения других), а с другой — на понимании проблем теоретико-множественного описания оснований математики (лемма Геделя, закон исключенного третьего и т. п.), пройдя через восприятие физики В. Гейзенберга и Э. Шредингера, а в чем-то и позднего Эйнштейна, эта потребность вызвала появление таких направлений, как общая

теория систем Л. фон Берталанфи, кибернетика Н. Винера и У. Эшби, теория гомеостазиса и синергетика И. Пригожина, современные теории аутопоэзиса и т. п. Но самое интересное, что у перечисленных концепций есть предшественница, теория, содержащая гениальные предвидения, которые во многом заложили основы современных теорий и в то же время отражают то общее, что в них есть. Это тектология (теория организации) Александра Александровича Богданова, созданная до их появления, значительно опередившая свое время и даже во многом превзошедшая последующие теоретические разработки. В последние десятилетия значение тектологии и одноименной работы Богданова признается отечественными учеными, по словам Н. Н. Моисеева, «тектология как наука об организации переживает второе рождение: сочинение Богданова привлекает внимание не только историков науки, но и лиц, занимающихся самыми различными смежными дисциплинами»*. Помимо отечественных исследований, интерес к творчеству Богданова наблюдается и за границей. Осенью 1994 года в Лондоне состоялась Международная конференция, посвященная обсуждению сочинения Богданова, и начиная с этого момента интерес к тектологии только растет. Добавлю, что «Тектология» Богданова переведена на ряд языков и издана в том числе в США.

«Тектология» — организационная наука. Создание всеобщей организационной науки, или тектологии (от греч. «строить»), грандиозной по замыслу работы, Богданов завершил к началу 1920-х годов. Ему удалось выявить и впервые в истории науки сформулировать ряд закономерностей и принципов, общих для самых различных областей природы и познания.

Сразу после выпуска полного текста всех трех частей «Тектологии» издательством Гржебина (Берлин, 1922) поднялась волна критики Богданова. Ей были посвящены десятки статей и даже крупные монографии, автор одной из которых И. Вайнштейн писал: «Попытки... революционного штурма, направленные на осуществление социализма, но предпринятые при отсутствии у пролетариата знания “мировой методологии” Богданова оцениваются последним как “попытка построить мировой дворец без знания законов архитектуры”»**.

---

* Моисеев Н. Н. Тектология А. А. Богданова — современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8.

** Вайнштейн И. Тектология и тактика // Под знаменем марксизма. 1924. № 6—7. С. 93.

Всякий научный памятник следует принимать таким, каков он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, так как он уже является частью истории науки. Прежде всего отметим, что Богданов задолго до работ Л. фон Берталанфи и Н. Винера научно обосновал теорию систем и указал на важность использования экономических механизмов общественного развития, а не авторитарных или, как теперь говорят, командно-административных приемов управления.

Впервые Богданов заговорил о системном подходе и кибернетических методах в управлении производством в своей утопии: «На этом пути Нэтти пришел к своему величайшему открытию, положил начало всеобщей организационной науке. Он искал упрощения и объединения научных методов, а для этого изучал и сопоставлял самые различные приемы, применяемые человечеством в его познании и в труде; оказалось, что те и другие находятся в самом тесном родстве, что методы теоретические возникли всецело из практических, и что все их можно свести к немногим простым схемам. Когда же Нэтти сравнил эти схемы с различными жизненными сочетаниями в природе, с теми способами, посредством которых она стихийно образует устойчивые и развивающиеся системы, то его опять поразил ряд сходств и совпадений. В конце концов, у него получился такой вывод: как ни различны элементы вселенной — электроны, атомы, вещи, люди, идеи, планеты, звезды, — и как ни различны по внешности их комбинации, но возможно установить небольшое число общих методов, по которым эти какие угодно элементы соединяются между собой, как в стихийном процессе природы, так и в человеческой деятельности. Нэтти удалось отчетливо определить три основных из этих “универсальных организационных методов”, его ученики пошли дальше, развили и точнее исследовали полученные выводы. Так возникла всеобщая наука, быстро охватившая весь организационный опыт человечества. Прежняя философия была не чем иным, как смутным предчувствием этой науки: а законы природы, общественной жизни и мышления, найденные разными социальными науками, оказались частичными выражениями ее принципов в отдельных областях...»*

---

* Богданов А. А. Красная звезда. Л., 1929. Ч. 1. Гл. 9. URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/bogdanov-krasnaya-zvezda/bogdanov-krasnaya-zvezda.html#work001 (дата обращения: 11.06.2016).

Всякая человеческая деятельность объективно является либо организующей, либо дезорганизующей. Это означает, что всякую человеческую деятельность — научную, техническую, познавательную, художественную можно рассматривать как материал организационного опыта и изучать с организационной точки зрения. Чаще всего слово «организовать» используется, когда дело идет о людях, их труде и усилиях. Организовать предприятие, кампанию, защиту, атаку, исследование и т. д. — значит создать группу людей для некоторой цели, координировать и регулировать их действия в духе целесообразного единства. Но то же верно и в отношении природы: организацией какой-либо системы называют ту совокупность внутренних связей и их свойств, в рамках которых происходит ее функционирование, ее жизнь. Подобная структура системы — это, если угодно, ее архитектура.

Для управления любыми процессами важно выделить их устойчивые характеристики. Еще в прошлом веке Е. С. Федоров (1853—1919), известный специалист в области кристаллографии показал, что для любого вещества, способного к кристаллизации, существует определенное, весьма небольшое число геометрических форм построения кристаллической решетки. Аналогичные работы проводились и в других областях. Идея организованности биосферы в целом и отдельных экосистем нашла свое развитие в исследованиях отечественных экологов. А. П. Огурцов отмечает: «А. А. Богданов ссылается на работы В. И. Талиева — ботаника из Харькова, который еще в дореволюционные годы выдвинул идею охраны природы и природных экосистем. Экологи всегда имели дело с взаимодействием биологических видов и организмов с абиотической средой. В русской экологии идея специфической организации экосистем нашла свое выражение в учении о биоценозе и биогеоценозе, развитом В. Н. Сукачевым, В. В. Станчинским, Д. Н. Кашкаровым. Помимо этого в отечественной экологии были выдвинуты различные программы охраны природы, в основу которых была положена идея динамического равновесия природных экосистем»*.

Исследования А. А. Богданова касались уже всех уровней природы и общества. Именно он впервые показал, что образование организационных форм подчиняется некоторым общим

---

* Огурцов А. П. Тектология А. А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии. 1995. № 8.

законам, управляющим нашим миром на всех уровнях организации материи. Но поскольку мы живем в непрестанно меняющемся мире, то организационные формы, которые были созданы в одних условиях, в других становятся неустойчивыми. Это означает, что в старых организационных рамках тот или иной процесс протекать уже не может.

Теория катастроф. С проблемами перестройки структурных форм связана специальная научная дисциплина — так называемая теория катастроф, начало которой положили математик, член Петербургской Академии наук Леонард Эйлер. Изучая колебания нагруженной колонны, он нашел, что они будут происходить около вертикального положения равновесия. Картина качественно изменится, если нагрузка, скажем, порыв ветра, достигнет, а затем превзойдет некоторое критическое значение. Тогда старая структура разрушается, возникает новая. При этом невозможно предсказать более или менее определенно, какая организация сменит предшествующую. В XX веке был создан математический аппарат теории катастроф: заложен в работе Р. Тома «Структурная устойчивость и морфогенез» и впоследствии развит российским математиком В. И. Арнольдом, показавшим связь данного направления с теорией групп Ли.

Теория катастроф может оказаться полезной и при изучении систем социальной природы. Однако перенос этих методов в сферу общественных наук представляет собой непростую задачу, иначе мы могли бы предсказать, скажем, последствия перестройки 1985 года в СССР. У Богданова существование критических ситуаций представлено как некоторый общий закон. Более того, он утверждает, что чем сложнее система, тем больше у нее шансов столкнуться в процессе развития с кризисной ситуацией, с необходимостью перестройки организации.

Кибернетика. Богданов предсказал и некоторые ключевые идеи кибернетики, в частности, принцип обратной связи. Только у него он получил название «механизм двойного взаимного регулирования». Казалось бы, понятие чисто естественно-научное, однако оно обретало огромное политическое значение. Ведь любая подлинно демократическая система и любая здоровая экономика предполагают взаимный контроль, регуляцию. Разумеется, в 1930-е годы богдановский механизм двойного взаимного регулирования оказался не только не нужен, но, будь он широко известен, он стал бы просто опасен. Второй за-

метный пример — «принцип наименьших», один из важнейших тектологических постулатов, впоследствии фактически повторенный в знаменитой «теории вето», которую сформулировал английский кибернетик и психиатр Эшби.

Тектология — общенаучная, даже наднаучная система. Она рассматривает все процессы в мире, описывая их едиными законами, и в этом смысле оказывается аналогом (во многом даже более продвинутым) общей теории систем Берталанфи. Канадский ученый Р. Маттесич прямо называет А. А. Богданова «создателем действительно обобщенной теории систем». В книге Маттесича «Инструментальное рассуждение и системная методология» имеется специальный параграф, озаглавленный «Кто отец теории систем — Богданов или Берталанфи?» Маттесич недвусмысленно решает этот вопрос в пользу А. А. Богданова, выражая крайнее недоумение тем, каким образом Л. фон Берталанфи, размышляя в 1920-е годы над системными проблемами, смог пропустить немецкое издание «Тектологии» Богданова, появившееся в 1926 году и сразу же отрецензированное в немецкой научной литературе, а впоследствии во всех своих многочисленных работах ни разу не упомянуть имени советского ученого. (Сейчас уже ясно, что Берталанфи прекрасно знал труд Богданова, в переписке с А. Л. Тахтаджяном он признавался, что немецкий перевод «Тектологии» был ему известен.)

В 1975 году в ежегоднике «General Systems» была опубликована статья другого канадского ученого Дж. Горелика (Университет Британской Колумбии) под названием «Основные идеи “Тектологии” А. А. Богданова: универсальная организационная наука». Автор показывает сходство задач созданного в 1954 году Общества по разработке проблем общей теории систем и задач тектологии, появившейся на 40 лет раньше, и приходит к выводу, что «Тектология» содержит исторически первый развернутый вариант общей теории систем, предшествующий кибернетике. В своих более поздних работах, в частности, в опубликованной в 1987 году статье «“Тектология” А. А. Богданова, общая теория систем и кибернетика» Горелик уточняет свое понимание значения всеобщей организационной науки. Теперь он склонен считать, что, хотя «тектология содержит все исходные идеи, позднее развитые и популяризируемые общей теорией систем и кибернетикой», она — нечто большее, ее специфическая область — «все формы организации в при-

роде и человеческой деятельности», тектология представляет собой «предельное расширение любой теории систем»*.

О родстве тектологии и кибернетики, в том числе о том, что тектология является своеобразной предтечей кибернетики, говорят и другие авторы. Подобные оценки, безусловно, небезосновательны, хотя бы потому, что Богданов широко использует понятие обратной связи, пусть и не употребляя самого термина, который родился в теории регулирования технических систем уже после работ Богданова в 1920-е годы. В биокибернетике он также был введен лишь в 1931 году, уже после трагической кончины Богданова, П. К. Анохиным. Тем не менее считать тектологию предшественницей (или предвестницей) кибернетики вряд ли правильно.

Уже Платону было ясно, что управление — это не просто искусство, «в своем сочинении “Республика” он пытался давать советы и формулировать правила, как надо управлять человеческими коллективами»**. Вспомним также, что кибернетике уже нашлось место в знаменитом труде А. М. Ампера «Классификация наук», изданном в 1841 году и многократно переиздававшемся. Этой дисциплине как всеобщей науке об управлении (прежде всего социальными системами) Ампер посвятил несколько страниц***, из чего следует, в частности, что термин

---

* Gorelik G. Bogdanov’s “Tektology”, General System Theory and Cybernetics // Cybernetics and Systems: An International Journal. 1987. Vol. 18. № 2. P. 160.

** Моисеев Н. Н. Люди и кибернетика. М., 1984.

*** «КИБЕРНЕТИКА. Отношения народа к народу, изучаемые... предшествующими науками, — лишь небольшая часть объектов, о которых должно печься правительство; его внимания также непрерывно требуют поддержание общественного порядка, исполнения законов, справедливое распределение налогов, отбор людей, которых оно должно назначать на должности, и все, способствующее улучшению общественного состояния. Оно постоянно должно выбирать между различными мерами, наиболее пригодными для достижения цели; и лишь благодаря глубокому изучению и сравнению разных элементов, предоставляемых ему для этого выбора знанием всего, что имеет отношение к нации, оно способно управлять в соответствии со своим характером, обычаями, средствами существования, процветания, организацией и законами, которые могут служить общими правилами поведения и которыми оно руководствуется в каждом особом случае. Итак, только после всех наук, занимающихся этими различными объектами, надо поставить эту, о которой сейчас идет речь и которую я называю ***кибернетикой***, от древнегреческого слова κυβερνητιχη; это слово, принятое в начале в узком смысле

«кибернетика» к этому времени был достаточно известен в научном мире. И в самом деле, еще в начале 1840-х годов Бронислав Трентовский читал в старинном немецком университете во Фрайбурге годичный курс под названием «Философия кибернетики». Сперва он был издан на немецком языке во Фрайбурге литографским способом, а затем, в 1846 году, на польском языке в Познани — типографским*. Добавим к этому, что русские слова «губернатор» и «гувернер» происходят от греческого «кибернет» (или «гибернет»), что означает «управляющий» или «организатор». Возвращаясь к тектологии, подчеркну: она значительно шире кибернетики, хотя тоже вряд ли является «всеобщей наукой», как это утверждает Богданов, поскольку далеко не полностью покрывает перечень вопросов, которым посвящена та же кибернетика, а тем более другие дисциплины.

Что же касается теории систем, то она, вероятно, относится к числу «несостоявшихся наук». Действительно, идеи Л. фон Берталанфи, несмотря на их широкую рекламу и многочисленных последователей, не внесли каких-либо методологических новшеств или конструктивных дополнений в анализ сложных систем. В. А. Лекторский и В. Н. Садовский пишут по этому поводу следующее: «Сомнения возникают уже при рассмотрении определения понятия “система” — как в той форме, которая предложена Берталанфи, так и в той, которая имеется у Холла и Фэйджина. Что касается определения последних, то оно слишком общо. В результате возможно включение в понятие “система” как собственно системных образований, так и совокупностей элементов, совершенно лишенных каких-либо целостных характеристик. Определение понятия “система”, данное Берталанфи, имеет другой недостаток: оно опирается на понятие “взаимодействие элементов”, хотя это понятие недостаточно ясное»**.

В итоге новые механизмы не были раскрыты, а математические методы анализа опирались на идеи теории бифуркаций

для обозначения искусства кораблевождения, получило употребление у самих греков в несравненно более широком значении ***искусства управления вообще***» (цит. по: Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / отв. ред. А. И. Берг. М., 1968. С. 127).

* Trentowski B. Stosunek filozofii do cybernetyki czyli sztuki rządzenia narodem. Warsawa, 1843.

** Лекторский В. А., Садовский В. Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8.

и малого параметра А. Пуанкаре и А. Н. Тихонова, на теорию графов и другие традиционные методы анализа сложных систем, введенные в математику независимо от теории систем. Попытка Месаровича создать своеобразную «системную алгебру»* не привела к каким-либо конструктивным или философским результатам, осталась «стрельбой в воздух», и интерес к теории систем стал постепенно затухать. Тектология, напротив, содержит множество конкретных рекомендаций и очень полезных наблюдений и начинает привлекать внимание все более широкого круга людей, и не только ученых.

Самое удивительное в работе Богданова заключается в том, что он, не обладая достаточнымым эмпирическим материалом, которым располагает современная наука, утверждал о существовании изоморфизма физических, биологических и социальных законов, общих принципов самоорганизации материального мира на всех трех его этажах — уровне косной материи, живого вещества и общества. Такое утверждение в действительности и есть исходная позиция для построения теории самоорганизации. Но отсюда следует и нечто большее: существование общих принципов предполагает возможность единого языка описания, попыткой построения которого и является знаменитая книга Богданова.

Работа Богданова была, конечно, гениальным прозрением, нарушавшим традиционные марксистские, да и другие философские построения, рожденные классическим рационализмом эпохи Просвещения. Когда началось изучение биосферы как единого целого и особенно при попытках описать с использованием языка математики процессы единства и взаимодействия биосферы и общества, аргументация Богданова оказалась одной из важнейших опор при выборе направления деятельности и его обосновании.

Концептуальное ядро общей теории систем и вклад А. А. Богданова в его развитие. Термин «теория организации», если его подробно разобрать, правильно отражает смысл, который в него хотел вложить Богданов, — это теория создания и функционирования системы. Не просто системы, а системы, предназначенной для выполнения определенной формы деятельности. Богданов первым из ученых рассмотрел динамику возможных

---

* Mesarovic M., Takahara Y. General Systems Theory: Mathematical Foundations (Mathematics in Science and Engineering). Elsevier, 1975. P. 137–163.

изменений организаций под действием внешних или внутренних факторов или изменений целей, во имя которых создавалась организация. И что еще важнее, он перенес основы этой науки в область обществоведения, сделал ее необходимой частью обществоведения. Более того, он предпринял попытку анализа возможных механизмов, благодаря которым происходит изменение организационных структур. Таким образом, Богданов был, по-видимому, первым, кто зафиксировал существование общих законов (правил) формирования и изменения организационных структур, независимо от их физической природы. По существу, это центральный вопрос «теории систем», если ее понимать не по Берталанфи: в чем причина появления системообразующих факторов и свойств возникающей системы, не выводимых из свойств ее элементов.

Чтобы понять заслуги каждого из ученых, внесших свой вклад в развитие общей теории систем, в том числе вклад Богданова, нужно кратко сформулировать ее основные принципы. Начать необходимо с принципа оптимума Вильфредо Парето. *Оптимум, по Парето*, подразумевает, что суммарное благосостояние общества достигает максимума, а распределение благ и ресурсов становится оптимальным, если любое изменение этого распределения ухудшает благосостояние хотя бы одного субъекта экономической системы. *Парето-оптимальное состояние рынка* — ситуация, когда нельзя улучшить положение какого-либо участника экономического процесса, одновременно не снижая благосостояния как минимум одного из остальных. Согласно критерию Парето (критерию роста общественного благосостояния), движение в сторону оптимума возможно лишь при таком распределении ресурсов, которое увеличивает благосостояние, по крайней мере, одного человека, не нанося ущерба никому другому*. По сути, все современные теории эквифинальности в теории систем основаны на этом принципе.

Следующим принципом можно назвать «гипотезу семиотической непрерывности». В. А. Виноградов и Е. Л. Гинзбург характеризуют его так: «Онтологическая ценность системных исследований, как мы можем предполагать, определяется непосредственно гипотезой, которую необходимо условно именовать “гипотезой семиотической непрерывности”. В соответствии с данной гипотезой, система представляет собой образ ее среды. Это, как правило, понимается в том смысле, что система

---

* Pareto V. The Mind and Society. New York, 1935. P. 17—35.

как один из элементов универсума визуализирует определенные существенные свойства последнего»*.

Важно отметить, что семиотическая непрерывность системы, а также среды распространяется за пределы самих структурных особенностей таких систем, экстраполируясь и на процесс их развертывания: «Изменение системы есть одновременно и изменение ее окружения, причем источники изменения могут корениться как в изменениях самой системы, так и в изменениях окружения. Тем самым исследование системы позволило бы вскрыть кардинальные диахронические трансформации окружения»**.

По большому счету, эта гипотеза является только половиной истины в силу того, что в данном случае не берутся в расчет *собственные, внутренние потенциалы системного центра*, которые, в свою очередь, непосредственно и организуют процессы в системе, впоследствии оформляющиеся на границе системного центра, а также его среды.

Еще один принцип теории систем — «закон расхождения» Г. Спенсера, также известный в науке как принцип цепной реакции: активность нескольких тождественных систем обладает специальным трендом к прогрессирующему сохранению различий. Вместе с тем «расхождение исходных форм будет происходить “лавинообразно”, примерно так же как увеличиваются размеры в геометрических прогрессиях, — вообще, по типу ряда, прогрессивно восходящего»***. Закон имеет достаточно долгую историю: «Как утверждает Г. Спенсер, “некоторые части однородной агрегации будут неизбежно подвергаться действиям разного рода сил, которые в свою очередь разнородны по качеству либо же по напряженности, вследствие чего и происходит различное изменение”. Такой спенсеровский принцип неизбежно формирующейся разнородности в каждой системе... несет в себе первостепенное значение для тектологии»****.

---

* Виноградов В. А., Гинзбург Е. Л. Система, ее актуализация и описание // Системные исследования. Ежегодник / под ред. И. В. Блауберга. М., 1972. С. 98.

** Там же.

*** Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 89.

**** Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник / под ред. И. В. Блауберга. М., 1972. С. 237.

Заслуга в открытии и формулировании целого ряда принципов фактически полностью принадлежит А А. Богданову. Первый из них — «принцип организационной непрерывности», утверждающий, что практически каждая возможная система находит бесконечные «отличия» в рамках ее внутренних границ, вследствие чего каждая из возможных систем является принципиально *разомкнутой* по отношению к собственному внутреннему составу (другими словами, является *открытой* к его поэлементной, а также комплексной модификации) и вместе с тем связывается в тех или иных цепях со всем универсумом — с собственной средой, а также со средой среды и т. п. Такое следствие эксплицирует совершенную невозможность «порочных кругов», описываемых в онтологической модальности: «Мировая ингрессия в современной науке выражается как *принцип непрерывности*. Он определяется различно; тектологическая же его формулировка проста и очевидна: *между всякими двумя комплексами вселенной при достаточном исследовании устанавливаются промежуточные звенья, вводящие их в одну цепь ингрессии*»*.

Второй вводимый Богдановым принцип — «взаимно-дополнительных соотношений» — разворачивает закон расхождения, определяя, что «*системное расхождение включает в себя тренд развития, который направлен на дополнительные связи*»**. В данном случае смысл дополнительных соотношений полностью «будет сводиться к *обменной связи*: внутри нее устойчивость целого, системы, будет повышаться тем, что конкретная часть будет усваивать то, что дезассимилируется другой, и напротив. Данное утверждение можно расширить также и на все и всякие дополнительные соотношения»***. Дополнительные соотношения представляют собой характерную иллюстрацию конституирующей роли закрытых контуров обратных связей в выявлении целостности системы. Важной «базой любой устойчивой системной дифференциации может считаться развитие взаимно дополнительных связей в числе ее элементов»****. Такой принцип справедлив в отношении всех деривативов в сложно организованных системах.

---

* Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 75.

** Там же. С. 79.

*** Там же. С. 91.

**** Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы. С. 238.

«Принцип моноцентризма» Богданова прямо определяет, что устойчивая система «будет характеризоваться единым центром, а если она представляет из себя сложную, цепную, то она имеет один высший, общий центр»*. Полицентрические системы могут характеризоваться дисфункцией координационных процессов, дезорганизованностью, определенной неустойчивостью и т. д. Такого рода эффекты формируются в случае наложения одних координационных процессов на другие, что обусловливается утратой целостности.

В «законе минимума» Богданова обобщаются принципы Митчерлиха и Либиха: «*Устойчивость целого будет напрямую зависеть от минимальных относительных сопротивлений каждой из его частей в любой момент*»** и «в каждом из всех случаев, когда есть минимальные реальные различия в рамках устойчивости различных элементов системы относительно внешних воздействий, общая устойчивость системы будет определяться наименьшей ее частичной устойчивостью»***. Называемое также «законом наименьших относительных сопротивлений», данное положение представляет собой фиксацию проявления принципа так называемого лимитирующего фактора: скорость восстановления уровня устойчивости комплекса в ситуации нарушающего ее воздействия будет определяться минимальными частичными, а в силу того, что процессы распределяются по конкретным элементам, устойчивость систем, а также комплексов определяется устойчивостью наиболее слабого ее звена.

Ряд принципов общей теории систем принято связывать с именем психолога, кибернетика, изобретателя гомеостата (самоорганизующейся системы) Уильяма Росса Эшби и его последователей, авторов различных кибернетических теорий.

«Закон необходимого разнообразия» Эшби утверждает, что «управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие средств управляющего (в данном случае всей системы управления), по крайней мере, не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации». Образная формулировка такого принципа определяет, что «лишь разнообразие способ-

---

* Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 96.

** Там же. С. 114.

*** Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы. С. 244.

но уничтожить разнообразие»*. Вполне понятно, что рост разнообразия элементов систем как таковых приводит как к увеличению устойчивости (за счет создания обилия межэлементных связей, а также определяемых ими компенсаторных эффектов), так и к ее уменьшению (связи не могут носить межэлементный характер и приводить тем самым к диверсификации, если будут отсутствовать совместимости либо будет, например, происходить слабая механизация).

«Закон опыта» Эшби определяет действие специального эффекта, конкретным выражением которого будет являться то, что «данные, которые связаны с изменением параметра, имеют тренд к разрушению и замещению данных о начальном состоянии системы»**. Системная формулировка закона, которая не связывает его действие с определением информации, говорит о том, что постоянное «*однородное изменение входов определенного множества преобразователей подразумевает тенденцию к снижению разнообразия такого множества*»***. В виде множества преобразователей обычно выступает как реальное множество элементов, где влияния на вход будут синхронизированы, так и один элемент, влияние на который будет рассредоточиваться в диахроническом горизонте (в случаях когда линия его поведения получает тенденцию возврата к начальному состоянию, и таким образом он определяется как множество). Вместе с тем вторичное, дополнительное «*изменение значения параметра будет делать возможным снижение разнообразия до нового, еще более низкого уровня*», более того, снижение разнообразия в момент каждого изменения обнаруживает прямую зависимость от размера цепи изменений значений входного параметра. Такой эффект в рассмотрении по контрасту дает возможность наиболее полно осмыслить закон расхождения А. А. Богданова, а именно то положение, по которому «расхождение начальных форм происходит “лавинообразно”»****, другими словами, в прямой прогрессирующей тенденции. Если в случае единообразных воздействий на большинство элементов («преобра-

---

* Эшби Р. У. Введение в кибернетику / пер. с англ.; под ред. В. А. Успенского; предисл. А. Н. Колмогорова. 2-е изд. М., 2005. С. 125—142.

** Там же.

*** Там же.

**** Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 117.

зователей») не будет происходить увеличение разнообразия проявляемых ими состояний (и оно будет сокращаться при любой смене входного параметра, т. е. силы воздействия, качественных сторон, интенсивности и др.), то к изначальным различиям уже не будут «присоединяться несходные изменения»*. В этом контексте становится понятным, по какой причине процессы, которые протекают в агрегате однородных единиц, обладают силой к снижению количества разнообразия состояний последних: части такого агрегата «будут находиться в постоянной связи и взаимодействии, в перманентной конъюгации, в обменном слиянии активностей. Тем самым, постольку же и будет происходить, очевидно, выравнивание развивающихся отличий между отдельными частями комплекса»**: однородный и однотипный состав взаимодействий единиц будет поглощать любые внешние возмущающие влияния и осуществлять распределение неравномерности по площади всего агрегата.

Следующий принцип — «принцип внешнего дополнения» — носит имя кибернетика С. Бира и «сводится к тому, что в силу теоремы неполноты Геделя*** любой язык управления в конечном счете недостаточен для выполнения стоящих перед ним задач, но этот недостаток может быть устранен благодаря включению “черного ящика” в цепь управления»****. Стоит отметить, что непрерывность контуров координации может достигаться исключительно при помощи специфического устройства гиперструктуры, которая древовидно отображает восходящую линию суммации влияний. Любой координатор встраивается в гиперструктуру таким образом, чтобы передавать по восходящей только некоторые воздействия от координируемых элементов (к примеру, сенсоров). Восходящие воздействия к системному центру будут подвергаться определенному «обобщению» в рамках суммации их в сводящих узлах гиперструктурных ветвей. Нисходящие по ветвям гиперструктуры координационные влияния (к примеру, к эффекторам) асимметрично

---

* Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 124.

** Там же. С. 145.

*** Gödel K. On formally undecidable propositions of principia mathematica and related systems. URL: http://www.research.ibm.com/people/h/hirzel/papers/canon00-goedel.pdf

**** Бир С. Кибернетика и менеджмент / пер. с англ. В. Алтаев. М., 2011. С. 240.

восходящим будут подвергаться «разобобщению» локальными координаторами: происходит дополнение воздействий, которые поступают по обратным связям от локальных процессов. Другими словами, нисходящие от системного центра координационные импульсы без перерыва будут специфицироваться в зависимости от характера локальных процессов и за счет обратных связей таких процессов.

Еще один принцип, введенный С. Биром, называется «теорема о рекурсивных структурах» и подразумевает, что в тех случаях, «когда жизнеспособная система будет содержать в себе жизнеспособную систему, их организационные структуры могут быть рекурсивными»*. На этом принципе во многом основывается современная фрактальная теория.

«Закон иерархических компенсаций» Е. А. Седова определяет, что «настоящий рост разнообразия на самом высшем уровне будет обеспечиваться его наиболее результативным ограничением на предшествующих уровнях»**. Как отмечает С. Цирель, «данный закон, который был предложен отечественным кибернетиком, а также философом Е. Седовым, развивает, а также конкретизирует небезызвестный кибернетический закон Эшби, касающийся необходимого разнообразия»***. Из этого положения может следовать такой очевидный вывод: в силу того, что в реальных системах (в прямом смысле слова) первичный материал будет являться однородным, сложность, а также разнообразие взаимодействия регуляторов может быть достигнуто исключительно относительным увеличением уровня организации такового. А. А. Богданов много раз определял, что системные центры в реальных системах представляются более организованными по сравнению с периферическими элементами. Закон Седова только закрепляет, что уровень организации системного центра должен быть выше относительно периферических элементов. Одним из трендов развития систем можно назвать тренд непосредственного снижения уровня организации периферических элементов, который приводит к прямому ограничению разнообразия этого уровня:

---

* Бир С. Мозг фирмы / пер. с англ. М. Лопухин. М., 2009. С. 216.

** Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 92.

*** Цирель С. «QWERTY-эффекты», «Path Dependence» и закон иерархических компенсаций // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 20.

«Лишь соблюдая условия ограничения разнообразия нижестоящего уровня мы можем формировать различные функции, а также структуры, которые находятся на максимально высоких уровнях»*, таким образом, «увеличение разнообразия на нижнем уровне будет разрушать верхний уровень организации». В структурном плане закон определяет, что «отсутствие ограничений... будет приводить к деструктурализации системы в рамках одного целого»**, что непосредственно сказывается на общей диверсификации системы в рамках объемлющей ее среды.

«Принцип актуализации функций», носящий имя отечественного философа М. И. Сетрова, также фиксирует весьма нетривиальное положение, а именно то, что «объект выступает как организованный лишь в том случае, если свойства его частей (элементов) проявляются как функции сохранения и развития этого объекта»***, или иначе, «подход к организации как непрерывному процессу становления функций ее элементов может быть назван принципом актуализации функций»****. Таким образом, тенденция развития систем есть тенденция к поступательной функционализации их элементов; само существование систем и обусловлено непрерывным становлением функций их элементов.

С именем основоположника общей теории систем Людвига фон Берталанфи непосредственно связаны два принципа. Первый — «принцип прогрессирующей сегрегации»***** — определяет непрерывный прогрессирующий характер утраты взаимодействий элементов в процессе дифференциации. К оригинальной версии необходимо также добавить замалчиваемый Л. фон Берталанфи момент, который будет в значительной степени совершенствовать принцип: в процессе дифференциации осуществляется формирование опосредованных системным центром каналов взаимодействий в среде элементов.

---

* Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. С. 100.

** Там же. С. 99.

*** Сетров М. И. Степень и высота организации систем // Системные исследования: Ежегодник / под ред. И. В. Блауберга. М., 1969. С. 159.

**** Там же. С. 159.

***** Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory // The British Journal for the Philosophy of Science. 1950. Vol. 1. № 2. P. 148.

Очевидно, что происходит потеря только непосредственных взаимодействий в таких элементах. Такой эффект будет оказываться потерей «совместимости»*. Кроме того, можно назвать немаловажным то самое обстоятельство, что процесс дифференциации, по большому счету, нереализуем вне централистически регулируемых процессов (в другом случае координация развивающихся элементов оказалась бы просто невозможной): «расхождение частей» с необходимостью не может представлять собой простую потерю взаимодействий, и комплекс не может быть превращен в определенное множество «независимых каузальных цепей»**, в котором каждая цепь будет развиваться самостоятельно и не зависеть от других. Взаимодействия между элементами в процессе дифференциации существенно ослабевают, но не иначе как по причине их опосредования центром.

Второй принцип имени Л. фон Берталанфи — «принцип прогрессирующей механизации» — представляет собой наиболее концептуально важный момент, а именно то, что в процессе развития систем «части будут становиться фиксированными относительно определенных механизмов»***. Начальные регуляции элементов в начальном агрегате «будут обусловливаться динамическим взаимодействием внутри цельной открытой системы, восстанавливающей собственное подвижное равновесие. На них будут накладываться в результате прогрессирующей механизации определенные вторичные механизмы регуляции, которые управляются фиксированными структурами в основном типа обратной связи»****. Существо таких фиксированных структур подробно рассматривалось Богдановым и было названо «дегрессией»: в процессе развития систем создаются особые «дегрессивные комплексы», фиксирующие процессы в связанных с ними элементах (другими словами, существенно ограничивающие многообразие изменчивости, состояний, а также процессов). В итоге если закон Седова определяет ограничение многообразия элементов нижних

---

* Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 47.

** Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory. P. 148.

*** Ibid. P. 149.

**** Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов / общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М., 1969. С. 34. URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html#g5 (дата обращения: 11.06.2016).

функционально-иерархических уровней системы, то принцип прогрессирующей механизации будет означать пути ограничения такого разнообразия — формирование устойчивых дегрессивных комплексов: «“скелет”, осуществляя связь пластичной части системы, преследуя цель удержать ее в рамках собственной формы, а вместе с тем и задержать ее рост, произвести ограничение ее развития»*, обусловливает уменьшение интенсивности обменных процессов, сравнительную дегенерацию локальных системных центров и т. д. Необходимо отметить, что функции дегрессивных комплексов не будут исчерпываться механизацией (как ограничением разнообразия собственных процессов систем, а также комплексов), будет реализовываться ограничение разнообразия и внешних процессов.

Перечисление основных принципов теории систем делает очевидным то, насколько велик вклад А. А. Богданова в развитие общей теории систем и системного подхода как методологии научного познания. К сожалению, «Тектология» написана весьма архаичным языком, отнюдь не легким для современного читателя. Кроме того, многочисленные отступления для дискуссий с предубежденным читателем тоже не содействуют пониманию смысла дисциплины. «Конъюгация», «ингрессия» и другие термины, не вполне оправданно введенные автором (поскольку соответствующие понятия уже имелись в естествознании, кибернетике и математике), — суть названия возможных механизмов, которые могут быть названы и более простыми, более употребительными в естествознании и общественных науках словами, но их описание, приведенное в книге Богданова, дает достаточно информации для того, чтобы понять особенности их функционирования. Поэтому если преодолеть трудности языка и объяснения многих терминов, т. е. перевести тектологию на современный язык и вдуматься в ее содержание, то эта дисциплина предстанет естественной составляющей теории самоорганизации. А может быть, даже ее методологической основой.

* * *

Огромное количество теорий ориентированы на описание механизмов, определяющих процесс развития как таковой, и его конкретизацию. Рассматриваемые всеми этими теориями

---

* Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 172.

вопросы нельзя оторвать один от другого, они представляют собой некую общность, целостность, и А. А. Богданов увидел эту целостность, эту неразрывность. Не случаен подзаголовок его книги — «всеобщая организационная наука». Тектологию он рассматривал не только в качестве альтернативы философии (или как своеобразную философию), но и как стержень всех основных научных дисциплин и разумной деятельности. Может быть, в этом он и был первым — на ступень такого понимания и такого уровня обобщения никто до него не поднимался.

А. Б. Бахур

Идеи А. А. Богданова как основание методологии организационно-управленческого моделирования

Сейчас, по прошествии более чем ста лет после выхода в свет «Тектологии», можно с полной уверенностью говорить о том, получена первая научно-методическая разработка, реализующая комплекс идей, развитых А. А. Богдановым. Это методология организационно-управленческого моделирования. Здесь следует оговорить, что, безусловно, «Тектология» так или иначе сказывалась на научной и практической деятельности тех, кто проникал в ее суть. Но новаторский характер этой работы и малая известность* существенно затруднили ее освоение. И целый век понадобился до появления первого следствия в виде научно-методической разработки. Однако прежде чем дать описание методологии организационно-управленческого моделирования и показать ее происхождение на основе положений о всеобщности организационного взгляда на мир, необходимо охарактеризовать проблему, для решения которой эта методология предназначена. Речь идет о проектировании сложных систем.

---

* Казаринов М. Ю. Судьба идей: тектология А. А. Богданова в контексте философии, науки и культуры // Человек в контексте культуры. СПб., 1998.

Здесь умышленно не делается акцент на природу того, что мы обозначаем понятием «система». Методология организационно-управленческого моделирования в равной мере относится и к техническим, и к организационным системам.

Проектирование (*лат.* projectus — брошенный вперед, выступающий, выдающийся вперед) мы будем рассматривать как формирование и отработку замысла вновь создаваемой системы на модели. Такое определение, «работая» совместно с другими* в решении задачи полноты характеристики предметной области, фокусирует наше внимание на роли модельной поддержки в этом процессе. Проектирование как область человеческой деятельности сформировалось в середине XIX века. Именно тогда произошел переход от отработки решения по устройству вновь создаваемого изделия «в натуре» на модель. Отметим принципиальное качество, которое характерно именно для проектных моделей. **Проектная модель является основанием для принятия решения об изготовлении вновь разрабатываемого изделия.** Эта особенность определяет требования к содержанию проектной модели. Принципиальным требованием следует считать то, что она должна описывать вновь создаваемое изделие как целое. Кроме того, проектная модель характеризует не только устройство, но и порядок изготовления создаваемого изделия. И эти требования закрепляются в нормативно-технической документации, имеющей статус закона.

В настоящее время создание проектных моделей основано на чертежно-графической методологии моделирования. Она также сложилась в середине XIX века, когда объектом проектирования в основном были механизмы и конструкции, для отображения которых достаточно было чертежа общего вида с необходимыми деталировками. Для получения расчетных характеристик использовались методы механики. Рост масштабности создаваемых изделий привел к увеличению уровней иерархии чертежей (чертежи общего вида, компоновки отсеков, чертежи отдельных узлов, деталировки). Однако и в этом слу-

---

* См. определения проектирования: Анисимов О. С. Методологический словарь. М., 2001; Дворянкин А. М., Половинкин А. И., Соболев А. Н. Методы синтеза технических решений. М., 1977; Новиков Б. К. Основы теории принятия решений при проектировании. М., 1992; Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Ежегодник 1986. М., 1987; Jones J. S. Design methods reviewed // The design method / ed. S. Gregory. L., 1966; и др.

чае чертежной модели было вполне достаточно для принятия решения о переходе к изготовлению.

В чертежно-графической методологии вновь создаваемый объект характеризуется как совокупность пространственно-геометрических форм составных частей, образующих общую пространственно-геометрическую форму, описывающую все изделие в целом. В законченном виде проектная модель вновь создаваемого изделия представляет собой комплект технической документации, состав и содержание которого регламентированы на уровне государственного стандарта.

Высокая степень формализации процесса создания комплекта технической документации на основе чертежно-графической методологии проектирования, развитие графических и вычислительных возможностей современной техники позволили создать современные средства автоматизации проектирования. Чтобы полнее понять круг вопросов, характеризующих организационно-управленческую методологию моделирования как конкретизирующее развитие ряда идей А. А. Богданова, необходимо обратиться к тем общим основаниям, которые стали основой для чертежно-графической методологии моделирования. Речь пойдет о той платформе взглядов, которые получили общее именование «механицизм». К сожалению, к ней сложилось отрицательное отношение. И это совершенно неоправданно. Механицизм был первым обобщением научной и практической деятельности людей. Обобщением, признавшим действительность формы и ставшим основой для формирования науки нового времени.

Действительность (*греч.* ἐνέργεια — энергия) как категория была введена Аристотелем для обозначения существования, присутствия чего-либо. «Основное аристотелевское обозначение при-сутствия, “энергия”, удовлетворительно переводится нашим словом “действительность” только в случае, если мы со своей стороны понимаем “действие” по-гречески в смысле *про* (в выступании к присутствию) — *из* (из потаенности) — ведения. “Суть” в составе так понятого “при-сутствия” — то же самое слово, что “истина”, пребывающее основание вещи. При-сутствие мы мыслим как пребывание того, что, открывшись в своей непотаенности, остается в ней»*.

---

* Хайдеггер М. Наука и осмысление / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 238—252.

В механике влияние на окружающее, обеспечение результата осуществляется за счет формы. Конструкция обладает требуемой несущей способностью за счет своей формы. Свойства материала, из которого изготовляется конструкция, интересуют нас именно с точки зрения обеспечения сохранности формы в заданных условиях. Изменения этой формы приводят к уменьшению этой способности, вплоть до потери при разрушении. Точно так же работоспособность механизма обусловлена тем, что все его составляющие и детали движутся заданным образом. Непредусмотренные изменения форм этого движения приводят к снижению работоспособности механизма и различного рода отказам. Опыт многих тысяч лет изучения мира и инженерной деятельности, связанный с созданием различного рода конструкций и механизмов, сформировал обобщенное понимание действительности формы. И это обобщение приобрело «идеологическую силу», стало действительным, направляя нашу мысль.

Механицизм вывел нашу мысль за рамки техники, формируя понимание работы организационных систем. Так возникли представления об административных формах. Для их проектирования также использовалась соответствующим способом приспособленная методология чертежно-графического моделирования. И это стало инструментом описания организационных систем. Механицизм сформировал и соответствующие парадигмальные представления о человеке, который мог быть «винтиком и колесиком» единого механизма.

После этой характеристики можно увидеть, что механицизм много веков служил в качестве основы для нашей мысли. Чертежно-графическое моделирование в рамках этой парадигмы было методологией описания всех окружающих объектов как целостных образований. Значение механицизма как идеи о действительности формы никуда не исчезло. Однако на рубеже XIX—XX веков начали происходить качественные изменения как в устройстве проектируемых систем, так и в нашем понимании процессов в окружающем нас мире. В технических системах заметную, а затем зачастую решающую роль стали играть немеханические процессы. Такие изделия стали представлять собой комплексы, основанные на взаимодействии стихий разной природы, вносящих в функционирование разные формы действительности.

Аналогичные изменения произошли в понимании работы организационных систем. Поэтическое определение Р.-М. Риль-

ке «человек — это возможность» ознаменовало необходимость изменения представлений о человеке, признания того, что организационная система — это комплекс, основанный на взаимодействии человеческих стихий различной природы, вносящих в функционирование разные формы действительности. Это обозначило недостаточность механицизма как обобщающей парадигмы и связанной с ним чертежно-графической методологии как способа описания целого в рамках этой парадигмы. Рядом авторов* было отмечено то, что чертежно-графическая методология не обеспечивала должной поддержки в первую очередь для формирования замысла. И можно развить эти выводы, отметив, что эта недостаточность касается в первую очередь характеристики вновь создаваемых объектов как целостных образований.

Позитивная идея для выхода из этой ситуации содержится в тезисе, с которого начинается изложение материала в «Тектологии» А. А. Богданова: «*Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей*. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал *организационного опыта* и исследовать с организационной точки зрения». Отметим, что этим тезисом А. А. Богданов эксплицировал существование взглядов той же степени обобщенности, что и механицизм, но обладавших качественно более широкими возможностями систематизации знания и направления нашей мысли для его формирования и решения инженерных задач. Одновременно он показал связь механицизма и вновь изложенных организационных взглядов. Тезис «механизм» — *понятая организация*, и только. Машина потому «не более как механизм», что ее организация выполнена людьми и, значит, принципиально им известна»**, к которому мы далее будем неоднократно обращаться, показывает, что отношения между ними описываются гегелевской категорией «снятие» (Aufheben). И эта связь будет использована для обобщений постановок задач и методов механики. Эти обобщения позволят показать

---

* Джонс Дж. К. Методы проектирования. М., 1986; Ehrlenspiel K. Kostengünstig Konstruieren. Berlin; Heidelberg, 1985; Eversheim W. Organization in der Produktionstechnik. Bd. 2. Düsseldorf, 1990.

** Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 53.

содержание и свойства организационно-управленческой методологии моделирования.

Итак, тезис о всеобщности организационного взгляда становится основанием для организационно-управленческой методологии моделирования. Тезис: «“Механизм” — *понятая организация*, и только» показывает связь, на основе которой возможны обобщения уже развитых методов и перенос их от чертежно-графической методологии к организационно-управленческой. Чтобы лучше понять значение этого тезиса для характеристики отношения рассматриваемых методологий моделирования отметим, что если в чертежно-графической моделируемый объект рассматривался как взаимодействие пространственных форм, образующих общую пространственную форму, то в организационно-управленческой моделируемый объект рассматривается как взаимодействие разнообразных форм действительности, образующих единую комплексную форму действительности.

Самым важным аспектом связи этих двух методологий проектирования является их взаимодействие в ходе проектной разработки (см. рис. 1).

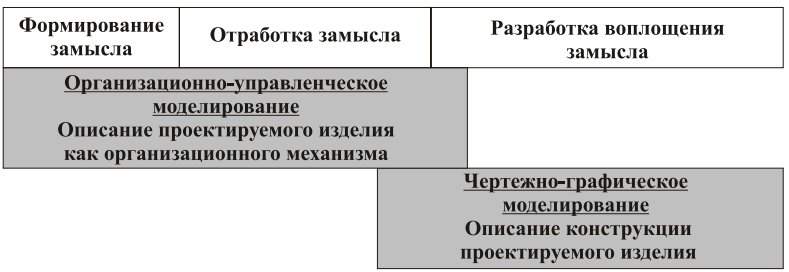

Рис. 1. Взаимодействие организационно-управленческого и чертежно-графического описаний проектируемого изделия

Организационно-управленческая модель описывает создаваемый объект как «понятую организацию»*. Если же вер-

* Присоединение дополнительной характеристики «управленческая» подчеркивает то, что моделируется не только организация, но и ее использование в работе объекта. Стоит отметить, что понятия «организация» и «управление» работают совместно. Понятие «организация» является ин-

нуться к определению проектирования, приведенному в начале статьи, то организационно-управленческое моделирование в силу его более высокой степени абстрактности может быть использовано для формирования замысла и его отработки. Для отработки реального воплощения замысла необходим переход к чертежно-графическому моделированию.

Из приведенного ранее тезиса А. А. Богданова, обобщающего понятие «механизм», следует, что при формировании замысла любой объект можно содержательно рассматривать как организационно-управленческий механизм — механизм целесообразной организации взаимодействия обстоятельств разной природы, разных видов действительности и целенаправленного распоряжения ими. Этот замысел можно рассматривать как образ действия по достижению цели. После отработки замысла абстрагированное описание полученного организационно-управленческого механизма и его характеристики становятся основанием для формирования чертежно-графической модели, описывающей реальную конструкцию.

После этой характеристики можно дать еще одну трактовку взаимодействия организационно-управленческой и чертежно-графической методологий моделирования в ходе проектной разработки. Для этого обратимся к следующему предположению, сформулированному А. А. Богдановым: «Если не состав, то употребление слова “душа” в русском и других родственных языках, если его внимательно проследить, дает разгадку одной из наиболее темных тайн науки и философии. Оно часто применяется в **смысле “организатор” или “организующее начало”**, например такое-то лицо — “душа” такого-то дела или общества, т. е. активный организатор хода работ или жизни организации; “любовь — душа христианства”, т. е. его организующее начало, и т. п. Из этого ясно, что “душа” противополагается телу именно как его организатор или организующее начало, т. е. что тут простое перенесение на человека или другие предметы понятия об определенной форме сотрудничества, разделения организатора и исполнителя, или авторитарной трудовой связи»*. В ходе организационно-управленческого моделирования «создается душа», и она становится «идеей», которая формирует

фраструктурной характеристикой, в то время как управление характеризует использование этой инфраструктуры в конкретных условиях в ходе процесса достижения цели.

* Богданов А. А. Тектология. С. 47.

«тело» изделия. Однако целью статьи является не только и не столько экспликация идеи новой методологии моделирования, а ее представление как законченной научно-методической разработки, наглядно показывающей действительность комплекса идей А. А. Богданова. Для этого необходимо показать, что методология формализуема и допускает автоматизацию проектных работ, выполняемых в соответствии с ней.

Начать это следует с постановки задачи моделирования. Для этого вернемся к обобщающему тезису «“Механизм” — *понятая организация*, и только». То, что мы привыкли называть механизмом в его исходном смысле, представляет собой средство организации обстоятельств исключительно механической природы. Классический механизм, опираясь на эти обстоятельства, оказывая на них влияние, оперируя ими, обеспечивает управляемое движение к цели. Классический механизм описывается как взаимодействие пространственных форм. Обобщение, сформулированное А. А. Богдановым, позволяет перенести это представление и соответствующий опыт модельного описания на среду разнородных обстоятельств. В ней для достижения цели мы должны согласованно оперировать обстоятельствами, но уже различной природы и для этого создать механизм, но уже не в классическом его понимании. Характеризуя же создаваемый объект как организационно-управленческий механизм, мы рассматриваем его как механизм понятого нами взаимодействия возможностей влияния на разнородные обстоятельства и распоряжения ими в текущей ситуации. Оказывая эти влияния, организационно-управленческий механизм осуществляет движение к цели на фоне неопределенного изменения этих обстоятельств. Эти влияния, возможности использования окружающих обстоятельств, включенные в организационно-управленческий механизм, мы будем называть **ресурсами управления**. В этом понятии мы легко узнаем конкретизацию обобщающего понятия «активность», используемого в «Тектологии». Включение ресурсов управления в организационно-управленческий механизм состоит в том, что в его составе будет средство распоряжения этим ресурсом — **механизм управления**. Здесь мы видим конкретное применение понятия об ингрессии.

Теперь можно представить способ описания процесса достижения цели в организационно-управленческой методологии моделирования.

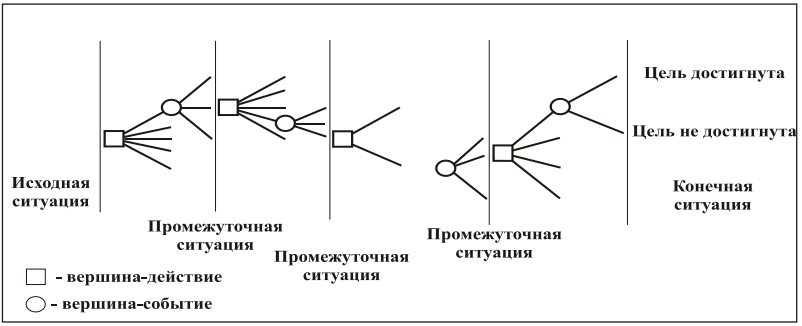

Рис. 2. Описание процесса достижения цели в организационно-управленческой методологии моделирования

В некоторой начальной ситуации, исходя из необходимости достижения цели, предполагаемого хода окружающих событий и наличия возможностей (ресурсов) управления, делается выбор и осуществляется действие, направляющее траекторию. Влияние реального хода событий отклоняет траекторию и формирует рассогласование. Для его нивелирования осуществляется новый выбор. И так до тех пор, пока цель не будет достигнута или не возникнет ситуация, когда она станет недостижима.

Из рис. 2 видно, что имеется некоторое множество вариантов траекторий достижения цели. Оно образуется за счет разнообразия хода событий и того множества возможностей его использования, которыми располагает организационно-управленческий механизм. Следует отметить, что разнообразие применения ресурсов управления образуется как за счет их состава, так и за счет организации их взаимодействия.

Представленная на рис. 2 картина позволяет сформулировать **постановку задачи организационно-управленческого моделирования** как **формирование множества траекторий процесса достижения цели и разработку организационно-управленческого механизма, осуществляющего выбор траектории в конкретных условиях, и распоряжение ресурсами управления для осуществления движения по ней**.

В этой постановке мы, опираясь на тезис «“Механизм” — *понятая организация*, и только», видим обобщения постановок задач описания динамики движения твердого тела и синтеза управления им. Но для формирования методологии моделирования обобщения потребовались и для общего именования описываемого объекта, и для таких базовых положе-

ний механики управляемого движения, как метод координат и понятие закона управления. Для характеристики проектируемого объекта как целостного образования, содержательно рассматриваемого в качестве организационно-управленческого механизма, потребовалось новое понятие. Изначально, до отмеченных ранее изменений в устройстве, произошедших во второй половине XX века, проектируемое изделие именовалось «механизм» или «конструкция». И эти понятия характеризовали как их техническое содержание, так и законченный вид изделия. Именно для объектов такого рода достаточно была чертежно-графическая методология создания проектных моделей. Однако для изделий, в которых совместно «работают» различные виды энергии, такое совмещение именование технической сущности и законченной формы уже перестало быть работоспособным. Если содержательно мы обозначили их как организационно-управленческий механизм, то для обозначения их как целостных законченных образований используется понятие «система», введенное в научный оборот Л. фон Берталанфи*.

Разработанный Р. Декартом метод координат стал одним из важнейших оснований науки Нового времени. Этот метод позволил отвлечься от фиксации положения объекта непосредственно на местности. Однако в рамках механики перемещения отображающей точки в системе координат сохраняли сильные ассоциации с перемещением реального объекта. Расширение состава координат, включение в его состав измерений, обусловило необходимость выделения в этих ассоциациях абстрагирующего содержания. Потребовалось окончательное отвлечение от ассоциаций с перемещением объекта в пространстве. Таким образом, положение отображающей точки в его соотнесении с положением целевой области стало характеризовать состояние объекта. Движение объекта стало представлять собой изменение положения отображающей точки в пространстве координат, поскольку в реальном пространстве объект может быть неподвижен. Функционирование целого объекта может описываться через взаимодействие нескольких систем координат, между которыми устанавливаются отношения.

И, наконец, обратимся к обобщениям в описании управления. В механике управляемого движения, в теории управления сформировалось понятие закона управления, характе-

---

* Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор // Системные исследования: Ежегодник. М., 1972.

ризующего реакцию управляемого объекта на управляющее воздействие.

Обобщение этого понятия в рамках организационно-управленческого моделирования демонстрирует обобщающий характер тезиса «Механизм — понятая нами организация...» и содержательное воплощение в нем категории «снятие».

Обратимся к рис. 3. На нем представлено построение организационно-управленческого механизма. Каждому ресурсу управления соответствует механизм управления. На этом уровне мы имеем дело с законом управления в его классическом понимании, правда, применяемым не только к механическим явлениям. Однако в организации целенаправленного функционирования эти отдельные ресурсы должны быть задействованы согласованно. И это обеспечивается посредством схемы структурно-функциональной организации. То есть закон управления в обобщенном виде включает в себя связь между решениями по управлению в целом и механизмами управления отдельными ресурсами.

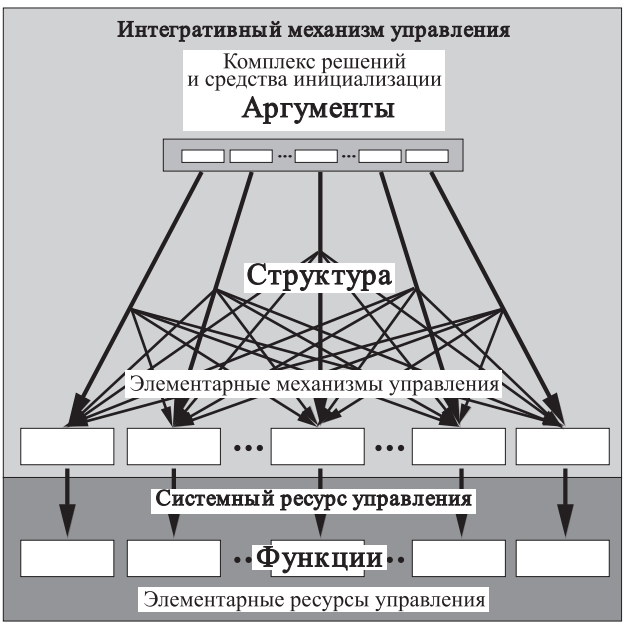

Рис. 3. Концептуальная характеристика организационно-управленческого механизма

Представленная концептуальная характеристика позволяет записать общий вид математической модели

$$F[X;\tilde{X}]=0$$

$$\dot{X}=f[W(X,t),U(X,\{R(\{p\})\},S,t)]$$

Первая запись представляет собой целевое условие, вторая — систему дифференциальных уравнений, описывающих управляемое движение проектируемого объекта,

где

F — функция общего вида

X — координаты, характеризующие положение объекта в ходе процесса достижения цели

$\tilde{X}$ — координаты, характеризующие положение целевой области

$W(X,t)$ — характеристика хода событий в модели

$U(X,\{R(\{p\})\},S,t)$ — описание организационно-управленческого механизма

$\{R(\{p\})\}$ — системный ресурс управления

$\{p\}$ — множество параметров, характеризующих использование ресурсов управления в организационно-управленческом механизме

S — описание схемы структурно-функциональной организации

t — время.

Система уравнений (1) описывает синтез процесса достижения цели в текущих условиях — выбор траектории в конкретных условиях и распоряжение ресурсами управления для осуществления движения по ней. Ее решением является описание построения организационно-управленческого механизма, удовлетворяющее критериальному условию

$$P[W(X,t),U(X,\{R(\{p\})\},S,t)])\in\{\tilde{X}\}\geq P_{кр}$$

где

P — вероятность того, что в некоторых неопределенных начальных условиях в ходе неопределенного изменения обстоятельств будет обеспечено попадание в целевую область

$P_{кр}$ — критериальный показатель эквифинальности*.

---

* Понятие, введенное Л. фон Берталанфи и означающее способность системы достоверно достигать определенное начальное состояние из неопределенного начального в условиях хаотического хода событий.

Представленная на рис. 3 концептуальная характеристика позволяет понять состав и общую последовательность формирования комплекта технической документации в организационно-управленческой методологии проектного моделирования, а также его взаимодействие с комплектом технической документации, разрабатываемой в соответствии с чертежно-графической методологией проектного моделирования.

В состав комплекта технической документации в организационно-управленческой методологии проектного моделирования входят

– формулировка цели функционирования создаваемого объекта и показателей, характеризующих ее достижение, оценка их количественных значений;

– описание состава решений по управлению создаваемым объектом в целом (характеристика реакций на возможные сценарии развития хода событий, на фоне которых осуществляется движение к цели);

– описания элементарных ресурсов управления (описание естественных процессов и схемы их использования);

– описания элементарных механизмов управления, соответствующих каждому элементарному ресурсу управления (алгоритмические схемы, характеризующие распоряжение конкретным элементарным ресурсом управления в конкретных условиях);

– описание схемы структурно-функциональной организации, характеризующей связь между решениями по управлению объектом в целом и решениями по управлению элементарными ресурсами управления (целей управления, характеризующих каждый уровень декомпозиции; реакций, направленных на их достижение и представляющих собой алгоритмы соединения элементарных механизмов управления).

Из приведенной характеристики комплекта технической документации видно, что в рамках организационно-управленческой методологии проектируемое изделие описывается как сложноорганизованный алгоритм. Он характеризует условия и порядок выбора «маршрута» достижения цели и реакции на неопределенные изменения внешних условий.

Теперь следует подробнее остановиться на вопросе преемственности при переходе от организационно-управленческого к чертежно-графическому моделированию проектируемого изделия уже рассмотренному ранее (см. рис. 1). Множество параметров, характеризующих закон управления, определяют

требования к приборно-агрегатному оснащению проектируемого изделия, его поблочному составу и конструкции. Сложно-организованный алгоритм, который представляет собой описание организационно-управленческого механизма, становится основанием для разработки программно-математического обеспечения системы управления проектируемого объекта и его приборов в ходе его разработки в рамках чертежно-графической методологии.

Наличие математической модели и схемы формирования комплекта технической документации позволяет говорить о том, что организационно-управленческая методология может стать основанием для разработки новых средств автоматизации проектирования. Показанная же связь между организационно-управленческой и чертежно-графической методологиями проектирования позволяет понять взаимодействие между вновь предлагаемыми средствами автоматизации и известными пакетами САПР.

Завершая характеристику отношения методологии организационно-управленческого моделирования и комплекса идей, выработанных А. А. Богдановым, стоит обратить внимание на тот факт, что организационная парадигма описана им и весьма полно. В отличие от этого, характеристика механицизма как парадигмы в литературе отсутствует. Трактовка, приведенная в настоящей статье, сформирована путем обратного движения по обобщающему тезису «Механизм — понятая организация».

Это лишний раз показывает теоретический потенциал тектологических идей, т. е. возможность формирования на их основе теоретических решений. Вольно или невольно, но Богданов подготовил ингрессию между общепарадигмальными идеями и решениями частных задач. При этом необходимо подчеркнуть инженерный потенциал «Тектологии». Сам замысел работы, направленный на решение проблемы организации взаимодействия больших групп людей, уже подразумевал практическую направленность. Но соединение этого с обобщениями, составившими характеристику организационной парадигмы, образовало то уникальное содержание, которое выразилось в формировании представленной методологии и, безусловно, будет развито во множестве разработок в разнообразных областях науки и инженерии.

А. Ю. Морозова

Философские дискуссии и политическая борьба В. И. Ленина и А. А. Богданова*

Философские разногласия В. И. Ленина и А. А. Богданова многократно становились предметом изучения исследователей различных гуманитарных специальностей и прежде всего философов. Полемика по отвлеченным философским проблемам в них обычно расценивалась как одна из главных, если не главная причина распада того дуумвирата, который стоял в годы первой российской революции 1905–1907 годов во главе большевистской фракции. Однако в данной статье мы не будем специально анализировать суть философских дискуссий Богданова и Ленина, оставив это профессиональным философам. Нас эта полемика будет интересовать в контексте политического разрыва двух лидеров большевизма и тех последствий для партийного строительства, которые имели их взгляды по таким, казалось бы, отвлеченным вопросам, как абсолютная и относительная истина, вещи в себе и т. п.

---

* Статья является расширенной и доработанной версией статьи «Философская полемика В. И. Ленина и А. А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП», опубликованной в: Российская история. 2020. № 2. С. 56–64.

Среди историков нет единодушия по вопросу о том, сыграли ли какую-либо роль философские разногласия в распаде тандема «Ленин — Богданов», или же, напротив, сами эти разногласия были «вытащены на свет Божий» в тот момент, когда противостояние политических позиций стало невозможно преодолеть. Более того, в историографии представлены самые разные точки зрения на то, какие именно разногласия — философские, политические, личные или финансовые — явились определяющими.

Советская историография всегда подчеркивала ревизионистский характер философских работ Богданова и гениальность Ленина-философа, давшего ему должный отпор. При этом откровенная слабость «Материализма и эмпириокритицизма» именно с философской точки зрения и недопустимый для научной работы тон полемики замалчивались, а последний факт порой даже оправдывался необходимостью жесткого размежевания с «исказителями истинного марксизма». Между тем, на эти стороны ленинской работы обращали внимание уже первые рецензенты — М. Булгаков, И. А. Ильин, Л. И. Аксельрод (их работы публиковались в приложениях к первым трем изданиям собрания сочинений Ленина*). Об этом же писал и Богданов в работе «Вера и наука», которая была ответом на «Материализм и эмпириокритицизм»: «Подведем итоги философскому трактату В. Ильина. Мы видели в нем массу противоречий; но “диалектические” ли они? Внешний вид глубочайшей учености — и не менее глубокое невежество на самом деле. Постоянные обвинения противников в “неприличии”, в “литературном наездничестве”, — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов**. Обозначение всех оппонентов как “философских реакционеров”, и са-

---

* Из рецензии М. Булгакова на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» («Критическое обозрение», 1909 г., вып. V, сентябрь) // Ленин В. И. Собр. соч. 3-е изд. Т. 13. М., 1928. С. 326—328; Рецензия Ив. Илна (И. А. Ильина) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» («Русские ведомости», 29 сентября 1909 г., № 222) // Там же. С. 328; Рецензия Ортодокс (Л. И. Аксельрод) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» («Современный мир», 1909 г., июль, № 7) // Там же. С. 329—333.

** Я могу цитировать только несоизмеримо-малую их долю. Читатель может обучиться сам... По такому поводу, как критика теории Канта, В. Ильин ухитряется обозвать своих противников «Пуришкевичами» (стр. 231). — *Примеч. А. А. Богданова.*

мая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия “новшествам”»*.

Позже, в «юбилейном сборнике» «Десятилетие отлучения от марксизма», подготовленном к печати, но не вышедшем в свет в 1914 году, Богданов так характеризовал философскую книгу Ленина: «Всякий специалист сразу заметит, что эта толстая книга — плод нескольких месяцев неумелой библиотечной работы... Автор запутался в хаосе своих цитат и полупрочитанных или просмотренных авторов. Запутался до того, что по главным вопросам, которым посвящена его книга, защищает на ее протяжении *несколько различных взглядов*... по *двум* основным вопросам *шесть* мнений. Можно сказать — один философ, который стоит трех!.. Зато избегнуть отлучения у Ильина особенно трудно. Согласишься для этого с каким-нибудь его мнением, а он отлучит на основании других своих мнений по тому же вопросу. Не увернешься»**.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей отвергло точку зрения, согласно которой основной причиной раскола между Лениным и Богдановым стали их философские споры, высказанную, в частности, К. Бейлзом***. С ними прямо спорят Дж. Биггарт и М. Локтионов. Биггарт пишет: «Приписываемый Богданову “ревизионизм” в сфере эпистемологии (теории познания) отнюдь также не был первоначальной причиной ссоры, возникшей между ним и Лениным». Более того, он справедливо считает, что «Ленин пойдет на дискредитацию Богданова как марксиста именно для того, чтобы отстоять свои позиции внутри большевистского руководства. И этот демарш имел то преимущество, что он способствовал политическому сближению с “ортодоксальным” марксистом Плехановым»****. М. Локтионов со ссылкой на Бейлза отмечает, что,

---

* Богданов А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.

** Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 3: А. А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904—1914. М., 1995. С. 94—97.

*** Bailes K. A. Lenin and Bogdanov: the End of the Alliance // Cordier A. V. Columbia Essays in International Affairs. New York; London, 1967. P. 108.

**** Биггарт Дж. Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 2: А. А. Богданов и группа «Вперед». 1908—1914 гг. М., 1995. С. 10.

«к сожалению, некоторые современные иностранные историки также убеждены, что причиной раздора Ленина и Богданова является философская несогласованность», и утверждает, что «это не является доказанным фактом, ведь согласно утверждению самого Богданова в его обращении к Бакинской организации РСДРП отмечено: “Мой уход из редакции никоим образом не связан с философскими разногласиями...”»*. Ю. П. Шарапов в своей книге с характерным названием «Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию» подчеркивает, что «непосредственным толчком к написанию ленинского “Материализма и эмпириокритицизма”» стал вышедший в 1908 году сборник статей «Очерки философии марксизма», но «именно толчком, импульсом, так как философские разногласия Ленина и Богданова проявились раньше. Однако они не мешали их совместной работе и борьбе в годы первой русской революции. Когда же Ленин и Богданов разошлись по основным вопросам стратегии и тактики большевистской партии, Ленину нужен был серьезный повод для критики Богданова и последующего разрыва. Этим поводом и стали философские разногласия. Причина их появления не столько идейная, научная, сколько политическая»**. Цитируя письмо Ленина Горькому от 25 февраля 1908 года, в котором содержится первый отзыв на этот сборник, Шарапов обращает внимание на ленинские выражения: «озлился, взбесился», «бесновался от негодования» и справедливо отмечает: «На первый взгляд, вроде, ничего особенного, ведь это письмо, а не рецензия и не статья. Но все же, все же, все же, как говорил поэт. Ясно, что эмоциональное отношение к проблеме преобладало над рациональным. Какая уж тут наука!»***

Известная исследовательница Ю. Шеррер придерживается схожей точки зрения: «Работа Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, которая может быть осмыслена лишь с учетом политической ситуации, сложившейся к моменту ее написания (“книга является составной частью какой-то процедуры”, — утверждает Паннекук), практически не играла никакой роли

---

* Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М., 2018. С. 109.

** Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. New York, 1999. С. 27.

*** Там же. С. 30.

в рассматриваемом конфликте. Она приобрела значение лишь в 20-е годы, особенно вскоре после смерти Ленина, в связи с дискуссией о партийности философии...» Более того, она задается вопросом: «имеют ли вообще философские расхождения между Лениным и Богдановым принципиальное значение в конфликте 1909 года или же они используются против Богданова в этот момент по тактическим соображениям?»* В заключение Шеррер приходит к выводу, что «хотя “Материализм и эмпириокритицизм” и направлен против Богданова, в нем не содержится углубленного обсуждения его позиций, — как, например, в книге Плеханова “Materialismus militans”, — при котором нельзя было бы обойтись без анализа его теории пролетарской революции. Иными словами, анализ, содержащийся в “Материализме и эмпириокритицизме”, вносит крайне скудный вклад, если не сказать, — никакого вклада, в понимание действительных политических и тактических разногласий между Лениным и Богдановым. Однако этот анализ полезен для понимания сущности ленинской переработки диалектического материализма в новый период развития естественных наук по сравнению с эпохой, в которую творил Энгельс. Философская мысль, изложенная в “Материализме и эмпириокритицизме”, не развивается в ходе точного и естественного сопоставления с философской проблемой, а преследует цели практического и политического характера»**.

П. А. Плютто также считает, что «философские споры, вылившиеся в ленинском “Материализме и эмпириокритицизме”, явно были простым предлогом», но обращает внимание на характер тандема Ленина и Богданова, называя его «блоком между двумя авторитарностями»***. С последним выводом трудно согласиться, ибо если об авторитарном характере Ленина говорили и писали многие современники и исследователи, то Богданова-то уж точно в этом упрекнуть нельзя. Хотя хорошо знавший его Луначарский и полагал, что «все же как человек воли, как организатор Богданов обладал теми же отмеченными монументальными и вместе с тем рискованными, беспокоящи-

---

* Шеррер Ю. Богданов и Ленин. Большевизм на распутье // История марксизма. Т. 2: Марксизм в эпоху Интернационала / пер. с ит. Вып. 2. М., 1981. С. 69.

** Там же. С. 115—116.

*** Два письма «вице-лидера» большевизма / публ. и вступ. ст. П. А. Плютто // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 339—340.

ми чертами слишком ярко выраженной воли, нечувствительно для него самого переходившими в своеобразный деспотизм»*, но, на наш взгляд, все же сущность его естества была коллективистическая, а с авторитетами и авторитарностью он сражался с самого детства. Недаром тот же Луначарский называл Богданова «одним из законченнейших коллективистов», поясняя при этом: «Конечно, он сознавал себя сильным и умным. Конечно, он стремился поэтому руководить. Тем не менее всякое честолюбие было ему чуждо. Он как-то органически расценивал и себя, и других как фундамент человеческого общества, как преходящие моменты истории, как клетки всечеловеческого и прежде всего всепролетарского организма»**. И мы вполне согласны с выводом А. Луценко, что «Богданов не был организатором раскола — он был одним из числа тех многих, кто не во всем соглашался безоговорочно с вождем большевиков»***.

На наш взгляд, философские разногласия использовались лишь как прикрытие в политической борьбе. Это, разумеется, не значит, что их не было. Но ведь отодвигали же философию в сторону, когда в политике было единодушие! Ленин, по его собственным словам, «за сочинениями Богданова по философии следил с его энергетической книги об “Историческом взгляде на природу”». При личном знакомстве в Женеве в 1904 году они «презентовали друг другу» свои книги: Ленин подарил Богданову «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)», Богданов — Ленину «одну свою *тогдашнюю* философскую работу»**** (это был первый том «Эмпириомонизма»). По мнению Н. Валентинова, Ленина в данном случае подводит память, ибо, встретившись с Богдановым в феврале 1904 года, «Ленин не мог ему в этот момент “презентовать” “Шаги”. Эту вещь он только начал писать и вышла она из печати в половине мая»*****. Но сути дела это не меняет — «тотчас же (весной или в начале лета 1904 года)» Ленин писал Богданову, что он его «своими писаниями сугубо разубеждает

---

* Луначарский А. В. А. А. Богданов [некролог] // Правда. 1928. 10 апреля.

** Там же.

*** Луценко А. В. Александр Александрович Богданов: теоретик и практик РСДРП. Северск, 2003. С. 110.

**** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 141.

***** Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981. С. 176.

в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова»*.

Тем не менее, будучи политиком-прагматиком, Ленин «закрыл глаза» на свои философские разногласия с Богдановым, и, по его словам, осенью 1904 года они «окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал... возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая... была единственно правильной»**. Причина заключалась в том, что к моменту своего появления в центре социал-демократической эмиграции в начале 1904 года Богданов был уже известен как убежденный марксист и талантливый литератор и, по свидетельству Н. Валентинова, «имел обширные литературные связи в Петербурге и в Москве, в частности, с М. Горьким»***. А «около Ленина, — твердо решившего организовать свою партию, — не было ни одного крупного литератора, даже правильнее сказать, кроме Воровского, вообще не было людей пишущих. Богданов, объявивший себя большевиком, был для него сущей находкой и за него он ухватился. Богданов обещал привлечь денежные средства в кассу большевизма, завязать сношения с Горьким, привлечь на сторону Ленина вступающего в литературу бойкого писателя и хорошего оратора Луначарского (женатого на сестре Богданова), Базарова, молодых марксиствующих московских профессоров»****.

Считая Богданова ценным приобретением для большевистской фракции, Ленин «сугубо ухаживал» за ним. В то же время, по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, «Владимир Ильич, привлекая Богданова, определенно» говорил всем большевикам, что они «должны твердо помнить, что с философией Богданова» они «не согласны, что надо воздерживаться не только вступать в споры, но даже говорить с Александром Александровичем на эти темы, о чем ему так и сказать наперед, чтобы не могла возникнуть полемика на этой почве, когда вся энергия должна была быть направлена на внутрипартийные

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 141.

** Там же. С. 142.

*** Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 322.

**** Там же.

вопросы и на постоянно возникавшие все новые и новые вопросы революционной борьбы»*. Более того, при обсуждении этого вопроса в женевской большевистской группе по предложению Ленина было решено ни Богданова, «ни других, более или менее с ним солидарных в философских вопросах товарищей отнюдь не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать». В ходе переговоров об издании одной из брошюр Богданова Бонч-Бруевичу было поручено заявить ему, что хотя «фракция не приемлет его философских воззрений», охотно будет работать с ним и принимает его в свою среду, «раз он согласен с... большевистской точкой зрения по вопросам съездовской полемики, но “минус его философия”». Было условлено, что по философским вопросам он «никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы, или участвовать в устной, или в печатной полемике, по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты». По свидетельству Бонч-Бруевича, Богданов «вполне принял эту... точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально честно, никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах»**.

Во время подготовки и проведения III съезда РСДРП и затем «в горячке революции» «философией заниматься приходилось мало»***, и до 1906 года философские разногласия «не вмешивались» в отношения двух лидеров большевистской фракции. Они всплыли на поверхность, когда летом 1906 года Богданов вновь «презентовал» Ленину свою книгу — на этот раз третий том «Эмпириомонизма». Прочитав его, Ленин «озлился и взбесился необычайно», так как ему стало еще яснее, что Богданов «идет архиневерным путем, не марксистским». Ситуация усугублялась тем, что в это время и Ленин, и Богданов были ближайшими соседями. Любопытно, что в «Биохронике» Ленина эта «деталь» опущена — в ней лишь отмечено, что «*позднее*

---

* Бонч-Бруевич В. Д. Женевские воспоминания // Под знаменем марксизма. 1929. № 1. С. 37.

** Там же.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 142.

20 августа (2 сентября) [1906] — не позднее 20 ноября (3 декабря) 1907 Ленин живет в Финляндии, в Куоккала, на даче “Ваза”, занимаемой большевиком Г. Д. Лейтейзеном и его семьей»*. И ни слова о том, что Ленин с Н. К. Крупской жили на первом этаже, в комнате справа по коридору, а Богданов с женой — в мезонине, на который вела лесенка, находившаяся в конце коридора**.

Ленин написал Богданову «“объяснение в любви”, письмецо по философии в размере трех тетрадок», в котором выяснял, что он, «конечно, *рядовой марксист* в философии», но что именно «ясные, популярные, превосходно написанные работы» Богданова убеждают его «окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова»***. Ленин даже собирался напечатать эти «тетрадки» под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии», «но не собрался» и впоследствии жалел об этом**** Н. Валентинов утверждал, что это послание «содержало так мало знания философии и столь много оскорбительных для Богданова слов, что последний возвратил его Ленину с указанием, что для сохранения с ним личных отношений следует письмецо считать “ненаписанным, неотправленным, непрочитанным”»*****. По мнению В. Д. Бонч-Бруевича, «только особой выдержкой А. А. Богданова, наверно чувствовавшего и знавшего, что всякая попытка совлечения партийной мысли на рельсы его философских рассуждений тотчас же встретит жестокий отпор со стороны Владимира Ильича и других ортодоксальных марксистов, можно объяснить, что он твердо выполнял условие совместной работы и в партийных рядах нигде не выступал со своими эмпириомонистическими представлениями»******. Эта манера общения — при помощи переписки — казалась странной обитателям и гостям дачи «Ваза», ставшей своего

---

* В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1970. С. 272.

** [Воспоминания Ц. Г. Лейтейзен] // Ленин. Годы великого пролога. 1905—1907. М., 1984. С. 281—282.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 142.

**** Там же.

***** Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 323.

****** Бонч-Бруевич В. Д. Женевские воспоминания // Под знаменем марксизма. 1929. № 1. С. 41.

рода штаб-квартирой революции. В. Р. Менжинская вспоминала, что «тогда шутили по поводу того, что, живя в одном доме, отделенные между собой десятью-двенадцатью ступеньками, Ленин и Богданов обменивались толстыми тетрадями»*.

Вновь к «Заметкам рядового марксиста» Ленина «потянуло» в 1908 году, когда он стал читать «Очерки философии марксизма», в которых были напечатаны статьи В. Базарова, Я. Бермана, А. Луначарского, П. Юшкевича, А. Богданова, О. Гельфонда и С. Суворова. Он просил разыскать свои «тетрадки» в Питере, но успехом эти поиски не увенчались**. Вот тогда-то он и начал писать «Материализм и эмпириокритицизм», а в процессе чтения «Очерков» свои впечатления Богданову, «конечно, излагал прямо и грубо»***. Почему же именно в это время Ленин решил дать бой своему давнему философскому оппоненту? Что же было основной причиной разрыва Ленина и Богданова, если не философские споры, внешне выносившиеся на первый план? По мнению Ю. Шеррер, «разрыв Ленина с Богдановым коренится в оценке политической ситуации, сложившейся после роспуска Второй думы в сентябре 1907 года. Разногласия развернулись по вопросу об участии в выборах в Третью думу»****.

Большинство исследователей также склоняется к тому, что корень разногласий был в различной трактовке тактической линии партии после поражения революции 1905—1907 годов. В частности, Г. Горцка пишет: «В 1909 г. между Лениным и Богдановым произошел разрыв, вызванный вопросом о том, должны ли большевики принимать участие в III-й Думе. Богданов, настаивая на более радикальной позиции — выходе из Думы и форсированию революционного движения путем подпольной деятельности, в 1910 г. был исключен из Центрального комитета большевистской партии». Впрочем, она полагает также, что проблема была шире и «разногласия между Богдановым и Лениным в 1908—1909 гг. не ограничивались, однако, лишь вопросами партийной тактики. Откладываемая Лениным

---

* [Воспоминания В. Р. Менжинской] // Ленин. Годы великого пролога. 1905—1907. С. 292.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 142.

*** Там же. С. 143.

**** Шеррер Ю. Богданов и Ленин. Большевизм на распутье. С. 66.

по тактическим соображениям дискуссия вокруг философских работ Богданова ждала своего часа»*.

Очень близки выводы исследователей Луценко и Локтионова. Первый в результате анализа перипетий раскола приходит к выводу, что «первоначальной причиной разногласий Ленина с Богдановым было противостояние по тем стратегическим и тактическим вопросам большевистской фракции, которые являлись главным предметом дебатов в самой партии, а вовсе не “ревизионизм”, приписываемый Богданову после выхода в свет его “Эмипириомонизма”»**. Второй подчеркивает, что «изначально основной причиной разногласий Ленина и Богданова было противостояние по ключевым стратегическим и тактическим критериям фракции большевиков. Это противостояние отражало несоответствия в анализе изменений, которые произошли в России во время первой революции и имели отношение к интеллигенции и ее роли в социал-демократическом движении. Эти вопросы являлись краеугольным “камнем преткновения” в партийных дебатах, а не “ревизионизм”, который приписывали Богданову после того, как в свет вышла его книга “Эмпириомонизм”»***.

Несколько иначе расставляет акценты О. В. Щелоков, анализировавший внутрипартийную борьбу в РСДРП в 1906–1911 годах с точки зрения «проблемы лидерства и обновления руководства». Основываясь на воспоминаниях Н. Валентинова, который «отчасти связывал выход разногласий по проблемам философии на авансцену идейно-теоретической борьбы у большевиков с обострением дискуссии о думской тактике РСДРП», высказывает «следующие предположения. Возможно, поддерживая миролюбивые отношения с Богдановым, Луначарским и другими партийными идеологами, Ленин думал о “разделении труда” в руководстве партии. Он мог взять на себя оргработу, партийную прессу и разработку партийной тактики. Научными изысканиями в области марксизма и разработкой партийной идеологии могли заниматься Богданов,

---

* Горцка Г. Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. М., 1995. С. 5.

** Луценко А. В. Александр Александрович Богданов: теоретик и практик РСДРП. С. 99.

*** Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. С. 109.

Луначарский и другие большевики, склонные к исследовательской и литературной работе. Но когда работы Богданова, Луначарского и других исследователей и литераторов из большевистской фракции стали выходить одна за другой и приобретать в партийной среде все большую читательскую аудиторию, не замечать их было уже невозможно. А поскольку Ленин не был согласен с философской "начинкой" беспокоивших его книг и статей большевиков-оппонентов, рано или поздно конфликт должен был выйти на поверхность. Ленину, державшему "дирижерскую палочку" по фракции, нечего было противопоставить Богданову и Луначарскому в области философии. Между тем их популярность в социал-демократической среде возрастала. О "разделении труда" уже нельзя было и думать. И тогда после рассуждений о себе как "рядовом марксисте в философии" Ленин должен был подтвердить свое первенствующее положение в большевистской фракции и философскими достижениями. На фоне названных обстоятельств и родилась книга "Материализм и эмпириокритицизм". Таким образом, в большевистской фракции помимо тактических разногласий существовали и серьезные идейно-теоретические расхождения, и Ленин, видимо, понимал, что свои лидерские позиции он не может уступить другим большевикам»*.

Кроме того, выступление Ленина против философских воззрений Богданова было для него важно в свете планировавшегося им сближения с Плехановым для создания своего рода «фракции центра», которая была оформлена на «Объединительном» пленуме ЦК в январе 1910 года. Именно так впоследствии оценивал ленинскую книгу Богданов: «В 1909 г. он заключал союз с Плехановым, против "оппортунизма" которого раньше ожесточенно воевал, и, как залог этого союза, дал свою философскую книгу. Она была, в сущности, политическим действием, и критики — я в том числе — были, может быть, неправы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми; а чтобы заглушить поднимавшиеся в душе сомнения, понадобилось много, очень много страниц, цитат, имен, крика... средства самооглушения и самогипноза»**.

---

* Щелоков О. В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906—1911 гг.) // Исторические исследования: Сборник научных трудов. Вып. 2. Самара, 1998. С. 72—73.

** Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 97.

Как уже отмечалось, на наш взгляд, философские разногласия использовались лишь как прикрытие в политической борьбе, и не они были первопричиной раскола. Недаром, даже в 1908 году Ленин писал Горькому, что хотя «некую драку между беками по вопросу о философии» он считает «совершенно неизбежной», «но раскалываться из-за этого было бы... глупо» так же, как было бы «непростительной глупостью» «мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм». Поэтому «подраться из-за философии» нужно так, чтобы «“Пролетарий” и беки, как фракция *партии, не были этим задеты*»*.

В философской дискуссии Ленина и Богданова был, на наш взгляд, и еще один весьма серьезный аспект, на который обратил внимание Богданов в своем ответе на «Материализм и эмпириокритицизм», который он не случайно назвал «Вера и наука». Разбирая ленинскую критику в свой адрес, он справедливо обратил внимание на «главный мотив», повторяющийся на всем протяжении ленинской книги, — это «борьба за идею абсолютной и вечной истины, борьба против принципа относительности всякого познания». «Во всей путанице трех различных концепций абсолютной истины у нашего автора, — пишет Богданов, — неизменно звучит один и тот же мотив — требование *остановки* научного познания на известном пункте, декретирование невозможности идти далее, если не в целом, то хоть в его частях, если не в исследовании, то в методе... Всюду *статика*, опирающаяся на *веру*, объект которой — *абсолютное*»**.

По мнению Богданова, главная проблема этого подхода вовсе не в тех философских идеях, которые он порождает (хотя с ними он аргументировано спорит на всем протяжении своей работы), а в том складе мышления, характере мировоззрения, отражением которых он является. Приведя высказывание Ленина «“Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по *всякому другому пути*, мы

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 145.

** Богданов А. А. Вера и наука.

не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи" (стр. 160)», Богданов справедливо замечает: «...главным выводом из этого (признания "*метода*, заключающегося в исторической теории Маркса" абсолютным. — *А. М.*) делается формальное идеологическое *запрещение* искать других точек зрения, — утверждается, что *никогда никакие* другие методы ни к чему, кроме путаницы и лжи привести не могут»*. Но ведь это же фактически запрет на развитие марксизма, возведение в абсолют марксовых взглядов без оглядки на то, что в изменившихся условиях они могут и должны быть скорректированы.

Кроме того, возведение взглядов Маркса и Энгельса в абсолют, а их самих фактически в ранг пророков абсолютной истины свидетельствует об авторитарности мышления Ленина, для которого ссылка на авторитет классиков является достаточным доказательством истинности того или иного положения. В результате книга «Материализм и эмпириокритицизм» оказывается переполнена бесконечным количеством цитат и ссылок на высказывания самых разных авторов, чем Ленин старается убедить читателя в своей правоте. Однако стремлением подкрепить свою мысль авторитетом других авторов Ленин лишь еще раз демонстрирует авторитарность своего мировоззрения, которая вкупе с верой в непогрешимость «пророков» является признаком религиозного характера мышления, основанного не на науке, а на вере.

Какое же практическое значение имели эти особенности ментальности Ленина, о которых, по мнению Богданова, свидетельствовала его философская книга? Прежде всего они проявились в его манере полемики и нетерпимом отношении к своим оппонентам, в стремлении «подавить и уничтожить» противника в самом зародыше. При этом речь шла «не просто о грубой властности характера — недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды», по словам Богданова**. Гораздо важнее, что следствием авторитарности Ленина был тот идеал централизованной партии во главе с непререкаемым лидером с жестко выстроенной властной вертикалью и подчинением рядовых членов руководству, который он неуклонно проводил в жизнь. В этой схеме не было места свободным дискуссиям о дальнейших путях раз-

---

* Там же.

** РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 25. Л. 125.

вития организации, сменяемости лидеров и развитию инициативы снизу, которые являются элементами демократического устройства.

Напомним, что Ленин и Богданов не только по-разному оценивали политическую ситуацию в России и перспективы революционного движения после поражения первой российской революции, что приводило их к различным позициям в спорах о дальнейшей тактике партии, в частности о думской тактике социал-демократии, но и делали разные выводы из уроков революции 1905—1907 годов. Ленин продолжал делать ставку на централизованную партию, в которой все указания местным организациям раздаются из центра, сосредоточившего в себе партийных «мыслителей». А Богданов считал необходимым как можно более широкое привлечение в партию рабочих, но не в качестве статистов, выполняющих указания центра, а в качестве сознательных работников, новых лидеров, способных прийти на смену отшатнувшейся и «выбитой» арестами, ссылками и эмиграцией партийной интеллигенции. Отсюда — его ставка на партийную школу для рабочих, в которой ленинцы увидели угрозу своему руководящему положению в партии.

Богдановская идея о подготовке новых лидеров из рабочей среды, которые должны прийти на смену старым, не могла не взволновать Ленина. И если на III съезде РСДРП при обсуждении резолюции «об отношениях рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях», в которой подчеркивалось «сочувственное отношение» партии к «демократическому принципу организации» и необходимость «практических шагов к возможному осуществлению выборного начала», Ленин и Богданов выступали единым фронтом (на 19-м заседании ее проект был представлен съезду в виде «резолюции тт. Ленина и Максимова»*), то в 1909 году Ленин ополчился на Каприйскую школу как на предприятие «шайки авантюристов», «компании обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей, которая запрятала свою так наз. “*школу*” от партии»**. Верный своему принципу не отделять личное от общественного, в феврале 1909 года «на почве партийных разногласий Ленин порывает личные

---

* Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 326—327.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 203.

отношения с Н. Максимовым (А. А. Богдановым)»*. Причем «личные и внешнетоварищеские отношения» он прерывает без «партийно-обязательного», по мнению Богданова, «в таких случаях предупреждения, письменного или через товарищей». Ввиду того, что это был первый такого рода случай, Богданов «ограничился словесным заявлением тов. Ленину о том, что считает его поступок некорректным». Остальных же товарищей «во избежание печальных недоразумений» Богданов через Г. Е. Зиновьева предупредил, что «в случае, если бы подобная некорректность была бы кем-нибудь повторена, то он в тот момент чувствовал бы себя свободным от всяких товарищеских и общечеловеческих обычаев и норм в отношении к тому лицу»**. К размышлениям о внутрифракционной борьбе в большевизме в 1909—1910 годов Богданов неоднократно возвращался в своих записных книжках и трактовал ее прежде всего как «борьбу за единое личное руководство». Полагая, что была «объективная неизбежность и реальная полезность этого некрасивого эпизода», он задавался вопросом: «Был ли “он” (В. И. Ленин. — *А. М.*) прав? Или другая сторона?» Ответ его был нетривиален и диалектичен: «Оба были правы объективно — в разном масштабе. В национально-партийном Б. являлся вредным революционером, подрывающим основы, в общечеловеческом — представителем высшего типа культуры». Богданов признавался, что «в то время к своему счастью не понимал этого (специального — за единол[ичное] руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее». Исходя из этой логики — логики борьбы за «единоличную диктатуру», Ленин, по мнению Богданова, «был объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; и единичные, случайно развившиеся сильные индив[идуально]сти европ[ейского] типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самим своим сущ[ествова]нием в организации ее авторитарный тип связи — при его огранич[енном] образовании целые области “духа” его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих инд[ивидуально]стей. Отсюда попытка захватить и эти области, ребяческая, но через 10—15 лет имевшая успех,

---

* В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 462.

** А. А. Богданов — Г. Е. Зиновьеву, 21 февраля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 155—156.

к[ото]рый свид[етельств]ует о поразительном умств[енном] рабстве (проф[ессо]ра цитир[уют] с благогов[ением] детскую книгу). Отн[ошение] к Мар[ксу] как показатель того, что суть была в инд[ивидуально]стях и компетентности»*.

К сожалению, роль победившей в этом споре личности оказалась слишком велика в истории (а, может быть, если следовать логике Богданова, это тенденции исторического развития сложились таким образом, что выдвинули на первый план и дали столько власти этой конкретной личности), и раскол в большевизме, провозглашенный и организационно оформленный в июне 1909 года решениями Совещания расширенной редакции «Пролетария», не только не был разрушен или изжит, но, напротив, продолжал и в дальнейшем оказывать негативное влияние на жизнь большевистских партийных организаций. И с этой точки зрения слова В. В. Маяковского «Партия и Ленин — близнецы-братья» не являются таким уж большим художественным преувеличением, ибо выстроенная Лениным партия стала слепком его авторитарной личности, воспроизведенной в сотнях и сотнях маленьких вождей «местного значения» и породившей «вождя народов».

* РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 36—36 об., 41, 44.

А. Н. Шушпанов

О жизненной стратегии Александра Богданова: эволюция цели*

Обычно вслед за упоминанием имени Александра Богданова в том или ином справочном издании или статье идет длинное перечисление его занятий: профессиональный революционер, философ, экономист, врач, теоретик организации производства, писатель-фантаст... Универсализм Богданова признают редким и даже уникальным. В то же время он сам полагал: в будущем социалистическом обществе подобная разносторонность станет нормой. Образец этого показан в романе «Красная звезда». Но в чем секрет богдановского энциклопедизма?

Для попытки ответа на вопрос понадобится небольшое отступление. Основной труд Богданова «Всеобщая организационная наука» считают предвосхищением кибернетики и теории систем. Однако уже в середине XX века в СССР была создана еще одна наука, независимая от тектологии, но поразительно сходная с ней по целому ряду принципов. Имеется в виду теория решения изобретательских задач (ТРИЗ), разработанная Г. С. Альтшуллером. Начавшись с выявления и синтеза отдельных приемов изобретательского

---

* Публикуется по интернет-версии: https://www.metodolog.ru/00269/00269.html

творчества, за полвека ТРИЗ развилась в «монизм» эвристических методов. В задачу нашей работы не входит анализ параллелей между тектологией и ТРИЗ, хотя такой анализ мог бы дать интересные результаты. Важно другое: относительно локальная цель построения технологии изобретательства привела к нескольким системным переходам, высший этап которых на данный момент — ТРТЛ, или Теория Развития Творческой Личности (авторское написание Г. С. Альтшуллера — каждое слово с прописной буквы).

С этим связан один из парадоксов развития ТРИЗ. Теория возникла из идеи, что процесс творчества не зависит от способностей творца, а основан на объективных закономерностях и потому в принципе управляем. Тем не менее в дальнейшем «человеческий фактор» изобретательства все-таки пришлось учитывать, но не в плане личного таланта, а в плане способности к творческому режиму работы (в принципе доступной каждому) и к преодолению неизбежного «сопротивления среды». В результате собственно техника решения прикладных задач, в том числе технических, стала лишь небольшой частью этой модели — одним из шести качеств творческой личности по Г. С. Альтшуллеру. Единственный на данный момент фундаментальный труд по теме — книга Г. С. Альтшуллера и И. М. Верткина «Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности»*. Выявленные ЖСТЛ закономерности развития творца и его взаимодействия с обществом представлены разработчиками в виде идеальной модели, своего рода шахматной партии «Творец — Внешние Обстоятельства» («Центральная идея нашей работы: составить “идеальную партию” в “игре” творческой личности с внешними и внутренними обстоятельствами»**).

Информационной базой стал анализ более 1000 биографий известных ученых, писателей, общественных деятелей. Насколько нам известно, имя Богданова в этом списке отсутствует. Во время работы над ЖСТЛ большинство известных сейчас материалов по его биографии не было опубликовано. Поэтому взгляд на жизненный путь Богданова с позиции ТРТЛ и «жизненных стратегий», с одной стороны, может обогатить фонд

---

* Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности. Минск, 1994.

** Там же. С. 148.

материалов по развитию творческой личности, с другой — прояснить многое в судьбе ученого.

Из упомянутого комплекса шести основных качеств творческой личности, называемых Альтшуллером, выделяются два краеугольных — наличие крупной творческой цели (авторская формулировка — «Достойной Цели») и соответствие ей достигнутых результатов*. Результативность Богданова ныне хорошо известна. Перечислим наиболее заметное. Одна из ключевых ролей в революционном движении до исключения из РСДРП. Создание принципиально новой науки — тектологии, значение которой начинает по-настоящему осознаваться только в наши дни. Создание оригинальной концепции пролетарской культуры, активное участие в работе Пролеткульта, создание Социалистической академии. Также Богданов — один из основоположников русской научной фантастики XX века и одновременно автор едва ли не последней утопии в классическом виде. Наконец, Богданов — создатель первого в мире Института переливания крови и пионер в этой области отечественной медицины. Перечислены только «материальные» результаты, «духовные» — его научные, социальные, философские, научно-фантастические идеи в значительной мере дополняют этот перечень. Можно резюмировать: Богданов добился результатов значительно «выше среднего» практически в каждой сфере своего труда (с той оговоркой, что не все прошли проверку временем).

Достойная цель Богданова, вернее, система целей, на наш взгляд, представляют особый интерес. По ЖСТЛ творческая стратегия высокого уровня, как правило, имеет минимум три ступени, или системных перехода. Каждый знаменует изменение творческой цели: от частной к более общей. Парадокс заключается в том, что цель в идеале должна быть либо недостижимой, либо бесконечной (в том смысле, что ее реализация в силу масштаба превышает время отдельной человеческой жизни). И в то же время поступательное движение к такой цели дает свои плоды. При этом частная техническая, научная или художественная задача развивается в сторону своей общечеловеческой (и просто человеческой) значимости. Яркий пример — творчество К. Э. Циолковского: от летательного аппарата тяжелее воздуха через проекты реактивных космических

---

* Альтшуллер Г. С. Найти идею. Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач. М., 2011. С. 210—212.

кораблей к проблемам космической цивилизации*. При этом цель идет не только «вверх», но и «вниз» — от новых идей к практическому воплощению, разветвляется на подцели и т. д.

Биографические материалы о Богданове дают понять, что его цель с самого начала была поставлена максимально высоко, хотя и абстрактно. В своих воспоминаниях он пишет о зарождении в его душе «большой старой утопии разумных человеческих отношений» еще в раннем детстве**. Разумеется, это пока трудно назвать осознанной Целью, но прообраз уже появился. «Большая старая утопия» возникла под влиянием дисгармоничных отношений в семье. Новое измерение придает столкновение в шестилетнем возрасте со смертью (умер один из младших братьев). «Для меня она [смерть. — *А. Ш.*] была учительницей сочувствия всему живому, всем существам, которых она объединяет с нами, как общий врач». Страдания Богданов воспринимает как одну из разновидностей смерти, и таким образом складывается «первый, ребяческий идеал — жизни без боли и смерти»***. Впоследствии и «утопия», и «ребяческий идеал» приобретут научные черты, разветвятся на множество подзадач. Первая цель, с одной стороны, иллюстрирует парадокс ЖСТЛ — кажется абсолютно недостижимой (сейчас, сквозь призму исторического опыта XX века, это, вероятно, чувствуется даже острее, чем тогда), но становится залогом высокой результативности творчества Богданова. С другой стороны, есть и отличие от нередкой картины «от частного к общему»: с самого раннего этапа идеал выбран максимально высокий. Вся последующая научно-практическая деятельность Богданова выглядит решением частных задач по отношению к этому идеалу.

Воспоминания Богданова о детстве дают еще один любопытный факт. По ЖСТЛ внешние обстоятельства, как правило, «играют против» творческой личности. Собственно, необходимость жизненной стратегии как раз и продиктована сопротивлением внешних обстоятельств. В то же время в раннем детстве первотолчок к творчеству в основном дает некое яркое положительное переживание, связанное с интересом, или се-

---

* Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности. С. 453.

** Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 27.

*** Там же. С. 32.

рия таких переживаний. Нечто трагическое, дисгармоничное, подталкивает к творчеству уже не ребенка, а взрослого или, по крайней мере, взрослеющего человека. Однако детство Богданова дает пример того, как не самая здоровая обстановка в семье и авторитарные методы воспитания и произвели первотолчок к творческой цели. Разумеется, основную роль в формировании Богданова как творческой личности сыграли иные факторы: самообразование и чтение с раннего детства: «Училищная библиотека фактически оказывалась в нашем распоряжении...»* «Ребяческий идеал» и годы учебы (до прихода к марксизму) примем за первый условный этап в эволюции богдановской Цели («дебют» в терминах ЖСТЛ**). Второй — сознательная общественная и научная деятельность. Через народничество Богданов приходит к социалистическим убеждениям и включается в революционную борьбу. Цель превращается в систему целей и реализуется по двум направлениям: партийно-революционная и научная деятельность. Последняя оказалась неотделимой от просветительских задач: первой книгой Богданова стал «Краткий курс экономической науки», написанный на основе лекций в рабочих кружках во время вологодской ссылки. Пропагандистская работа, тесное общение с рабочей средой в недалеком будущем дадут новый путь движения к Цели — через пролетарскую культуру.

Деятельность Богданова во время второго этапа уже очень разнообразна: и партийная работа, и философские труды, и прямая организация вооруженного восстания 1905 года вкупе с «экспроприациями», и литературное творчество. Оказавшись в тюрьме, Богданов завершает третью часть одной из главных своих работ «Эмпириомонизм» и приступает к созданию монистической науки. В конце 1907 года выходит роман-утопия «Красная звезда» — литературная квинтэссенция богдановских размышлений о том, как должно выглядеть социалистическое общество. Впервые в мировой литературе оно показано не как застывшая, а как развивающаяся система. Одновременно Богданов закладывает в книгу элемент полемики с самим собой в виде споров своих персонажей-марсиан о возможности социализма на Земле.

---

* Там же. С. 26.

** Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности. С. 151.

Третий этап развития Цели — смена ориентиров: отход от революционной борьбы, разработка всеобщей организационной науки и концепции пролетарской культуры. Составляется и программа последней: «монистическая интеграция знаний в Рабочей энциклопедии; овладение знаниями в Пролетарском университете, построенном на принципах товарищеского сотрудничества преподавателей и учащихся; развитие пролетарского искусства, проникнутого духом коллективизма». Фактически Богданов переходит к надцели — не просто замена одной формации другой, а построение новой культуры, основанной на принципах разумной организации. Вместо задач текущего момента — задачи завтрашнего дня (которые Богданов считал актуальными именно для сегодняшнего). Надцель разделяется на два направления: создание инструмента преобразования мира (всеобщая организационная наука) и воспитание тех, кто возьмет этот инструмент в свои руки (пролетарская культура). Интересно, что по такому же принципу устроена пара ТРИЗ — ТРТЛ: технология изобретений и воспитание изобретателя. Однако ТРТЛ появилась спустя несколько десятилетий после начала работы над ТРИЗ. Хотя отдельные идеи появились еще до сбора изобретательских приемов, о чем говорит самая первая из известных в настоящее время работ Альтшуллера «Роль личности в истории с точки зрения химической кинетики и теории катализа». Богданов изначально ставил задачи одновременно.

Переход к надцели закономерно приводит к обострению конфликта Богданова с окружением. С позиции ЖСТЛ важно подчеркнуть: «еретичность» Цели является одним из основных ее свойств*. Но переходя в более высокую систему (надсистему), Цель становится «еретической» «в квадрате». Богданов оказался «еретиком» даже среди тех, кто сам выглядел «еретиком» для своего времени. И вновь работа по движению к Цели идет сразу в нескольких направлениях: научном (первый том «Тектологии»), художественном (роман «Инженер Мэнни»), публицистическом («Культурные задачи рабочего класса»).

Четвертый этап развития цели связан с практическими попытками Богданова внедрить свои идеи уже после революции. Поставив «диагноз военного коммунизма»**, ученый, тем не

---

* Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности. С. 47.

** Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918.

менее, активно включается в работу по строительству новой культуры. Вступает в Пролеткульт, работает в Пролетарском университете, становится членом президиума организованной им Социалистической академии. Однако если даже постановка надцели встретила жесткое сопротивление, то практическое воплощение ее вызывает уже организованную травлю. Венчает ее пятинедельное пребывание в тюрьме ГПУ. Однако Богданов и после этого продолжает работу в рамках одной из ветвей Цели — медицинской проблемы переливания крови. Еще в «Красной звезде» Богданов поставил цель через обмен кровью решать не только лечебные, но и гуманитарные задачи объединения людей. Переливание крови стало последним шагом к «жизни без боли и смерти». Один из опытов, как известно, оказался для Богданова роковым.

Подведем некоторые итоги. Именно масштабность взятой на себя задачи, по нашему мнению, обусловила столь высокие жизненные результаты и одновременно столь нелегкий жизненный путь Александра Богданова. Здесь также виден еще один парадокс движения к Цели, характерный не только для Богданова: если толчок к Цели дает настоящее творческой личности, то движением к ней управляет в большей степени будущее. Разносторонность творческих достижений Богданова во многом определяло «разветвление» или «дробление» самой Цели. Она же давала возможность работать, когда некоторые пути оказывались закрыты под давлением внешних обстоятельств.

Разработка Цели требует не только новизны, но и активной подготовки человека к этой новизне. Биография Богданова ярко показывает и основное противоречие самой ЖСТЛ. Г. С. Альтшуллер подчеркивал, что нарисованная им жизненная стратегия творческой личности — модель идеальная. Реальная жизнь конкретного человека обладает лишь элементами подобной «партии», иначе личность сломалась бы уже после нескольких собственных и встречных «ходов», сделанных в полную силу. Современное продолжение разработок по ЖСТЛ учеником Альтшуллера И. Л. Викентьевым (портал VIKENT.RU), когда собраны не тысячи, а сотни тысяч биографических источников, показывает, что факторы, определяющие высокие достижения личности, в большинстве складываются в самом начале пути, формируя некий «запас прочности». Но сама личность на раннем этапе обладает весьма малым влиянием на собственное развитие, которое также зависит от внешних, нередко случайных обстоятельств (например, присутствие ря-

дом заинтересованных и компетентных взрослых наставников). Увеличение «запаса прочности» для творцов настоящего и будущего — актуальная задача, помочь в решении которой может как раз адаптация опыта творческих личностей прошлого к реалиям сегодняшнего дня.

С. Г. Семенова

Идеал социализма и теория пролетарского искусства А. Богданова*

Александр Александрович Богданов принадлежал к апологетам, по слову Горького, «великой монистической идеи социализма», как и наиболее близкие писателю представители не догматического, *другого марксизма* (В. Базаров, А. Луначарский), философы *коллективизма* и преобразовательного *действия*.

Из них всех именно Богданов наиболее рационалистично развивал философию пролетариата, дав, так сказать, объективное, *материалистическое* обоснование того, почему пролетариат оказывается тем передовым, избранным классом, что призван открыть пути всем в желанное будущее. По самой своей природе он является носителем нового в мировой истории миропонимания, прежде всего *коллективистического*, обнимающего в идеале и пределе все человечество, *трудово-преобразовательного* и *монистического*. Коллективистом его сделал фабричный труд, машинное производство, причем на этой машинной стадии рабочий, по мнению Богданова, перестает быть простым *винтиком*, превращаясь в некотором смысле в инженера и организатора, контролирую-

---

* Публикуется по изданию: Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 165–180.

щего сложные операции. Основой его деятельности является труд, препарирование и преобразование материи, что научает его творческому подходу к реальности. Это класс — рационалист, лишенный фетишей, оттого легче, естественнее входит в его голову монистическое мировоззрение. Отметим, кстати, коллективизм шел первым, *священным*, номером, являя своеобразную обмирщенную вариацию религиозной идеи соборности, входившей в комплекс *русской идеи*. «Коллективистически настроенную личность» воспевал и Луначарский. Более того, для «великой борьбы за жизнь и мощь» он считал необходимым «почти органическое слияние человечества в целостное единство», «в социальный сверхорганизм»*, сохраняющий свою целостность не механическим или инстинктивным, а *психическим*, *сознательным* путем.

«Послекапиталистический» социалистический строй Богданов видел как эру планомерной перестройки мира, общества, человека, направляемой коллективистским, преобразовательным сознанием. Главным содержанием жизни и деятельности должно стать обретение власти общества над природой, ее разрушительными, стихийными силами, власти, все растущей «на основе научно-организованной техники». Все сущностные силы человека, наука, техника, искусство поставляются при этом на службу пролетариату, «мировому хозяину», его высшей задаче. Всеобщая организационная наука, *тектология*, выдвинутая Богдановым в 1912—1915 годах, это как бы наука наук о самых общих принципах и способах целесообразной организации всего — «людей, вещей и идей»**. Идеолог планирует необходимость синтеза, «слияния» всех наук в единое целое, в общее учение о «тех сопротивлениях-активностях внешней природы, с которыми сталкивается коллективный труд человечества», при опоре на единый универсальный метод, получающий у него название *энергетики*.

Богданов был движим стремлением «внести гармонию и единство в самый процесс развития, сделать его стройным и целостным», т. е. найти новый тип поступательного движения, «не стихийно-противоречивого», а «планомерно-

---

* Луначарский А. В. От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии как миросозерцания. М., 1925. С. 131.

** Богданов А. А. Тайна науки // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 405.

гармонического»*. Речь идет о фактической ревизии диалектико-материалистического принципа борьбы противоположностей как импульса к развитию. Активно-христианская мысль в лице Н. Ф. Федорова выдвинула идею устроения мира «по типу Троицы», т. е. по типу совершенного синтеза, из которого невозможен дальнейший распад, где достигнуто состояние полной неубыточности, взаимодополненности и равноценности и к чему можно идти только путем все большего примирения, интеграции усилий, умов, сердец. Богданов выдвигает «гармоническую систему сотрудничества» как путь и идеал такого типа развития. В отличие от ортодоксального марксизма «всеобщим и основным двигателем прогресса» Богданов полагает не «внутриобщественную» (классовую) борьбу, которая, напротив, оборачивается тормозом развития, ибо «растрачивает силы и рассеивает творческое внимание человека», а «непосредственную борьбу человека с природою»**, понимаемую им широко как познание мира, овладение его стихийными силами, преображение в этом процессе самой природы человека. Выход из стихийно-противоречивого развития к новому типу Богданов видит через «возрастающую пластичность жизненных форм», умножение богатства содержания, увеличение организованности, целесообразности, «социально-согласованной борьбы за счастье» — это уже не грубое, инструментальное покорение природы, а действительно «внесение в нее воли и разума» (Федоров). Здесь Богданов более всего приближается к активно-эволюционному, ноосферному видению путей гармонизации мира.

С самого начала своей деятельности идеолога, еще до взятия власти большевиками, Богданов понимал борьбу за социализм не столько как «войну против капитала»***, сколько как положительное творчество, органическое созревание элементов социализма, нового пролетарского человека, новых отношений еще в лоне существующего строя — в работе, семье, общественной деятельности, в науке, философии, искусстве. Его принцип: невозможно «социалистически преобразовать все человечество», не преобразовав предварительно социали-

---

* Богданов А. А. Новый мир // Там же. С. 58—59.

** Там же. С. 76.

*** Богданов А. А. Социалистическое общество // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 95.

стически самого себя; задача — создавать островки новых отношений, которые постепенно сомкнутся во все расширяющееся целое. Его мечтой было создание новой целостной культуры. И начинать предполагалось с образования — так создается проект Рабочего университета, под которым понимается целая система культурно-просветительных учреждений, тяготеющих к одному центру и выполняющих одну задачу: воспитание трудового коллективиста, ясного, рационального, «освобожденного от идолов мистики и признаков метафизики», не нуждающегося в своей преобразовательно-трудовой деятельности ни в каком внешнем правовом принуждении. Знаменательна и проводимая Богдановым идея Рабочей энциклопедии, вырастающей из деятельности Рабочего университета. Пересмотреть все знания о мире и человеке, понимание задач и путей человечества в новом идеологическом поле оценок и ценностей, в свете всеобщей организационной науки, причем тотально от А до Я, — вот каков замах этого грандиозного образовательно-воспитательного предприятия, так и не осуществившегося. Недаром неудачу первой русской революции Богданов усматривал в том, что ей не предшествовала идеологическая, культурная революция, как то было с движением просветителей до Великой французской революции. И Октябрьскую революцию он счел не социалистической, а *ликвидационной*. Кстати, еще до самой революции он высказывал пророческую мысль, что такое не подготовленное ни человечески, ни идеологически взятие власти стало бы «программою авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям», «естественным концом» которой «явилось бы длительное царство Железной Пяты»*.

Наиболее слабым местом в концепции Богданова было неглубокое, утопическое представление о корнях зла в человеке: ему казалось, стоит устранить «разъединяющую силу конкуренции и классовой борьбы», и тут же исчезнет и «психология разъединения, в которой личность противопоставляет себя со своими целями и интересами другим личностям и всему обществу»**. И тогда товарищеская связь, трудовая солидарность, основанная на сознательном сотрудничестве, на сосимпатии и сорадовании, а не на принуждении и насилии (включая

---

* Богданов А. А. Вопросы социализма // Там же. С. 314—315.

** Богданов А. А. Новый мир. С. 72.

и юридические, правовые нормы), окажется способной к безграничному расширению за пределы своего рабочего класса — «до размеров всего общества и всего человечества»*. Социалисты (и наш «социалист чистого разума») не видят глубокого иррационального истока зла в несовершенстве, противоречивости самой природы человека, в самом смертном порядке бытия, что так хорошо восчувствовали религиозные мыслители.

Религиозную проблему Богданов решал просто, рассматривая религию только как отражение авторитарного уклада жизни, когда есть два четко противостоящих агента: *управляющий — управляемый*, *повелевающий — исполняющий*, активное начало господства и пассивное начало подчинения. Таковыми были до сих пор, по мысли Богданова, все большие и малые формы организации социума: от патриархальной родовой общины, рабовладения, феодализма, полицейско-бюрократического государства до современной армии, капиталистического предприятия, «мещанской семьи». «Этот строй просто переносится в область опыта и мысли. <...> Ведь мир мыслится по образу и подобию авторитарного общества с верховным авторитетом, “божеством” над ним, и при усложнении авторитарной связи, с цепью подчиненных ему авторитетов, одних за другими, низших богов, “полубогов”, “святых” и т. д., руководящих разными областями или сторонами жизни. И все эти представления пропитываются авторитарными чувствами, настроениями: преклонением, покорностью, почтительным страхом. Таково религиозное мироотношение: это просто авторитарная идеология»**. Из этой рационалистической схемы Богданов не выходил, не видя в упор никаких других сторон религиозного явления.

Отсюда и его главное расхождение с Луначарским и Горьким, испытавшими значительное влияние идей Богданова. В мировоззрении и соответственно в творчестве Горького с этим влиянием связан существенный поворот, в свое время

---

* Там же. С. 67.

** Богданов А. А. О художественном наследстве // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 430—431. Кстати, в своей философии эмпириомонизма, где законы природы предстали «как человеческие методы ориентировки в потоке опыта», а противопоставление материи и духа было снято в пользу энергии, сами эти понятия «материя» и «дух» были признаны Богдановым как производные авторитарного строя с его фундаментальным разделением ролей на организаторские и исполнительские.

точно зафиксированный А. К. Воронским (статья «О Горьком», 1911): от выдвижения типа бунтаря, романтического индивидуалиста, одинокой сильной личности, русского ницшеанца к утверждению ценности коллективистского миропонимания, приобщения отдельного «я» к народному коллективу. В письмах к К. П. Пятницкому, отразивших это обретение Горьким новой коллективистской, трудово-организационной веры, мы находим чисто богдановские выражения: «...победит мерзость жизни, облагородит человека не греза, не мечта, а — опыт; накопление опыта, его стройная организация»*. Горький един с Богдановым во многом: и в пафосе просветительства, и в культе научного знания, научной организации жизни, быта, труда, преобразования мира, и в определении цели науки как «создания плана завоевания природы»**, и в убеждении, что рабочий класс — разрушитель лишь вынужденный и временный, а по природе — созидатель, а потому, как выражался Богданов, «строительные задачи неизмеримо важнее “боевых”».

Но в отличие от Богданова, Горький полагает, что в идее Бога человек обнаруживает способность к уникальному творчеству идеала беспредельного могущества, любви, бессмертия, о котором мечтает сам человек. В лекции «О знании» (30 марта 1920 года, произнесенной в рабоче-крестьянском университете) Горький высказывает мысль, что создание такого величественного образа, такой высшей проективной идеи, как Бог, — «очень большая работа человеческого разума», «которой мы можем гордиться»***. Луначарскому близко «религиозное настроение пантеизма», радостное, глубокое чувство «своей слитности со вселенной»****, он выдвигает «религию Труда, Вида и Прогресса», «социалистическое религиозное сознание»*****; Горький возлагает надежды на «богостроителя-народушко» — оба стремятся возвести в *божественный* ранг и тем максимально эмоционально повысить, сердечно зарядить те ценности, которые рационально, *объективно-научно*

---

* Архив А. М. Горького. Т. 4. М., 1954. С. 251.

** Протоколы I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций. М., 1920. С. 40.

*** Архив А. М. Горького. Т. 12. М., 1969. С. 112.

**** Луначарский А. В. От Спинозы до Маркса. С. 13, 128.

***** Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. 2. СПб., 1909. С. 338, 378.

отстаивал в те же годы Богданов, и прежде всего коллективизм и трудовое преображение мира.

Интересны две попытки Богданова воплотить свои идеи в художественном повествовании, представить в конкретных образах, лицах, положениях общество, реализовавшее научный социалистический идеал, как его понимал автор. Речь идет о романах-утопиях «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912). В первом подробно рисуется идеально рационализированный, коллективистский, коммунистический уклад на Марсе, куда на этеронефе, особом ракетном космическом корабле с ядерным двигателем, доставляют избранного марсианами жителя Земли, близкого им по своим социалистическим убеждениям. К своему строю марсиане пришли, согласно марксовой схеме смены общественно-экономических формаций, но, как видим, гораздо быстрее, чем на Земле, избежав ее кричащих противоречий и ожесточенной борьбы. На Марсе достигнута полная машинизация и автоматизация производства, «неограниченная свобода труда»; все работают, где хотят, меняя занятия и профессии, причем ведется точнейший учет необходимых рабочих мест, перемещений рабочих сил (расцвет регулирующей статистики); потребление — «по потребности»; детей с трех лет воспитывают коллективно («Дом детей»); важные преобразования претерпела психика: побежден собственнический инстинкт, эгоистическая самость, каждый чувствует себя органической клеткой великого коллективного суперсущества, в каждом «живет целое и каждый живет этим целым», торжествует не культ личности, даже самой выдающейся, а дела и свершения («в досоциалистические времена марсиане ставили памятники своим великим людям, теперь они ставят памятники только великим событиям»), неразумная стихийность и иррациональность внутренней природы устранены полностью... Буквально реализовано то, о чем писал Богданов в своих работах о социалистическом обществе: «*действительная власть общества над природою, беспредельно развивающаяся на основе научно-организованной техники*» и «*стройная организованность всей производственной системы, при величайшей подвижности ее элементов и их группировок и при высокой психической однородности трудящихся как всесторонне развитых сознательных работников*»*. Борьба со стихийными силами природы

* Богданов А. А. Социалистическое общество. С. 92, 94.

и *внутри* самого себя (что оказывается для марсиан более легкой задачей) и *вовне* (культивирование своей планеты, уничтожение болезнетворных микробов, регуляция погоды, поиски новых форм энергии, работа над синтезированием пищевых белков из неорганических веществ, космические экспедиции, подготовка к колонизации других планет...) — вот главное приложение творческих, созидательных сил марсиан. Трудности, опасности, кризисы возникают постоянно — все ищут пути их преодоления: «у нас царствует мир между людьми, это правда, но нет мира со стихийностью природы».

Лозунг марсиан — экспансия, расширение в бесконечность, расцвет жизни, потому какие бы трудности с истощением энергии, источников питания ни вставали, они не идут на «ненавистное сокращение жизни в себе и потомстве», т. е. отказываются от регуляции рождения, уменьшения населения. Актуальной альтернативой современным нам земным теориям, типа «золотого миллиарда», звучат такие рассуждения богдановских марсиан: «Сократить размножение? Да ведь это и есть победа стихий. Это — отказ от безграничного роста жизни, это — неизбежная ее остановка на одной из ближайших ступеней. Мы побеждаем, пока нападаем. Когда же мы откажемся от роста нашей армии, это будет значить, что мы уже осажены стихиями со всех сторон. Тогда станет ослабевать вера в нашу коллективную силу, в нашу великую общую жизнь». Особое место занимает здесь то, что сам Богданов называл «борьбой за жизнеспособность»: марсианам уже удалось вдвое увеличить продолжительность жизненного срока, они производят особую операцию, «обновление жизни», заключающуюся «в обмене кровью между двумя существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни», может обоюдно увеличивать энергию и гибкость организмов, обеспечивая «глубокое обновление» тканей. (Сам Богданов уже после революции займется аналогичными экспериментами в организованном им Институте переливания крови и погибнет в 1928 году при одном из опытов как настоящий мученик науки.)

И хотя все же сохраняется противоречие между неизбежной ограниченностью отдельного сознательного существа — клеточки коллективного сверхцелого и вечностью этого целого, остается и бессилие вполне с ним слиться, без остатка «охватить своим сознанием», Богданов утешительно убеждает читателя, что трагедии из этого никто не делает, что умирают

здесь мирно и спокойно с удовлетворенным чувством сохранности своего трудового, творческого вклада в общем свершении. Кстати, в марсианских больницах существуют и специальные палаты для добровольных самоубийц со всеми медицинскими средствами для эвтаназии. Недаром среди излюбленных тем и сюжетов марсианской литературы, наряду с «экстазом творческой мысли, экстазом любви, экстазом наслаждения природой», называется и «спокойствие добровольной смерти».

Динамичную, относительную гармонию своего бытия марсиане поддерживают титаническим трудом, борясь со стихиями; внутреннее, душевное равновесие — новым органическим коллективистским самоощущением. Только так утишается трагедия смертного бытия, не находящая в рамках социалистического идеала Богданова своего разрешения. «Да, тебя не будет, исчезнет имя и тело, и цепь воспоминаний... В беспредельности живого могучего бытия сохранится то, что ты любил сильнее себя, — твое дело», — так философски убаюкивает умирающего героя его жена в романе «Инженер Мэнни». Здесь рассказана история великого инженера времени построения каналов на Марсе, в эпоху борьбы, перехода от капиталистического к социалистическому обществу и только еще становления новой однородно-коллективистской психики. Инженер Мэнни убивает своего врага, заточается в тюрьму, где он продолжает заниматься наукой и следить за развитием общественной жизни. В центре романа — идейный диалог-поединок Мэнни как представителя еще индивидуалистического мировоззрения и его сына Нэтти, убежденного коллективиста и носителя эмпириомонистских взглядов самого автора. Когда срок тюремного заключения Мэнни завершается, он решает уйти из жизни, отравляет себя. Пожалуй, наиболее важные главы романа — его долгая агония с явлением ему «образов смерти», агония, сливающаяся с любовью к жене Нэлли (утоляющему женскому началу), которая как бы *принимает*, правда, не роды, а *его смерть*. Здесь Богданов пытается честно рассчитать онтологические пределы предлагаемого им коммунистического идеала, испытуя его самым *роковым* — законом смерти и конца. Да, это не абсолютный христианский идеал с его высшей ценностью — личностью, которой дается обетование воскрешенной, бессмертной, обо́женной жизни в преображенном порядке мирового бытия. В предсмертном бреду Мэнни является сначала ужас индивидуального конца: картина разлагающегося трупа, распада тела и его рассеяния — полного небытия. Мэнни еще

не освободился от боли личностного «я», кому так нестерпима перспектива его окончательного уничтожения. Нелли заговаривает эту боль «делом», в котором он пусть анонимно, но останется и после смерти. Но мрачные грезы на этом не кончаются: его подсознание представляет последний трагический аргумент против оптимистической веры пролетарского, коллективистского сознания: а что ежели потухнет солнце и вот-вот настанет «конец всему: человечеству, жизни, борьбе», зачем тогда все предшествующие усилия, не оборачивается ли все абсурдом? И ему в бреду является именно такой «последний катаклизм», естественно-природный апокалипсис. И тут же в этих грезах является умирающему фигура его сына Нэтти, который весь «подобный божеству, в ореоле сверхчеловеческой красоты» вещает ждущим конца марсианам найденный им выход. Он вновь напоминает о главном оправдании их существования, их выбора: «Смерть последнего поколения сама по себе значила бы не больше, чем смерть предыдущих, — лишь бы после нас осталось и продолжилось наше *дело* <...> и *это* мы должны сохранить для Вселенной во что бы то ни стало, *это* передать другим разумным существам, как наше наследство». И уже приготовлены миллионы гигантских снарядов из самого прочного материала, в каждом из которых помещены пластинки с их завещанием, информацией в виде знаков и символов, запечатлевшей их достижения и опыт. Внутри планеты заложены материалы для грандиозного ядерного взрыва, который через минуту разнесет ее на куски и осколки, с которыми вместе полетят по уже просчитанным траекториям эти послания «неведомым братьям» далеких галактик. Такова грустная *апофеоза* последней надежды атеистического, будто бы лишенного фетишей, рационально-коллективистского сознания! Так в этом пролетарском суррогате соборности социалистического *научного* идеала при полном торжестве *нераздельности* начисто забыта *неслиянность*: личность идет на перегной новому, незамечаемому идолу — делу!

В эпилоге к «Инженеру Мэнни» Богданов расписал такое идеальное последование событий, какого он хотел бы для своей родной Земли: после смерти отца Нэтти становится руководителем Великих Работ, затем переходит к просветительно-идеологической деятельности, организует «культурно-революционную школу», воспитывающую рабочий класс в духе научного идеала социализма, с группой единомышленников и учеников создает «Рабочую Энциклопедию», наконец, совершает свой

главный исследовательский подвиг — открывает начала и принципы всеобщей организационной науки, которая и становится главным «орудием научного построения социальной жизни в ее целом». Идейный марсианский двойник самого автора приходит к полному успеху, открыв воистину новую эпоху в истории своей планеты. Но идеал остался в пространстве утопического романа, земная действительность оказалась иной, воплотив худшие опасения Богданова.

Идея «культурного вызревания» еще в лоне буржуазно-демократического строя сознательно-коллективистского типа пролетария, нового «организационного мышления», постепенно охватывающего общечеловеческую общность, была отброшена партией как оппортунистическая и чуждая. Восторжествовала идеология и практика диктатуры пролетариата, которую Богданов не принимал. Была развязана Гражданская война с ее «расточением лучших сил народа», о чем настойчиво предупреждал автор тектологии, установился «военный коммунизм» с его «пролетарским внеэкономическим принуждением», диссонирующим с богдановским социалистическим идеалом.

Характерна его реакция на произошедшую «под знаком военщины» Октябрьскую революцию, выраженная с полной искренностью в письме к соратнику, А. В. Луначарскому, от 19 ноября (2 декабря) 1917 года. Война привела страну к экономическому и культурному упадку, на революционную авансцену вышли не сознательные пролетарии, а «псевдосоциалистические» солдатские массы («крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах») с их «логикой казармы», культом грубого насилия, слепого подчинения вождю; возобладал максимализм, сама партия и большевизм прониклись этим духом, логикой диктаторского «военного коммунизма», — одним словом, по мнению Богданова, произошла «сдача социализма солдатчине». И он продолжает: «Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма выполнил грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты...»* В произошедшей «солдатско-коммунистической революции», установившейся «демагогически-военной диктатуре» Богданов усматривает во многом противополож-

---

* Богданов А. А. Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 года // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 354.

ность социализму. Свой выбор одинокого «зрячего среди слепых» он определяет так: работать для будущего, строить для него идеологию, которая, как он надеется, может и должна еще пригодиться. Участок работы, что он себе определил при этом, — пролетарская культура, а задачей поставил — выяснить «ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику»*.

В 1918—1920 годах Богданов активно участвует в деятельности Пролеткульта, становясь его первым идеологом. В статьях и речах этого времени он развивает свой взгляд на пролетарское искусство, который у него сложился еще до революции. Выработка социалистической пролетарской культуры требует новой науки, новой философии и нового искусства — все сущностные силы человека, приложенные к этим различным культурным областям, призваны служить делу «осуществления мирового организационного идеала»**. Пролетарское искусство — одна из *идеологий* класса, «организационная форма» его жизни. Содержанием такого искусства должна стать «вся жизнь рабочего класса: его мирочувствование, миропонимание, практическое мироотношение, стремления, идеалы»***. Но высшее задание прерывает любые классовые рамки — создавать из ткани художественных образов такую новую их связь, которая могла бы «расти и расширяться до общечеловеческой»****. От науки искусство отличается организацией опыта не в специальных понятиях и терминах, а в живых, пластических образах, передающих не только умственную жизнь человека (его мысли и представления), но и сердечную, душевную (переживания, настроения, чувства). Важность искусства в том, подчеркивает Богданов, что оно шире, доступнее науки, ибо массам понятнее язык образов и чувств.

Если буржуазное искусство «воспитывало индивидуалиста», то пролетарское, напротив, — коллективиста. И это самое существенное — воспитать новый класс, осознающий себя авангардом развития Земли, в духе «глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства борцов и строи-

---

* Богданов А. А. Социалистическое общество. С. 102.

** Богданов А. А. О художественном наследстве. С. 435.

*** Богданов А. А. Простота или утонченность? // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 450.

**** Там же.

телей, связанных общим идеалом»*. В нарождающемся пролетарском искусстве, прежде всего поэзии, где громче всего звучали ноты боевого коллективизма, именно Богданов поощрял пробивавшуюся там-сям, наиболее ему дорогую «струю коллективизма строительного», творчески-созидательного (здесь он выделяет поэзию Кириллова, Гастева, Маширова-Самобытника). Его задача — дать особую оптику пролетарским поэтам, так чтобы они ощутили «всю Вселенную как поле труда, борьбы сил жизни с силами стихий, сил стремящегося к единству сознания с черными силами разрушения и дезорганизации»**. И как мы увидим далее при анализе пролетарской поэзии, этот призыв Богданова не остался безответным.

В самый разгар гражданского противостояния, разгула классово-социальных стихий, строгого разделения на своих и чужих, ожесточенной борьбы их друг с другом, полного отречения от исторического и людского «старья» Богданов выдвигает идею сотрудничества поколений, пожалуй, наиболее его сближающую с федоровским пафосом: «...мы живем не только в коллективе настоящего, мы живем *в сотрудничестве поколений*. Это — не сотрудничество классов, оно ему противоположно. Все работники, все передовые борцы прошлого — наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали»***. Богданов пытается выправить некоторые идейные крены пролетарской поэзии, и прежде всего проникновение в нее воинствующе-*солдатских* нот, которые он считает недостойными для класса, высшего по своему идеалу в человечестве: он имеет в виду конкретно «узкую, лично направленную ненависть к отдельным представителям буржуазии», злорадные чувства к поверженному противнику, воспевание самосуда, разного рода извращенные «садические восторги». Ибо это симптомы и проявления все той же природной (зверскость) и социальной стихийности (борьба различных групп между собой), которую по своему заданию как раз должен преодолеть пролетарский культурный тип. По отношению к конкретному врагу Богданов культивирует, сам в этом не сознаваясь, благородный, истинно

---

* Богданов А. А. Пролетариат и искусство // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 422.

** Там же. С. 423.

*** Там же. С. 425. Эта богдановская идея получила отклик в критике того времени. Так, Валериан Правдухин развивал ее в своих статьях 1922 года в журнале «Сибирские огни».

христианский подход — неприятие и гонение не еретика, а ереси: «Для сознательного пролетария даже в момент боевого столкновения он — враг не как личность, а как слепое звено в цепи, которое сковала история»*. И если со страниц пролетарских журналов и сборников неслись призывы к беспощадной мести угнетателям или в лучшем случае сомнительные сопряжения, вроде кирилловского: «И, славя смерть и разрушенье, Поем Вселенскую Любовь», то Богданов предупреждал: «Надо помнить, что всякое объективно-лишнее истребление и разрушение, всякая ненужная жестокость преступны по отношению к человечеству, деморализуют коллектив и уменьшают энергию, которой он может располагать в дальнейшей борьбе и труде»**.

Богданов стремится держать самочувствие класса, облеченного такой мессиански-спасительной для всего человечества ролью, на высоте идеала, старается внушить, что он должен выработать себя в «новую аристократию культуры — последнюю в истории человечества»***. Он не устает повторять, идя против господствующих, классово-неистовых ветров эпохи, что целью пролетариата должно стать не разрушение, а «новая организация жизни», не боевое сознание, а «выработка социально-строительной идеологии», ориентирующей и науку, и искусство захватывать «в поле своего опыта все общество и природу, всю жизнь вселенной»****.

Целый ряд эстетических принципов нового пролетарского искусства Богданов выводит из качеств идеализированного им класса и из своей «все-организационной» системы, отражающей, по его убеждению, как раз коллективно-трудовую точку зрения. Дух здорового коллективизма стоит на *объективности*, считает Богданов, она же должна стать и критерием пролетарского искусства. Отсюда его неприятие «граждански-агитационного сужения поэзии», вредящего главному — ее художественности» (а та и есть «ее организующая сила»), неприятие обязательной установки на восторженный мажор,

---

* Богданов А. А. Критика пролетарского искусства // Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 444.

** Богданов А. А. Законы новой совести // Богданов А. А. О пролетарской культуре. М.; Л., 1924. С. 341.

*** Богданов А. А. Критика пролетарского искусства. С. 442.

**** Там же. С. 443.

набатную жизнерадостность, ограничивающие «гамму коллективно-классового чувства»*, в которой есть место и более сложным переживаниям, скажем, разладу между «жаждой гармонии» и суровостью требований борьбы, а то и настоящей трагедии.

Призыв учиться у классиков, «у великих работников искусства» прошлого, особенно «простоте, ясности, чистоте форм этих великих мастеров — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого»**, был в атмосфере культурного нигилизма вовсе не тривиальным и совсем не лишним в среде пролетарских поэтов, если один из самых талантливых из них мог извлечь такие варварские звуки из своей неистовой классовой лиры:

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.
(В. Кириллов. «Мы»)

Богданов, наставник пролетарских творцов, мечтает о «могучей простоте форм», в которой наиболее точно найдет новое искусство разрешение своей *организационной* задачи. Ему хотелось бы, чтобы пролетарский мастер был не ювелиром, изощренным и утонченным (за чем, по его мнению, обычно стоит в искусстве «отживающий, внутренне пустеющий, мельчающий мир»), а «кузнецом в мастерской титанов»***. Склоняясь в своих конкретных профессиональных советах поначалу к ориентации на правильно-ритмический стих с простыми рифмами, Богданов обосновывает это, как всегда, трудово-практически — «царством строгих ритмов» рабочей обстановки пролетариев; однако надеется, что по мере развития и изменения их жизни им станут ближе и понятнее более сложные и причудливые «ритмы живой природы», и тогда из их творчества исчезнет однообразная «механическая повторяемость», отражение нынешнего машинного фабричного мира.

В статье «О художественном наследстве» (1918) Богданов особенно удачно суммирует свою коллективно-трудовую, «все-организационную» позицию, единую по отношению ко всем сторонам общественного процесса, будь то *техническая*

---

* Там же. С. 444—445.

** Там же. С. 447.

*** Богданов А. А. Простота или утонченность? С. 451.

(борьба с природой, организация «внешнего мира в интересах своей жизни и развития»), *экономическая* (организация «отношений сотрудничества и распределения» для той же борьбы с природой), наконец, *идеологическая* (организация опыта, переживаний, чувств, мыслей как регулятивных «орудий для всей своей жизни и развития»)*. В области искусства как особой части идеологии пролетариата перед ним стоят две по существу неразделимые задачи: собственно творческая — «сознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной форме» и вторая, связанная с критическим овладением всем самым ценным и великим в духовном, культурном наследии прошлого. Полагая себя «свободным мыслителем», Богданов не отбрасывает даже религиозного достояния, наподобие «наивного», «свирепого атеиста», что «во всякой религии видит только суеверие и обман»**. Он учит свой любимый класс видеть в религиозном творчестве и первичную его синкретическую, «народно-поэтическую» основу, «художественное богатство народного опыта»***, но главное — понять смысл авторитарного принципа и отношения, запечатленных, по Богданову, в религии, и более того суметь «оценить значение авторитарных элементов нынешнего общества, их взаимной связи и отношения к социальному развитию»****. Вот так неожиданно, через вникание в суть религиозного явления, Богданов предупреждал о грозящих явлениях новых «богов» и нового массового им поклонения: «В новом свете выступает роль партийных вождей — авторитетов — и значение коллективного контроля над ними...»*****

Если овладение религиозным наследством для Богданова имеет во многом предупреждающее значение (он не хочет видеть в нем главного — выражения или творчества высшего бытийственного идеала), то с художественным достоянием прошедших веков — дело для него обстоит иначе: в художественных формах минувшего кристаллизуется «организационный опыт» тысячелетий, *ставятся* и *решаются* «организационные задачи о человеческой душе», раздираемой противоположными,

---

* Богданов А. А. О художественном наследстве. С. 429.

** Там же. С. 427.

*** Там же. С. 432.

**** Там же. С. 431.

***** Там же. С. 432.

часто равномощными импульсами (в связи с этим Богданов интересно анализирует образ Гамлета), созидаются «идеалы — умственные модели организации», в которых немало ценного и «для класса — организатора будущего»*. Необходимо лишь пересмотреть их, творчески переосмыслить с «организационной коллективно-трудовой точки зрения» — и тут особенно важна работа пролетарской критики.

При этом чуть ли не первой задачей этой критики Богданов счел установление четких рамок именно пролетарской литературы. Он одним из первых настаивал на отделении этой литературы от *крестьянской*. Казалось бы, рассуждает Богданов, обе создаются от имени трудового, эксплуатируемого класса, ан, нет — в «способах действовать и мыслить» пролетарских и крестьянских творцов он видит различия «глубокие, принципиальные»**. Богдановскую линию размежевания нетрудно предугадать: пролетарии строят свою деятельность и жизнь на началах коллективизма и солидарного товарищества, крестьяне со своим мелким частным хозяйством «тяготеют к индивидуализму, к духу личного интереса...» К тому же трезвому, лишенному фетишей пролетарскому сознанию у Богданова противостоит крестьянская авторитарность и религиозность, выпестованная патриархальным укладом жизни, а также суеверная зависимость «от таинственных <...> стихийных сил, посылающих урожай или неурожай». Вот как характеризует пролетарский идеолог суть современной крестьянской поэзии «талантливых поэтов Клюева, Есенина и других»: «Тут всюду фетишизм “землицы”, основы *своего* хозяйства: тут и весь Олимп крестьянских богов — и Троица, и Богородица, и Егорий Храбрый, и Никола Милостивый; а затем — постоянное тяготение к прошлому, возвеличение таких вождей неорганизованной, стихийной силы народа, как Стенька Разин... Все это как нельзя более чуждо сознанию социалистического пролетариата»***. Здесь особенно очевидна узость социалистически-пролетарского идеала Богданова, торжество которого (если бы оно было возможно за пределами марсианских утопий!) привело бы к обстругиванию человеческой природы, т. е. к такой ее рационализации, которая обесценила бы многие

---

* Там же. С. 437.

** Богданов А. А. Критика пролетарского искусства. С. 439.

*** Там же.

драгоценнейшие человеческие качества, особую духовность и мудрость, выразившиеся в восчувствии мира, понимании своего места и роли в нем. Однако отвлеченная полемика вряд ли особенно эффективна, тем более что только конкретный материал пролетарской и новокрестьянской поэзии дает возможность сравнить глубину понимания мира и человека, высоту *русской идеи* и качество художественности этих двух ветвей поэзии 1920-х годов*.

* См. один из выпусков серии «История русской литературы XX века. 1920–1930-е годы»: Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М., 2001.

Ю. Шеррер

Концепция культуры Богданова: от рабочих кружков до движения Пролеткульта

Цель этой работы – анализ исторического генезиса концепции пролетарской культуры Богданова. В частности, автор анализирует деятельность Богданова во время его ссылки в Вологду, особенности организации группы «Вперед», а также споры русских марксистов по проблемам культурной политики. Пристальное внимание в работе обращено на понятие культуры, основанное на материальных и нематериальных способностях восприятия (capacities of the comprehension) и условиях работы и жизни трудящегося. Еще одним важным приоритетом этого исследования является роль искусства в системе культуры.

В середине 90-х годов XIX века, когда Александр Богданов (Малиновский), в то время студент медицинского факультета, организовывал рабочие кружки в Туле, понятие культуры трудящихся (workers' culture) русскими революционерами и марксистами обсуждалось очень редко. Ситуация в России коренным образом отличалась от ситуации в Германии, где социал-демократы уже представляли собой крупную партию с хорошо организованной структурой организаций, посвященных образованию и культурному просвещению трудящихся. Здесь был широко распространен термин Arbeiterkultur, и лидеры социал-демо-

кратов считали свою партию не только двигателем экономической и политической эмансипации пролетариата, но и культурным движением рабочего класса в широком смысле*. В целом их понимание Arbeiterkultur было ориентировано на культуру буржуазии, они не делали принципиального различия между культурой и образом жизни. Литература, созданная самими рабочими, в основном отвергалась, но не из-за своей социалистической направленности, а по причине ее низкого эстетического уровня. В России, где основатели Российской социал-демократической рабочей партии были арестованы сразу же после ее незаконного основания (1898), партии пришлось бороться за свое организационное выживание (organizational survival).

В 1897 году Богданов опубликовал лекции, с которыми он выступал в рабочих школах Тулы, под названием «Краткий курс экономической науки». Эта книга стала самым популярным учебником по марксистской политической экономии и до 20-х годов XX века дополнялась и переиздавалась десять раз. Для того чтобы преподать рабочим основы политической экономии Маркса, Богданов структурировал свой курс в виде вопросов и ответов; этот же метод он использовал и позднее в своих курсах, разработанных для аудитории, состоящей из представителей рабочего класса. Его первый опыт преподавания показал ему, что его ученики-рабочие часто пытались «соединить технические и экономические явления с формами их собственной духовной культуры как звенья в единой цепочке развития»**. Именно это наблюдение особых духовных потребностей русского рабочего в понимании содержания, представления и отражения того или иного материала во всей его целостности и составило начало того, что более десяти лет спустя сам Богданов определил как «пролетарскую культуру»: культуру, основанную на материальных и нематериальных (духовных) способностях (capacities) и на понимании условий жизни и работы самих рабочих. Другими словами: пролетарская культура не происходит от культуры правящей буржуазии и не является

---

* Большой организованной сетью культурных организаций считалась Arbeiterbewegungskultur, см.: Ritter G. A. (hrsg.) Arbeiterkultur. Königstein; Taunus, 1979.

** Богданов А. А. О пролетарской культуре. Л.; М., 1924. С. 240, цит. по: Gloveli G. Bogdanov as Scientist and Utopian // Bogdanov and His Work. A guide to the published and unpublished works of Alexander A. Bogdanov (Malinovsky) 1873–1928 / ed. by J. Biggart, G. Gloveli, A. Yassour. Ashgate, 1998. P. 42.

ее вариантом, адаптированным к рабочим, как это можно понять из немецкого термина Arbeiterkultur.

В следующей части статьи я кратко изложу самые главные стадии в общем понимании культуры Богдановым, которые привели к формированию этого конкретного понимания пролетарской культуры. Я не буду обсуждать политическую биографию Богданова, его роль в консолидации большевистской организации или его соперничество с Лениным. Однако нет никаких сомнений в том, что жесткая концепция марксизма и, в частности, исторического материализма в представлении Ленина и, что еще важнее, Плеханова оказала огромное влияние на осмысление независимой, гегемонистской, пролетарской культуры Богдановым.

Во время ссылок в Тулу, Калугу и Вологду (1895—1904) Богданов обсуждал со своими товарищами (Базаровым, Скворцовым-Степановым и Луначарским) то, что они называли философским аспектом системы Маркса. Вспоминая это время, Луначарский писал: «Мы все глубоко интересовались философской стороной марксизма и при этом жаждали укрепить гносеологическую, этическую и эстетическую стороны его, независимо от кантианства, с одной стороны, к которому уже начался в то время уклон, позднее столь заметный в Германии и у нас (Бердяев, Булгаков), и, не сдавая в сторону той узкой французской энциклопедистской ортодоксии, на которой пытался базировать весь марксизм Плеханов. Богданов искал при этом совершенно своеобразных путей, но пути эти оказались соприкасающимися с эмпириокритицизмом»*. Действительно, во вступлении к третьему тому «Эмпириомонизма», написанному уже после этих обсуждений, Богданов отмечал необходимость именно философского подхода к обоснованию марксизма и критического переосмысления концепции Плеханова. С самого начала они отвергли постулат о том, что марксизм — это система объяснения социальной реальности, актуальная для любого времени. По их мнению, марксизм должен эволюционировать, прогрессировать и развиваться в соответствии с самыми последними достижениями в науке и новыми, современными идеями в философии. «Традиция Маркса и Энгельса

* Луначарский А. В. Мое партийное прошлое // Луначарский А. В. Великий переворот (Октябрьская революция). Ч. 1. Пг., 1919. С. 22. Это эссе Луначарского было написано еще в 1918 году.

должна оставаться с нами, но не в букве, а в духе»*. Этот призыв Богданова стал эпистемологическим постулатом их группы, в которой эмпириокритицизм Авенариуса и Маха считался одним из главных открытий марксизма для современной науки. Он стал основой богдановской системы эмпириомонизма.

В Вологде, где образовалась целая колония политических ссыльных (в том числе Н. А. Бердяев, Б. В. Савинков, А. М. Ремизов, Б. А. Кистяковский, П. П. Румянцев), группа, сформировавшаяся вокруг Богданова, разъясняла свою концепцию материализма («реализма») в теоретических баталиях с «идеалистами» и прежде всего с Бердяевым. Результатом этих дискуссий стал их коллективный труд «Очерки реалистического мировоззрения», вышедший в 1904 году, как ответ на сборник «Проблемы идеализма» (1902), в котором были собраны статьи бывших так называемых легальных марксистов Бердяева, Булгакова, Франка и других**. Под реалистическим мировоззрением группа Богданова понимала отказ от любого метафизического абсолюта и любой претензии на абсолютную истину в пользу монистического идеала познания. В своей коллективной работе они призывали к единению теории и практики и рассматривали вопрос понимания «суперструктуры», который впоследствии станет основополагающим в богдановской концепции культуры.

В собрании эссе, опубликованном в 1905 году под названием «Новый мир», Богданов развивает концепцию коллективизма. То, что он называл «собиранием человека», подразумевало творческий потенциал каждого индивидуума в коллективе. В этом контексте образование пролетариата уже выступает как высшая цель. Двадцать лет спустя, в 1924 году, в предисловии к сборнику своих статей о пролетарской культуре Богданов пишет о том, что в его ранних статьях «уже намечены главные черты высшего культурного типа жизни — социалистического, источником которого является культура пролетарского класса»***. Другими словами, пролетарская культура содержит

---

* Богданов А. А. Приключение одной философской школы. СПб., 1908. С. 66.

** Scherrer J. L'intelligentsia russe: sa quête de la 'vérité religieuse du socialisme // Le temps de la réflexion. II. Paris, 1981. P. 113–152; Steila D. Scienza e rivoluzione: La recezione dell'empiriocriticismo nella cultura russa (1877–1910). Firence, 1996. P. 156–166.

*** Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 10.

только некоторые элементы социалистической культуры: пролетарская культура — это социалистическая или коллективистская культура в процессе эволюции.

Анализируя провал революции 1905 года и его конфронтацию с Лениным по поводу большевистской стратегии после 1905 года, Богданов (и его идейные товарищи) приходит к очевидному выводу, что для организационных целей трудящимся необходима своя собственная интеллигенция, т. е. рабочая интеллигенция, и что по идеологическим причинам им нужно обрести свое классовое сознание, которое включает в себя не только поведение, мышление и идеологию трудящихся, но также и философию, науку и искусство. В статьях и брошюрах, написанных после 1907 года, Богданов отстаивает развитие культурной гегемонии пролетариата до захвата власти. В брошюре «Не надо затемнять», напрямую адресованной Ленину, Богданов утверждает, что «большевизм — это не просто политическое явление, это настолько же явление социокультурное»*. Именно такие идеи привели к тому, что Богданов, Горький, Луначарский и другие левые большевики основали для русских рабочих две социал-демократические партийные школы, которые работали на Капри (с августа по декабрь 1909 года) и в Болонье (с ноября 1910 по март 1911 года). В Каприйской школе, как писал Богданов в 1918 году в статье «Пролетарский университет», и было впервые сформулировано понятие «пролетарская культура»**. Все обучение, состоявшее из курсов по политической экономике, социализму, профсоюзному движению, истории, философии, литературе и искусству, было нацелено на то, чтобы объяснить всю историю человеческой деятельности и мысли не только с точки зрения рабочего человека, что рабочий мог понять, но скорее как целостный продукт опыта рабочего человека. Целью партийных школ для рабочих являлись развитие и организация классового сознания пролетариата (что для Богданова было идентично творческому потенциалу пролетариата), т. е. собственно пролетарской культуры.

Одним из результатов деятельности школы на Капри стало создание группы «Вперед», независимой социокультурной политической фракции Российской социал-демократической

---

* Максимов Н. Не надо затемнять // Ко всем товарищам: листовка. Париж, 1909. С. 5.

** Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 10.

рабочей партии, основанной преподавателями и большей частью рабочих, обучавшихся в Каприйской школе, с целью защиты «чистого», «настоящего» и «истинного» большевизма в противовес авторитарному индивидуализму ленинского стиля руководства. В платформе группы «Вперед», которая фактически была разработана Богдановым, понятие пролетарской культуры впервые появляется как политический лозунг.

Приведу достаточно объемную цитату из политической платформы группы «Вперед», которая, что подчеркивает ее важность, была использована самим Богдановым в 1918 году в его обосновании необходимости пролетарского университета: «Мир буржуазии, с его развитой культурой, которая оставила свой след в современной науке, искусстве и философии, незаметно затягивает нас в свое лоно, в то время как классовая борьба и наши общественные идеалы тянут нас в противоположном направлении. Нам не следует полностью рвать с этой культурой, которая выросла из ткани истории, ибо в ней мы можем и должны найти мощное оружие в борьбе против самого этого старого мира. Принять ее такой, какая она есть, означало бы сохранение в самих себе того самого прошлого, против которого мы и боремся. Есть только один выход: использовать буржуазную культуру прошлого, чтобы создать, с целью борьбы с буржуазной культурой, и распространить среди масс новую пролетарскую культуру: развить пролетарскую науку, укрепить настоящие братские отношения в пролетарской среде, разработать пролетарскую философию и направить искусство к устремлениям пролетариата и к его опыту. Это единственный путь прийти к всеобщему социалистическому образованию, что позволит нам избежать бесчисленные противоречия нашей жизни и работы и значительно приумножит наши силы в борьбе и в то же время приблизит нас к нашему идеалу социализма, при этом постоянно вырабатывая новые свои элементы в настоящем»*.

В противовес тому, что Богданов считал теоретическим консерватизмом Ленина и Плеханова**, платформа группы «Вперед» призывала к достижению культурной гегемонии пролетариата наряду с его политической гегемонией, поскольку политика составляет единое целое с другими аспектами идеологиче-

---

* Современное положение и задачи партии. Париж, 1909. С. 16–17.

** Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911. С. 29–30.

ской жизни общества. По Богданову, социалистический идеал включает в себя как политическое, так и культурное освобождение. Социализм возможен лишь тогда, когда пролетариат выработает свою собственную интеллектуальную и моральную сознательность, которая, вероятно, будет противостоять старому миру культуры*.

В статье «Социализм в настоящем», написанной в начале 1911 года для группы «Вперед», Богданов развивает свою теорию товарищеского сотрудничества, которое связывает пролетариат, стимулирует его чувство психологического единства, чувство органического сознания единства, одним словом, чувство коллективизма. То, что Богданов называет коллективизмом, есть психология рабочего класса, его осознание себя как класса. Собственно, именно в процессе коллективного труда появился фундаментальный тип организации целого класса, что и позволило пролетариату выработать новые формы жизни и мышления, т. е. свою культуру. Эти братские и коллективистские отношения внутри рабочего коллектива должны стать организационной основой партии, а также и структуры пролетарской семьи; они должны служить выработке новой науки, новой философии и нового искусства. На их основе формируется «социалистическая пролетарская культура».

В 1911 году Богданов покидает группу «Вперед» из-за внутренней политической борьбы в эмигрантской среде. Некоторые его бывшие товарищи не считали реалистичной возможность «создать прямо сейчас в среде существующего общества великую пролетарскую культуру, более сильную и упорядоченную, чем разлагающаяся культура буржуазных классов, и неизмеримо более свободную и творческую»**. Фактически группа, сложившаяся вокруг Алексинского, хотела вернуться к традиционным политико-экономическим, а не культурным приоритетам. С этого момента Богданов концентрируется на теоретической работе, первым результатом которой стал 92-страничный трактат «Культурные задачи нашего времени», появившийся в том же году. Основываясь на опыте партийных школ, Богданов впервые систематически раскрывает концепцию пролетарской культуры со всеми уже разработанными им основными ее аспектами, которые он разовьет более подробно в будущем.

---

* См.: Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov – Lenin controversy. Ithaca and London, 1988. P. 185.

** Максимов Н. Не надо затемнять. С. 5.

Здесь, как и в других своих работах, Богданов различает три сменяющие друг друга типа культуры, каждый из которых зависит от типа организации труда, т. е. технологического уровня общества на разных стадиях развития: авторитарная культура, индивидуалистическая культура и коллективистическая культура.

Именно коллективный опыт, полученный в процессе совместной работы, дал толчок не только первичному приобретению технологического и научного знания, но также и мифам, религиозным легендам, песням, поэзии и классике литературы. Именно опыт человека в процессе активного труда явился источником всех этих творений. Ученые и художники как индивидуумы, часто не пролетарского происхождения, не более чем передают опыт трудового коллектива. Фактически они являются конвейером коллективности. Каждое открытие в астрономии или физике, каждое литературное творение, такое как «Отелло», «Гамлет», «Фауст» или «Вильгельм Телль», берет свое начало в опыте коллективной работы. Истинный творец духовной культуры, таким образом, — это не отдельный человек с его произволом, но «трудовое бытие коллективов»*. «“Автор”, “творец”, “гений” есть просто — точка приложения созидающих социальных сил, которые в нем концентрируются и через его сознание вырабатывают себе новые формы»**. Таким образом, субъективно автор может быть творцом, но объективно творцом является общество.

Богданов разграничивает три основные области, где пролетариат должен создать для себя некую систему культуры, свободную от фетишизма и индивидуалистических буржуазных норм (которые были полностью отчуждены от социальной практики человека), — мораль, искусство и науку. В качестве основания новых социальных норм Богданов предлагает пролетарский моральный принцип товарищеской солидарности, упомянутый ранее. Новые социальные нормы должны соответствовать техническим нормам труда; они должны быть освобождены от своей абстрактной природы и сведены до организационных принципов человеческих отношений. Все будет зависеть от нужд коллектива, и все будет делаться в соответствии с его интересами. Нормы морали, закона и традиций, развив-

---

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 42.

** Там же. С. 41.

шиеся в процессе жизни пролетарского класса, будут соответствовать только пользе коллектива и его социальным потребностям. Придется изобрести новую терминологию, ведь такие слова, как «закон», «мораль» или «религия» в качестве атрибутов абсолютной власти утеряют всякое значение. «Столь же неверный оттенок, — рассуждает Богданов, — придается понятиям тогда, когда говорят о пролетарской “нравственности”, пролетарском “праве” и пр. Принципиально новые культурные формы требуют для себя новых понятий»*. Истина определяется в таком случае трудовым опытом и практикой коллектива.

В подобном ключе с новым пролетарским искусством нужно интегрировать опыт коллективности в работе. Пролетариат жил своей собственной жизнью, отличной от жизни любого другого класса, следовательно, ему требовалось свое собственное искусство, пропитанное его чувствами, стремлениями и идеалами. Здесь Богданов с жаром опровергает возражения тех, кто считал, что трудные условия существования рабочего класса и еще более тяжелые обстоятельства социальной борьбы могут препятствовать ему принять на себя ответственность за свое искусство, по крайней мере, пока он не у власти. Напротив, искусство организует социальный опыт посредством живых образов и не только в области знания, а в еще большей степени в области чувств и желаний. Поскольку пролетарское искусство таким образом исполняет организационную функцию в жизни коллектива и гармонизирует чувства и идеалы масс, оно становится наимощнейшим двигателем развития и в конечном счете победы коллектива. Сплоченность класса будет тем сильнее, чем больше будет искусство охватывать области вне экономики и политики общества.

В труде «Культурные задачи нашего времени» Богданов не раскрывает формы нового пролетарского искусства, предоставляя «это другим, более меня компетентным в таких вопросах»**. Но с точки зрения содержания он считал неверным и наивным полагать, что пролетарское искусство должно описывать жизнь рабочих, их быт и борьбу. Совокупность опыта класса, которая является объектом искусства этого класса, не является по этой причине ограниченной; она охватывает все существование и весь быт общества, так же как и всей при-

---

* Там же. С. 85.

** Там же. С. 77.

роды. Пролетариат живет бок о бок с другими классами, чужеродными или враждебными, с которыми он связан многочисленными нитями — духовными, экономическими и социальными. Многие из этих элементов, сознательно или нет, были ассимилированы пролетариатом. И даже если он с ними борется, в конце концов они являются наследием тех классов, из которых и вырос сам пролетариат: мещанства и крестьянства. И чем ближе он знакомится с этими классами, с их психологией, организацией и интересами, тем менее он подвержен их культурному влиянию; тем легче будет пролетариату впитать из их культуры самое полезное и прогрессивное. С точки зрения организационной функции культуры, которая (по Богданову) состоит в «оформлении и закреплении определенной социальной организации»*, пролетарское искусство сможет показать трудящимся на работе, в их общественной борьбе и в их каждодневной жизни многое из того, что просто не попадает в сферу их сознания. Таким образом, искусство является основополагающим элементом самосознания пролетарского класса.

Поскольку искусство передает человеческий опыт труда не через абстрактные идеи, а через конкретные живые образы, оно более демократично, чем наука, и более доступно массам. Однако именно в «демократизации научного знания» видел Богданов первостепенную культурную задачу пролетариата своего времени. В его представлении это был не вопрос устранения неграмотности или приобретения специализированного знания по определенным дисциплинам или его популяризация через брошюры и публичные лекции, как это обыкновенно происходило в буржуазной культуре. Для него это был вопрос общего знания, вопрос реализации «суммы» знания, разбитого доселе на отдельные части, и поворота от специализации к общему опыту и, таким образом, к общей системе человеческого труда. Рабочим нужно глобальное и объединяющее научное объяснение, которое позволило бы им в целом осознать существующие взаимосвязи между различными техническими методами, которые они могли бы в дальнейшем собственноручно применить в производстве, а также различные социальные, экономические и идеологические методы, имеющие значение для организации рабочего класса и судьбы трудящихся. Таким образом, рабочие должны иметь доступ к систематизации раз-

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 51.

личных областей научного опыта для преодоления узкоспециального дискурса. Отсюда и идея создания Пролетарского университета (предшественниками которого были школы на Капри и в Болонье), где преподавались бы все фундаментальные разделы науки в единой связке.

Именно это стремление систематизировать весь научный опыт своего времени и сделать его доступным для рабочего класса заставило Богданова вернуться к проекту энциклопедии для рабочих, который был начат еще во время работы Каприйской школы. Так же как Великая энциклопедия XVIII века свела воедино фрагментарное знание и опыт буржуазной эры, новая энциклопедия была призвана представить науку и философию трудящегося человечества в качестве средства для организации коллективной деятельности человека.

Пролетарская демократизация знания, т. е. создание пролетарской науки и пролетарской философии, была предпринята Богдановым в последующие годы в его труде «Тектология, или Всеобщая организационная наука» (первый том вышел в 1912 году), в котором он предложил заложить основу науки, нацеленной на унификацию всего организационного опыта человечества и синтез всего знания, аккумулированного в рамках отдельных дисциплин.

В целом можно сказать, что пролетарская культура, какой ее видел Богданов до 1917 года, не была «популярной культурой» или культурой народных масс. Она не определялась народным искусством и традициями или фольклором. Она не имела ничего общего ни с искоренением неграмотности, ни с обучением масс или с простым усвоением буржуазной культуры, ни с отказом от культурного наследия. Она не предложила и какой-либо настоящей эстетики: в дилетантском анализе Богданова, в котором конкретное содержание пролетарской культуры остается весьма расплывчатым, бессмысленно искать определенный эстетический подход. Для него это был прежде всего вопрос осознания пролетариатом того, что заложено в его быте, для того чтобы выявить его внутреннюю культуру. Это был вопрос осознания самих себя: своей жизни, труда, чувств, эмоций, идеалов, отношений и ментальности; одним словом, они должны были прийти к самосознанию, постоянно обращаясь к коллективной воле, что для Богданова то же самое, что и боевое творчество. Только развитие этой независимой культуры могло гарантировать пролетариату полную независимость и автономность.

В 1917 году эти условия не были выполнены. Богданов не оспаривал достижения Октябрьской революции, но подвергал сомнению ее социалистический характер, учитывая недостаток культурной зрелости пролетариата в целом. В 1917 году он работал в Отделе культуры и образования Московского совета, в 1918–1921 годах посвятил себя Российской пролетарской культурно-просветительной ассоциации (или Пролеткульту), которая была основана в Петрограде в октябре 1917 года и членом Центрального комитета которой он являлся. Здесь он работал вместе со своими бывшими товарищами из группы «Вперед», которые под руководством Луначарского в 1913 году создали в Париже и Женеве Кружок пролетарской культуры. В него входили П. Бессалко, М. Герасимов, А. Гастев, Ф. Калинин, П. Керженцев, П. Лебедев-Полянский и ряд пролетарских поэтов и писателей, которые играли ведущую роль в организации Пролеткульта. Луначарский, нарком просвещения, по крайней мере в начале, помогал защищать автономность Пролеткульта.

Преданность Богданова Пролеткульту, которую я не могу здесь описать детально, основывалась на его убеждении в том, что ключ к социализму лежит в сфере культуры: без культурного освобождения социализм значит немного. На страницах «Пролетарской культуры», главного журнала Пролеткульта, Богданов (член его редколлегии) заявлял, что организация Пролеткульта должна быть открыта только для наиболее квалифицированных рабочих ведущих секторов индустрии, а также для самых политически зрелых и активных рабочих. Только они могли обеспечить культурное и идеологическое руководство, гегемонию политического блока над мелкобуржуазной и крестьянской культурой широких масс. Богданов утверждал, что, так же как и партия не может позволить, чтобы ее политическую линию определяли наименее сознательные рабочие, так и Пролеткульт не может позволить, чтобы наименее сознательные рабочие определяли его культурную линию. По аналогии с партией Пролеткульт должен стать культурным авангардом рабочего класса, а также представлять собой, по формулировке Богданова, «лабораторию чистой пролетарской идеологии»*. Особое понимание Богдановым культуры снова

* <Богданов А. А.> План организации пролеткульта // Пролетарская культура. 1919. № 6 (февраль). С. 26–29.

привело его к оппозиции с Лениным, который, как известно, считал, что в особых условиях отсталости России в качестве основы образования рабочих вполне подойдет настоящая буржуазная культура.

До 1917 года Богданова мало интересовали конкретная, прикладная эстетика и формы пролетарского искусства, гораздо больше он занимался теоретическими и организационными вопросами Пролеткульта. Как и раньше, в первую очередь пролетарская культура означала для него независимое творчество пролетариата для развития его самосознания. Для социализации науки, что являлось ключевым вопросом пролетарской культуры, и на основе опыта, полученного в партийных школах на Капри и в Болонье, были основаны Пролетарский университет, пролетарская энциклопедия и пролетарская библиотека научно-философских трудов. Среди многочисленных работ Богданова, написанных им во времена Пролеткульта, не было ни одной в поддержку максималистских настроений некоторых представителей Пролеткульта, таких как В. Т. Кириллов, которые хотели полностью отказаться от культурного наследия предыдущих поколений; в этом Богданова упрекал и Ленин, и в дальнейшем советская историография с целью его дискредитации.

То, что вопрос культуры был представлен центральным для революции, является безусловной заслугой Пролеткульта и Богданова. Но ни Богданов, ни Пролеткульт не смогли для своей цели мобилизовать пролетарский авангард и разработать независимую пролеткультовскую эстетику.

В целом можно сказать, что Богданов, «как первые антропологи, понимал культуру в самом широком смысле, включая сюда инструменты, средства сотрудничества, речь, знание, искусство, традиции, законы, этику и так далее — другими словами, все продукты человеческого труда, как материальные, так и нематериальные»*. Однако в основном он касался культуры в более узком значении того, что он называл «духовной культурой», которая включает в себя мировоззрение, художественное творчество, эстетику и политические отношения. Он использовал понятие культуры в этом смысле в качестве синонима идеологии, которую он определял как учение о социальном

---

* Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov — Lenin controversy. Ithaca and London, 1988. C. 68.

сознании людей*. Главная идея Богданова состоит в том, что культура в своих многочисленных формах, будь это речь, знание, традиции или искусство, обладает внутренней структурой, имплицитной организационной функцией. Культура играет настоящую практическую роль в обществе, и это организационная роль. В противовес Марксу, который относился к культуре как к эпифеномену, что подразумевается в его использовании понятия суперструктуры, Богданов определял культуру как тип инфраструктуры общества со своей собственной конкретной ролью**. Нет никакого сомнения в том, что, кроме более практически направленной концептуализации пролетарской культуры, Богданов также разработал и более антропологическое понимание культуры в таких работах, как «Философия живого опыта», «Наука об общественном сознании» и «Тектология». Но это вопрос отдельного исследования.

Пер. с англ. О. В. Дворкиной

---

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 3; Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov — Lenin controversy. Ithaca and London, 1988. С. 68.

** Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov — Lenin controversy. С. 70.

М. А. Пилюгина, В. В. Сидорин

Пролетарская культура как концепция и политическая программа А. А. Богданова: замысел, критика, реализация

Основным предметом интереса выдающегося советского исследователя и философа А. А. Богданова являлся человек и окружающая его действительность. Обладая широкой эрудицией, помимо философии, для изучения различных индивидуальных и социальных аспектов жизни, он использовал достижения различных гуманитарных наук, прежде всего психологии, социологии, истории. Кроме того, создавая свою всеобщую организационную теорию, А. А. Богданов хотел не только систематизировать имеющиеся и прирастить новые теоретические знания, но и сделать их применимыми в живом опыте.

Этот подход обнаруживается при разработке темы пролетарской культуры, которая представляла собой не только (и не столько) поиск и изучение художественных форм воплощения новых социально-исторических реалий и смыслов. Данный проект, работа над которым начинается А. А. Богдановым в 1904 и оформляется в лозунг и концепцию в 1909 году*, был направ-

---

* См.: От автора // Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904–1924. Л.; М., 1924. С. 10.

лен на изучение культуры в более широком, социально-антропологическом контексте. Основная цель состоит в формировании нового типа человека и социальных отношений, для чего осуществляется рассмотрение его и как индивида, личности и как представителя единой общности, в том числе в контексте ценностей, идентификации и сознательности. Лишь системное рассмотрение различных аспектов жизни человека и общества может способствовать пониманию потребностей пролетариата в содержании культуры, науки и образования.

Необходимость подобной работы он видит в современном состоянии как самого человека, так и наук о нем. Понятие и понимание человека включает все множество разнообразного опыта* и знаний, с которыми он сталкивается в своей жизни. В силу этого частные науки, равно как и философия, способны дать лишь частичные концепции. А. А. Богданов видит свою задачу в формулировании более полной, интегрированной концепции, для которой «необходимо рассматривать человека не только, как целый мир опыта, но и как мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами»**. Одной из важных составляющих этого мира является участие *Других* посредством общения, которое обеспечивает как расширение индивидуального опыта, так и его объективность, общность.

А. А. Богданов проводит реконструкцию экономических и социальных форм взаимодействий, так как именно в них видит основной источник выработки социальных практик, которые укрепляются в мышлении и сознании и формируют культуру. С усложнением социальных связей появляется иерархия и разделение труда (в виде ролей исполнителя и организатора). Они приводят к разнородности отношений и оформлению их авторитарных форм. Именно развитие последних задавало логику и направление историческому процессу во всех сферах жизни (экономической, духовной и религиозной, социальной, культурной) и послужило причиной возникновения индивидуализма и последующего дробления коллективного мышления и самого человека. На этом этапе в коллективах выделяются авторитеты, вырабатываются нормы и формы долженствования (этиче-

---

* Для А. А. Богданова как эмпириомониста важно единство физических и психических содержаний и опытов.

** Богданов А. А. Новый мир (1904–1924): Собирание человека // Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904–1924. С. 15.

ские, религиозные, юридические), начинается познание мира, определяемое как желание объяснять*. Последующее расширение труда и знания, их спецификация и специализация повлекли за собой сужение и разобщение индивидуальных миров и возможностей. Такая ограниченность начинает сказываться на возможности взаимопонимания, единый коллектив постепенно распадается на отдельные хозяйства и группы, что ведет, с одной стороны, к определенной зависимости друг от друга, с другой — к конкуренции и увеличению конфликтов. Дальнейшее развитие индивидуализма определяется «пробуждением» индивидуального сознания, избавлением от влияния авторитетов и появлением революционных движений.

Возникающие у человека противоречия и неудовлетворенность становятся первыми шагами на пути к обретению его собранного, целостного состояния. В эпоху Новейшего времени процессы дробления замедляются и в рамках философии осуществляются первые работы по объединению опыта в его многообразии, а далее сама жизнь осуществляет этот процесс. Развитие машинного труда помимо упрощения и минимизации участия человека в производстве, требует от него внимания и знаний, интеллектуальных усилий и интересов, что позволяет ему «углубить и расширить опыт, интересы и стремления, направленные к собиранию человека»**.

Следующий этап развития общества А. А. Богданов связывает с обретением единства, для которого необходимо изменение мировоззрения, общение, возвращение к монистическим формам жизни и коллективным ценностям, которые способны осуществиться только с появлением классового сознания. Собирание человека открывает перед ним все богатство и многообразие свободной и пластичной жизни и опыта, безграничный простор для развития. Товарищеские отношения, которые характерны для классового мышления пролетариата, в полной мере отражают и способствуют сохранению и развитию такого состояния человека. Нормы внешние, формулируемые через принуждение и авторитеты, заменяются на нормы целесообразности, открывающие свободу выбора перед человеком и сохраняющие порядок в силу своей внутренней гармоничной природы и согласованности с опытом. Для сознательных товарищеских отношений, помимо таких свободных и не индивиду-

---

* Там же. С. 21.

** Там же. С. 29.

алистических целей, характерно их единство и чувство симпатии, которое позволяет выйти за границы личных интересов.

В этих мировоззренческих, ценностных изменениях пролетариата, т. е. в осознании себя как класса и создании крепких товарищеских отношений, видит основную задачу пролетарской культуры А. А. Богданов. Такой подход позволит преодолеть предрассудки и ограничения не только в экономических, правовых, социальных сферах, но и направить науку и искусство на собирание человека. Ведь они тоже структурируют и передают опыт человека: наука — в отвлеченных понятиях, искусство — в образах.

Пролетариат, отмечает А. А. Богданов, прошел этапы общности экономической, профессиональной, кооперативной и политической, но еще не сформирован как культурная организация, имеющая классовое сознание*. И на этом пути необходимы активность, заинтересованность и вовлеченность представителей новой культуры. В силу отсутствия собственной интеллигенции (образованных представителей класса) — научной, технической, творческой необходимо изучить и переосмыслить достижения предшествующей культуры, оставив и приняв то, что соответствует ценностям товарищества, свободы, и безжалостно критикуя то, что содержит и несет в себе ценности авторитаризма и угнетения. На этом пути важно использовать правильный критический метод, свободно и непристрастно направляя внимание и оценивая предмет без его связи с имеющимися классовыми предрассудками и предзнанием**. Главная цель состоит в определении «художественной идеи», что обеспечивается через всеорганизационный подход. На примере анализа произведений прошлого, в частности «Гамлета» У. Шекспира, А. А. Богданов проводит такое исследование, используя организационную задачу для рассмотрения целостности личности главного героя, ее двойственность и трагизм (типа сознания, который он олицетворяет)***. Это позволит не только использовать прошлый опыт, но переосмыслить его, определить противоречия и недостатки, определить существенные для развития условия и тем самым использовать в качестве инструмента при построении товарищеских отношений и далее

---

* Богданов А. А. 1918 // Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904—1924. С. 100—101.

** Богданов А. А. О художественном наследстве // Там же. С. 143—144.

*** Там же. С. 150—154.

на этой основе создавать собственную культуру: «поскольку искусство прошлого способно воспитывать чувство и настроение пролетариата, оно должно служить средством их углубления и просветления, и расширения их поля на всю жизнь человечества, на весь его трудовой путь, — но не средством возбуждения, не агитационным орудием»*. Таким образом, разработку и развитие пролетарской культуры он связывает с социальным и политическим самосознанием, с осознанием уникальности и самости пролетариата и его ценностей.

Кроме того, философ отмечает, что таланта и приверженности социалистическим идеалам недостаточно для служения им и проникновения в массы. Необходимо повышение общего уровня воспитания и образования, развитие навыков и умений. Поэтому одним из способов реализации и распространения идей пролетарской культуры являются педагогические и образовательные средства. При этом к формированию пролетарского искусства А. А. Богданов относился скептично, так как, во-первых, необходимо сначала выработать классовое сознание, и во-вторых, для творческой деятельности необходимы свободное время и досуг, которыми не располагает рабочий. Творчество является разновидностью труда, причем самого сложного и интенсивного. Несмотря на это, искусство является одной из форм выражения мышления общества и обладает безграничным организующим и направляющим потенциалом и силой, которые лишь еще предстоит раскрыть и использовать**.

Важнейшим моментом теории Богданова, входившим в ее концептуальное ядро, была проблема идеологии, тесно связанная для него с вопросом о необходимости и возможности строительства пролетарской культуры: мыслитель не только не раз возвращался к этой проблеме в своем творчестве, но и одним из первых в отечественной философской истории поставил ее в качестве отдельной исследовательской задачи, фактически предчувствуя то значительное место, которое займут исследования феномена идеологии в мировой философии XX века.

В цикле «Новый мир» Богданов формулирует задачу создания научной теории человека, охватывающей всю целостность его опыта — целостность, принципиально динамичную

---

* Там же. С. 157.

** См.: Богданов А. А. Возможно ли пролетарское искусство // Там же. С. 104—116.

и не ограниченную никакими пределами. Однако это не ницшеанский безусловный и беспредельный выход человека за собственные пределы — радикально индивидуалистический по своей природе; это выход за пределы прежнего исторического человека, обусловленный его изначальной социальной и коллективистской природой, присущим этому «Я» стремлением к «Другим». Более того данная своеобразная антропологическая революция имеет не волюнтаристские основания, но укоренена, с точки зрения Богданова, в объективном ходе вещей — развитии трудовых отношений, представляющем собой, в свою очередь, реализацию ключевого исторического процесса — борьбы человека с природой. Именно последняя оказывается движущей силой человеческого прогресса и причиной постоянного увеличения и качественного усложнения коллективного опыта. На протяжении целого ряда работ Богданов развивает и уточняет свою концепцию, интерпретируя историю как процесс адаптации человека к окружающей среде и обрисовывая его как целый ряд «приспособлений» и биологической природы (трансформация нервных центров, возникновение стадных инстинктов), и «организующих приспособлений», ключевыми из которых оказываются речь, само познание, обычай. Именно из последнего и развиваются право и нравственность и иные идеологические формы.

Вместе с тем, несмотря на признание первичности процесса трудового и технического приспособления, над которым и выстраиваются идеологические формы, Богданов не раз предупреждает на страницах своих работ об ошибочности их вульгарной интерпретации как «надстройки», не имеющей самостоятельного значения. Несмотря на свою производность от экономических процессов, идеологические формы выполняют важнейшую функцию организации коллективного опыта. Недооценка значимости и роли идеологических форм составляет, с его точки зрения, слабость классической марксистской социологии и политэкономии, устранение которой объявляется одним из основных вызовов времени*. Признание важнейшей роли идеологии, тем не менее, не должно приводить и к иной крайности — приданию им самостоятельного статуса, что сам Богданов именует «великим фетишизмом норм», видя в нем

---

* Богданов А. А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 41; Богданов А. А. Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). 3-е изд. Пг.; М., 1923. С. 5—7.

своеобразное знамение времени и закономерный итог предыдущего исторического развития («мучительного пролога истории») и предрекая его скорое падение. Раздробление некогда единого коллективного опыта на субъектов, выполняющих исключительно организаторскую или исполнительскую функцию, и делает возможным отрыв и мнимое освобождение идеологических форм от трудовой практики — комплекс идеологических форм приобретает ложную отрешенность и самостоятельность*. Несмотря на это, именно «идеологизм» и якобы имеющийся в концепции Богданова отрыв «надстройки» и «базиса» станут в следующее десятилетие одним из наиболее ходовых упреков в адрес мыслителя со стороны формирующегося официального (марксистско-ленинского) дискурса советской философии.

Именно в рамках концепции идеологии как важнейшего организующего приспособления идея пролетарской культуры приобретает свое подлинное значение: создание новых культурных форм оказывается не задачей, продиктованной революционной конъюнктурой и политической повесткой дня, но средством обеспечения фундаментальной антропологической перестройки, объективные условия которой — автоматизация и масштаб фабричного предприятия, преодолевающие раздробленность опыта и приводящие к возрастанию общности его содержания, подготовили капиталистический способ производства. Задача создания пролетарской культуры в таком контексте не только приобретает приоритет по отношению к цели завоевания и удержания пролетариатом политической власти, но и становится единственно возможным залогом успеха в процессе достижения этой цели.

Богдановская концепция пролетарской культуры в пореволюционные годы была достаточно влиятельна: любая другая точка зрения на данный вопрос фактически не могла быть сформулирована иначе, чем через выработку более или менее четкого отношения к теории Богданова. Эта реакция была разнообразной, уже издатель сборника А. А. Богданова «О пролетарской культуре» констатировал «целую радугу мнений»**. Не претендуя на исчерпывающую полноту, мы попытаемся кратко

---

* Богданов А. А. Падение великого фетишизма (Кризис современной идеологии). М., 1910. С. 56.

** От издательства // Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904—1924. С. 5—9.

охарактеризовать эту палитру, в считанные годы превратившуюся затем по идеологическим соображениям в монохромное изображение, к тому же радикально исказившее оригинал.

Одним из наиболее влиятельных — до известных событий — критиков богдановской концепции культуры являлся Л. Д. Троцкий, затронувший тему пролетарской культуры в сборниках «Литература и революция» и «Культура переходного периода». Отрицательное отношение одного из ключевых руководителей советского государства к этой проблеме было продиктовано несколькими обстоятельствами. Будучи совершенно убежден в дальнейшем шествовании мировой революции и воспринимая настоящее как «привал меж двух боев и походов», Л. Д. Троцкий исходил из абсолютного приоритета политических задач. Грядущая борьба ставила, по его мнению, на повестку дня совершенно иные вопросы, в контексте которых «молекулярный процесс культурного подъема пролетариата», подготовляющего фундаментальные сдвиги в области культуры, был, безусловно, важен, но не обладал актуальной значимостью. Но, главное, исходя из временного характера пролетарской диктатуры, Л. Д. Троцкий ставил под сомнение саму необходимость создания собственно пролетарской культуры: эпоха мировой революции, когда все лучшие силы следует бросить на политическую борьбу, должна смениться социалистическим строем, культура которого уже не может и не будет иметь классового характера. Настоящая задача заключается, таким образом, в овладении ключевыми элементами старой культуры, закладывании основ всечеловеческой, бесклассовой культуры, что поможет в будущем, после победы мировой революции, проложить дорогу новой, социалистической культуре*.

Менее однозначную позицию по отношению к концепции Богданова занимал другой представитель высшего эшелона советской власти — Н. И. Бухарин. В отличие от Троцкого, признавая значимость, актуальность и своевременность задачи создания новой, пролетарской культуры, Бухарин, тем не менее, полагал, что А. А. Богданов исходит из ошибочной точки зрения на соотношение культурных и политических преобразований, недооценка значимости последних приводит его к меньшевист-

---

* См.: Троцкий Л. Д. Литература и революция. 2-е изд. М., 1924. С. 140—162 (гл. «Пролетарская культура и пролетарское искусство»).

ской позиции*. Бухарин, в свою очередь, предпринял попытку теоретически обосновать принципиальную невозможность вызревания пролетарской культуры в рамках капитализма и тем самым необходимость диктатуры рабочего класса как важнейшего условия создания пролетарской культуры. Он настаивал, что тезис о полном вызревании предпосылок революционной ситуации в рамках предыдущей общественно-экономической формации является шаблоном, схемой, объясняющими слом феодальных отношений и буржуазную революцию, но не применимыми из-за специфики капитализма к революции социалистической. Европа Нового времени не характеризовалась тотальным доминированием феодальных отношений: наряду с земельной аристократией возник и развивался город, где господствовала буржуазия, причем последняя не эксплуатировалась помещичьим классом, а представляла собой относительно независимую экономическую, политическую, культурную силу, что позволило ей сформировать собственную развитую культуру, ставшую затем предпосылкой и основой Французской буржуазной революции. В случае с капитализмом ситуация, по мнению Н. И. Бухарина, иная, так как пролетариат эксплуатируется буржуазией, является «культурно-угнетенным классом», что не позволяет ему развиться должным образом в рамках капиталистического строя: «неэксплуатируемая буржуазия могла быть уже в лоне феодализма культурно выше того класса, который она затем свергла; наоборот, экономически эксплуатируемый пролетариат не может в пределах капитализма стать культурно выше, чем господствующая буржуазия, которую ему приходится свергать»**. Рабочий класс, таким образом, в рамках капиталистических отношений способен подготовить себя лишь к разрушительной работе, а необходимой предпосылкой созревания его культурного и организаторского потенциала оказывается у Бухарина завоевание им политической власти и построение собственной диктатуры.

---

* Возражения Богданова см.: Богданов А. А. Открытое письмо тов. Бухарину // А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. Кн. 1 / под ред. Г. А. Бордюгова; сост. Н. С. Антонова, Н. В. Дроздова. М., 1995. С. 204–207.

** Бухарин Н. И. Буржуазная революция и революционный пролетариат // Под знаменем марксизма. 1922. № 7–8. С. 68. См. также: Бухарин Н. И. Пролетарская революция и культура. Пг., 1923.

Стоит упомянуть и о симпатиях к богдановской концепции со стороны другого высокопоставленного большевика — А. В. Луначарского, позиция которого также отличалась неоднозначностью. С одной стороны, как известно, нарком просвещения с самого начала поддерживал и идею пролетарской культуру, и многие начинания Пролеткульта, одно время выступая даже сторонником его автономии от государственной системы; однако, с другой — с самого начала и критиковал пролеткультовское движение за недооценку значения «всечеловеческой образованности» и фактическое дублирование ряда функций Наркомпроса*.

Критика богдановской концепции культуры осуществлялась и внутри самого Пролеткульта, в частности, В. Ф. Плетневым. Формулируя «точку зрения Пролеткульта» Плетнев находил точки соприкосновения между ней и концепции Богданова, сводя их, впрочем, к наиболее общим тезисам об исторической неизбежности и классовом характере пролетарской культуры, о наличии ее зачатков в советской действительности и необходимости критической переработки и использования буржуазного культурного наследия**. Несравненно большее внимание Плетнев уделяет критике. С его точки зрения, в основании теории Богданова лежит концепт «чистой пролетарской культуры» и антропологический идеал «нового человека», следствием чего оказывается радикальная недооценка классовой борьбы, которая как бы заслоняется задачей достижения «высоких коммунистических целей». «Такая постановка вопроса неизбежно ведет к столкновениям с реальной обстановкой, вступает в непримиримые противоречия со сложнейшим узлом классовой борьбы»***. Игнорирование классовой борьбы приводит Богданова и к преувеличению роли идеологии и ее отрыву от базиса: в его концепции остается якобы совершенно непроясненным, с точки зрения критика, каким образом возникают и развиваются элементы пролетарской культуры,

---

* Луначарский А. В. Еще о Пролеткульте и советской культурной работе // Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1967. С. 205–208; Луначарский А. В. Еще к вопросу о культуре // Известия ВЦИК. 1922. 3 ноября. № 249. С. 2.

** Плетнев В. Ф. Три точки зрения на пролетарскую культуру. М., 1926. С. 29.

*** Там же. С. 32.

если классовая борьба не подготовляет и не создает всех необходимых для этого условий. Эти противоречия позволяют, по Плетневу, говорить об отвлеченности формулировок Богданова, идеализме и антиисторичности его подхода к вопросам пролетарской культуры. Упреки в непонимании разницы между пролетарской (классовой) и социалистической (внеклассовой) культурой, отрыве культуры от классовой борьбы и ее противопоставлении политике стали основой для критической оценки Богданова и Л. Авербахом, фактически собравшего и подытожившего критические упреки, ставшие к тому моменту общим местом*.

Куда более любопытную критику богдановской концепции представил редактор изданий «Новый мир» и «Печать и революция» В. П. Полонский, посвятивший Богданову немало страниц своих «Очерков литературного движения революционной эпохи». Отдавая должное богдановской концепции, основной исходный пункт которой об организующей силе искусства стал, по его мнению, общепризнанным местом, Полонский останавливается на главном, как ему кажется, противоречии в ней. С его точки зрения, немалое место в теории Богданова занимает категория «прекрасное», подспудно развиваемая Богдановым с внеклассовой, общечеловеческой точки зрения. Искусство оказывается не только средством классовой организации, но и способом познания жизни. Именно это обстоятельство, с точки зрения критика, заставляет Богданова говорить о выходящем за рамки узкого классового подхода сотрудничестве поколений и призывать к усвоению культурного наследия прошлого: «На разрыв с прошлым, на отказ от наследства А. Богданов пойти не может. И он лавирует между “неблагоприятными влияниями” искусства на пролетариат и “всечеловеческими” эстетическими ценностями. Его теория “искусства” как орудия социальной “организации” дополняется контрабандной теорией искусства как познания жизни, или теорией искусства, “расширяющего” бытие человека»**. Из этого «контрабандного» происхождения общечеловеческих эстетических категорий, генезис которых в теории Богданова связан с «непосредственным эстетическим восприятием» самого автора, проистекает, по мнению автора

---

* Авербах Л. За пролетарскую литературу. Л., 1926. С. 36—41.

** Полонский В. П. Очерки литературного движения революционной эпохи. 2-е изд. М.; Л., 1929. С. 68.

«Очерков», и другая слабость — неразвитость концептуального аппарата богдановской эстетики. Акцентируя внимание на организующей силе искусства, Богданов, мол, оперирует эстетическими концептами — «прекрасное», «художественность» и многими другими без их должного предварительного исследования: «Здесь коренится одно из слабых мест теории Богданова. Его анализ произведений искусства недостаточно глубок, потому-то он и не замечает противоречий в своих построениях. Его анализ искусства кончается там, где он, собственно, должен бы начинаться»*.

Обращает на себя внимание, что современники и участники полемики вокруг богдановских идей о культуре прекрасно понимали и учитывали игнорируемую затем в советской историографии дистанцию, лежащую между действительными идеями Богданова, и концепциями наиболее радикального крыла левого культурного движения, если только речь не шла о сознательных идеологических атаках, в которых упрощения, да и прямые фальсификации стремительно становились — особенно с середины 1920-х годов — расхожим способом ведения политической борьбы. Рождение идеологического мифа о культурном нигилизме Богданова, до сих пор, к сожалению, встречающегося в научно-исследовательской и уж тем более в популярной литературе и медиа, было связано с активной политической борьбой, идущей вокруг Пролеткульта в 1920—1925 годах, в которой, на наш взгляд, можно выделить несколько ключевых событий.

В 1920 году на самом высшем уровне разворачивается борьба за организационное подчинение Пролеткульта Наркомату просвещения, которая приводит к появлению ленинского проекта резолюции «О пролетарской культуре» 8 октября 1920 года и письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», опубликованного в «Правде» 1 декабря того же года**. Уже в ленинском проекте резолюции, написанном через несколько месяцев после публикации «Детской болезни левизны в коммунизме» и за несколь-

---

* Полонский В. П. Очерки литературного движения революционной эпохи. С. 69.

** Ленин В. И. О пролетарской культуре // Ленин В. И. ПСС: В 55 т. 5-е изд. Т. 41. М., 1981. С. 336—337; Письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах» от 1.12.1920 // В. И. Ленин о литературе и искусстве. 5-е изд. М., 1976. С. 585—588.

ко месяцев до принятия резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», хотя и затрагивается вопрос «особой культуры», определяющими оказываются сугубо политические моменты: в проекте, как и в последовавшем письме ЦК, очевидна осторожность Ленина, связанная с опасностью ревизионизма большевистской идеологии, тенденцией децентрализации в культурной области, фракционностью и, по-видимому, возможным возвращением в сферу публичной политики А. Богданова, на прямую дискредитацию которого были направлены оба документа. Если в ленинском проекте резолюции еще просто говорилось о миросозерцании марксизма как единственно верном выражении интересов пролетариата с явным, как кажется, намеком на то, что теоретические построения бывшего соратника к этому миросозерцанию не относятся, то ЦК в своем письме уже указывал на сторонников «буржуазно-идеалистической» философии (махизм), захвативших власть в пролеткультовском движении и пытающихся контрабандно протащить под видом пролетарской культуры свои «реакционные» взгляды*.

В конце 1922 — начале 1923 года произошла следующая решительная атака, вновь инспирированная Лениным: в октябре 1922 года в «Правде» появляется статья Я. Яковлева «О “пролетарской культуре” и Пролеткульте», направленная против В. Ф. Плетнева, а в январе 1923-го там же публикуется «Меньшевизм в пролетарской одежке» против А. А. Богданова**.

С принятием резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы»

---

* Год спустя «враг» уже прямо назывался по фамилии, см. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 21 ноября 1921 года за № 78А о Пролеткультах в: В. И. Ленин о литературе и искусстве. 5-е изд. С. 588. Возможно, ленинская убежденность в «двойном дне» пролеткультовской идеи и проясняет двусмысленную — как бы советская историография не пыталась представить дело однозначным и ясным — пометку Ленина на полосе «Правды» от 27.09.1922 со статьей В. Ф. Плетнева «На идеологическом фронте». Во фразе Плетнева «Творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта» тот подчеркивает слова «творчество новой» и «основная» и пишет на полях «ха-ха!» (См.: Ленин В. И. Заметки на статье Плетнева 27 сентября 1922 г. // В. И. Ленин о литературе и искусстве. 5-е изд. С. 448).

** Яковлев Я. О «пролетарской культуре» и Пролеткульте // Там же. С. 589—605.

борьба за полный государственный контроль над развитием культуры перешла в завершающую фазу. Резолюция была направлена против радикалов от культуры, которых с этого момента стали в целях дискредитации навязчиво ассоциировать с уже на тот момент дискредитированным в глазах широкой публики А. А. Богдановым, активно формируя миф о его нигилизме по отношению к культурному наследию прошлого.

Характерно, что в уже цитировавшемся предуведомлении издателей к сборнику «О пролетарской культуре» в палитре мнений о богдановской концепции не указана позиция Ленина, хотя именно она в последующем становится по понятным историческим причинам определяющей для советской историографии данного вопроса. Этот процесс активно разворачивается уже в 1925 году, в чем определяющую роль играет постепенное ужесточение идеологических условий в области культурной политики, и заканчивается полным доминированием ленинских оценок, характерных для дальнейшей советской научно-исследовательской литературы по данному вопросу. В 1937 году выходит книга А. В. Щеглова «Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма», в основном она была посвящена дореволюционному периоду, однако в ней приводились и материалы, касающиеся деятельности Пролеткульта и участия Богданова в нем*. Книга, воспроизводя сформированные в политической борьбе в 1920-х годах идеологические штампы о богдановском нигилизме в вопросах культуры и бесспорной правоте Ленина, фактически подтвердила окончательное оформление магистрального направления. Характерно, что даже одна из ключевых работ советского периода — монография В. В. Горбунова «В. И. Ленин и Пролеткульт», представлявшая в свое время значительный шаг вперед в силу отказа автора от однозначно негативной оценки деятельности Пролеткульта, продолжала транслировать положение о нигилизме Богданова и его пренебрежении культурой прошлого**. Это упрощенная позиция тем более была свойственна массовым изданиям: показателен в этом отношении «исторический комментарий» к проекту резолюции Ленина «О пролетарской культуре», утверждавший отрицание пролеткультовцами культурного наследия прошлого

---

* Щеглов А. В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М., 1937.

** Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974.

и фактически возлагавший ответственность за это на Богданова как главного идеолога Пролеткульта*.

Таким образом, несмотря на то, что богдановская концепция пролетарской культуры противостояла большевизму, исходившему из первичности революционных преобразований в политической сфере, политическая борьба 1920-х годов привела к возникновению устойчивого идеологического мифа о культурном нигилизме философа. Некоторые идеи и действия наиболее радикальных идеологов левого культурного движения революционного десятилетия, использованные в этой борьбе в качестве средств политической дискредитации, механически воспроизводя в некоторых аспектах букву учения Богданова и зачастую вырывая отдельные идеи из более обширного теоретического контекста, на самом деле глубоко противостояли духу его концепции.

В разработке теории пролетарской культуры и ее осуществлении на практике философ проявил недюжинные энергичность, последовательность и систематичность. Начав реализовывать свою идею еще в партийных рабочих школах, организованных на острове Капри и в Болонье (1909–1910)**, Богданов, несмотря на критику со стороны большевистской партии и последующее закрытие школ, продолжал работу и исследования и сумел сразу же после Октябрьской революции добиться создания соответствующей организации, развернувшей бурную и многостороннюю деятельность, в рамках которой можно выделить несколько основных направлений***:

– просветительские и образовательные задачи, что нашло выражение в разработке учебных программ и планов, в ор-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 532.

** См.: Кара-Мурза А. А. Александр Богданов и «Каприйская школа»: между Горьким и Лениным // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 4. URL: https://polylog.jes.su/s258770110000071–0-1/ (дата обращения: 05.09.2020); Чони П., Ариас-Вихиль М. А. Воспоминания о Каприйской школе // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 1(19). С. 1–7; Они же. К 110-летию создания Каприйской рабочей школы (1909–2019): Горький и история школы в воспоминаниях учеников (К. А. Алферов. Встречи с А. М. Горьким) // Там же. № 4(22). С. 1–7.

*** См.: Троцкий Л. Д. Культура переходного периода // Троцкий Л. Д. Сочинения. Серия 6: Проблемы культуры. Т. 21: Культура переходного периода. 1927. М., 1924–1927.

ганизации учебных заведений и многочисленных творческих студий*;

— дискуссии о культуре и искусстве, их характере, классовой специфике (и связи со «старой» культурой), выработке и развитии художественных форм**;

— влияние на создание и укоренение «советских» исторических мифов***.

В своем развитии движение прошло через различные этапы, И. А. Лапина, например, отмечает три периода в истории Пролеткульта****:

1) 1908—1917 годы являлись пробной и подготовительной стадией, включающей деятельность партийных школ, разработку концепции пролетарской культуры и искусства, а также осмысление европейского опыта по созданию рабочих клубов;

2) 1918—1920 годы связаны с созданием организации, утверждением собственной оригинальной повестки и проблематики, а также с активным ростом пролетарских образовательных и творческих организаций и союзов;

3) наконец, 1921—1932 годы — период окончательной потери самостоятельности, подчинения курсу и запросам партии и последующего упразднения. Для этого периода характерно «воплощение» идей Пролеткульта, направленных на создание образа советской истории и советского гражданина.

Пролеткультовское движение, несмотря на сравнительно недолгий срок своего существования, оказалось в центре

---

* См.: Лапина И. А. Пролеткульт и проект «социализации науки» // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2(19). С. 43—47.

** См.: Булавка Л. А. Пролетарская культура: культура для пролетариата? // Альтернативы. 2011. № 4. С. 41—51; Она же. Пролеткульт: проблема наследия. Отношение Пролеткульта к «буржуазной культуре» // Там же. 2012. № 1. URL http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/alternativy-1—2012/13980-proletkult-problema-naslediya-otnoshenie-proletkulta-k-burzhuaznoy-kulture.html (дата обращения: 01.09.2020); Юрганов А. Л. Конкурирующие модели пролетарской культуры в СССР 1920-х годов // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 137—156.

*** См.: Пилюгина М. А. Пролетарская культура как проект создания нового человека // Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / отв. ред. А. В. Черняев. М., 2018. С. 566—569.

**** См.: Лапина И. А. Пролеткульт и проект «социализации науки». С. 43—47.

множества теоретико-полемических и политических схваток и драматических событий, напрямую связанных с биографией и творческим наследием А. А. Богданова, и представляет собой любопытную страницу из истории 1920-х годов — одного из самых ярких десятилетий в интеллектуальной истории России.

М. В. Локтионов

Опередивший время. Российские марксисты против Богданова

«Краткий курс экономической науки», высоко оцененный Лениным в журнальной рецензии*, стал первым трудом, где явно видны расхождения взглядов Богданова с идеями ортодоксального марксизма. То, что лидер большевиков не только не отметил в своей рецензии этот факт, а, напротив, высказался о книге Богданова как о последовательно марксистской, позволяет взять под сомнение обоснованность обвинений в ревизионизме, которые были выдвинуты в адрес Богданова Лениным десять лет спустя. «Краткий курс...» замечателен тем, что здесь впервые в истории мировой экономической мысли было осознано, что для стабильного развития экономики необходимо сохранять динамическое равновесие между потреблением и производством**. Сам по себе рост производства этим условием не является. Интересно, что Джон Мейнард Кейнс, американский экономист, один из соавторов рузвельтовского проекта «нового курса», сделал по-

---

* Ленин В. И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 35–43.

** Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1897. С. 3–5.

добное заключение лишь 30 лет спустя*. «Краткий курс...» — первый труд Богданова-просветителя. Тот факт, что только при царском режиме он переиздавался девять раз, свидетельствует о том, что книга приобрела большую популярность.

Другие исследования Богданова стали продолжением «Краткого курса...» Адресованные главным образом рабочим, они содержат некоторые представления, оригинальные даже по научным меркам конца XX столетия. Уже в своей второй книге «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество» (СПб., 1899) Богданов, взяв за основу открытия естественных наук конца XIX столетия, представил новое мировоззрение. В соответствии с ним каждое социальное и природное явление — это непрерывно развивающаяся система, сохраняющая видимую неизменность лишь благодаря устойчивому равновесию с окружающей средой, а не стабильному сочетанию элементов. Естественно, общественное мнение, с точки зрения философа, развивалось соответственно этим же динамически-равновесным процессам. По мнению Богданова, авторитарные типы мышления следовало считать враждебными развитию общества, их преодоление должно было стать первостепенной задачей революционного движения.

В монографии «Познание с исторической точки зрения» вопрос о динамическом и авторитарном мышлении и их взаимосвязи с революционными и реакционными силами общества исследовался Богдановым более обстоятельно. Здесь автор продемонстрировал достаточно полную классификацию форм общественного сознания — от первобытного фетишизма до научного рационализма.

По представлениям Богданова, перечисленные им формы сознания были подчинены в основном закону сохранения энергии, что помогало людям экономить в противодействии стихиям природы в борьбе за свое существование ощутимое количество жизненных сил. Авторитет был полезным, по мнению ученого, только до того момента, пока он поддерживал целесообразное распределение сил общества, и поэтому в развитии социальной системы играл прогрессивную роль.

Однако развитие рационального мышления, которое сопровождалось расширением сферы умопостигаемых явлений мира,

---

* Galbraith J. K. The New Industrial State. 4th ed. Boston, 1985. P. 1; Holland S. The Socialist Challenge. London, 1975. P. 14—15.

с точки зрения Богданова, неизбежно разрушало авторитеты, служившие своеобразными ориентирами для несамостоятельного, неокрепшего познания. Окрепшему познанию больше не требовалось подобных приспособлений. Тем более что для дальнейшего развития авторитеты превращались в препятствия, требуя выполнения готовых предписаний там, где была необходима творческая самостоятельная работа.

В 1914 году Богданов впервые сформулировал концепцию «военного коммунизма» — уникальное приложение к широко известной книге «Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах». Изучая возможное влияние широкомасштабной войны на развитие цивилизации, философ сделал вывод о появлении социально-экономической системы, не имеющей аналогов в мировой истории. Данная система — «военный коммунизм» — будет способствовать катастрофическому упадку производительных сил, а также заменит рыночное распределение государственно-бюрократическим регулированием производства и расходования всех видов ресурсов.

По мнению ученого, причиной возникновения такой структуры общества является то, что национальные экономики всех держав в условиях глобальной войны, несомненно, перейдут на осадное положение. Отличительная черта такого положения — всеобщий дефицит всех ресурсов. В сложившихся условиях государство должно способствовать организации производства и распределения с целью помочь обществу даже ценой неимоверных лишений пережить трудные времена.

По мысли Богданова, сохранение «военного коммунизма» в мирный период приведет к тому, что чиновники-контролеры переродятся в специфичного «коллективного капиталиста», возрастет эксплуатация рабочих государством, произойдет консервация обширных ресурсоемких производственных технологий и постепенная деградация социально-экономической системы.

Богданов в «Науке об общественном сознании» подвергает анализу проблемы, которые в то время не имели места и стали предметом изучения других экспертов только через десятилетия.

Следующая группа работ Богданова, посвященная проблемам текущей политики, показывает изменение его политических взглядов. При этом ученый неизменно оставался просветителем. Это иллюстрируется трудом Богданова, где автор рас-

сматривает причины русско-японского конфликта и будущего революционного движения с учетом условий, изменившихся из-за войны.

Брошюра «Что такое либералы?» интересна в контексте истории развития русского парламентаризма. Богданов в данной работе характеризует построение отношений между правящими кругами русского общества в преддверии выборов во II Государственную думу. «Что такое либералы?» — одна из первых попыток политологического анализа русской общественности начала XX столетия. Здесь Богданов точно и кратко анализирует причины разделения «освобожденцев»-конституционалистов на партию «Союз 17 октября» и партию кадетов. Первые охарактеризованы автором как «либералы-собственники», для которых важнее добиться наиболее благоприятных условий для собственного обогащения*.

Характеристику деятельности философа дает также периодическая печать. Прежде всего здесь заметны журналы либеральной направленности «Вопросы философии и психологии», «Образование», «Мир Божий», в которых размещались статьи А. А. Богданова с полемикой против философии С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. Знакомство с основной проблематикой статей других авторов позволяет реконструировать мировоззрение русской интеллигенции начала XX века и уточнить один из фактов биографии Богданова — его философское противоборство с Бердяевым, чья «Заметка о книге г. Богданова “Познание с исторической точки зрения”»** публиковалась в октябрьском номере «Вопросов философии и психологии».

В журнале «Мир Божий» размещались самые яркие рецензии на первые просветительские труды Богданова, что показывает как неравнодушие редакции в обсуждаемой Богдановым проблематике, так и отчетливую неоднозначность восприятия затронутых мыслителем мировоззренческих вопросов***.

---

* Богданов А. А. Что такое либералы? Одесса, 1906. С. 8—14.

** Бердяев Н. А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. № 9—10. СПб., 1902. С. 839—853.

*** Ленин В. И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Мир Божий. 1898. № 4. С. 99—103; Г. Ч. [Черепанов Г.]. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901 г. [рецензия] // Там же. 1901. № 10. С. 101—103.

Полемика с Плехановым

Возражая Богданову, Плеханов применил принципиально иную методику доказательства своей правоты: не критикуя по существу взгляды своего оппонента, он в своих работах, посвящавшихся иным темам, систематично давал уничижающие характеристики этих взглядов. Когда вышла вторая книга «Эмпириомонизма», Плеханов незамедлительно нанес первый удар, назвав в своем «Предисловии ко второму изданию брошюры Энгельса Ф. “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии”» философские теории Р. Авенариуса и Э. Маха солипсизмом*. К этому он добавил, что «солипсизм может быть соединен с каким-нибудь (не только с материалистическим) взглядом на историю только последователем Поприщина»**. Любой образованный читатель понимал, кого именно Плеханов сравнил с героем «Записок сумасшедшего».

Плеханов уже прямо выразил свою враждебность к воззрениям Богданова. Например, к одной из цитат книги о Дицгене Плеханов приготовил следующий комментарий: «Выходит, что “философская” мысль г. А. Богданова естественно развивается в направлении к диалектическому материализму... Бога вы не боитесь, г. П. Дауге!»*** После чего, указав на многочисленные расхождения между умозаключениями немецкого философа и теорией диалектического материализма Маркса, Плеханов иронично заявил: «Это такая большая путаница <...> философия И. Дицгена начинает становиться похожей на весьма “оригинальную” философию г. Богданова. <...> на эту философию походит все, отзывающееся путаницей понятий»****. Что же общего между философией Дицгена, стремящейся объединить во что-то «монистическое» «все силы, считая небо и ад»*****, и эмпириомонизмом, читатель должен был разобраться самостоятельно.

На подобные методы полемики Богданов отреагировал «Открытым письмом тов. Плеханову». Вот некоторые фрагменты этого письма: «...я ожидал найти с Вашей стороны серьезную

---

* Плеханов Г. В. Materialismus militans // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 71–72.

** Там же. С. 72.

*** Там же. С. 110.

**** Там же. С. 120.

***** Там же.

и глубокую критику, которая, может быть, будет очень нелестной для меня лично, но даст многое для выяснения истины...» Автор письма дал понять, что Плеханов резко отрицательно относится к его взглядам и к нему лично. Богданов посчитал оскорблением то, что Плеханов многократно называл его господином: «...является оскорблением по отношению к товарищу, и на что Вы... никакого права не имели». В конце письма автор дал понять, что наблюдал за деятельностью Плеханова: «Это было очень энергично и очень интересно. И это было бы также очень убедительно... но тут не хватало одного — а именно доказательств»*.

Прошел примерно год. Плеханов приводит массу «доказательств» своей правоты при помощи открытого письма, которое он озаглавил «Воинствующий материализм» («Materialismus militans»).

1. «Вы представляетесь мне чем-то вроде блаженной памяти Василия Тредьяковского: мужем немалого прилежания, но — увы! — очень малого дарования. Чтобы возиться с людьми, подобными покойному профессору элоквенции, нужно обладать огромной силой сопротивления скуке. У меня не так много этой силы. И вот почему я до сих пор не отвечал Вам, несмотря на Ваши прямые вызовы». «В действительности я просто-напросто не считал нужным спорить с Вами, полагая, что сознательные представители российского пролетариата сами сумеют оценить ваши *мудрости философические*»**.

2. «...если бы не <...> г. Анатолий Луначарский. Пока Вы тредьячили в своем “эмпириомонизме”, он выступил — наш пострел везде поспел — с проповедью новой религии, а эта проповедь может иметь гораздо большее значение, нежели пропаганда Ваших будто бы философских идей»***.

3. «...мне гораздо приятнее разоблачать изящную софистику г. Луначарского, нежели Ваши, г. Богданов, неуклюжие софистические потуги»****.

4. «Однажды <...> в <...> постный день захотелось монаху Горанфло полакомиться курочкой. Но ведь это грех. <...> Мо-

---

* Богданов А. А. Открытое письмо тов. Плеханову // Вестник жизни. СПб., 1907. № 7. С. 46—47.

** Плеханов Г. В. Materialismus militans. Т. 3. С. 208.

*** Там же. С. 209.

**** Там же. С. 215.

нах Горанфло очень быстро нашелся. Он поймал соблазнявшую его курицу и совершил над нею обряд святого крещения, дав ей при этом имя карася. <...> Так и съел курицу наш Горанфло...»

«Вы, г. Богданов, поступили совершенно так же, как этот хитрый монах. Вы лакомились и продолжаете лакомиться идеалистической философией “эмпириомонизма”... и в то же время причисляете себя к семье ортодоксальных марксистов. <...> Вы в своем остроумии превзошли знаменитого монаха. <...> Вы, г. Богданов, можете назвать свой идеализм марксизмом; однако Вы не сделаетесь от этого марксистом-диалектиком»*.

5. «...все здание этого учения покоится на *диалектическом материализме*, и которые понимают, что Вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стояли и стоять не можете»**.

6. «...Вы просто-напросто не в состоянии понять, в чем заключается главная отличительная черта этого (диалектического. — *М. Л.*) материализма. В интересах беспристрастия надо, впрочем, сказать, что материализм вообще остался для Вас закрытой книгой»***.

Более того, Богданов был прозван «мыслителем из породы Молчалиных», недостойным казни лишь из-за отсутствия таланта****. Плеханов поработал еще над двумя письмами аналогичного содержания. Цель этого внушительного труда своему оппоненту он объяснил так: «Для меня вообще речь идет не о том, чтоб *преследовать* Вас, а о том, чтоб Вас *определить*, т. е. чтобы выяснить моим читателям, к какой именно категории любомудров Вы принадлежите».

Данный подход к философской полемике, как казалось, для Богданова устранял возможность отстаивать свои взгляды. Тем не менее Плеханов вместо оскорбительных выпадов со стороны Богданова получил аргументированный и спокойный анализ своих философских взглядов. Результат: защитник марксистской теории и патриарх российской социал-демократии сам небезгрешен.

Открылся такой факт: в середине 1840-х годов Маркс предоставил основные положения (всего одиннадцать) для соз-

---

* Плеханов Г. В. Materialismus militans. Т. 3. С. 212—213.

** Там же. С. 203.

*** Там же. С. 213.

**** Там же. С. 202, 208, 212, 225.

дания новой философии. Энгельс напечатал их в брошюре «Людвиг Фейербах». Эта брошюра была переведена Плехановым на русский язык. Второе положение он перевел неверно. В нем говорится об истине и заблуждении, которые определяются на практике. Маркс сказал: «Практикой должен человек доказать силу и истину своего мышления, доказать его посюсторонность».

Слово «посюсторонность» должно было передать мысль о том, что мышление остается «по сю сторону», а не уходит в «потусторонний мир». Другими словами, оно не блуждает в пустых умствованиях насчет «сущностей» либо «вещей в себе», а придерживается действительности и живого опыта.

Как перевел Плеханов? Фразу «доказать посюсторонность своего мышления» он перевел как «доказать, что его мышление не останавливается по сю сторону явлений». Как видно, появилось отрицание «не». В итоге перевод приобрел содержание, противоположное оригиналу, а это уже непростительная ошибка.

Неверный перевод был издан в 1892 году, переиздан в 1905 году. В 1906 году в русском переводе данной статьи появились большие изменения; в переводе цитата *продолжена*: включено искаженное место — «не останавливается по сю сторону явлений»*.

Плеханов знал о неверности перевода, поэтому он выбирал для цитирования только подходящие места, поскольку для «вещей в себе» подлинник был невыгоден. Богданов заставил задуматься: «Не надо быть юристом, чтобы сказать, как называется такой прием в судебной практике»**.

Итак, Богданову удалось уличить Плеханова в умышленной фальсификации основ марксизма. При этом Богданов не собирался «определять» Плеханова в какую-либо категорию «любомудров» — он хотел найти в деятельности Плеханова доступный пониманию побудительный мотив. Он писал: «Я думаю, что Плеханов, несмотря ни на что, искренен... Попробуйте-ка

---

* Ср. современный перевод этого фрагмента 2-го тезиса: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 1—2).

** Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 3. С. 147—148.

защищать какие-нибудь старинные “вещи в себе” против организационного понимания форм — философии машинного производства: ведь это — пищаль против маузера. Или отстаивать истину абсолютную, застывшую, против истины живой, вечно растущей, организующей жизнь: ведь это — Талмуд против естествознания. <...> Поневоле вы потеряете всякое хладнокровие и начнете вести себя, как “герой на поле... брани”»*.

Первопричину такого поведения Плеханова, как считал Богданов, следовало наблюдать на более глубоком уровне: «Судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризировать социально-философские и общефилософские идеи Маркса и Энгельса. Выполнил он это не без ошибок; но дело было полезное и необходимое, да и судить об этих ошибках тогда было некому». Общество требовало разрешения философских вопросов. Поэтому россияне обращались к Плеханову. «Так он попал в положение, которое, в конце концов, оказалось довольно фальшивым»**. То есть «в положение того, кому «дана дискреционная власть определять пределы марксизма»***.

Чрезвычайно высокий авторитет Плеханова в социал-демократической среде стал причиной доверия к его антибогдановским высказываниям, тем более что работ Богданова «Приключения одной философской школы» (1908), «Падение великого фетишизма» (1910) и «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914), содержавшие критику «марксизма по-плехановски», мыслящие читатели того времени практически не знали. А последняя из этих работ увидела свет только в 1995 году.

С учетом сложившейся ситуации нетрудно догадаться, чью именно сторону предпочла занять большая часть образованных членов партии вне зависимости от того, кого она поддерживала: меньшевиков или большевиков.

Полемика с Лениным

Постоянно увеличивающееся влияние Г. В. Плеханова не осталось незамеченным В. И. Лениным. Это было обусловлено еще и тем фактом, что некоторые меньшевистские публицисты считали, что «ревизионизм» Богданова присущ всему больше-

---

* Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 93.

** Там же. С. 145.

*** Там же. С. 89.

вистскому лагерю, включая лидера фракции*. Для того чтобы снять эти обвинения, доказать свою приверженность идеям марксизма и укрепить идейную гегемонию большевизма в рядах социал-демократов, Владимиру Ильичу предстояло сделать сложный выбор.

Или дискредитировать Плеханова перед партийцами, что было бы рискованно, поскольку публикации Плеханова пользовались успехом среди марксистов, которые не допустили бы раскол РСДРП.

Или альтернативой могло стать переубеждение Богданова и его публичный отказ от устоявшихся философских взглядов, которые могли вызвать такие серьезные разногласия. Однако и эта затея могла привести к краху, поскольку эмпириомонизм философа основывался на достижениях естественных наук, о которых лидеры РСДРП имели отдаленное представление. Опровергнуть данные экспериментов путем абстрактно-логических построений было не под силу ни античным софистам, ни современным философам. Ситуация была неоднозначной, однако Ленину удалось разрешить ее, разыграв уникальную многоходовую комбинацию.

Заключалась она в следующем. Являясь председателем редколлегии большевистской газеты «Пролетарий», Ленин предложил никак не реагировать на философскую полемику между Богдановым и Плехановым, а также запретил любую поддержку какой-либо из сторон на страницах печати. Заключительное решение по этому вопросу было принято единогласно на Совете редакционной коллегии 11 февраля 1908 года. В итоге Богданов был лишен возможности отстаивать свои убеждения в печати. Большевистский «Пролетарий» придерживался своего решения о нейтралитете, а другие печатные российские издания не интересовали философские споры социал-демократов.

Однако оставались еще меньшевистские издания, но они поддерживали Плеханова. Что сделал Ленин? Он заключил политический союз с группой Плеханова и опубликовал в прессе внушительную монографию «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», направленную против Богданова**. В своей работе он

---

* См., напр.: Рахметов Н. [Блюм О. В.] К философии марксизма. Две статьи о русских эмпириокритиках. Женева, 1906.

** См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 2: 1905–1912. М., 1971. С. 391, 395.

активно защищал марксизм и выступал против махизма, последователем которого был назван Богданов, несмотря на то, что последний еще в 1906 году в своей книге «Эмпириомонизм» достаточно прозрачно упомянул о том, что махистом он себя не признает: «Я перенял у Маха единственное — представление об индифферентности элементов опыта относительно “физического” и “психического”, о взаимозависимости этих элементов исключительно от связи опыта. Касательно учения о генезисе психического и физического опыта, в учении о подстановке, а также об “интерференции” комплексов — процессов на общем фоне мира, основанной на всех этих посылках — я исключаю что-либо общее с Махом»*.

Однако и такого неполного заимствования было достаточно, чтобы окрестить его махистом. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин объяснял свое негативное отношение к этой философии. В частности, он отмечал, что Авенариус и Мах, «отвлекая внимание читателя нападками на идеализм <...> на самом деле являются приверженцами все того же идеализма <...> ощущения — это “элементы”, в одной связи только психические, в другой же связи (хотя и “тождественные” элементы, но) физические. Совершенно новым определением, новомодными выражениями, характеризующими якобы новую теорию, Авенариус в конце концов все-таки вернулся к главной идеалистической своей посылке»**, планомерное развитие которой, по мнению Ленина, может в конечном итоге привести только к солипсизму. По факту ни один из философов в своих философских суждениях не продвигался дальше характеристик параллельных рядов психических и физических элементов, не найдя в себе силы обозначить с помощью естественных наук единую базу для объединения этих рядов, а лишь постулируя первичность одного и вторичность другого.

Под «первичным» Мах подразумевал именно физический опыт, что и было описано Богдановым в его работе «Эмпириомонизм»***. Заключение Ленина о тождестве философий Маха и Авенариуса в противостоянии епископу

---

* Богданов А. А. Предисловие к 3-й книге «Эмпириомонизма» // Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии: В 3 кн. Кн. 3. СПб., 1906. С. XI.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 86–87.

*** См.: Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. 1. С. 8–9.

Дж. Беркли на основе домыслов, некоторых совпадений или сходстве терминов свидетельствует об отсутствии у автора навыков критического разбора.

В публикации «Десятилетие отлучения от марксизма» Богданов пишет: «Приводя свои бесчисленные цитаты различных философов, принадлежавших различным столетиям и народам, автор (“Материализма и эмпириокритицизма”) напрочь упустил те обстоятельства, что одни и те же термины означают на языке разных школ далеко не одно и то же; например, такое понятие, как “идеи” у Спинозы имеют одно значение, у Беркли — другое, совершенно противоположное. Все это он Ленин смешивал в единое; а историческую связь различных учений принимал за простое их тожество.

Он, в частности, считал, что родственные связи Юма и Маха являются неоспоримым доказательством того, что Мах придерживается принципов “идеализма”. По аналогии с данным примером, таким образом можно провести родственную линию Маркс — Гегель. Однако никому не пришло в голову причислять Маркса к идеалистам»*.

Проявив такое отношение к философскому спору, Ленин обрек себя на серьезные последствия. В своем стремлении доказать неправоту Богданова большевистский лидер «окончательно запутался в хаосе своих цитат, прочитанных или вскользь просмотренных авторов, запутался до такой степени, что по ключевым вопросам, которым посвящена его книга, отстаивает совершенно различные взгляды на протяжении всей книги»**.

Как и Плеханов, отстаивая понятие «вещь в себе» от нападок эмпириомониста, В. И. Ленин трактует это понятие иначе, при этом совершая переходы от одного значения к другому, даже не замечая, что они кардинально отличаются друг от друга:

1) «вещь в себе» в отличие от «явления» не наделена никакими «чувственными» свойствами, не отражается в восприятии и потому непознаваема***;

2) «вещь в себе» представляет собой целостную единицу, а «явление» — представляет собой составляющую часть этого целого; и то и другое наделено идентичным «чувственным» характером и доступно познанию****;

---

* Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 94—95.

** Там же. С. 95.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 80—81.

**** Там же. С. 121.

3) «явление» по своей сути «отражение» «вещи в себе» в сознании человека*.

Относительно объективности истины у лидера большевиков также имеется несколько мнений, противоречащих друг другу. Однако в каждом из мнений неизменно присутствует объединяющий элемент — уверенность в непреклонном характере истины:

1) есть огромное множество абсолютных и вечных истин, в которых никто не сомневается, например: «Лондон находится в Англии» и т. д.**;

2) абсолютная истина состоит из множества истин относительных, посредством которых «мы, безусловно, приближаемся к ней»***;

3) абсолютной истиной является исключительно метод познания, в частности марксистский исторический материализм****.

Если же скинуть со счетов все эти терминологические разногласия, довольно часто встречающиеся в «Материализме и эмпириокритицизме»*****, то позиция, так рьяно отстаиваемая Лениным, сводится к одному: «Материя, которая влияет на человеческие органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. каким-либо образом организованной материи. Ощущения не влияют на существование материи. Материя — понятие первичное.

Ощущение, мысль, человеческое сознание представляют собой высший продукт организованной материи. Такова концепция материализма, которую принимали также Маркс и Энгельс»******.

Богданов, в свою очередь, таким образом, аннотирует утверждение Ленина: «Существует только чувственное бытие, а также одна из его составляющих — явление, опыт человека». Эта точка зрения противоположна взглядам «махистов», которые признают только опыт, мир «элементов», что, по словам В. Ильина (В. И. Ленина), является идеализмом.

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 245—246, 248, 277.

** Там же. С. 133—134.

*** Там же. С. 138.

**** Там же. С. 146.

***** Там же. С. 124—125.

****** Там же. С. 50.

Что на самом деле представляют собой отрицаемые В. Ильиным «элементы опыта», которым он противопоставляет «чувственное бытие»? Этими элементами является все, что доступно человеческим органам чувств: цвета, запахи, что-то мягкое, холодное, твердое и т. д. Это все часто упоминается у Маха, Авенариуса и других «махистов», а также людей, которые пользуются этим понятием. Но является ли это чувственными элементами или элементами чувственного бытия? Видимо, да.

Очевидно, в этом нет разницы между В. Ильиным и «махистами», поскольку никакого истинного бытия, за исключением чувственного, «махисты» не принимают. Но, возможно, их чувственные элементы не являются таковыми по мнению В. Ильина? Вероятно, он знаком с какими-либо другими? Это, к сожалению, неизвестно, поскольку никакого анализа «материи», «явления», «вещей» на чувственные элементы он в своих публикациях не производит. Но, может быть, настоящий материалист не должен проводить подобный анализ? Подтверждения этому В. Ильин не дает, и пока он подобной бессмыслицы не высказал, каждый должен усомниться в том, что он действительно об этом думает*.

Соответственно, ключевые философские разногласия между Богдановым и Лениным носили терминологический характер, поэтому не были принципиальными. Кроме этого, в середине февраля 1908 года, задолго до выхода в печать «Материализма и эмпириокритицизма», Ленин в своих письмах к Луначарскому отмечал: «Я бы временно оградил от партийной работы любые философские разногласия между материалистами и эмпириокритицистами»**.

То, что последовало за этим ленинским «временно», предшествовало вторичному отлучению Богданова. Это было чисто политическое противостояние Ленина с целью единоличного управления партией большевиков.

Не лишним будет подчеркнуть тот факт, что изначально основной причиной разногласий Ленина и Богданова было противостояние по ключевым вопросам стратегии и тактики большевиков, отражающее несоответствия в анализе изменений, которые произошли в России во время первой революции

---

* См.: Богданов А. А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 164–165.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 135.

и имели отношение к интеллигенции и ее роли в социал-демократическом движении. Именно эти вопросы были «камнем преткновения» в партийных дебатах, а не «ревизионизм», который приписывали Богданову после того, как в свет вышла его книга «Эмпириомонизм». Это случилось именно с подачи Ленина, который в своем письме Воровскому писал: «Неминуем раскол с Богдановым и причина этому — его обида на критику его философских взглядов*.

Некоторые иностранные историки были убеждены, что причиной раздора Ленина и Богданова была философская несогласованность**. Но это не является доказанным фактом, ведь сам Богданов в обращении к Бакинской организации РСДРП писал: «Мой уход из редакции никоим образом не связан с философскими разногласиями...»***

Ленин тоже не придерживается в этом вопросе одного и того же мнения. Его раннее отношение к «ревизионизму» Богданова отражено в словах: «...на протяжении летних и осенних месяцев 1904 года мы окончательно сошлись с Богдановым и заключили тот молчаливый договор, продержавшийся на протяжении всего революционного периода 1905—1907 гг., который также молчаливо устраняет философию»****.

Однако заключенный договор просуществовал намного дольше: на заседании редакционной коллегии «Пролетария» в феврале 1908 года Ленин голосовал за то, чтобы в философских дебатах Богданова и Плеханова не оказывать никому поддержку*****.

Такого же мнения Ленин придерживается и во время переписки с М. Горьким. Так, в своем письме от 25 февраля 1908 года он пишет: «Нами был заключен договор с целью проведения в рабочей партии определенной тактики, которую мы ведем давно и продолжаем вести до сих пор без разногласий»******. И еще: «...единственное разногласие заклю-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 159—160.

** Bailes K. A. Lenin and Bogdanov: the End of the Alliance // Cordier A. V. Columbia Essays in International Affairs. New York, London, 1967. P. 108.

*** Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 147.

**** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 142.

***** В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 391—392.

****** Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 144.

чалось в бойкоте III Думы»*, но это не имело никакого отношения к богдановской философии.

Апогеем стала статья в немецком журнале «Die Neue Zeit», который поддерживал партию социал-демократов. Одну из статей Богданова редколлегия журнала сопроводила ремаркой, в которой речь шла о том, что «большевизм» перестал быть одним целым именно из-за философских разногласий. В ответ на это редакционная коллегия «Пролетария» написала: «На самом деле этот философский спор не есть фракционный и, по мнению редакции, быть не должен»**.

Правдинская полемика

Выход Богданова из состава группы «Вперед» непосредственно связан с газетой «Правда», которая впервые увидела свет в апреле 1912 года. Начиная с самого первого номера все публикации находились под личным жестким контролем В. И. Ленина. Финансировали газету пролетарские группы, причем не обязательно социал-демократические, но проявляющие интерес к концепции социализма, которая осветлялась в статьях «Правды». В одной из своих статей Ленин приводил сравнительную таблицу***, и выяснилось, что на протяжении всего 1912 и первого квартала 1913 года в «Правду» сделали пожертвования 1022 группы рабочих. По сравнению с другими газетами именно «Правда» получала самые большие денежные вливания. По-видимому, это обстоятельство и повлияло на то, что редакция «Правды» стала принимать самостоятельные решения, которые Ленин не мог контролировать, что, несомненно, его сильно раздражало.

Холодный прием в редакции «Правды», а также в Нарвском районном комитете стал неожиданным для И. Арманд и Г. Сафарова, которые прибыли в Петербург во время предвыборной кампании в IV Думу. Было сказано, что районная организация всегда стояла на позициях «старого большевизма Богданова и Луначарского». Зарубежные гости, покидая Россию, вынуждены были констатировать тот факт, что среди рядовых членов

---

* Там же. С. 144.

** Заявление редакционной коллегии // Пролетарий. 1908. 26/13 февраля. С. 8.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 101.

партии далеко не все разделяют идеи ленинцев*. Можно только представить себе реакцию вождя на комментарий. Ведь, по словам Н. Крупской, Ленин был очень эмоциональным и бурно реагировал на все раздражители**. Ленин всегда обращал пристальное внимание на деятельность «Правды», поэтому замечал, что руководство проявляет самостоятельность***. Большевик же, который утверждал, что их организация «впередовская», встревожил Ленина гораздо сильнее: это была откровенная констатация факта, что влияние Богданова имело место и нельзя допустить, чтобы оно продолжилось****. Ленину было хорошо известно, что Богданов имел большое влияние на партийцев. В отсутствие Владимира Ильича Александр Александрович оставался единственным партийным лидером, поэтому его идеи и принципы господствовали в партии.

«Так как он взял единоличное управление на себя»*****, то непосредственная связь с местными партийными фракциями по насущным вопросам базировалась на взаимопонимании и была построена гораздо эффективнее «той несовершенной линии ЦК, которая заключалась в том, что людям постоянно ставили ультиматум — или ты наш, или не наш»******.

Однако выбранная Богдановым стратегия господствовала намного позже. Активисты группы «Вперед» в отличие от зарубежного партийного центра вели активную пропагандистскую работу. Подготовка будущих социал-демократических агитаторов велась таким образом, чтобы направить революционные силы в стране не на поддержание легальной работы, а на решение культурно-воспитательных задач. Причем эти задачи были первостепенными, поскольку участие именно рабочего класса в общественном переустройстве даст свои результаты только в том случае, если это будет сделано осознанно.

---

* Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 19, 29—30.

** Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968. С. 479—495. Цит. по: Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 65.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 99.

**** Там же. С. 122.

***** Покровский М. Н. О В. И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте Красной Профессуры 7 февраля 1924 года // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 98.

****** Там же.

Ленин в этом вопросе придерживался иной точки зрения. Он считал, что воспитательные задачи не являются первостепенными, главная задача — власть. В связи с этим «навязываемая» Богдановым точка зрения была протестом против положения марксизма о свержении царского режима как первоочередной задачей пролетариата. С теми же, кто не был с этим согласен, разговор был короткий: «полный разрыв и война *сильнее, чем ведется с меньшевиками*»*.

Богданов же стоял на своем и утверждал, что положение марксизма о революционности задач является одной из составляющих частей пропагандистской работы, и принципиальность нужно проявлять в вопросах нетерпимости «к врагам, а не к своим»**.

Владимир Ильич был крайне возмущен такой позицией Богданова и его приверженцев и не скрывал своего раздражения. Идеи Богданова разделяли многие революционные деятели Петербурга и Москвы. Богдановская позиция имела под собой веские основания, базирующиеся на многолетнем опыте: пропагандистам было хорошо известно, насколько малоэффективной оказывается работа с малосознательными элементами без реализации революционно-просветительской программы. А постоянная смена тактики в партийном сотрудничестве никак не способствовала повышению авторитета партии, потому что зачастую на местах не понимали мотивацию. Ленин любое проявление несогласия со своей позицией воспринимал крайне негативно, потому что понимал: вслед за Богдановым найдутся и другие несогласные с ленинским стилем руководства, которые смогут заявить, что ленинцы извратили основы марксизма, исковеркали их и деформировали — дай только свободу действий этому «махисту» и возможность свободно излагать свои убеждения, и он своими ревизионистскими «идейками» взорвет фракцию изнутри.

Как только начала издаваться «Правда», Богданов сразу же обратился в редакцию с предложением напечатать его роман «Инженер Мэнни». Об этом романе позднее Ленин в письме Горькому сказал следующее: «Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в “Прав-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 203.

** РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 79—80. Записная книжка А. А. Богданова. Цит. по: Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 58.

де” не поняли»*; при этом «“Правда” дала о нем сочувственный отзыв»**, «когда он вышел книжкой»***.

Но роман, отосланный Богдановым в редакцию «Правды», не спешили печатать, хотя друзья-посредники говорили Богданову, что роман понравился и рабочим-депутатам, и членам редакции. Богданов не был в курсе того, что произошло нелепое стечение обстоятельств, поэтому неверно истолковал ситуацию. Он пишет: «В тот момент я смог сделать только один вывод — что руководители газеты моего сотрудничества не хотят; а отсюда и другой — что рабочие не вполне хозяева <...> своей газеты»****. После начала редакцией «Правды» подписной кампании в числе сотрудников газеты напечатали и имя А. А. Богданова. Впоследствии он писал, что воспринял это как издевательство и начал требовать от редакции объяснений*****.

Как оказалось впоследствии, произошло недоразумение. Редакция хотела сотрудничать с Богдановым и искренне предлагала работать. Богданов удивился этому, но все же согласился на сотрудничество******. Таким образом, протокольный казус был разрешен. В январе 1913 года «Правда» опубликовала письмо с согласием Богданова о сотрудничестве с газетой*******. Ленин назвал это письмо «архиглупостью»******** и немедленно отправил в редакцию «Правды» послание, в котором выразил возмущение по поводу письма Богданова, назвав его наглым и глупым*********.

Ленин считал, что Богданов снова вмешивается в партийные дела своими рассуждениями о полезности выдвижения одного кандидата от рабочих на выборах в IV Думу, а не двух социал-демократов, соперничающих между собой. В примечании к письму Богданова редакция газеты сообщила читателям, что со-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 161.

** Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 102.

*** Там же.

**** Там же.

***** Там же.

****** Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 30.

******* Богданов А. А. Письмо в редакцию газеты «Правда» // Правда. 1913. 30 января. № 24. С. 1.

******** Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 161.

********* Там же.

глашение на эту тему не состоялось «по вине ликвидаторов»*. В свою очередь, Ленин выдвинул обвинение против редакции газеты в том, что они нарушают условия, словно издеваются**. Вместе с тем он категорически требовал, чтобы его письмо было передано лично издателю «Правды» депутату Бадаеву. Еще одно требование Ленина заключалось в том, чтобы газета больше не печатала таких вещей «без сношения»***.

Впоследствии Лениным была предпринята еще одна, более корректная, попытка лишить Богданова мандата сотрудника социал-демократической прессы. Ленин обратился к Н. Г. Полетаеву, издателю газеты «Звезда», и предупредил его, что «с Богдановым, например, невозможно и сотрудничество: это ясно из его новых произведений»****. В примечании к этим строкам содержалось следующее сообщение: «В 1913 году А. Богданов начинает издавать свою работу “Всеобщая организационная наука (Тектология)”, представлявшую собой дальнейшее развитие эмпириомонистической точки зрения»*****.

Несмотря на такие эмоциональные выпады со стороны лидера большевиков, «Правда» не прервала сотрудничества с Богдановым, наоборот, газета в 1913 году в № 87 напечатала его «Очерк о системе Тейлора», в номерах от 24 февраля, 24, 28 апреля и 5 мая 1913 года появились статьи «об “иностранных словах”, в которых выяснялись основные понятия общественно-классовой борьбы и жизни******: «Политика», «Тактика», «Партия», «Класс» и «Программа». Богдановым была подготовлена еще одна статья, под названием «Идеология», которая и стала главной предпосылкой нового отлучения ученого.

Все началось с заявления В. И. Ленина в редакцию газеты «Правда», сделанного в мае 1913 года: «А богдановская “Идеология”, *наверное*, ересь: обещаюсь вам доказать это

---

* См.: Богданов А. А. Письмо в редакцию газеты «Правда». С. 1; Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 387; Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 30.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 159.

*** Там же. С. 159–160.

**** Там же. С. 168. См. также: Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 20.

***** Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 389.

****** Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 102.

точно!»* Ленин, еще не прочитав статью, знал, что начнет боевые действия. Однако для этой цели он предполагал использовать Алексинского, на которого должен был повлиять Каменев. Идея, возникшая при написании письма Горькому зимой 1913 года (февраль), о том, что Алексинский начал отделяться в политике от Богданова**, зрела постепенно. В апреле того же года Ленин задал Каменеву вопрос, есть ли у него возможность устроить *для общего разговора тактичное тет-а-тет* с Алексинским***? А уже в конце апреля Ленин сам нашел вариант такой встречи: «Надо помочь депутатам *писать речи*. Сядьте сами и посадите *Алексинского*. Удобный повод Вам: напишите ему pneu (по пневмопочте), как сотруднику “Правды”, и устройте свидание»****. Ленин дал Каменеву прямое поручение и подробные инструкции, что и как тот должен сказать Алексинскому: «...*или* ты восстаешь в печати *и* против философского <...>, и против *отзовистского* крыла *“Вперед а”*, ты заявляешь — была в этой группе и философия реакционная и *политически-анархистская* тенденция. Я (Алексинский) рад, что от них избавился».

В этом эмоциональном протесте Ленина угадывается следующий подтекст. В первую очередь, позиция Ленина и позиция партии — это равноценные понятия; во вторую очередь, другая позиция, которая не совпадает с точкой зрения партии и Ленина, подлежит цензуре; в третью очередь, положительный отзыв об Алексинском являлся поводом для скорого самоуничтожения группы в атмосфере подозрительности и вражды. Таким образом, Ленин, говоривший об исчезновении «впередовства», будет прав и в глазах партии, и в глазах ее оппонентов.

Насколько ошибочной являлась тактика Ленина, можно судить только по ее результатам, так как он в то время верил, что действует в интересах дела. После закрытия «Правды» (18 июля 1913 года) постановлением Санкт-Петербургской судебной палаты по требованию министра внутренних дел Н. А. Маклакова все открывавшиеся большевистские газеты, которые сменяли одна другую («Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда труда», «За Правду»), придержива-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 183.

** Там же. С. 161.

*** Там же. С. 176.

**** Там же. С. 177.

лись ленинской позиции, поэтому осуществить задуманное не составляло особого труда.

А. А. Богданов продолжал считать, что своим участием в газете он по-прежнему приносит пользу революционному движению, однако ему все труднее становилось выдерживать атаки Ленина. В письме от 9 июня 1913 года, адресованном Женевскому идейному кружку «Вперед», Богданов написал, что очень дорожит сотрудничеством с «Правдой», но только в том случае если там не будет заграничного хозяина*.

Ленин, несомненно, сыграл огромную роль в новом отлучении Богданова, написав в редакцию «Правды» о статье Богданова «Идеология» следующее: «Увеличению <...> тиража марксисты рады, когда он увеличивается *марксистскими* статьями, а не статьями *против марксизма*. Мы хотим идейной газеты, — все сотрудники и читатели “Правды” хотят этого — марксистской, а не махистской»**.

Статья Богданова «Идеология» так и не была напечатана. Впрочем, избавились от него не очень уважительно — просто в один момент не указали его фамилию в числе сотрудников. При этом вместе с этим из списка сотрудников исчезли фамилии Базарова, Калинина и Луначарского. «Правда», которая задумывалась в интересах рабочих, начала изгонять из своих рядов тех, кто продолжительное время служил социал-демократическому движению, а среди них и того, кто своей просветительской деятельностью еще задолго до прихода в «Правду» сделал для революционного воспитания пролетарских масс намного больше остальных членов партии.

Из эмиграции в Россию Богданов вернулся в октябре 1913 года в связи с амнистией по случаю трехсотлетия Дома Романовых. После возвращения он жаждал полезной деятельности в родной стране. Но Отечество встретило его заметкой в газете «Путь Правды» о том, что Богданов скрыл главную причину своего расхождения с газетой «Правда». Автором заметки указывалась причина, звучащая как пощечина: «А. А. Богданов не марксист», поэтому его сотрудничество в рабочих журналах и газетах стало невозможным***.

---

* РЦХИДНИ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 157. Автограф А. А. Богданова. Цит. по: Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 233—234.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 183.

*** Путь Правды. 31 января 1914 года.

Послереволюционная деятельность

Начиная с 1918 года Богданов постепенно начал включаться в общественную жизнь. Сначала он согласился работать в Пролеткульте, затем вошел в состав Социалистической академии. Социалистическая академия и Пролеткульт не значили бы так много, если бы не их просветительская деятельность. Эти организации были тесно связаны с Первым пролетарским университетом, созданным в Москве в том же 1918 году усилиями таких энтузиастов, как Богданов, надеявшийся на апробацию новых форм обучения, основанных на равноправии слушателей и преподавателей. Преподавательские кадры готовились в Социалистической академии. Пролетарские университеты должны были открыться не только в Москве и Петрограде, но и в других городах*. Перед университетом стояла задача подготовки «рабочих вождей» из рабочей среды.

На базе Пролеткульта началась работа по подготовке к изданию Новой энциклопедии. В этом Богданову помог опыт работы над «Энциклопедией для изучения России» — одного из литературно-общественных начинаний Горького в 1908 году. Была разработана программа, составлен план книг по истории России (язык, литература, экономическое развитие, политическая история). Для сотрудничества в энциклопедии Горький пригласил М. Н. Покровского, Г. А. Алексинского, А. В. Луначарского, В. А. Базарова, В. И. Ленина и А. А. Богданова.

Переговоры по созданию Новой энциклопедии проводились Богдановым со специалистами разных профилей. Он предполагал поставить в центре этого свода знаний освещение практических, политических и экономических вопросов, а также сообщения о ходе строительства советского хозяйства и вопросы по истории международного революционного движения. Богданов писал, что результат переработки науки с организационной точки зрения должен быть изложен в Рабочей энциклопедии и станет достоянием миллионов через Пролетарский университет**.

Однако энциклопедия для рабочих так и не была издана***.

---

* Богданов А. А. О провинциальных пролетарских университетах // Пролетарская культура. № 9—10 (июнь—июль). М., 1919. С. 53—56.

** Гловели Г. Д., Пустильник С. И. Сотри случайные черты... // Химия и жизнь. М., 1990. № 12. С. 14.

*** Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 157, 227.

В поле зрения Пролеткульта попало и движение за научную организацию труда. Богданов открывал докладом Первую Всероссийскую конференцию по НОТ. В своем докладе он сформулировал идеи, которые впоследствии стали в экономической науке классическими:

— удовлетворение потребностей населения как исходный пункт планирования;

— цепная связь хозяйств (к примеру, рост производства предметов потребления приводит к увеличению объемов производства средств производства, тем самым усиливается потребность в рабочей силе);

— принцип равновесия между производством и потреблением;

— закон минимальных относительных сопротивлений (благосостояние общества определяется экономическим положением его наиболее бедной части) и др.

Богданов связывал успехи социалистического хозяйства не только с НОТ, но и с революцией в сфере науки и техники. Широко известное сегодня словосочетание Научно-техническая революция было введено в обиход именно Богдановым.

Он много думал об обществе будущего. Его угнетало то, как далеко мечты о революции ушли от реальности. Тектологический анализ показывал, что те малозаметные на первый взгляд предвестники опасности, с которыми каждый ежедневно сталкивался, спровоцируют в стране страшную трагедию. Богданов продолжал начатую еще в 1914 году работу над теорией «военного коммунизма», исследуя тему на основе всеобщей организационной науки (см.: «Вопросы социализма», 1918).

Деятельность и идейная позиция Богданова в 1918—1921 годах была постоянно на виду. Все, что говорилось им в докладах и на лекциях в Социалистической академии, на съездах Пролеткульта, все, что писалось им в серии статей «Искусство и рабочий класс», подчинялось одной цели — приближению знания к трудовым слоям общества, обучению пользоваться этими знаниями для развития способностей и сил пролетариата.

Богданова заслуженно уважали, с его мнением считались и признавали его как ученого. Богданова два раза избирали в Президиум Социалистической академии*. В 1921—1922 годах Богданов был командирован в Лондон в качестве эксперта-экономиста Наркомата внешней торговли**.

---

* Там же. С. 214.

** Там же. С. 204, 240.

Такая активная деятельность оказала положительное влияние на душевное состояние ученого. Он помолодел, оживился, его отзывы стали более объективными, рекомендации выполнимыми, а письма по-деловому краткими.

В одном из своих писем, адресат которого не установлен (возможно, письмо было адресовано начинающему поэту, который желал разобраться в проблемах культуры, а также во внутренней и внешней политике молодой Республики Советов, поскольку этот период как раз характеризовался началом перехода к новой экономической политике), Богданов писал следующее: «На русский пролетариат пали более тяжелые задачи, благодаря негодности нашей буржуазии и буржуазной интеллигенции». При этом Богданов отмечает, что пролетариат неспособен «поднять себя за волосы». Политика того периода, как отмечает Богданов в этом письме, ведет к внедрению зарубежного капитала и усилению его обмена, показывая тем самым, что руководители отказались от утопий, безнадежных для того периода.

В вопросе о профсоюзах Богданов считает исторически и *практически* более правильной ленинскую платформу (если отбросить упомянутые утопии), но более логичной ему видится позиция Троцкого. Слабее всех является позиция Шляпникова, хотя она, как отмечает Богданов, является наиболее «пролетарской». Она могла бы пригодиться, если бы в виду имелось сиюминутное осуществление в России настоящего социализма. В этом же письме Богданов пишет, что в «Очерках русской культуры» Покровского выведение религии из страха перед мертвецами есть некоторая немарксистская, ребяческая теория. О работе Бухарина («Экономика переходного периода») Богданов придерживался того мнения, что в начале данный метод хорош, однако в конце все сбивается на желательные и произвольные выводы*.

Начало очередного отлучения было незаметным на фоне активной деятельности. Оно произошло в виде очередной полемики по вопросам философской направленности, возникшей после публикации второго издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (вторая половина 1920 года). Публикация сопровождалась статьей В. И. Невского, в кото-

---

* Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 203.

рой автор дал ряд необходимых указаний* о том, как нужно понимать последние произведения Богданова. Теперь у Ленина не было необходимости в том, чтобы самому устраивать философские и иные баталии с «инакомыслящими». Для этого у него был «аппарат», обязанный отрабатывать все указания партийного вождя.

Свой ответ Богданов написал в документе под названием «От философии к организационной науке». Богданов пишет, что плехановцы объявили школу Маха — Авенариуса идеалистической, что не является верным (под знаменем философии Маха — Авенариуса работали многие ученые, а глубокое обобщение идеи относительности, данное Махом, помогло Эйнштейну в его открытиях). Богданова причисляли к этой школе и на этом основании отлучали его от рабочей партии, считая идеалистом и буржуазным философом.

Еще один момент, по мнению Богданова, в том, что он был большевиком, а большинство плехановцев — меньшевиками. Богданов также пишет, что только в 1909 году на их стороне в роли философа выступил В. И. Ленин**. Но ответ, данный Богдановым, так и не был опубликован.

Статья Невского не отразилась на деятельности ученого. Организационная работа, направленная на создание учреждений Пролеткульта, и активная работа в Социалистической академии требовали от Богданова полной самоотдачи. Однако развитие ситуации было стремительным. Буквально после выхода книги Ленина деятельность Пролеткульта подверглась жестокой критике. Поводы, несомненно, были, и Богданов пытался разобраться с некоторыми из них. Так, в частности, 21 июля 1919 года Богданов в письме, адресованном Лебедеву-Полянскому, сообщил, что собирается в командировку «в Петербургский Пролеткульт улаживать раскол»***. Там все больше обострялась полемика между противниками и сторонниками его автономии****. Противоречия, которые возникли летом 1919 года, так и не удалось устранить. К 1920 году — году наступления на Пролеткульт — в него входило свыше 400 тысяч членов, 80 тысяч из которых занимались в клубах и худо-

---

* Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 12.

** Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 112—113.

*** Там же. С. 196.

**** Там же. С. 238.

жественных студиях. Агитбригады, передвижное кино, избы-читальни — все это результат деятельности пролеткультовцев. Ими издавалось более двух десятков журналов, в числе которых «Твори», «Зарево заводов», «Грядущее», «Горн» и другие. Благодаря им стали известными такие поэты, как В. Т. Кириллов, В. В. Казин, В. Д. Александровский, М. П. Герасимов, П. Т. Полетаев и др. Большинство из них пафосно воспевали коллектив «железных» пролетариев, заводской труд и Октябрь.

Время от времени на страницах пролеткультовских печатных изданий вспыхивали дискуссии о независимости от государства, сепаратизме, отказе от достижений культуры прошлого в соответствии с лозунгом «Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Автором этих строк был В. Т. Кириллов, который написал их в ответ на заявление Луначарского, опубликованное в издании «Новая жизнь» [3(16) ноября 1917 года], о выходе в отставку в знак протеста против разрушения памятников культуры.

Есть ли вина Пролеткульта в том, что подобные стихи имели место в русской литературе того периода? Ответ Богданов дал в письме Луначарскому, написанному 19 ноября 1917 года. Он писал, что рабоче-солдатская партия, по сути, является просто солдатской. Богданов был поражен тем, до какой степени преобразовался большевизм, который усвоил всю логику, всю культуру и методы казармы. Политический стиль при этом полностью пропитался «казарменной трехэтажностью», а редакции помещают стихи «о выдавливании кишок у буржуазии». В этом же письме Богданов пишет следующее: «На другой день после того, как ты закричал “не могу!”, один из твоих ближайших товарищей Емельян Ярославский печатает в “Социал-Демократе” статью об “истерических интеллигентах, которые жалеют камни и не жалеют людей”, которые верещат “не могу!”, ломая холеные барские... руки и пр.».

Следом Богданов пишет о том, что принципом новой культуры для него являются товарищеские отношения. Обращаясь к Луначарскому, он подчеркивает, что безудержная демагогия является необходимым приспособлением к задаче собирания солдатских масс, а культурное принижение выступает как результат такого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата*.

---

* Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 190—191.

Хотя в октябре 1920 года был подведен итог дискуссиям в организациях Пролеткульта, Богданов выступил с речью на IX съезде, где говорил о важности объединения усилий каждого и направления их на формирование общего нового сознания, призывая опираться в этом на многовековой коллективный культурный опыт человечества и учиться у великих людей прошлого мудрости. Тем не менее, Политбюро ЦК РКП(б) и Ленин обратили внимание на слова Богданова о том, что ядром программы пролетарской культуры является не новое искусство, а именно «социализация знаний», т. е. пролетарская наука.

После этого началось активное наступление на Богданова, итогом которого стало отлучение ученого. Было объявлено, что богдановская концепция «чистой» пролетарской культуры, создающейся только самим пролетариатом, практически ведет к отрицанию связи между культурой прошлого и социалистической культурой, к обособлению пролетариата в сфере культурного строительства от интеллигенции и крестьянства*.

Удивительная метаморфоза произошла с идеями Богданова в интерпретации руководителей государства в конце 1920 года, особенно, если учесть, что на самом деле Богдановым было сказано следующее: «Каждый класс имеет свою идеологию, а это значит — свою особую культуру»**.

Богданов также писал о том, что смена классов является сменой господствующих культурных принципов***, а оформление класса как самостоятельной активной социальной силы имеет неразрывную связь с его развитием по линии специфического культурного принципа****. Так как пролетариат не выработал окончательно свои новые организационные методы, и не оформил свою новую культурную линию, то он обречен на подчинение культуре буржуазного класса*****.

---

* БСЭ. 3-е изд. Т. 21. С. 74.

** Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 66.

*** Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 120.

**** Там же.

***** Там же. С. 133.

Т. Г. Щедрина

Тектология vs Философия: разговор Александра Богданова и Густава Шпета

Густав Шпет и Александр Богданов вместе работали в Институте научной философии (ИНФ)*. Шпет как директор, Богданов как действительный член секции систематической философии. Они могли также встречаться у А. В. Луначарского. Оба были с ним дружны, а сестра Богданова стала его женой. Поэтому в данном случае термин «разговор» имеет еще и личностный оттенок.

20 октября 1922 года Г. Шпет прочел в ИНФ программный доклад «Что такое философия?»**. «Прения, в которых приняли участие действительный член А. А. Богданов, старшие научные сотрудники Б. Н. Бабынин, В. Р. Эйгес, Б. А. Фохт, П. С. Попов, И. Н. Дьяков, а из публики А. Ф. Лосев и П. И. Иваницкий, действительно состоялись неделю спустя,

---

* См. об этом: Институт научной философии. Начало / отв. ред.-сост. А. В. Черняев, Т. Г. Щедрина. М., 2021.

** Шпет Г. Г. Что такое философия? Реконструкция и публикация Т. Г. Щедриной // Вопросы философии. № 9. С. 68–74. См. также републ.: Институт научной философии. Начало. С. 342–350. Далее доклад цитируется по первой публикации.

27 октября»*. Если основываться на протоколах заседаний ИНФ, то о содержании обсуждения можно только догадываться. Но, к счастью, в фонде Шпета сохранились черновые варианты доклада, на оборотах которого он кратко изложил тезисы выступления оппонентов**. Среди них оказались и заметки к выступлению Богданова.

Цель данной статьи — реконструировать разговор, который состоялся между Шпетом и Богдановым в 1922 году, основываясь при этом на опубликованных ими к тому времени текстах. Подобная работа необходима нам сегодня не только для того, чтобы знать о содержании той реальной полемики, но и понять ее культурно-исторический смысл. Это позволяет показать целостность русской философии и продемонстрировать актуальность и созвучие методологических установок Г. Шпета и А. Богданова, которые не потеряли своего значения для социально-гуманитарного познания и сегодня.

Прежде всего о докладе Шпета. В этом контексте важно подчеркнуть, что хотя он и базируется на опубликованной работе «Мудрость или разум?»***, тем не менее октябрь 1922 года это уже не январь 1917-го. И в предложенной Шпетом исторической последовательности развертывания философской мысли как мудрости, метафизики и знания появляются новые существенные уточнения****. Для Шпета всегда было важно, а в 1922 году особенно, что философия есть чистое, строгое знание, и ее мастерство состоит в том, чтобы мыслить о мысли как о действительности. Этот тезис он отстаивает в докладе 1922 года.

Шпет начинает с интерпретации понятия «философия»*****. Оно может быть истолковано как специфический образ жизни, предполагающий мудрость, «учение которой —

---

* Корсаков С. Н., Сидорин В. В., Черняев А. В. Институт научной философии (1921—1923) // Институт научной философии. Начало. С. 32.

** См.: ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. 24 л.

*** См.: Шпет Г. Г. Мудрость или разум? <январь 1917> // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 311—365.

**** В статье «Мудрость или разум» еще не звучит так отчетливо мысль о «столкновении философского мировоззрения с принятым «толпою» — нетеоретических людей». Шпет Г. Г. Что такое философия? С. 70.

***** Шпет Г. Г. Что такое философия? С. 69.

в том, как надо жить»*, «*Мудрость* есть переживание морального порядка и потому — некоторая “добродетель”». Есть и иное истолкование философии. Она может пониматься как знание о жизни и ее условиях, но у каждого своя жизнь, и чтобы возвыситься до общего знания, необходимо абстрагироваться от нее (так возникает метафизика как система мировоззрения). Но есть и еще одно истолкование понятия «философия», которое Шпет находит у Декарта: «...философия обозначает занятие мудростью и... под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего, что может познать человек»**. Именно «совершенное знание», подчеркивает Шпет, София, как мастерство познания, «познание для познания», «страсть к познанию» — это и есть философия как чистое знание, как строгая наука. Причем мудрость, мировоззрение и знание как типы философии не умирают, их можно обнаружить в каждой исторической эпохе.

Потому он и цитирует далее статью У. Джеймса, чтобы показать, что в каждой эпохе существовал особый тип людей, которые хотели жить в мысли. «Всякое поколение дает некоторое число индивидов, исключительно занимающихся теорией. Такие люди находят предмет для Загадки и удивления там, где другие этого не видят. Их воображение изобретает объяснения и комбинирует их. Они накопляют науку своего времени, высказывают пророчества и предостережения, как люди “мудрые”»***.

Это рассуждение вполне соотносится также с его идеей смены типов интеллигенции, которая стала философско-историческим фундаментом его книги «Очерк развития русской философии» (о них пойдет речь далее). Действительно, Шпет работал над «Очерком» в 1921—1922 годах. В тот момент, когда он делал доклад в ИНФ, первая часть «Очерка» находилась в издательстве. В день выступления 20 октября 1922 года Шпет писал издателю Ф. И. Витязеву-Седенко письмо (датировано 17 августа 1922 года), в котором обсуждал Предисловие.

---

* Шпет Г. Г. Мудрость или разум? С. 348.

** Декарт Р. Первоначала философии // *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 298.

*** James W. Some Problems of Philosophy. Longmans, Green, and CO, London, 1911. P. 3. Шпет цитирует работу В. Джеймса по 1-му (1911) или 2-му (1916) изданию (пагинация совпадает).

По идейной направленности оно перекликается с докладом: «Я, действительно, сторонник философии как знания, а не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения. Я полагаю, что философия как знание есть высшая историческая и диалектическая ступень философии, но этим не отрицаю, а, напротив, утверждаю наличность предварительной истории, в течение которой философия становится в знание»*. Примечательно, что во второй части «Очерка» он собирался проанализировать полемику народников и марксистов и также подробно осветить идеи сборника «Очерки реалистического мировоззрения» как ответ авторам сборника «Проблемы идеализма». Отдельной строкой в этом перечне имен стояла фамилия Богданова.

«**XV**
Очерки реалистического мировоззрения.
Критика идеализма.
Авенариус: Луначарский (Гуревич).
Философия коллективизма.
Богданов»**.

Следуя марксистскому (материалистическому) пониманию развития форм духовной жизни, Богданов полагал, что философия скоро сойдет с исторической сцены*** и уступит место тектологии (учению о строительстве организации). Он рассуждал следующим образом: «Философия... думала *представить* мир как стройно-единую систему — “объяснить” его посредством какого-нибудь универсального принципа. В действительности требовалось *превратить* мир опыта в организованное целое, каким он реально не был; а этого не только философия, но и вообще мышление само по себе, своими исключительно силами, сделать не может. Это понял величайший мыслитель

---

* Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. I / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2008. С. 40.

** Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной. М., 2009. С. 55.

*** «С этого времени <1918—1921 годы> философия, как таковая, потеряла для меня реальный интерес: она — временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему научному его единству». Богданов А. А. Статья «От философии к организационной науке» [1922 г.] // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 117—118.

XIX в. <Маркс> и философской задаче — “объяснить” мир — противопоставил реальную задачу — *изменить* его»*.

В прениях по докладу Шпета Богданов отвечает на вопрос «Что такое философия?» по-своему. Он фактически излагает принципы тектологии. Но в отличие от «материалистически» ориентированных марксистов, которые констатируют конечность философии как объяснительной схемы и делают следующий шаг к практической деятельности, Богданов оказывается в своем поколении одним из некоторого числа индивидов, «исключительно занимающихся теорией». Он остается философом по сути, и тем самым открывается возможность для понимающего общения со Шпетом и обмена мнениями. Что и демонстрирует шпетовский конспект выступления Богданова: «О происхождении философии: философия как нечто из себя возникающее. “Объяснение” — какие социальные условия породили философа*. *Философ — организат<орский> талант! Что есть философ — теоретический человек»**.

Богданов выступил в прениях против философии. Философия приобретает практический смысл и становится тектологией: «...тектология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит *над* нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер. Философские идеи и схемы для тектологии — предмет исследования, как всякие иные организационные формы опыта»***. А как переделывать мир? Философия должна переориентироваться на научное описание, обеспечивающее практические нужды переделки мира. Таким образом, теоретическая деятельность продолжается. Познание, по Богданову, всегда было практическим, и абстракции должны всегда иметь практический смысл. В этом контексте он трактует и возникновение знания на примере астрономии, которая, по его мнению, очевидно имела практический смысл и основания.

В шпетовском конспекте богдановского выступления читаем: «Возникновение знания: астрономия (сельское хозяйство! Мореплавание)»****. И вот как этот тезис трактует сам Богданов в «Тектологии»: «С *астрономией* обычно соединя-

---

* Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М., 1989. С. 111.

** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 21 об.

*** Богданов А. А. Тектология. С. 141—142.

**** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 21 об.

ется мысль об отрешенности от всего земного, о чисто познавательном, чисто идеальном интересе. Трудно впасть в ошибку более грубую и наивную: нет науки более непосредственно-практической»*. И далее: «При земледельческом оседлом быте потребовалось усовершенствование этих методов, преимущественно для ориентировки во времени: определение сроков полевых работ, а следовательно, точное разделение годового астрономического цикла процессов природы. <…> Дальние торговые путешествия, сухопутные и еще более морские с их насущнейшей потребностью в пространственной ориентировке дали следующий толчок развитию астрономии, которая тогда же освободилась от религиозной оболочки»**.

Шпет не соглашается с такой интерпретаций и напротив записи об астрономии делает добавление от себя. Воспроизведу запись еще раз полностью: «Возникновение знания: астрономия (сельское хозяйство! Мореплавание) → греческая мысль “само по себе”. → Универсальное знание не в силу “сельского хозяйства”, а в связи с религией, жречеством, т. е. мировоззрение»***. Развертку этого замечания мы находим в его конспекте лекций по истории науки: «<Евдокс дал> *геометрическое объяснение движения планет* — за что <считается> основателем “математической астрономии”»****.

Казалось бы, различия точек зрения Богданова и Шпета налицо. И тем не менее, мы можем сделать предположение, что их разность не является пропастью. Они ближе друг к другу, чем это может показаться на первый взгляд. И я рискну сказать, что их взгляды во многом оказываются созвучными. Шпет, как и Богданов, полагает, что теоретическая деятельность исторически меняется, не заканчивается. Только у Богданова философия превращается в тектологию (учение о строительстве, всеобщую организационную науку*****), а у Шпета она как теоретическая деятельность становится специализи-

---

* Богданов А. А. Тектология. С. 87

** Там же. С. 87. См. также: Богданов А. А. Социализм науки // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 229—240.

*** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 21 об.

**** Шпет Г. Г. Конспект курса лекций по истории наук // Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2010. С. 337.

***** Богданов А. А. Тектология. С. 112.

рованной. Но здесь проявляется разность в понимании специализации.

Специализация по Шпету это мастерство, София. «“софіа” не есть “мудрость”, и “софос” — не “мудрец”. Формально “софіа” есть названная уже мною perfectio, а по существу “софос” — тот, кто смыслит в том, чем он занят; “софос” может быть и плотник, и игрок на флейте, и поэт, и мыслитель. Вот подлинно европейская идея софіи — мастерство в том, за что берешься, и это — подлинно европейская добродетель. <...> европейский досуг... породил философию, любовь к мастерству даже в разрешении личных сомнений и беспокойств»*.

А по Богданову, если посмотреть конспект Шпета: «Специализация и раздробление: своя сфера опыта»**. Это означает, что «специалист невольно стремится отграничить свое поле работы, знакомое и привычное, от остального опыта, ему чуждого и порождающего в нем чувство неуверенности; там, где границы разрываются, где происходит сближение областей и приемов работы, специалист ощущает это как вторжение чего-то постороннего, даже враждебного, в его личное хозяйство; и усваивать это новое для него несравненно труднее, чем идти по старому, протоптанному пути»***. Специалист — по мнению Богданова — человек, имеющий опыт, вот только опыт понимается им позитивистически, эмпирически. И получается почти как у Спенсера, которого Шпет критиковал именно за такую трактовку опыта: «...построение принципов на основе узкого эмпиризма, однако, свидетельствует... о недостаточной логической дисциплине»****. Богданов полагает, что «специалисты не справляются с непрерывно накопляемым материалом, не в силах стройно и целостно организовать его. Получается нагромождение материала во все более сыром виде, нередко подавляющее количеством. Усвоение делается все труднее и вынуждает дальнейшее дробление отраслей на еще более мелкие, с новым сужением кругозора и т. д. Это давно было замечено передовыми учеными и мыслителями, которые

---

* Шпет Г. Г. Мудрость или разум? С. 363.

** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 21 об.

*** Богданов А. А. Тектология. С. 98.

**** Шпет Г. Г. Герберт Спенсер и его педагогические идеи // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. С. 113.

и вели борьбу против “цеховой узости”, главным образом в области науки»*. И Шпет опять с ним не соглашается. Приведу опять запись полностью: «Специализация и раздробление: своя сфера опыта → “отражение”»**. Шпет добавляет только одно слово «отражение», то есть его не устраивает в рассуждении Богданова о специалисте его опора исключительно на «личный опыт» т. е. то, что мешает человеку стать «софосом», творческим, «подражающим по воспоминанию»***. Тем не менее, несмотря на эти расхождения, они оба понимают значимость теоретической деятельности.

В шпетовском конспекте выступления Богданова читаем: «Что остается для философа? — только, где не удалось обобщить — !! сознание !! не индивидуальное, а коллективное»****. Богданов полагал, что сознание выражается в слове, в речи: «слово — орудие общения людей — было родоначальником познания, т. е. коллективного собирания и обработки человеческого опыта в понятиях, а затем из слов и понятий строились все более важные культурные образования — нормы, доктрины и т. д. Происхождение понятия из слова, “мышления” из речи мы берем здесь прямо, как принятое научное воззрение. Понятие это и есть слово... мышление — внутренняя речь. Тожество речи и мышления обнаруживает всецело социальный характер духовной культуры, которая не может существовать без ее внешнего выражения в человеческом коллективе»*****. Вот пункт, который по-настоящему сближает Шпета и Богданова. Они оба полагают, что сознание может не иметь собственника******. Шпет дописывает свое мнение в конспекте: «Верно: <сознание> не должно рассматриваться в связи

---

* Богданов А. А. Тектология. С. 97.

** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 21 об.

*** Вспомним слова гениального Г. Горина, вложившего их в разговор охотников и Мюнхгаузена: «— Вы утверждаете, что человек может поднять себя за волосы? – Обязательно! Мыслящий человек просто обязан время от времени это делать». Добавим, из болота зеркального «отражения».

**** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

***** Богданов А. А. культурные задачи нашего времени. М., 1911. С. 7—8.

****** См.: Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. С. 264—310; Богданов А. А. Наука об общественном сознании. 3-е изд. М., 1923.

с собственником»*. А еще раньше (в 1916 году) он это формулировал так: «...само я обобщению не подлежит... “Собирая” сознания, мы не обобщаем их, а скорее множим, переходим от я к мы»**; «Само я, как единство множества других “единств сознания”, есть коллектив и собрание»***.

Далее Богданов, судя по конспекту Шпета, акцентирует внимание на следующем: «Маркс: объективный = социально-значимый (Gesellschaftgültig)»****. Здесь он повторяет свою мысль, высказанную в работе «Культурные задачи нашего времени», где речь идет о научном открытии Галилея, которое «обладало *объективностью*, или, что то же самое, *социальной значимостью*»*****. И в сноске добавляет: «Маркс, по-видимому, первый понял этот истинный смысл философского понятия “*объективность*”, но, к сожалению, отметил его лишь мимоходом (“Das Kapital”, 5 изд., т. 1, стр. 42). Теперь так называемые “*марксисты*” *типа Плеханова-Ильина считают это вредной ересью эмпириомонизма*»******. А Шпет добавляет к этой фразе Фейербаха (опять воспроизведу запись полностью): «Маркс: объективный = социально-значимый (Gesellschaftgültig) → Feuerbach»*******. Фейербах был нужен здесь Шпету, чтобы показать его созвучие с концепцией объективности как социальной значимости. Вот как он пишет об этом в статье «Антропологизм Лаврова в свете истории философии»********: «“Туизм” — еще новое иностранное слово, придуманное Ланге для обозначения теории Фейербаха, по которой общение, единение человека с человеком, основанное на реальности различения Я и Ты, является принципом и критерием истины и всеобщности»*********.

---

* ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

** Шпет Г. Г. Сознание и его собственник. С. 305.

*** Там же. С. 306.

**** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

***** Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 40.

****** Там же.

******* ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

******** Впервые опубликовано: Антропологизм Лаврова в свете истории философии // П. Л. Лавров: Статьи. Воспоминания. Материалы. Пг., 1922. С. 73—138.

********* Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии II. Материалы. С. 456—457.

Кроме того, Шпет делает замечание к понятию «объективный как социально-значимый». Он полагает, что такое понимание объективности «рассыпается», когда Маркс «переходит к другой точке зрения»*, употребляя слово-понятие «объективный» как «независимый от воли и сознания людей». По этому поводу Шпет писал также (опять-таки в работе «Антропологизм Лаврова...»), что уже Лавров говорил о непригодности «термина “материализм” для обозначения “философского учения” не только Фейербаха, но также Маркса и Энгельса (*Предисловие* к статье: Маркс К. Введение к критике философии права Гегеля. СПб., 1906. С. 22 прим.). По отношению к Фейербаху это — верно, но что “философского” останется в марксизме, если отбросить *его* материализм?»**

В шпетовском конспекте (уместившемся на двух страничках) выступления Богданова довольно-таки много нюансировок и тонкостей и можно еще долго реконструировать их смыслы (я оставляю в стороне очевидные созвучия Шпета и Богданова в исследовании проблем «структуры» и «организации»***). Но в данном случае нам важен вывод Шпета, который видит в Богданове союзника: «Вопрос о структуре — настоящий вопрос — да! — культура — ожидал бы подр<ажания>!»****

Думаю, для Шпета было важно, что Богданов приходит к пониманию культуры как особым образом организованной структуры, в которой только и возможно развитие сознания: «Поставим вопрос о реальном, объективном смысле познания в самой общей его форме: что в действительности происходит, когда *нечто познано*? К накопленной людьми сумме опыта прибавляется некоторый новый опыт, имеющий значение не для одного какого-нибудь человека, но для всякого, кому он будет “сообщен”. Значит, отныне этот новый опыт, во-первых, передаваясь от одного члена коллектива к другому, увеличивает собою то общее жизненное содержание, которое их сближает, которое дает им общую опору в жизни, увеличивает их взаимное понимание, а тем самым упрочивает и облегчает единство их практического действия. Во-вторых, этот новый опыт дол-

---

* ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

** Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии II. Материалы. С. 454.

*** Шпет писал об этом в «Эстетических фрагментах» и втором томе книги «История как проблема логики».

**** ОР РГБ. Ф. 718 (Г. Г. Шпет). К. 6. Ед. хр. 2. Л. 20 об.

жен приниматься во внимание в последующей деятельности членов коллектива, трудовой, познавательной и всякой иной, с которой он может прийти в соприкосновение; т. е. последующая деятельность, производственная и культурная, в той или иной мере уже будет им направляться, регулироваться, контролироваться. Но все это вместе — объединение деятельности людей, ее регулирование, контроль и т. п., — все это и составляет *процесс ее организации*»*.

Как уже говорилось ранее, интерес Шпета к идеям русских марксистов, авторов «Очерков реалистического мировоззрения» был основан не только на его желании дать полную картину развития русской философии, но еще и в силу лежащей в основании «Очерка развития русской философии» концептуальной философско-исторической идеи типов интеллигенции. Суть этой идеи состоит в следующем. Каждая национальная философия производится благодаря тому, что в народе, ее создающем, формируется образованный слой «репрезентантов культуры», способных выразить интеллектуальное содержание и своеобразие духа народного в словесной форме. Шпет, вслед за Пушкиным, называет этот социальный слой «литературной аристократией». Причем в реальной истории место «репрезентанта» занимают разные общественные слои. Шпет выделил в «Очерке» три таких репрезентанта русской интеллектуальной культуры (или типов интеллигенции): «духовенство», «правительственная интеллигенция» и «оппозиционная интеллигенция». Конечно, Богданов не согласился бы со Шпетом, как марксист он настаивал на классовой природе социальных отношений.

И тем не менее... Если мы продолжим шпетовскую схему (отбросив условности классовой позиции Богданова), то следующим репрезентантом, как показала наша история, становится, как это ни парадоксально, интеллигенция пролетарская, которая должна была образовываться исторически, вбирая в себя лучшие мировые культурные образцы. И Богданов это очень хорошо осознавал: «Совершенно неверен тот взгляд, будто объективное содержание научной идеи не зависит от ее генезиса и может быть усвоено полно и точно без отношения к нему. Мысль есть живое орудие практики, а все живое постигается глубоко и прочно только понятое в его развитии. В сущности, даже мертвым орудием, таким как машина, нельзя законченно

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 13—14.

овладеть, зная его лишь статически, в его данном устройстве и применении, вне связи с историей его выработки из других орудий. <…> все дальнейшее усовершенствование орудия остается в руках немногих специалистов, знающих пути, которыми шла техника в развитии этого и других механизмов, и способных пользоваться разными комбинациями или вариациями раньше применявшихся методов: базис технического прогресса сужен, коллективное творчество, идущее к великому через накопление неуловимо-малых величин, ограничено и ослаблено. К орудиям живым — понятиям, идеям — все это относится еще в несравненно большей степени; здесь сознательность более глубокая, охватывающая не только статику орудия, но и его динамику, его историю, гораздо необходимее. Знать описательную анатомию и даже описательную физиологию живого существа еще не значит понимать его жизнь, познавательно овладеть ею, предвидеть условия и возможности ее развития. Так же недостаточно знать содержание идеи, каким оно является в данный момент: в ее прошлом лежит ключ к ее будущему»*. Следуя логике Шпета, можно утверждать, что именно пролетарская интеллигенция создавала советскую культуру, преемниками которой мы являемся. Да, мы не можем сегодня обойти стороной интеллектуальный опыт 70 лет СССР и напрямую считать себя преемниками дореволюционной философии. Только через осмысление этого опыта может быть восстановлена преемственность, а тем самым и целостность отечественной философии.

* Там же. С. 65—66.

А. А. Малиновский, сын

К нашему происхождению*

Дед Богданова – вологодский псаломщик Александр (сколько помню – Семёнович) Малиновский. По рассказам – очень умный, волевой человек. Сам Богданов якобы на него очень похож и внешне, и по характеру. Малиновских и в Вологде, и близких городах было много. Богданов считал, что это – со Смутного времени, потомки зашедших туда поляков. Но, учитывая, что многие с этой фамилией были, сколько знаю, псаломщиками и др. представителями духовного сословия, возможно, что эта фамилия пошла от них («выпускники» семинарии получали новые фамилии: «отличники» в учении и поведении – по праздникам (Рождественские, Покровские и др.), а ниже – по певчим птицам, в том числе, видимо – Соловьевы, Малиновские (малиновка), м. б. Синицыны, Иволгины и т. д.).

Дед Богданова «вывел своего сына в люди» – дал ему образование и тот стал сначала учителем, а затем инспектором народных училищ. Дочерям же (теткам Богданова) – он не дал образования и они, по словам

---

* С любезного разрешения правнука А. А. Богданова, Александра Александровича Малиновского, представляем вашему вниманию нигде ранее не публиковавшуюся тетрадь сына Богданова Александра Александровича Малиновского с записками об истории рода Богдановых.

Натальи Богдановны (жены Богданова), остались неграмотными огородницами. Отец Богданова (уже Александр Александрович) женился на вологжанке же, но — полупольке — Марии Андреевне Комаровской. Деда (Богдановского отца) я [Малиновский Ал-др Ал-дрович 1909 года рождения] видел один раз незадолго до его смерти. Он умер в возрасте, кажется, 75 лет, и похоронен был в Москве на Ваганьковском кладбище. Его жена — мать будущего Богданова, была, очевидно, моложе мужа (как это чаще всего бывало в те времена) и дожила, по-моему, до 87 лет. Последние годы жизни она жила у своей дочери, жены наркома просвещения (А. В. Луначарского) — Анюты, в хороших для того времени условиях. Она очень любила Богданова («Сашу») и ей, по-моему, не говорили о его смерти, а так как он всю жизнь ездил и по России, и за рубежом, скрыть его смерть было не трудно. Я бабушку (Марию Андреевну) встречал у своего отца (т. е. Богданова), когда он был (всего два года, до своей смерти) директором Института Переливания Крови, т. е. с 1926 по 1928 год (умер 7/IV). Богданов, судя по конспекту для его автобиографии, в раннем детстве больше любил мать (кричал «папа дуля [дурак?]»), но взрослый явно больше любил отца. Когда мать приходила к нему в гости и мешала ему работать (он много работал дома, — писал свои книги и статьи), он никогда не просил ее уйти, но она сама чувствовала и говорила: «Саша, у тебя глаза, как лед» и уходила от него. Мне он говорил, что в детстве мать их жестоко порола (или заставляла это делать отца?).

Всего в их семье выжило шесть человек детей (умерли, по крайней мере, двое маленьких братьев). Из выживших шести трое старших были мальчики: Николай (любимый брат Богданова), затем Саша — будущий Богданов, затем могучий и буйный Сергей. А сестры — старшая Мария (любимая сестра Богданова тоже врач), затем Анюта (будущая жена А. В. Луначарского) и младшая — Ольга (медсестра и, кажется, баптистка). Внешне все они были выраженными голубоглазыми блондинами (может быть, немного темнее, судя по погибшей фотографии, был Николай).

Я видел Богданова еще в Париже. Мама сказала, что это — мой папа. Я не вполне понимал, что значит это слово, но понял, что папа имеет какое-то отношение ко мне. Мне он понравился тем, что был блондин (в отличие от всех французов, которых я видел, хотя среди них, конечно, бывают порой блондины), что он крупный, спокойный, дружелюбный, видимо, сильный.

Мама моя была формально дочерью псаломщика. (Имя его Иван, фамилия Смирнов, отчества не знаю). Жила их семья сначала недалеко от Барнаула (Западная Сибирь). Маму звали Анфуса Ивановна (по святцам, вероятно, Анфиса). Но в Париже ее звали Нина Павловна (может быть, из конспирации, она была большевичка). Кажется, она была младшая из десяти детей в этой большой семье. Я видел двух ее сестер в Барнауле — любимую сестру — Пашу [Павлу Ивановну] и еще одну. Обе широколицые, широкоскулые. Трое их братьев стали священниками. В сгоревшем альбоме был один, видимо, любимый моей мамой* за то, что был честен и *искренне* верил в Бога (она — нет), а два других, по ее словам, были из тех нечестных, которые «продают слезки Богородицы» и т. п. Тетя Паша меня любила, когда мы с мамой жили у нее в Барнауле и после маминой смерти хотела оставить меня у себя. Но мама завещала меня «Тете Лиде» — бездетной жене Ивана Игнатьевича Романова (боевой меньшевик, в 1905 году приговоренный к повешению заочно). В Париже они жили с нами в одной квартире (видимо, оставленной нам моим отцом, когда он переехал в Брюссель — в Бельгию**) на Рю де ля Глесьер (кажется, называю верно. Перевод, кажется, — ул. Стекольщиков), 10, недалеко от Парка «Мон Сури» (2-й или 3-й этаж?). Дядя Ваня (Романов) и тетя Лида часто водили меня в парк «Мон Сури», очевидно, когда не могла мама. Мама переписывалась со своей матерью. Она была (моя мама) резко отлична от своих несколько монголоидных сестер и считала, что ее настоящим отцом был какой-то цыган, якобы «вертевшийся» около ее матери. Это очень возможно: она действительно смахивала на цыганку: невысокая, стройная, чернявая, лицо узкое, нос с горбинкой, очень эмоциональная. Пела про себя (рано постарев) «Худа как палка, черна, как галка, увы, весталка, тебя мне жалко». Она родила первого сына (в России или в Париже?), которого оставила во время партийной командировки (в России или во Франции) у сочувствовавшей революции еврейской семьи, но он там умер от желудочного заболевания. Она опять предложила Богданову завести от нее ребенка. И это — я (...). Как 2-й — я более, вероятно, здоровый, чем был 1-й (это так чаще всего

---

* Сравнительно не старый, но, по-моему лысеющий и с жидкой бородкой.

** Родился я в другой квартире, судя по французской метрике, — на ул. Жорж Саше, 7.

бывает). А мама, как я ее помню (ей было лет 39 [мне — 3]), уже была с проседью, плохими зубами и была больна туберкулезом легких. Она родилась на несколько дней позже Богданова, тоже в 1873 году (он — кажется, 22 августа* <так в тексте. — *Примеч. ред.*>?) <...> Отец оказался устойчив к туберкулезу, и я в этом отношении вышел в него. Будучи в ряде внешних черт похож на него, уже оказался в маму кареглазым шатеном (она чернее). Но в детстве был белобрысым совсем (фото детского сада в Парке Мон Сури) и мои детские волосы, сохранившиеся до сих пор у меня. Почему ее мама (моя бабушка) могла изменить мужу? — Думаю, как обычно тогда, муж был старше бабушки и уже не мог иметь детей.

Вот, что коротко могу сообщить о моем отце и матери.

Примечания публикатора

В моем домашнем архиве сохранилась большая серая тетрадь моего деда, генетика А. А. Малиновского (1909—1996), наверху обложки которой крупными буквами выведено: «ПРЕДКИ». В ней лишь несколько записей. Помещаю здесь фрагмент из самого начала тетради, в котором идет речь о Богданове. Рукописные примечания на полях, сделанные также моим дедом, помещены в тексте в угловые скобки. В остальном соблюдена авторская пунктуация. Сокращены строки, где автор повторно представляется, и объяснение им разницы между старым и новым календарными стилями. Сокращения обозначены отточиями.

Дед Богданова — в конце тетради имеется ещё один фрагмент о Богданове, большей частью повторяющий часть сведений данной записи. Кроме того, в нем говорится: «По словам сестер Богданова, у Александра Семеновича был брат — отшельник. Наталья Богдановна (жена Богданова) считала это их романтической выдумкой».

двое маленьких братьев — в небольших воспоминаниях младшей сестры Богданова Ольги, опубликованных ее правнучкой Ольгой Евгеньевной Никитиной, говорится о четверых рано (до рождения Ольги в 1885 года) умерших детях в семье Малиновских (https://proza.ru/2017/11/11/1189).

медсестра — О. А. Малиновская (1885—1943) была медсестрой на русско-японской войне. В дальнейшем работала учительницей русского языка и литературы. О. Е. Никитина говорит в своем очерке о прабабушке: «Ее старший брат Саша

(Котик) пристроил ее на работу к своему старому революционному другу Надежде Константиновне Крупской в наркомпрос» (https://proza.ru/2017/10/01/1277).

баптистка — вторым и последним мужем О. А. Малиновской был священнослужитель-баптист, в 1943 году арестованный и получивший, как пишет О. Е. Никитина, «десять лет без права переписки» (т. е., очевидно, был расстрелян). На похоронах скоропостижно скончавшейся О. А. Малиновской также совершил обряд баптистский священнослужитель (там же).

Публикация Александра Малиновского,
правнука (род. 1968)

А. А. Малиновский, правнук

Из семейных преданий об Александре Богданове

Мне, правнуку Александра Богданова, выпало счастье услышать рассказы не только его внука, но и его сына (моего деда). Поскольку все мы — представители четырех поколений — являемся полными тезками, в предлагаемом изложении некогда услышанного сын Богданова, в дальнейшем — генетик А. А. Малиновский (1909—1996), для краткости и во избежание путаницы именуется просто «сын Богданова». Рассказы моего деда (некоторые из них известны мне в пересказе отца) по возможности расположены по хронологии воспроизводимых событий, но даты, однако, не всегда удается точно установить.

Богданова в нашей семье вспоминали по разным поводам, без регулярности, иногда как будто случайно. Соответственно, и сами семейные предания отрывочны, выглядят как лоскутное одеяло, не имеют последовательного сюжета и объединены только самой фигурой революционера и философа.

Для удобства изложения (и установления смысловой связи) в тексте используется прямая речь. Разумеется, нельзя воспринимать ее как дословно точное воспроизведение реплик вековой давности, кроме двух оговоренных случаев, когда именно точная форма высказываний запомнилась и сделала их «крылатыми выражениями» в семье.

В тексте учтены исправления и дополнения, сделанные внучкой и правнуками Богданова (моими теткой и кузенами) — соответственно Натальей Александровной, Дмитрием Владимировичем и Софьей Владимировной Смирновыми. Изложение сверено с аудиозаписями рассказов сына Богданова, сделанными Д. В. Смирновым.

Отец Богданова был инспектором городского училища. Своих детей он бил (а их было множество обоего пола, и дочери были младше). Когда будущий революционер и его братья подросли, они воспротивились таким порядкам.

В бытность гимназистом Александру необходимо было быть на хорошем счету, желательно «первым», чтобы не подвести семью в финансовом отношении. Успевая на «отлично», он учился на казенный счет. Страдал от невозможности поехать домой на каникулах. Насколько морально тяжело далась ему золотая медаль за гимназию, показывает следующая ситуация.

Впоследствии Богданов, будучи арестованным за революционную деятельность, вскакивал ночью, мучимый кошмаром: ему снилось, что он опять в гимназии. Проснувшись и оглядевшись, соображал: все нормально, он просто в тюрьме. Ложился снова и засыпал, уже успокоенный. Так повторялось не раз.

Однажды сидели в саду у Базарова и ели апельсины. Наталья Богдановна Корсак попала в Богданова (еще не создавшего из ее отчества этот псевдоним) брошенной апельсиновой коркой.

- У-у, ж-животное! — высказался тот, усмотрев здесь грубую манеру кокетства.

Эти первые, кажется, слова, обращенные к будущей жене, хорошо запомнились и стали одной из любимых в семье «хохм».

Одно время Богданов и Базаров вместе снимали жилье у некой женщины — простоватой, в сущности доброй, но очень чинной. Друзья любили веселиться и дурачиться. Из их комнаты то и дело доносились шум, громкий смех, нелепые возгласы и всевозможные странные звуки. Хозяйка заглядывала в дверь и пробовала их урезонивать:

— Молодые люди! Позволительно ли так себя вести? Что о вас подумают?

Тогда один из квартирантов, показывая на своего соседа, произносил торжественно и серьезно:

— Поймите же: мы с ним — великие люди! Поэтому нам все можно!

На этой фразе хозяйка полностью теряла самообладание и начинала с негодованием выкрикивать:

— Кто-о?! Вы-то?! Да какие вы великие люди?! Кто вас в порядочный дом впустит? Что вы такое о себе возомнили?

Ответом ей становился взрыв дикого хохота с новым потоком шуток.

Богданов не только пропагандировал в «Красной звезде» множественность параллельных любовных отношений, но и сам ее практиковал. Вторая его жена (и в дальнейшем мать сына), Анфуса Ивановна Смирнова бежала из родительского дома близ Барнаула, связав себя с революционной борьбой и с Богдановым.

Ревнивая Наталья Богдановна поставила условие: если будет вторая жена, она должна жить в другом городе. Партийное подполье и эмиграция способствовали кочевой жизни, облегчавшей выполнение этого условия. До смены власти в России Анфуса Ивановна не дожила, умерла от туберкулеза.

Условие, поставленное мужу Натальей Богдановной, было связано с тем, что сама она не могла иметь детей.

Однажды скрывавшиеся от полиции Богданов и Наталья Корсак заметили шпика, бродившего вокруг дома, где они занимали квартиру. Целый вечер супруги спорили, как с ним поступить. Наталья Корсак предлагала облить его кислотой. Богданов отговорил ее и нашел какое-то решение, не предполагавшее жестокости. (Оценивая этот эпизод, необходимо понимать, что обнаружение могло повлечь за собой для подпольщиков казнь или долгое, подчас смертоносное заключение.)

Богданов очень отрицательно отзывался о мещанах (в старом социальном, но одновременно уже и в новом этическом смысле), об узости их кругозора, замкнутости внимания на быте, безразличии к общественно-политическим бурям. Порой, однако, ему доводилось у них укрываться. Не желая знать никаких подробностей о делах своего постояльца и излишне сообщничать с ним, они все-таки показывали себя вполне надежными в плане (не)общения с полицией.

Богданов с насмешливым скептицизмом отзывался о характере начитанности Ленина. Припоминал свои непосредствен-

ные наблюдения над тем, как Владимир Ильич читал или, скорее, работал с книгами — набирал себе огромную их стопку на день и торопливо просматривал, преимущественно отыскивая подходящие ему цитаты, зачастую не только не долистывая до конца, но не успевая ухватить даже общий смысл и идею автора.

Как-то на многолюдном собрании Богданову и Луначарскому сильно досталось от партийных сотоварищей, которые обвиняли их в идейных ошибках и отступлении от марксизма. Тучи сгущались, дело шло к серьезному разрыву. Ход дискуссии переломило блестящее выступление Луначарского, давшего отпор оппонентам. Изюминкой его выступления стала приведенная им ссылка на Маха, сделавшая убедительной позицию обоих друзей. Очередной идеологический бой был выигран, противники ушли посрамленными. Когда друзья остались вдвоем, Богданов сказал:

— Здорово как ты их, а!.. Послушай, а где это у Маха такие замечательные слова? Сколько ни перебираю, вспомнить не могу.

— Да нету этого у Маха, я сам на ходу цитату выдумал.

— Но как же это так? — оторопел Богданов.

— А, ничего! Зато одним Махом семерых побивахом!

Вот это «одним Махом...» стало «крылатым выражением» в нашей семье. Луначарский и в других случаях отличался остроумием и любил затейливые игры со словами. Уже в советское (очевидно) время он говорил:

— Надо мне сделать ДОКЛАД, чтобы нам повысили ОКЛАД. Это будет просто КЛАД, и тогда дела у нас пойдут на ЛАД. А иначе будет просто АД.

Амнистия к 300-летию правления Романовых застала Богданова в эмиграции. Чтобы вернуться в Россию вместе с сыном, необходимо было его крестить. Крестными родителями пятилетнего Саши стали Луначарский и Александра Мечникова (о ней чуть ниже). Хотя впоследствии сын Богданова считал это событие весьма важным для своей жизни, взрослые участники действа рассматривали его только как вынужденный шаг. Горький, прослышав о случившемся, с большой издевкой пересказывал эту историю разным людям в эмиграции, напоминая о твердокаменном атеизме автора «Красной звезды» и намекая, что тот пошел на позорное соглашательство. Богданов отреагировал болезненно и не забыл этого Горькому, ха-

рактеризуя его впоследствии как человека ненадежного: вроде как будто свой, а потом возьмет да и ошельмует.

Наконец Богданов с семьей ехал из Парижа (где до этого жила Анфуса Ивановна с сыном, а сам он бывал наездами) в Россию. Рядом в поезде ехали компанией жандармы (видимо, находившиеся, как говорят сегодня, «не при исполнении», хоть и в форме). Служители трона были благодушно настроены, шутили и играли с маленьким Сашей.

— А ты кем хочешь стать, когда вырастешь? — спросили они его.

— Революционером!

— Что это ты вдруг?

— У меня мама с папой революционеры! — с гордостью объяснил мальчик. — И я тоже буду как они!

Мама с папой обмерли, слушая эту беседу и, надо полагать, рады были бы притвориться ящиками. Жандармы, между тем, не теряли добродушия:

— Ну и расскажи нам, как же это ты будешь революционером.

— Первым делом я поставлю большую пушку и убью царя. А потом перебью из нее всех жандармов.

— Ух ты, смелый какой!

Эти удивительные жандармы долго смеялись над серьезностью мальчика, а потом вышли на своей станции и были таковы. Богданов же с семейством мирно и тихо приехал в Россию.

Анфуса Смирнова имела конспиративно-партийное имя Нина. Как минимум из предосторожности (почти всегда рискуя быть услышанным), Богданов и в семье, в быту (как и в стихотворном посвящении) звал ее Ниной. Сын тоже привык в детстве, что маму зовут именно так, и никакого другого ее имени не знал. По возвращении из Франции Анфуса Ивановна поехала с сыном к родственникам (видимо, в Барнаул). Когда она добралась до родных мест, и навстречу выбежало много незнакомых ребенку женщин с объятиями и с восклицаниями «Фусочка! Фусочка!», маленький Саша, видя это, вначале испугался и решил, что с миром происходит что-то не то.

Упомянутая выше Александра Валерьяновна Мечникова была еще одним очень близким для Богданова человеком. Она не только приняла участие в крещении его сына, но, как видно по дальнейшему ее поведению, всерьез воспринимала его

семью как область своей ответственности. В советское время, когда само понятие «крестная мать» могло требовать длинных пояснений, Мечникова фигурировала в семейных воспоминаниях под условным обозначением «тетки» богдановского сына.

Александра Валерьяновна была племянницей географа и анархиста Льва Мечникова (явно более близкого ей по взглядам, чем его более знаменитый брат, физиолог Илья Мечников). Сама она была большевичкой, прошла через каторгу. В эмиграции не чуждалась и дядиных революционных знакомств. В нашей семье долгое время хранилась оставшаяся от нее книга Кропоткина «Великая Французская Революция» с дарственной надписью автора: «Дорогой Сашеньке <...>» (Ныне книга находится у моего бывшего знакомого Владлена Тупикина, задерживающего ее у себя, поэтому нет возможности даже полностью воспроизвести текст инскрипта.)

В советское время Мечникова, состоявшая в дачном кооперативе царских политкаторжан, получила половину деревянного дома (кухня, комната и веранда) на станции Строитель под Мытищами. Она оставила ее потомкам Богданова, и три поколения пользовались этой дачей (потом сгоревшей в 90-х).

Александра Валерьяновна активно участвовала в воспитании не только сына, но в дальнейшем и внука Богданова (моего отца), которого тщетно пыталась приучить к этикету (как едят, как держат вилку, нож и т. п.; сказывались ее дворянские корни).

В Первую мировую войну Богданов был мобилизован на фронт в качестве врача. Он стал свидетелем того, как отступавшие немецкие войска оставляли после себя чистенькие госпитали в полном порядке — со свежими, аккуратно сложенными комплектами белья и полотенец, вымытыми полами, а главное — с систематизированными запасами медикаментов, которых в русской армии катастрофически не хватало. Русские солдаты из наступавших войск первым делом планомерно уничтожали весь этот уют и порядок, приводили в негодность больничный инвентарь, включая и драгоценные медикаменты. При виде всего этого у Богданова произошел нервный срыв. Вскоре он был комиссован из армии.

В Москве сын Богданова после смерти матери рос на попечении тети Лиды (жены меньшевика Ивана Игнатьевича Романова, бывшей соседки по парижской квартире) на улице

Заморёнова, отдельно от своего отца, который, однако, заботился о нем и регулярно приходил. Богданов среди прочего объяснял их раздельное проживание важностью свободного развития сына, которое не хотел подавить своим авторитетом. Очевидно, к самым ранним (1914/1917) московским воспоминаниям маленького Саши относится образ соседа по дому, который степенно произносил, сильно окая: «Вот я уважаю кодетов! Кодеты — умные люди: вначале себя освободят, а уж потом — других!»

В детстве сын Богданова был очень болезненным и хилым мальчиком: сказывалось хрупкое здоровье матери. Богданов сделал сыну операцию по переливанию крови, после которой тот не только физически поправился, но в дальнейшем, тренируясь, стал настоящим силачом. (Как-то, выйдя из трамвая с дочерью Наташей и обнаружив, что в вагоне осталась ее кукла, он побежал за трамваем, догнал его на следующей остановке и вернулся уже с куклой в руках.)

В ранней юности будущий генетик придерживался радикальных антицивилизационных взглядов, поэтому не хотел поступать в вуз и даже оканчивать школу. В конце концов Богданов, после многих тщетных попыток, все же уговорил сына получить образование, подав ему такую идею: культуру эффективнее всего будет уничтожать изнутри, хорошо изучив оружие врага.

Богданов крайне отрицательно относился к Троцкому (хотя и отдавал ему должное как оратору), особенно после того, как по его приказу был расстрелян адмирал Щастный (1918) — вся связанная с этим ситуация вызвала у «отставного» большевика огромное негодование. Когда в середине 20-х Троцкий, уже попавший в опалу, стал критиковать партийную верхушку за бюрократизм и отсутствие демократии, Богданов сказал сыну: «У него теперь просто не остается другого выхода, кроме как говорить правду».

Среди знакомых Богданова, «по наследству» перешедших семейству его сына, был эрудированный рабочий-библиофил Шилин, обладатель огромной библиотеки дореволюционных книг самого разного идейного содержания. Еще в 60-х он снабжал книгами юного богдановского внука (моего будущего отца) и, в частности, познакомил его с сочинениями Розанова, который, правда, юному (но уже поднаторевшему в философии) читателю не полюбился.

Надежда Константиновна Крупская всегда, вне зависимости от превратностей партийной линии, относилась к Богданову с большим уважением и теплотой. Говорят, она перечитывала его романы тайком от мужа: Ленин приходил в ярость, если видел в ее руках книги своего оппонента. К похоронам Богданова Крупская прислала его семье телеграмму с горячими соболезнованиями, а затем выбила для Натальи Богдановны двухкомнатную квартиру на Пресне. Здесь поселился с ней и сын Богданова и затем прожил в этой квартире большую часть своей жизни.

В 2019 году я был в Калуге. Замечательный здешний публицист, писатель и краевед Алексей Александрович Мельников много часов водил меня по городу, показывая дома, места (и даже деревья...), связанные отнюдь не только с калужской ссылкой Богданова, но с множеством людей и событий двух минувших веков. В очередной раз он остановился и молча замер, задумчиво глядя в сторону каких-то вполне заурядных новостроек. Я с недоумением следил за его взглядом.

— Видите магазин «Дикси»? — спросил Мельников наконец.

— Ну да, — растерянно кивнул я.

— На его месте стоял дом, в котором жил ссыльный Луначарский. Вполне возможно, что Богданов жил здесь же, вместе с ним, однако вот этого мне в точности выяснить не удалось. Но, во всяком случае, совершенно точно Богданов здесь часто у Луначарского бывал.

Постояли немного. Затем мой проводник свернул в соседний переулок, по которому мы не прошли и сотни шагов, как остановились перед ветхим деревянным домом.

— А вот здесь ровно в те же самые годы жил Циолковский. Был ли он знаком с Луначарским и Богдановым — неведомо, но почти наверняка они сталкивались на улице и знали друг друга в лицо.

— За хлебом, за газетами... Да они просто не могли, не имели шансов не видеться! — потрясенно воскликнул я.

— Хорошо можно себе представить, — задумчиво улыбнулся Алексей, — как они раскланиваются при встрече.

Хроника жизни и деятельности А. А. Богданова

10 августа 1873 года — рождение А. А. Малиновского (Богданова) в г. Соколка Гродненской губернии в семье учителя.

1879 — переезжает со своей семьей в Тулу и поступает в классическую тульскую гимназию.

1891 — окончил тульскую гимназию с золотой медалью.

1892 — поступает в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

1894—1895 — тульская ссылка за участие в революционной деятельности.

1895 — поступил на медицинский факультет в Императорский Харьковский университет по направлению психиатрии.

1896 — переходит от народнических идей к социал-демократизму и марксистским идеям.

1897 — пишет свой первый труд «Краткий курс экономической науки».

1899 — окончил Императорский Харьковский университет, из-за революционно-агитационной деятельности сослан в Калугу; издал первую философскую работу «Основные элементы исторического взгляда на природу».

1900—1901 — ссылка в Калугу.

1901—1904 — находится в ссылке в Вологде.

1904 — приезд в Швейцарию к Ленину и выступление на совещании 22 большевиков. Пишет обращение «К партии».

1904—1907 — поддерживает ленинскую линию в партии.

1904 — пишет первый том фундаментального философского труда «Эмпириомонизм».

22 декабря 1904 — май 1905 — издание газеты «Вперед», является ее редактором.

1905 — делегат III съезда РСДРП в Лондоне. Член ЦК РСДРП. Член редакции ЦО РСДРП — газеты «Пролетарий». Редактор издания «Летучие листки ЦК РСДРП». Политический консультант при думских социал-демократических фракциях.

2 декабря 1905 — арест и заключение в тюрьму «Кресты» в С.-Петербурге.

1906 — пишет третью часть книги «Эмпириомонизм».

Май 1906 — с женой прибыл в Куоккалу (Финляндия) на дачу «Ваза», где находится Ленин.

1907 — отправляется в Женеву. Входит в редколлегию газеты «Пролетарий».

1908 — исключен из редколлегии «Пролетария». Пишет свой первый роман «Красная звезда».

1909 — совместно с Алексинским, Горьким и Луначарским организует на Капри Высшую социал-демократическую пропагандистскую школу для рабочих. Организует группу «Вперед».

1910 — публикует в либеральной газете «Киевская мысль» свои очерки «Упыри», «Великий упырь нашего времени».

1910—1911 — организует в Болонье Высшую социал-демократическую пропагандистскую школу для рабочих.

1911 — покидает группу «Вперед».

1912 — пишет работу «Тектология. Всеобщая организационная наука».

1913 — пишет роман «Инженер Мэнни».

1914—1916 — отправлен на фронт Первой мировой войны, служит полковым врачом.

1917 — возвращается с фронта; публикует статью «Государство-коммуна» в московских «Известиях», в которой подвергает критике ленинские «Письма о тактике».

1918 — член Социалистической академии. В Московском университете преподает политэкономию. Пишет работу «Вопросы социализма».

1918—1922 — основывает организацию «Пролеткульт». Пишет статью «О художественном наследстве»; член Коммунистической академии.

1920 — публикует большое количество статей, в том числе «Учение об аналогиях», «Исторический материализм и вопросы первобытной жизни», «Организационные принципы социальной техники и экономики», «Учение о рефлексах и первобытное мышление».

1923 — арестован ГПУ по подозрению в отношениях с группой «Рабочая Правда»; освобожден.

1923—1928 — занимается трансфузиологией.

1926 — основал и возглавил Институт переливания крови на Большой Якиманке в Москве.

7 апреля 1928 года — скончался в результате эксперимента по переливанию крови.

Составитель М. В. Локтионов

Библиография трудов А. А. Богданова

1897

Краткий курс экономической науки. М., 1897. 290 с.; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1899. 290 с.; 6-е изд. М., 1905. 294 с.

1899

Основная ошибка Туган-Барановского // Научное обозрение. М., 1899. № 9. С. 1758–1766.

Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. 261 с.

1900

Новая точка зрения в экономической науке (ответ Туган-Барановскому) // Научное обозрение. М., 1900. № 8. С. 1435–1448.

1901

Из мира критических увлечений // Жизнь. М., 1901. № 3. С.187–200.

Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901. 217 с.

Что такое идеализм? // Образование. 1901. № 12. С. 24–43.

1902

К вопросу о новейших философских течениях // Вопросы философии и психологии. М., 1902. № 5(65). С. 1049–1059.

Развитие жизни в природе и обществе // Образование. СПб., 1902. № 4. С. 33–46; № 5–6. С. 91–110; № 7–8. С. 66–83.

1903

Жизнь и психика: Эмпириомонизм в учении о жизни // Вопросы философии и психологии. М., 1903. № 4(69). С. 682–708; № 5(70). С. 822–866.

Идеал познания: Эмпириокритицизм и эмпириомонизм // Вопросы философии и психологии. М., 1903. № 2(67). С. 186–233.

Из психологии общества: Авторитарное мышление // Образование. СПб., 1903. № 4. С. 40–56; № 5. С. 88–105; № 6. С. 15–34.

Новое средневековье // Образование. СПб., 1903. № 3. С. 1–28.

1904

Из психологии общества (Статьи 1901–1904 гг.). СПб., 1904. 215 с.

Либералы и социалисты. Женева: РСДРП, 1904. 31 с.

Либеральные программы. Женева: РСДРП, 1904. 28 с.

Наши недоразумения. Женева: РСДРП, 1904. 91 с. (псевдоним Рядовой, в соавт. с М. С. Ольминским, псевдоним Галерка).

Общество правовое и общество трудовое // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1904. С. 551–583; 2-е изд. СПб., 1905. С. 543–574 (псевдоним Н. Корсак).

О пользе знания // Правда. М., 1904. № 1. С. 112–114.

О социализме // Рассвет. СПб., 1904. № 8–9. С. 192–199 (псевдоним Рядовой).

Отзвуки минувшего. Рецензия на кн.: Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1904 // Образование. СПб., 1904. № 1. С. 50–71.

Проклятые вопросы философии // Правда. М., 1904. № 12. С. 240–252.

Психический подбор: Эмпириомонизм в учении о психике // Вопросы философии и психологии. М., 1904. № 3(73). С. 335–379; № 4(74). С. 485–519.

Собирание человека // Правда. М., 1904. № 4. С. 158–175.

Рецензия на кн.: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. Вып. 1. М., 1903 // Образование. СПб., 1904. № 3. С. 161–163.

Эмпириомонизм: статьи по философии. Кн. I. М., 1904. 184 с.

1905

Куда идет развитие общества. СПб., 1905. 16 с.

Либерализм и демократизм. М., 1905. 31 с.

Цели и нормы жизни // Образование. СПб., 1905. № 7. С. 265–298.

Эмпириомонизм. Кн. II. М., 1905. 169 с.

1906

Из психологии общества (Статьи 1901–1904 гг.). 2-е изд., доп. СПб., 1906. 282 с.

Из словаря иностранных слов: Социализация // Эхо. М., 1906. № 5. С. 2–3.

Как надо готовиться к новой Государственной думе // Вперед. М., 1906. № 6. С. 1–2.

Революция и философия // Образование. СПб., 1906. № 2. С. 54–63.

Словарь иностранных слов: 1. Кадеты; 2. Конституционные иллюзии // Вперед. 1906. № 7. С. 2–3.

Что такое либералы? Одесса, 1906. 22 с.

Эмпириомонизм. Кн. III. М., 1906. 159 с.

1907

Открытое письмо тов. Плеханову // Вестник жизни. М., 1907. № 7. С. 46–51.

Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха // Мах Э. Анализ ощущений и отношений физического к психическому. Скирмунт, 1907. С. III–XII.

Что такое либералы? СПб., 1907. 28 с.

1908

Красная звезда. Роман-утопия. СПб., 1908. 156 с.

К характеристике философии пролетариата // Радуга. СПб., 1908. № 4. С. 88–112.

Приключения одной философской школы. СПб., 1908. 66 с.

Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 215–242.

1909

Вопрос о границах познания. СПб., 1909. С. 1–13.

1910

Курс политической экономии. СПб.; М., 1910–1919. Т. 1–2; Т. 1. СПб., 1910; Т. 2. Вып. 1. М.; Пг., 1920. 218 с.; Т. 2. Вып. 2. М.; Пг.; 1919. 212 с.; Т. 2. Вып. 4. М.; Пг., 1919. 208 с. (в соавт. с Н. М. Степановым).

Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). СПб., 1910. 223 с.

Пролетариат в борьбе за социализм // Вперед. Париж, 1910. № 1. С. 1–6.

1911

Культурные задачи нашего времени. СПб., 1911. 92 с.

1912

Инженер Мэнни. Фантастический роман. СПб., 1912 (1913). 150 с.

1913

Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. I. СПб., 1913. 255 с.

Между человеком и машиной (О системе Тэйлора). СПб., 1913. 13 с.

Тайна науки // Современник. СПб., 1913. № 8. С. 161—182.

Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб., 1913. 272 с.

1914

Введение в политическую экономию (В вопросах и ответах). СПб., 1914. 128 с.

Капитал // Рабочий труд. М., 1914. № 2. С. 2—6.

Карл Маркс // Рабочий труд. М., 1914. № 1. С. 2—6.

Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1914. 199 с.

Памяти великого учителя К. Маркса. Тифлис, 1914. 8 с.

Роль коллектива в истории. Тифлис, 1914. 16 с.

1916

Мировые кризисы // Летопись. Пг., 1916. № 3. С. 139—163; № 4. С. 133—153; № 5. С. 113—124, 214—223.

1917

Введение в политическую экономию (В вопросах и ответах). 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. 152 с.

Всеобщая организационная наука (Тектология). Т. 2. М., 1917. 153 с.

Задачи рабочих в революции. М., 1917. 22 с.; 2-е и 3-е изд. М., 1917; Пенза, 1917. 30 с.

О социализме // Красный подарок солдату. М., 1917. 23 с.

Путь к социализму // Красный подарок солдату. М., 1917. 30 с.

1918

Вопросы социализма. М., 1918. 104 с.

Идеал воспитания // Пролетарская культура. М., 1918. № 2. С. 15—18.

Инженер Мэнни: Фантастический роман. 2-е изд. М., 1918. 143 с.

Искусство и рабочий класс. М., 1918. 79 с.

Красная звезда (Роман-утопия). Пг., 1918. 144 с.

Куда идет развитие общества. Вятка, 1918. 220 с. (псевдоним Вернер Н.).

Курс политической экономии. 2-е изд. Т. 1–2. М.; Л., 1918–1926; Т. 1. М., 1918. 351 с.; Т. 2. Вып. 1. М.; Л., 1926. 188 с.; Т. 2. Вып. 4. М.; Пг., 1923. 308 с. (в соавт. с И. И. Степановым).

Между человеком и машиной (О системе Тэйлора). 2-е изд., перераб. М., 1918. 15 с.

Методы труда и методы познания // Пролетарская культура. М., 1918. № 4. С. 3–13.

Наука и пролетариат // Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций. М., 1918. С. 31–36 (докл.), 40–42 (закл. слово).

Наука об общественном сознании (краткий курс идеологии науки в вопросах и ответах). 2-е изд. М., 1918. 199 с.; 3-е изд. М., 1923. 313 с.

Начальный курс политической экономии (Введение в политическую экономию в вопросах и ответах). М., 1918. 201 с.; Стереотипные переиздания: 1918 – Казань, Ташкент; 1920 – Тюмень, Кинешма; 1921 – Харьков, Екатеринослав; 1923 – Рязань, Саратов; 2-е изд., доп. М., 1918. 119 с.; 3-е изд. М., 1920. 136 с.

Памяти великого учителя: Маркс и его дело // Сборник памяти Карла Маркса. Вып. 1. М., 1918. С. 3–8.

Пролетариат и искусство // Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций. М., 1918. С. 72–80.

Пролетарский университет // Пролетарская культура. М., 1918. № 5. С. 9–22.

Рабочая кооперация и социализм // Рабочий мир. М., 1918. № 1. С. 4–6.

Социализм науки. М., 1918. 104 с.

Что такое пролетарская поэзия // Пролетарская культура. 1918. № 1. С. 12–22.

1919

О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. М., 1919. № 9–10. С. 46–52.

Очерки организационной науки // Пролетарская культура. М., 1919. № 7–8. С. 8–29; № 9–10. С. 5–20; № 11–12. С. 10–26; 1920. № 13–14. С. 16–43; № 15–16. С. 6–38; № 17–19. С. 6–32; 1921. № 20–21. С. 3–19.

1920

Краткий курс экономической науки. 10-е изд., вновь перераб. и доп. Ш. М. Дволайцким при участии автора. М., 1920. 318 с.; Стереотип-

ные переиздания: 1922 — Курск, Петроград, Москва, Новгород, Харьков; 1923 — Москва, Петроград, Харьков.

Философия живого опыта: Популярные очерки. Материализм. Эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. 2-е изд. М., 1920. 256 с.; 3-е изд. 1923. 347 с.

Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М., 1920. 96 с.

1921

Организационные принципы единого хозяйственного плана // Вестник труда. М., 1921. № 4—5. С. 40—45.

Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921. 332 с.

1922

Введение в политическую экономию (В вопросах и ответах). Архангельск, 1922. 31 с. (на правах рукописи).

Версальское устроительство // Вестник Социалистической академии. М., 1922. № 1. С. 106—131, 146—153.

Развитие обмена (В вопросах и ответах). Архангельск, 1922. 22 с.

Тектология: Всеобщая организационная наука. Ч. 1 и 2. 2-е изд., заново перераб. и доп.; Ч. 3 (1-е изд.). Берлин; Пг.; М., 1922. 530 с.

Теория капитализма. М., 1922. 21 с.

1923

Имела ли партия Центральный Комитет в 1905—1907 гг. // Пятый съезд партии (Лондонский). М., 1923. С. 139—156 (псевдоним Максимов).

Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. М., 1923. № 3. С. 26—27.

Мое пребывание в Туле // Революционное былое. Тула, 1923. № 2. С. 16—18.

Натуральное хозяйство. Первобытный родовой коммунизм. Авторитарная родовая община. Феодальное общество; Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестник Социалистической академии. М., 1923. № 4. С. 272—284.

Принцип относительности с организационной точки зрения // Теория относительности и ее философские истолкователи. М., 1923. С. 101—122.

Учение об аналогиях // Вестник Социалистической академии. Кн. II. М., 1923. С. 78—97.

1924

Красная звезда. Роман-утопия. Марсианин, заброшенный на Землю. О верных формах жизни будущего общества. 6-е изд. М.; Л., 1924. 159 с.

Краткий курс экономической науки. 15-е изд., вторично перераб. и доп. Ш. М. Дволайцким при участии автора. М., 1924. 364 с.

Начальный курс политической экономии (Введение в полит. экономию в ответах). 11-е изд., вновь перераб. и доп. Л., 1924. 136 с.

Неразрывность формы и содержания в искусстве // Искусство и литература в марксистском освещении. Ч. 1. М., 1924. С. 124—125.

Об основном историзме политической экономии (Письмо в редакцию) // Вестник Социалистической академии. М., 1924. № 9. С. 398—400.

Объективное понимание принципа относительности (методол. Тезисы) // Вестник Коммунистической академии. М., 1924. № 8. С. 332—400.

1925

Всеобщая организационная наука: Тектолотия. Ч. 1. 3-е изд., заново перераб. и доп. М., 1925. 300 с.

Курс политической экономии. 3-е изд. М., 1925. Т. 2. Вып. 4: Общая теория капитализма. Коллективистский строй. 306 с. (в соавт. с И. И. Степановым).

О пролетарской культуре: 1904—1924. Л.; М., 1925. 344 с.

Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической академии. М., 1925. № 10. С. 67—96.

1927

Борьба за жизнеспособность. М., 1927.

Всеобщая организационная наука: Тектолотия. Ч. 2. 3-е изд. заново перераб. и доп. М.; Л., 1927. 268 с.

Год работы Института переливания крови. М., 1927.

Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. М., 1927. № 21. С. 244—263, 282—290.

1929

Всеобщая организационная наука: Тектология. Ч. 3. 3-е изд., заново перераб. и доп. М., 1929. 230 с.

Красная звезда. Роман-утопия. Л., 1929. 192 с.

1933

Пролетариат и искусство. Тезисы доклада. Наука и рабочий класс. Тезисы докладов // Советское искусство за 15 лет. М.; Л., 1933. С. 187, 189—192.

1934

Письма В. И. Ленину и Н. К. Крупской // Партия в революции 1905 года. М., 1934. С. 150–151, 155–157, 169–173, 177–178, 182.

1959

Доклад Оргкомитета от Бюро комитетов большевиков. Содоклад по вопросу о вооруженном восстании. Доклад по вопросу об отношении рабочих и интеллигенции в социал-демократических ассоциациях. Доклад по организационному вопросу (об Уставе партии). Резолюция о материальной поддержке партии. Резолюция Ленина и Максимова об отношении рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях. Резолюция Ленина и Максимова об отколовшейся части партии // Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 11–15, 106–114, 253–255, 269–275, 304–305, 326–327, 337 (псевдоним Максимов).

1963

Об отношении к буржуазным партиям // Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: апрель – май 1907. Протоколы. М., 1963. С. 374–383, 437–442 (псевдоним Максимов).

Содоклад по отчету ЦК. Речь по поводу отчета думской фракции // V (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 107–118, 172–175, 284–288 (псевдоним Максимов).

1979

Красная звезда // Вечное солнце. М., 1979. С. 248–379.

1981

Пролетариат и искусство // Русская советская литературная критика (1917–1934). М., 1981. С. 26–27.

1986

Красная звезда // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 200–305.

Красная звезда // Русская фантастическая проза XVIII – начала XX века. М., 1986. 704 с.

1989

Тектология. Всеобщая организационная наука / под ред. Л. И. Абалкина, А. Г. Аганбегяна, Д. М. Гвишиани, А. Л. Тахтаджяна, А. А. Малиновского. М., 1989. Кн. 1. 304 с.; Кн. 2. 351 с.

1990

Богданов А. Красная звезда. Инженер Мэнни; Б. Лавренёв: Крушение республики Итль. М., 1990. 489 с.

Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. 479 с.

1991

Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12.

1995

Неизвестный Богданов: В 3 кн. М., 1995. Кн. 1. 249 с. Кн. 2. 283 с. Кн. 3. 242 с.

1999

Познание с исторической точки зрения. Избранные психологические труды. М., 1999. 475 с.

2003

От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 110—120.

Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 2003. № 1. С. 110—120.

Эмпириомонизм: Статьи по философии / отв. ред. В. Н. Садовский; послесл. В. Н. Садовского, А. Л. Андреева и М. А. Маслина. М., 2003. 400 с.

2007

Краткий курс экономической науки. М., 2007. 264 с.

2011

Курс политической экономии докапиталистической эпохи. Серия: Размышляя о марксизме. М., 2011. 345 с. (в соавт. с И. И. Скворцовым-Степановым).

2016

Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 2016. 320 с.

2019

Очерки организационной науки. Серия: Навстречу революции. М., 2019. 352 с.

Падение великого фетишизма. Серия: Навстречу революции. М., 2019. 190 с.

2020

Курс политической экономии. Кн. 2: Эпоха торгового капитала. Серия: Размышляя о марксизме. М., 2020. 190 с. (в соавт. с И. И. Скворцовым-Степановым).

Приключения одной философской школы. Полемические заметки о Г. В. Плеханове и его школе. Серия: Размышляя о марксизме. М., 2020. 72 с.

2021

Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 2021. 680 с.

Составитель М. В. Локтионов

Библиография трудов о А. А. Богданове

Абалкин Л. И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 3.

Аксельрод Л. (Ортодокс). Философские очерки. М.; Пг., 1924. 241 с.

Бердяев Н. Заметки о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. Кн. IV. № 9–10. СПб., 1902. С. 850–853.

Вайнштейн И. Тектология и тактика // Под знаменем марксизма. 1924. № 6–7. С. 90–96.

Валентинов Н. Э. Философские построения марксизма. М., 1908. 307 с.

Валентинов Н. Э. Э. Мах и марксизм. М., 1908. 118 с.

Гловели Г. Д., Пустильник С. И. Сотри случайные черты... // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 11–19.

Горцха Г. Предисловие: Стадии жизни и творчества А. А. Богданова // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М., 1995. С. 5–11.

Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. 376 с.

Досев П. Вопросы теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме» // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С. 68–79.

Записная книжка А. А. Богданова // РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 79–80.

Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. 880 с.

Кара-Мурза А. А. Александр Богданов и «Каприйская школа»: между Горьким и Лениным // Полилог / Polylogos. 2018. Т. 2. № 4. URL: http://polylog.jes.su/s258770110000071-0-1

Коргунюк Ю. Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27–38.

Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968. 440 с.

Ленин В. И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Мир Божий. СПб., 1898. № 4. С. 290.

Локтионов М. В. А. А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.

Локтионов М. В. А. А. Богданов. Путь от монизма к тектологии // Полилог / Polylogos. 2018. Т. 2. № 4.

Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М., 2018.

Локтионов М. В. Александр Богданов. Неизвестный марксизм. М., 2018. 288 с.

Локтионов М. В. Загадки «Тектологии» – книги, опередившей время // Анатомия философии: как работает текст / сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М., 2016. С. 705–724.

Локтионов М. В. Истоки русского позитивизма. Эмпириосимволизм // Полилог / Polylogos. 2019. Т. 3. № 4. URL: https://polylog.jes.su/s258770110008003–5-1/

Локтионов М. В. Исторический анализ динамики общества у Александра Богданова // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. № 11(85). URL: https://history.jes.su/s207987840005461–6-1/

Локтионов М. В. Позитивизм в контексте российской истории // Полилог/Polylogos. 2017. Т. 1. № 2. URL: https://polylog.jes.su/s258770110000022–6-1

Локтионов М. В. Эмпириокритицизм А. А. Богданова и его значение в современной науке // Философская мысль. 2016. № 12. С. 11–22.

Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. 480 с.

Луппол И. «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы истории философии // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934.

Любутин К. Н., Толмачев В. Д. Александр Богданов: от философии к тектологии. Екатеринбург, 2005. 292 с.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... свободные размышления 1917–1993. М., 1994. 488 с.

Моисеев Н. Н. Тектология А. А. Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 16–18.

Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982. 240 с.

Нарский И. С. Богданов-философ // Философские науки. 1991. № 4. С. 58–73.

Невский В. И. Диалектический материализм и философия мертвой реакции // Ленин В. И. Соч. 3-е изд. Т. XII. М., 1935. С. 5–7.

Огурцов А. П. Тектология А. А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 191–201.

Омельяновский М. Э. О физической реальности // Вопросы философии. 1971. № 1. С. 99–108.

Плютто П. А. А. А. Богданов о «военном коммунизме» // Социс. 1990. № 11. С. 147–151.

Плютто П. А. Время и люди (из архивов А. А. Богданова) // Социс. 1992. № 11. С. 133–160.

Покровский М. Н. О В. И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте Красной Профессуры 7 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 97–106.

Рахметов Н. К философии марксизма. Две статьи о русских эмпириокритиках. Женева, 1906. 78 с.

Родоначальники позитивизма. Вып. 4: Огюст Конт. СПб., 1912. 672 с.

Садовский В. Н. Эмпириомонизм Богданова: забытая глава философии науки // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 50–63.

Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / пер. с итал. О. Поповой. М., 2013. 366 с.

Степин В. С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 138–167.

Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования: Ежегодник / под ред. И. В. Блауберга. М., 1972. С. 93–102.

Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 38–50.

Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов... // Отечественные архивы. 1992. № 3. 119 с.

Шемякинский В. М. Философия и наука. Пермь, 2006. 225 с.

Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980. 416 с.

Юшкевич П. С. Столпы философской ортодоксии. СПб., 1910. 79 с.

Adams M. B. Red Star. Another Look at Alexandr Bogdanov // Slavic Review. 1989. № 48. P. 1–15.

Bailes K. A. Lenin and Bogdanov: the End of the Alliance // Cordier A. V. Columbia Essays in International Affairs. N. Y.; L., 1967. P. 98–142.

Bykova M. F. Alexander Bogdanov and His Philosophical Legacy // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 477–481.

Gorelik G. Bogdanov's "Tektology", General System Theory and Cyber-netics // Cybernetics and Systems: An International Journal. 1987. Vol. 18. № 2. P. 157–175.

Gorelik G. Bogdanov's Tektology: Its Nature, Development and Influence // Studies in Soviet Thought. 26 July 1983. P. 37–57.

Liseev I. K. From Bogdanov's Organizational Insights to the Search for a Modern Concept of Organization // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 482–491.

Loktionov M. V. Alexander Bogdanov: From Monism to Tectology // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 492–503.

Paramonov A. A. Alexander Bogdanov's Cinematography // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 534–545.

Pilyugina M. A. Man in a Changing Social Reality: Alexander Bogdanov on the Historical Process // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 504–516.

Pirozhkova S. V., Omelaenko V. V. Bogdanov's Socio-Philosophical Ideas in the Context of Social Designing Goals // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 525–533.

Rowley D. G. Bogdanov and Lenin: Epistemology and Revolution // Studies in East European Thought. 1996. Vol. 48. № 1 March. P. 1–19.

Rozin V. M. The Shaping of Design Methodology in Russia: Alexander Bogdanov and Alexander Rosenberg // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 555–569.

Scherrer J. The Cultural Hegemony of the Proletariat: The Origins of Bogdanov's Vision of Proletarian Culture // Studies in History. 1989. Vol. 5. № 2 Aug. P. 195–210.

Steila D. Die Idee der Wissenschaft bei Bogdanov und den russischen Positivisten // Alexander Bogdanov: Theoretiker für Das 20. Jahrhundert, eds. Stefan Plaggenborg and Maja Soboleva. Munich: Sagner, 2008. P. 66–79.

Veronica L. Sharova. Revolution and Utopia: Images of the Future in Alexander Bogdanov's Science Fiction // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 546–554.

Wetter G. A. Der Empiriomonismus Bogdanows // er Dialektische Materialismus. Freiburg, 1953. P. 102–110.

Yakovleva Alexandra F. On the Role of Popularizing Scientific Knowledge in Alexander Bogdanov's Socio-Political Activity // Russian Studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. № 6. P. 517–524.

Yassour A. The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plekhanov, Lenin // Studies in Soviet Thought. 1983. Vol. 26. № 1 July. P. 21–38.

Zenovia A. Sochor Revolution and culture: the Bogdanov – Lenin controversy. Cornell University Press, 1988. 258 p.

Составитель М. В. Локтионов

Псевдонимы А. А. Богданова (Малиновского)

Баталов Георгий — 1905 г.
Богданов — 1895—1928 гг.
Виноградов — 1895—1899 гг. Тула, Москва
Воробей — 1895—1899 гг. Тула
Воробьев —1905—1906 гг.
Елагин — 1905 г.
Ершов — 1896 г.
Захаров — 1905 г.
Иванов — 1903 г.
Миронов — 1905 г.
Н. Корсак — 1899 г.
Н. Максимов — 1905—1910, 1917 гг.
Н. Вернер — 1908—1909 гг.
Рахметов — 1904—1905 гг.
Рейнерт — 1905 г.
Рядовой — 1904—1905 гг.
Сергей Васильевич — 1895—1899 гг. Тула, Москва
Сильный Воложанин — 1904 г.
Сысойка — 1904—1905 гг.
Тубелис; Менкхер; Шинель — 1906—1907 гг. (паспорта)
Черепахин — 1905—1906 гг.
Шмидт — 1905 г.

Составитель М. В. Локтионов

Указатель имен

Аввакум Петров 252, 254
Авенариус Р. 23, 93, 96, 97, 159, 160, 184, 197, 360, 392, 398, 401, 413, 419
Авербах Л. 381
Аврамов Р. П. 149
Агранов Я. С. 50, 51
Аксельрод (Ортодокс) Л. И. 315
Александр III 15
Александровский В. Д. 414
Алексинская Т. И. 135, 143, 145, 147, 148,
Алексинский Г. А. 25, 26, 132, 136, 137, 139, 140, 142–144, 148, 154, 166, 363, 408, 410, 442
Алферов К. А. 136, 141, 143, 165, 166
Альбер М. 248
Альтшуллер Г. С. 331–337
Ампер А. М. 286
Амфитеатров А. В. 143, 152, 162, 163
Андреева М. Ф. 19, 143, 146–153, 162, 185, 200
Анисимов О. С. 301
Анохин П. К. 286
Антонова Н. С. 173, 379
Анфантен П. 258
Апостель Л. 88
Арапов М. 220, 221
Ариас-Вихиль М. А. 136, 141, 143, 146, 149, 151, 152, 156, 165, 385
Аристотель 274, 302
Арманд И. 403
Арнольд В. И. 284
Аронсон О. В. 128
Аршавский В. В. 257

Бабинцев И. И. 141
Бабухин А. И. 227
Бабынин Б. Н. 416
Базар С.-А. 258
Базаров (Руднев) В. А. 7, 11, 12, 23, 59, 76, 142, 147, 172–174, 182–185, 187–189, 191–196, 200, 208–210, 212, 213, 217, 235, 245, 264, 323, 339, 359, 409, 410, 434
Баллестрем К. Г. 133
Бальмонт К. 19, 152
Бассо Лелио 173
Бассо Лисли 173
Баташев И. Г. 141
Бахметьев П. 224, 227
Бахур Б. А. 300
Бейлз К. Е. 134, 316
Беклемишев В. Н. 231
Белицкая А. Я. 261
Белов Н. А. 216, 228
Белый А. 44
Бентам И. 250, 268

Берг А. И. 287
Берг Л. С. 221
Бергсон А. 187, 225, 226
Бердяев Н. А. 16, 97, 199, 257, 359, 360, 391
Беркли Дж. 179, 399
Берман Я. 323
Бернар К. 229
Бернштейн Л. 173
Берталанфи Л. фон 10, 11, 72, 88, 216, 217, 226, 281, 282, 285, 289, 296, 297, 309, 311
Бессалко П. 368
Бехтерев В. М. 251
Бибихин В. В. 302
Биггарт Дж. 134, 172, 206, 219, 316, 358
Бир С. 294, 295
Блауберг И. В. 216, 290, 292
Блок А. 44
Блюм О. В. 397
Богданова (урожд. Корсак) Н. Б. 16—18, 20, 21, 33, 53, 63, 66, 143, 151, 174, 322, 429, 431, 434, 435, 440, 442
Богомолец А. 60, 63, 64
Болдуин Дж. 231
Бонч-Бруевич В. Д. 320—322
Бор Н. 7
Бордюгов Г. А. 379
Бритиков А. Ф. 217
Бродель Ф. 276—278
Бруно Дж. 255
Брунс Ф. 263
Брю С. 276
Бубер М. 272
Бузгалин А. В. 248
Булавка Л. А. 386
Булгаков М. А. 315
Булгаков С. Н. 199, 246, 257, 359, 391
Буренин Н. Е. 150
Бухарин Н. И. 30, 55, 56, 60, 61, 64, 65, 69, 71, 205, 210, 211, 213, 214, 269, 270, 277, 378, 379
Бэйтсон Г. 75
Бючли 224—226

Вайнштейн И. 281
Валентинов Н. 319, 320, 322, 324
Валлерстайн И. 72, 277, 278
Варела Ф. 10, 79, 233
Вашингтон Дж. 250
Введенский А. И. 100
Веблен Т. 240—242, 245, 247, 248
Венгеров С. А. 196
Вернадский В. И. 168, 217, 224, 225, 231—235
Вернер Н. 223
Верткин И. М. 332, 334—336
Викентьев И. Л. 337
Вилонов Н. Е. (Заводской Михаил) 139—141, 145—148, 152, 185, 253, 267
Винер Н. 10, 88, 145, 281, 282
Виноградов В. А. 289, 290
Витязев-Седенко Ф. И. 418
Владос Х. 60
Волгин В. П. 64
Вольский С. 154
Воробьев А. 55
Воровский В. В. 19, 320, 402
Воронский А. К. 344

Галилей Г. 424
Галипп В. 232
Гантт Г. 241
Гарибальди А. В. 255
Гастев А. 200, 207, 244, 245, 257, 351, 368
Гачева А. Г. 339
Гегель Г. В. Ф. 196, 399
Гедель К. 294
Гейгер Л. 198
Гейденгайм М. 222
Гейзенберг В. 280

Гейне Г. 250
Геккель Э. 231
Гельфонд О. 323
Герасимов М. П. 200, 368, 414
Геродот Геглов
Герцен А. И. 89, 96
Гете И. 45
Гильфердинг Р. 207, 239, 277
Гинзбург Е. Л. 289, 290
Гладстон У. 250
Гловели Г. Д. 88, 89, 131, 134, 135, 157, 192, 195, 196, 211, 219, 221, 238, 256, 257, 358, 410
Гоголь Н. В. 45, 353
Голосенко И. А. 244
Гомер 274
Горбунов В. В. 384
Горелик Дж. 157, 217, 285, 286
Горин Г. 423
Горцка Г. 134, 323, 324
Горький А. М. 7, 8, 19, 23—26, 29, 30, 34, 76, 118, 132, 133, 135—137, 139—150, 152—160, 162—166, 168, 169, 174, 185, 200, 219, 225, 253, 256—258, 264, 317, 320, 339, 343, 344, 361, 402, 410, 436, 442
Грилль Д. 133, 217
Громан В. Г. 208, 212, 213
Гумилев Н. С. 44
Гуревич А. В. 419
Гурфинкель Н. 160
Гусев С. С. 106
Гэлбрейт К. 247

Данилов А. Ю. 79
Дарвин Дж. Г. 223
Дарвин Ч. 198, 248
Дауге П. Г. 64
Дволайцкий Ш. М. 48
Дворянкин А. М. 301
Микелис Ч. де 142
Деборин А. М. 212
Декарт Р. 257, 309, 418
Делез Ж. 127, 297
Десницкий (Строев) В. 144
Джеймс У. 93, 418
Дженнингс Г. 226
Дженсен К. М. 185—187
Джонс Дж. К. 304
Дзержинский Ф. Э. 50, 51
Дицген И. 392
Добротвор Н. М. 183
Домбровский И. Г. 157
Дорн А. 168
Дорофеев В. 214
Дриш Г. 226
Дроздова Н. В. 379
Друкер (Дракер) П. 248
Дубровинский И. Ф. 21
Дьюи Дж. 93
Дьяков И. Н. 416
Дэвид-Фокс М. 137

Ерманский О. 208, 245
Ермолаев И. Е. 253
Есенин С. А. 45, 355
Ефремов И. А. 227

Жорес Ж. 23, 255

Заварзин Г. А. 232
Замятин Е. И. 102
Зелены М. 218, 219, 233
Землячка Р. С. 18
Зернов С. А. 229
Зиновьев Г. Е. 21, 34, 36, 49, 205, 329
Золотарев А. А. 156—158, 162, 168—170
Зомбарт В. 236

Иваницкий П. И. 416
Иванов Вяч. И. 44
Иванов С. М. 257
Иванюков И. И. 195
Игумнов Н. В. 256
Ильенков Э. В. 199, 256
Ильин И. А. 315

Иоанисиани А. З. 257

Казаринов М. Ю. 300
Казин В. В. 414
Казнина О. А. 339
Калинин Ф. И. 141, 154, 200, 368, 409
Каменев Л. Б. 15, 21, 36, 49, 205, 408
Каменский В. М. 143, 162
Камо (Тер-Петросян) С. А. 21
Кан И. А. 192
Кант И. 103, 104, 107, 108, 110, 179, 315
Кара-Мурза А. А. 385
Карпов В. П. 222, 227, 228
Карышев Н. А. 195
Кассирер Э. 93
Кастельс М. 279
Каутский К. 142
Кашкаров Д. Н. 229—231, 235, 283
Квинке Г. Г. 225
Кейнс Дж. М. 47, 388
Кеннон У. 229
Керженцев П. М. 368
Киреевский И. В. 96
Кириллов В. Т. 42, 351, 353, 369, 414
Кистяковский Б. А. 360
Клебанер В. С. 173, 174, 183, 191
Клюев Н. А. 45, 355
Ключевский В. О. 15
Кобден Дж. 269
Козырев Н. Н. 141, 145
Колганов А. И. 248
Колдомасов Л. И. 62, 63, 67—69
Колмогоров А. Н. 293
Кольцов Н. К. 222
Комаровская М. А. 429
Комисарук Д. З. 68
Кондратьев Н. Д. 210, 212
Коновалов А. И. 200
Конт О. 268
Кончаловский М. П. 60, 63
Кончаловский П. П. 60
Коржибский А. 75
Корсаков С. Н. 417
Косарев В. М. 135, 141, 142, 144, 145, 200
Косолапов 64
Котарбиньский Т. 215
Красин Л. Б. 19, 21, 39, 46, 53, 54
Кремянский В. И. 235
Кречмер Э. 249
Кржижановский Г. М. 208
Кропоткин П. А. 202, 274, 438
Крупская Н. К. 21, 22, 59, 66, 322, 404, 432, 440
Кун Т. 5

Лавлок Дж. 219, 232, 233
Лавров П. Л. 202, 424
Ладыжников И. П. 150
Лазарев П. П. 212
Лазурский А. Ф. 251
Ланге А. 424
Лапина И. А. 386
Лебедев-Полянский П. И. 44, 45, 64, 368, 413
Левин К. 10
Ле-Дантек Ф. 223—226
Ледюк С. 224, 225, 235
Лейбниц Г. В. 78, 257
Лейтензен М. Г. 202
Лейтензен-Линдов Г. Д. 202, 322
Лекторский В. А. 85, 287
Леманн О. 224, 227
Ленин В. И. 6-8, 14—26, 29, 30, 33—37, 39—42, 45, 47, 52, 56, 58, 65, 76, 77, 95, 117, 132, 133, 138, 139, 142, 145—148, 150, 155, 157, 159, 165—167, 172, 199—201, 204—207, 210, 211, 214, 219, 244, 253, 255, 257, 258, 264, 269, 270, 314—330, 349, 359, 361, 362, 369, 382—385, 388, 391, 396—410, 412, 413, 415, 435, 436, 440, 442
Лепешинский П. Н. 64, 65, 67, 69

Лермонтов М. Ю. 45, 353
Ле Шателье А. 223, 225, 229, 230
Либих Ю. 238, 292
Лившиц С. А. 135
Линкольн А. 250
Литвинов (Валлах М.-Г.) М. М. 18
Лихтендштадт В. 206
Лобанов М. И. 141,
Локтионов М. И. 13, 280, 316, 317, 324, 388, 394, 443
Лопухин М. М. 295
Лосев А. Ф. 416
Лосский Н. О. 98
Лотка А. 229
Лоуэлл П. 29, 30
Лукьянов С. М. 226
Луман Н. 78
Луначарская (Малиновская) А. А. 15, 136, 141, 146, 149—151, 153, 154, 157, 429
Луначарский А. В. 7, 16, 18, 23, 25, 26, 30, 39, 44, 45, 64, 65, 76, 132, 135—137, 139, 142—144, 146—150, 152, 153, 156—158, 161, 163, 170, 179, 180, 183, 185, 196—200, 204, 219, 255—258, 261, 318—320, 323, 325, 339, 340, 343, 349, 359, 361, 368, 380, 393, 401, 409, 410, 414, 416, 419, 429, 436, 440, 442
Лурия А. Р. 221
Луценко А.В. 319, 324
Лушман А. М. 141
Люксембург Р. 21, 142
Люшвин В. Е. 141, 145
Лядов М. Н. 144

Майер Р. 198
Макконнелл К. 276
Маклаков Н. А. 408
Малинин Д. И. 183
Малиновская Е. К. 154
Малиновская М. А. 429
Малиновская Н. А. 439
Малиновская О. А. 429, 431
Малиновский А. А. (отец) 15, 429, 431, 434
Малиновский А. А. (правнук) 428, 432, 433
Малиновский А. А. (сын) 33, 35, 59, 63, 68, 216, 222, 266, 428, 433, 434, 437—440
Малиновский А. С. 428
Малиновский Н. А. 429
Малиновский Р. В. 34
Малиновский С. А. 429
Малолетков С. Л. 57, 266
Мандевиль Б. 270, 272
Мануильский Д. 25
Маргулис Л. 232—234
Маркс К. 11, 31, 35, 37, 49, 88, 97, 140, 142, 158, 161, 195, 197, 201, 212, 236, 248, 258, 263, 264, 269, 275, 326, 327, 359, 370, 394—396, 399, 400, 420, 424, 425
Мартов (Цедербаум) Ю. 15, 36, 201
Маршалл А. 271
Маслов С. Ю. 257, 258
Маслоу А. 272, 274
Матонин Н. В. 14, 43, 50, 53, 54, 63
Маттесич Р. 157, 217, 285
Матурана У. 10, 79, 233
Мах Э. 6, 23, 93, 159, 160, 179, 184, 197, 199, 360, 392, 398, 399, 401, 413, 436
Маширов-Самобытник А. И. 351
Маяковский В. В. 45, 330
Мгебров А. А. 204
Мебиус К. 229
Медников Б. М. 229
Мейер М. В. 168
Мельников А. А. 440
Менделеев Д. И. 168, 217
Менжинская В. Р. 323
Менжинский В. Р. 25, 26
Месарович М. 288
Мечников И. И. 262, 438
Мечников Л. И. 438

Мечникова А. В. 436–438
Мизес Л. фон 272
Микелис Ч. Де 142
Милютин (Павлов) В. П. 205, 256
Минский Н. М. 19
Митчелл У. К. 275
Митчерлих Э. 292
Михель Д. В. 267
Михельс Р. 239
Моисеев Н. Н. 217, 281, 286
Морозов С. Т. 19
Морозова А. Ю. 314, 327
Московская Д. С. 170
Мур Дж. 93
Мюллер М. 198, 222

Нагаока Х. 223
Наседкин В. 221
Невский (Кривобоков) В. 205, 413
Некрасов Н. А. 45, 353
Немилов А. В. 222, 225
Никитин Е. Н. 157, 159
Никитина О. Е. 431
Николай II 35
Ницще Ф. 114, 161, 162
Новиков Б. К. 301
Новоселов В. И. 227, 249
Нуаре Л. 115, 198, 273
Ньютон И. 257

Огановский Н. П. 212, 238
Огурцов А. П. 283
Одесский М. Д. 263, 265
Оксенов И. А. 222
Оливер П. Л. 46
Ольминский М. С. 19
Орджоникидзе Г. К. 34
Осинский В. В. 207
Оствальд В. Ф. 99, 159, 169
Оуэн Р. 202, 268

Павлова Л. 33
Панкратов И. И. 136, 141, 145, 166, 167
Паннекук А. 317
Парамонов А. А. 117, 118, 125
Парето В. 271, 280, 289
Парменид 111
Паскаль Б. 257
Пашуканис Е. Б. 64
Первушин А. И. 266
Перехуда К. 218
Перру Ф. 276
Петровская Е. В. 119
Петрушенко Л. А. 229
Пешкова Е. П. 150
Пиацци Дж. 168
Пилюгина М. А. 371, 386
Писарев Д. И. 195
Плаггенборг Ш. 93, 94
Платон 286
Плеве В. 18
Плетнев В. Ф. 63, 380, 381, 383
Плеханов Г. В. 17, 36, 48, 74, 99, 142, 161, 176, 179, 180, 184, 196, 197, 199, 264, 318, 320, 322, 325, 359, 362, 392–397, 399, 402, 424
Плютто П. А. 134, 135, 318
Покровский М. Н. 25, 64, 142, 144, 404, 410
Полетаев Н. Г. 407
Полетаев П. Т. 414
Половинкин А. И. 301
Полонский В. П. 381, 382
Попков В. В. 71, 219
Попов П. С. 416
Потресов А. Н. 201
Правдухин В. П. 351
Пребиш Р. 277
Предтеченский Е. А. 263
Пригожин И. Р. 72, 233, 281
Пуанкаре А. 93, 288
Пуришев Б. И. 161
Пустильник С. И. 410
Пушкин А. С. 45, 163, 353, 426
Пятницкий К. П. 136, 150, 344

Раецкий С. С. 208
Разломалин Д. В. 183

Рамонов (Бызыго) Е. Д. 60, 61
Рассел Б. 93
Рахимбеков Р. У. 231
Резерфорд Э. 223
Рейган Р. 219
Ремизов А. М. 16, 253, 360
Рикардо Д. 268
Рильке Р.-М. 303, 304
Робертсон Т. Б. 209
Рожков Н. А. 200
Розанов В. В. 439
Романов А. С. 141, 145
Романов И. И. 430
Романова Л. 430, 438
Рорти Р. 101
Ротенберг В. С. 257
Румблер Л. 224, 225
Румянцев П. П. 360
Русанов В. А. 194
Рыбас А. Е. 86
Рыков А. И. 18, 69
Рынин Н. А. 202
Рюриков Ю. Б. 217
Рязанов Д. Б. 268

Савельев И. 15, 266
Савельев С. В. 256
Савинков Б. В. 16, 360
Садовский В. Н. 73, 85—87, 91, 172, 216, 287, 297
Сафаров Г. И. 403
Северянин И. 45
Седлачек Й. 270
Седов Е. А. 295, 296
Семашко Н. А. 54—56, 60, 61, 64
Семенова С. Г. 339, 356
Сен-Симон А. 221, 268
Сетров М. И. 216, 296
Сеченов И. М. 195
Сидорин В. В. 371, 417
Сидоров А. А. 234
Симонов П. В. 256
Склодовская-Кюри М. 255
Скворцов-Степанов И. И. 11, 76, 183, 195, 196, 200, 203, 204, 206, 253, 359
Скуратов Б. М. 128
Слабинский В. Ю. 251
Славатинский А. С. 50, 51
Смирнов Д. В. 434
Смирнов И. 430
Смирнова А. И. 33, 62, 266, 429—431, 435, 437
Смирнова Н. А. 434
Смирнова П. И. 430
Смирнова С. В. 434
Смит А. 267—270, 275
Соболев А. Н. 301
Соболев И. И. 196
Соболева М. Е. 95, 173
Созонов Е. 18
Соловьев В. С. 98, 100, 114, 226
Сохор З. 134, 218, 363, 369, 370
Спасокукоцкий С. 60
Спенсер Г. 161, 268, 290, 422
Спенсер-Браун Дж. 74
Спиноза Б. 161, 206, 255, 399
Спиридонова Л. А. 157
Сталин И. В. 15, 34, 49, 55—57, 60, 61, 133, 210, 213, 214, 247, 255
Станчинский В. В. 283
Старцев В. И. 200
Стейла Д. 134, 135, 140, 146, 154, 157, 172, 173, 176, 183, 185, 187, 360
Степанов С. 254, 264
Стокер Б. 28, 263
Страда В. 134, 157
Стриндберг А. 169
Струве П. Б. 201
Струмилин С. Г. 208, 210, 217
Суворов С. А. 323
Сукачев В. Н. 168, 283
Сусилуото И. 218
Сятковский Ф. И. 141

Талиев В. И. 283
Тахтаджян А. Л. 10, 11, 216, 285, 290—292

Тейлор Ф. У. 240, 243, 244, 248
Тимирязев К. А. 195, 226
Тимофеев-Ресовский Н. В. 168
Тихонов А. Н. 288
Толстой Л. Н. 45, 194, 353
Том Р. 284
Томский М. П. 69
Тредьяковский В. К. 393
Трентовский Б. 287
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 15, 21, 40, 49, 132, 206, 349, 378, 385, 412
Туган-Барановский М. 201, 236
Тургенев И. С. 194
Тэффи (Лохвицкая Н. А.) 19

Уайт Дж. 198, 218
Уемов А. И. 217
Уильямс Р. 134, 219
Уильямсон О. 271
Ульянова М. И. 21, 59
Умов Н. А. 226
Уорд Л. Ф. 209
Урманцев Ю. А. 217
Успенский В. А. 293
Устинов Н. Ю. 141, 145
Ухтомский А. А. 274
Уэллс Г. 28

Фаддеев Т. 203
Федоров Е. С. 216, 226, 227, 283
Федоров Н. Ф. 341
Фейджин Р. И. 287
Фейербах Л. 142, 424, 425
Фет А. А. 45
Фигуровская Н. К. 135
Филиппов Б. М. 255
Фламмарион К. 263
Фохт Б. А. 416
Франк С. Л. 360
Фрейд З. 125, 248
Фриче В. М. 64, 253
Фромм Э. 272
Фуко М. 101
Фуртаду С. 277
Фурье 202

Хайдеггер М. 302
Хайек Ф. фон 272
Хакен Г. 233
Хаупт Ж. 173
Ходасевич В. Ф. 44, 152
Холл А. Д. 287
Холл Ст. 231

Цивцивадзе И. Б. 266
Циолковский К. Э. 202, 333, 440
Цирель С. 295
Цюрупа А. Д. 54

Чарушников А. И. 253
Чаянов А. В. 207
Чернышевский Н. Г. 98, 202
Черняев А. В. 386, 416, 417
Чони П. 132, 136, 141, 143, 146, 149, 151, 152, 157, 160–162, 385
Чуев Ф. И. 213
Чуковский К. И. 44

Шаляпин Ф. И. 143, 162
Шамов В. Н. 46
Шарапов Ю. П. 317, 404, 405
Шарова В. Л. 13
Шекспир У. 374
Шеррер Ю. 134, 135, 138, 139, 146, 153, 154, 157, 173, 185, 317, 318, 323, 357, 360
Шляпников А. Г. 36, 412
Шопенгауэр А. 23, 161, 179, 198
Шостром Э. 272, 274
Шпет Г. Г. 416–427
Шпителлер К. 255
Шрадер Х. 274
Шредингер Э. 280
Штейн В. М. 269
Шумпетер Й. А. 271–273, 276
Шушпанов А. Н. 331, 334

Щастный А. М. 439
Щеглов А. В. 384
Щеголев П. Е. 16
Щедрина Т. Г. 416, 417, 419, 421
Щедровицкий Г. П. 301
Щелоков О. В. 324, 325

Эйген М. 233
Эйгес В. Р. 416
Эйлер Л. 284
Эйнштейн А. 10, 280, 413
Элтон Ч. 230, 235
Энгельс Ф. 99, 121, 197, 202, 212, 236, 258, 264, 269, 318, 327, 392, 395, 396, 400, 425
Эррера А. Л. 224, 225
Эшби У. Р. 10 216, 281, 285, 292, 293

Юдин Э. Г. 216, 297
Юм Д. 399
Юрганов А. Л. 386
Юшкевич П. С. 23, 179, 323
Юшкин Н. П. 234

Яглом И. М. 257
Яковлев М. Я. 141
Яковлев Я. А. 48, 383
Ярославский Е. 414
Яссур А. 133, 147, 217, 219, 358
Яхот И. 217, 218

Akin W. E. 241
Armitage W. H. G. 241
Bailes K. A. 402
Crary J. 126
Cordier A. V. 316, 402
Di Salvo M. 140
Dudley P. 172, 219
Ehrlenspiel K. 304
Eversheim W. 304
Galbraith J. K. 389
Graaf J. de 248
Gregory S. L. 301
Fitzpatrick S. 161
Lones J. S. 301
Galbraith J. K
Holland S. 389
Kaiser D. H. 140
King F. 172, 219
Kivelson V.A. 140
Michalski M. 153
Naylor Th. H. 248
Oittinen V. 172, 176
Perechuda K. 218
Przelaskowski W. 216
Ritter G. A. 358
Rogachevskii A. 153
Takahara Y. 288
Toynbee A. 269
Wann D. 248
White J. D. 173

Сведения об авторах

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна — кандидат филологических наук, Старший научный сотрудник Архива А.М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва.

Бахур Андрей Борисович — кандидат технических наук, руководитель научно-образовательного центра, Москва.

Гловели Георгий Джемалович — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований, заведующий Сектором истории экономической мысли Института экономики РАН, профессор НИУ ВШЭ, Москва.

Локтионов Михаил Вячеславович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор ГАУГН, Москва.

Малиновский Александр Александрович (сын А. А. Богданова, 1909—1996) — доктор биологических наук.

Малиновский Александр Александрович (правнук А. А. Богданова) — филолог, писатель, Москва.

Матонин Евгений Витальевич — историк, писатель и журналист, один из постоянных авторов серии ЖЗЛ, Москва.

Морозова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» Института российской истории РАН, Москва.

Пилюгина Маргарита Алексеевна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, доцент ГАУГН, Москва.

Парамонов Андрей Альбертович — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора аналитической антропологии Института философии РАН; доцент школы философии НИУ ВШЭ, Москва.

Попков Валериан Владимирович — доктор экономических наук, директор Международного института Александра Богданова, Екатеринбург.

Рыбас Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург.

Семенова Светлана Григорьевна (1941–2014) – доктор филологических наук, литературовед, специалист по истории русской философии, автор фундаментальных трудов по тематике русского космизма.

Сидорин Владимир Витальевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

Стейла Даниэла, доктор философии, профессор университета в Турине.

Чони Паола (1963–2021), кандидат исторических наук, директор Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге.

Шарова Вероника Леонтьевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии РАН, доцент ГАУГН, Москва.

Шеррер Ютта – доктор философии, профессор. Руководитель (фр. directeur d'études) по русской истории в Высшей школе социальных наук, Париж.

Шушпанов Аркадий Николаевич – кандидат филологических наук, кинокритик, писатель, Иваново.

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор Института социально-гуманитарного образования МПГУ, Москва.

Содержание

Локтионов М. В., Шарова В. Л. От редакторов. Богданов — титан российского Возрождения 5
Матонин Е. В. «Марсианская драма». Звезда и смерть Александра Богданова 14
Попков В. В. Наука и вера Александра Богданова 71
Рыбас А. Е. Актуальность философии эмпириомонизма 86
Парамонов А. А. Мир за пределами сказанного: Синематографическая оптика в романе Александра Богданова «Красная звезда» 117
Чони П. А. А. Богданов, М. Горький, А. В. Луначарский и Каприйская школа (по материалам Архива А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и Бахметевского архива) 132
Ариас-Вихиль М. А. Богданов и Горький на Капри (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) 156
Стейла Д. От опыта к организации. Краткий обзор неопубликованных писем А. А. Богданова к В. А. Базарову. *Пер. с англ. О. В. Дворкиной* 172
Гловели Г. Д. Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А. А. Богданова 192
Локтионов М. В. А. А. Богданов как основоположник общей теории систем 280
Бахур А. Б. Идеи А. А. Богданова как основание методологии организационно-управленческого моделирования 300
Морозова А. Ю. Философские дискуссии и политическая борьба В. И. Ленина и А. А. Богданова 314
Шушпанов А. Н. О жизненной стратегии Александра Богданова: эволюция цели 331
Семенова С. Г. Идеал социализма и теория пролетарского искусства А. А. Богданова 339
Шеррер Ю. Концепция культуры Богданова: от рабочих кружков до движения Пролеткульта. *Пер. с англ. О. В. Дворкиной* 357
Пилюгина М. А., Сидорин В. В. Пролетарская культура как концепция и политическая программа А. А. Богданова: замысел, критика, реализация 371

Локтионов М. В. Опередивший время. Российские марксисты против Богданова 388
Щедрина Т. Г. Тектология vs Философия: разговор Александра Богданова и Густава Шпета 416
Малиновский А. А., сын. К нашему происхождению 428
Малиновский А. А., правнук. Из семейных преданий об Александре Богданове 433
Хроника жизни и деятельности А. А. Богданова. *Составитель М. В. Локтионов* 441
Библиография трудов А. А. Богданова. *Составитель М. В. Локтионов* 444
Библиография трудов о А. А. Богданове. *Составитель М. В. Локтионов* 454
Псевдонимы А. А. Богданова (Малиновского). *Составитель М. В. Локтионов* 459
Указатель имен 460
Сведения об авторах 469

Научное издание

Философия России первой половины XX века

Александр Александрович Богданов

Ведущий редактор *Е. Д. Щепалова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Я. Кокорева*

Подписано в печать 00.00.2021
Формат 60 × 90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79
Тел.: 8 (499) 685-15-75, 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)